

Полина Ром

Стрелка
выжить

Приятно, конечно, проснуться однажды принцессой, герцогиней, ну, или, на худой конец, дворяночкой обедневшей — путь в Золушки открыт. Но мы не ищем легких путей). Это будет дорога с самого низа. Дорога будет долгой и трудной, но ХЭ будет обязательно! Встретит ли героиня свою любовь? Обязательно, но — не сразу. Сперва ей придется осознать себя в новом мире и найти своё место.

Жизнь почти прожита. А столько еще интересного вокруг, столько не успела попробовать и сделать...

Вера Сергеевна с сожалением выключила компьютер. Шестидесят восемь лет — не шутки. Глаза уставали быстро, сухость, резь, а потом и слезы, так что больше часа и не получается посидеть. А обучающие ролики в интернете — одно из немногих развлечений, которые ей остались. Сколько сейчас всякого-разного можно делать, а материалы какие фантастические! Тут тебе и глина, и керамика, вышивки-кружева-игрушки, из пластика поделки и бисерное плетение. Удивительные заливки акриловыми красками и уроки живописи, росписи, декупажа. А мастерицы какие есть умелые! Лет бы хоть двадцать скинуть — сколько бы она всего перепробовать успела. Да хоть бы и десять лет — много, чем смогла бы заниматься. А сейчас уже и зрение подводило, да и руки тонкую работу не сделают.

Всю жизнь она проработала в школе учителем труда. Вела кружки для девочек и учила их создавать что то свое, новое, из ниток, ткани, бусин, обрезков и обломков. Шить, вышивать, вязать и плести бисером. Раньше она любила в свободное время руки занять красивой работой. Да и с чтением проблемы уже, тоже больше часа не получалось с книжкой посидеть. Вот и приходилось дробить день на маленькие кусочки, час на развлечения — час отвлечься, что то по дому сделать или там погулять.

Так то жизнь её совсем не плохо прошла, грех жаловаться. И руками приходилось делать не мало, и шить-вышивать, и сад-огород держать, и выживать в 90, когда из одного топора и суп, и кашу, и компот готовить ухитрялась. Многому она успела научиться то, а вот все кажется — еще бы что то освоила, для себя, для души.

Мужа она схоронила почти шестнадцать лет назад, дочь, поздняя, любимая и вымоленная, шутка ли — в тридцать шесть лет родила, давным давно, еще в студенческие годы, переехала с мужем в Канаду. И устроились хорошо, и работа там у них, уже и гражданство получили. Внуков-близнецов видит Вера Сергеевна раз в месяц по скайпу. Они и по русски то с акцентом говорят, ну, да не важно, были бы здоровы и счастливы. И то правда, вот грех жаловаться. Иришка, хоть и отдалилась от неё, и близости той, давнишней, домашней и женской, давно уже нет, но маму любит, не бросает, подкидывает денег и лекарства хорошие. Да и к себе жить звали, и зять, Витенька, славный парень — тоже приглашал, но не лежит у неё душа к чужбине. Один то раз съездила, посмотрела, но всё чужое, все не так. Нет уж, здесь родилась, здесь и в землю ляжет. Так что все у нее хорошо. А вот сейчас в магазин ходит, купит, чего там не хватает в холодильнике, и хлеба, хлеба нужно не забыть, ужин нехитрый состряпает — и можно еще часок будет посмотреть, как мастера современные сейчас работают. Очень ей нравился канал один, с лепкой, холодный фарфор называется. Лепила ведь раньше из соленого теста, но тут работа потоньше, поизящнее. Не сделать самой — так хоть полюбоваться.

Погода была слякотная и мерзкая, вот перелом старый ныл и нудил. Слегка прихрамывая она дошла до перехода и остановилась. Скользко нынче, лучше подождать, пока все машины проедут.

Рядом остановилась стайка подростков, лет по четырнадцать-пятнадцать парням, уже и пушок у некоторых пробивается. А все равно — дети еще, смеются, толкаются, голоса

ломкие.

Она так и не заметила, кто именно из ребят врезался в нее. Падая прямо под колеса автобуса только и успела подумать — "Вот и сходила за хлебушком".

Глава 1

Пробуждение было не самое приятное. Головная боль, сухость во рту жуткая, ломота. Кажется, болело все, что может болеть и еще немного то, что не может. На глазах лежала тяжелая влажная тряпка. И запахи... Очень странные запахи. Пахло дымом. Пахло какой-то кислятиной и невымытым телом. Сыростью и, почему-то, морскими водорослями. Вера Сергеевна с трудом подняла руку и потянула тряпку. Свет резанул глаза. Проморгавшись и сделав несколько попыток сесть, она поняла, что ничего не понимает.

Сидеть было тяжело, но нужно же было понять, где она. Живая — это хорошо, боль в теле — это, наверное, от автобуса. Хотя тогда ей показалось, что ее переехало колесами, она даже помнила хруст ребер и какую-то запредельную боль, но ведь пришла же в сознание. Значит ее просто успели объехать, а тело болит от падения. Но вот место, в котором она находится — оно вообще ни на что не похоже. Бомжатник какой-то. Машинально пошарила у изголовья, пытаясь нащупать очки.

Так странно, но, вроде как, и без очков видит почти нормально. Даже лучше, чем в них. Еще раз потерев кулаками глаза, она убедилась, что просто отлично видит. Только вот кулаки не её. Эти тощие исцарапанные руки не могли принадлежать пенсионерке. Да такой тощей она даже в детстве не была. Господи боже, да руки эти — детские. Костлявые детские запястья, кожа в цыпках и царапинах. Так и не успев толком осмотреться, она закрыла глаза. Сил не было от слова — совсем.

— Я еще немножко посплю, а потом осмотрюсь. Я все решу и все пойму, только потом — думала она погружаясь в темные дебри сна.

Где-то рядом немилосердно драл глотку петух. Петух в городе-миллионнике — это нонсенс.

— Наверное, кто-то на будильник в телефоне себе такой вопль записал — мысли ползли лениво и как-то не желали обретать ясность. И очень не хотелось открывать глаза. Просто лежала и вслушивалась в ощущения. То ли сон дурацкий привидился, то ли что... Лежать было не слишком удобно, если честно. Да и жажда мучала. Запахи... Очень странные и непривычные, но те самые, что ей приснились. Или, все же нет? Не приснились? И тонкие руки подростка, которыми она терла глаза — тоже не сон?

Трусом она никогда не была и врать себе не собиралась. Но, чем больше лежала так — тем страшнее ей становилось. Не открывая глаз, подняла руку и дотронулась до лица.

Нет морщин, кожа плотная и упругая. И волосы, волосы длиннее. Сама она уже много лет раз в месяц ходила к Любаше, проверенному жизнью мастеру и равняла стрижку, довольно короткую. А тут длинна не слишком понятна, но явно ниже плеч. И колтуны. И запах сырости, дыма, моря...

При движении мышцы отзывались болью. Не слишком сильной, но вполне ощутимой. Поворочавшись еще немного Вера Сергеевна решительно села, так и не открыв глаз. Если долго лежала — лучше не делать резких движений, а то голова закружится.

— Вот еще минуточку посижу и открою. Только одну минуточку, ну, может чуть больше... Так, все, до трех... И раз, и два, и три...

Комната напоминала сарай. Большой каменный сарай с земляным полом и соломенной крышей. Потолка не было. Одно маленькое окно было затянуто чем-то вроде грязной полиэтиленовой пленки. А светила лампа дневного света. Нет, не лампа. Непонятно, что это

за прямоугольник, но светил именно он. И свет такой мерзкий, голубоватый, так что руки собственные кажутся серыми, как у покойника. Сбросив тяжелую пыльную тряпку, больше похожую на половик, а не на одеяло, Вера Сергеевна решительно опустила ноги с кровати, непривычно низкой и без белья. Скорее даже не кровать, а прямоугольная коробка из грубых, плохо струганых досок. Вместо матраса внутрь коробки уложены мешки, набитые чем то грубым и жестким. Не опилки, конечно, но не сильно лучше. Пол ледяной и влажный. На ней — рубаха до середины икр. Ну, почти как смирительная, только рукава всего до локтя. Горловина просто собрана на грубый шнурок. И ткань странная — похоже на грубый, редкого плетения шёлк. Белья на теле нет. Встав на слабые ноги Вера Сергеевна закрыла глаза и переждала момент головокружения. Нужно найти воду и туалет. Остальное — потом.

В комнате две двери. Вот эта, у окна — вроде как должна вести на улицу. Значит, её и нужно открыть. Вряд ли в сарае есть туалет и умывальник. Чуть пошатываясь Вера Сергеевна подошла и толкнула дверь. Сельский двор, грязный, затоптанный. Похоже, что помои выливают прямо с крыльца. На утопанной земле видно, как плескали из ведра. Да и крыльца, как такового, нет. Просто довольно большая каменная плита. По двору бродит несколько кур и тот самый петух, который орал. Черный, как смоль, красивый. С ярко-алым налитым гребнем. А куры — самые обычные, рыжеватые и пестрые. А вот ограда — странная, высокий кустарник, чуть выше полутора метров, если на глазок определять, такой плотный, что курам не выскочить, листья мелкие и не зеленые, а сизоватые. Во дворе, на не слишком густой траве отчетливо видны проплешины, похоже — тропинка. И в кустах сделано что-то вроде калитки из прутьев. Слышно, как где-то рядом шумит вода. Наверно здесь недалеко — колонка. А вот туалета не видно. Голову немного кружило, но Вера Сергеевна решительно двинулась на шум воды.

Отошла она от дома метров десять, не больше, когда поняла — все. В туалет нужно прямо сейчас. Ну и плевать, плотный кустарник загораживал со всех сторон.

Ходили по тропке не слишком часто, местами она зарастала, ветки кустарника цеплялись за рубаху. Хорошо хоть не колючие они. Раздвинув очередные сплетенные ветки Вера Сергеевна оторопела. Это был водопад. Самый настоящий природный водопад. Не очень высокий, вода падала метров с трех, узкий поток разбитый на несколько еще более узких, ширина общая — ну может метр, да и не слишком мощный. Вода выбила углубление, что то вроде крошечного озера, но так красиво — каждый камушек на дне видно. А вода — холодная. Ну, умыться и, наконец-то, попить — вполне можно.

Освежилась. Стало полегче. Присела на камень чуть в стороне от воды. Хорошо бы привести мысли в порядок.

— Если я с ума не сошла, то я в другом теле. Я, Соколова Вера Сергеевна, очнулась в теле ребенка. Пубертатный период. Бред конечно, но думать о том, что сошла с ума я не стану. Слишком все вокруг реально. У девочки только пробивается первый пушок на теле. Ну, то есть, это у меня пробивается. Это я живу в какой то дикой деревне. И даже не знаю, как меня зовут. Я должна молчать-молчать-молчать о том, что случилось, иначе меня точно отправят в дурку. Это — самое главное. Когда я очнулась, на лице была тряпка. Наверное — компресс. Значит девочка болела. Нет, не девочка, я — болела. Я болела сильно и теперь ничего не помню. Я никогда не смогу никому доказать, что я пожилая женщина. Мне нужно вернуться в дом и... Господи, надеюсь это все на самом деле, а не галлюцинации. И что делать то? Ну вернусь, а у девочки есть родители или родственники? А если догадаются? Да нет, такое даже в бреду не придумать... А ведь поясница не болит и ногу не ломит.

Перелома-то не было. Что за ерунда в голову лезет, нужно решить, что делать...

Метаться слишком долго Вера не стала. Тут и выбора особенно не было. На улице не слишком жарко, одежды-обуви никакой, так что приняв здравое решение осмотреть получше дом и постараться понять, что это за село и, если что, сослаться на потерю памяти и плохое самочувствие, она довольно бодро отправилась назад.

Глава 2

В доме, после уличной прохлады, показалось теплее. Прикрыв щелястую дверь Вера подошла к стене с той самой светящейся штукой. Свет, хоть и неприятный, был достаточно ярким. Но понять, как именно это работает она не смогла. То, что висело на стене было самой обычной доской. Плохо обработанной и занозистой. И лицевая часть этой доски светилась. Светилась и щепка, которую Вера смогла отколупнуть.

— Похоже, это какая то люминисцентная краска. Сейчас чего только не продают на авито. Старанно только, что ребенка больного в сарае оставили. Хотя, может это и не сарай. Но куда органы опеки то смотрят? Разве можно детей в таких условиях содержать?

Вместо кровати — коробка, белья постельного нет, печь какая-то совсем уж странная. Вделана в каменную стену, в ту, что сарай пополам делит. Больше всего похожа на горку камней с полукруглым отверстием внизу. И широченная труба, тоже каменная, тепло держать не будет совсем. Да о чем говорить, если даже потолка в доме нет и дверь уличная — одни щели. Может это что-то вроде летней кухни? Ну да, вот тут на столе — посуда. Но тоже странноватая. Очень грубая глиняная лепка, не глазурованная, как-то странно... И кастрюль нет, два горшка глиняных и котелок, довольно большой, литров на семь-восемь наверное. Несколько мисок, часть из них грязные, со следами еды и всего две кружки. Может родители у девочки экопоселенцы? У меня, у меня родители... Господи, ну совершенно безумная ситуация... Сундук, в сундуке тряпье разное, грязное тряпье. Постирать-то можно было. Да и от меня пахнет так, как будто неделю не мылась. И вот такая грязища в доме, а мух нет. Даже странно... Ладно, надо посмотреть вторую комнату.

Во второй комнате было почище. Но не слишком. Прямо напротив двери, в которую Вера зашла, была еще одна дверь. Довольно прочная, утепленная соломой и обитая дерюгой. В дерюге дырки, солома торчит пучками. Была почти настоящая кровать, даже с простынью и двумя подушками. Вся одежда и белье были изготовлены из довольно грубых самотканых полотен, не очень понятно, из чего именно, похоже на шёлк, но не в такой же нищете простыни шёлковые стелить. Всё это, самотканое и самодельное, еще больше утвердило Веру в мысли об экопоселении. Стоял небольшой топчан, тоже с простыней и подушкой. Стену над топчаном прикрывал грубый неуклюжий коврик. Не ковер, скорее просто кусок толстой грубой ткани на которой очень неряшливо были сделаны узоры цветными толстыми нитками. Накрыты и кровать и топчан были домоткаными половиками. Верина мама в деревне похожие у себя стелила. А тут их вместо одеял приспособили. А подушка не такая жесткая, как у нее на кровати, а из перьев. Светящихся досок здесь было повешено аж две, одна на стене, а вторая висела на веревках привязанных прямо к балкам. Окно, так же единственное в комнате, было застеклено маленькими кусками разных оттенков. И зеленоватое, и голубоватое, но все стекло толстое, мутное и с пузырями. Это особенно напугало Веру.

— Ну, неужели эти сумасшедшие неряхи даже стекло сами варят? А зачем? И как я буду здесь выживать? Так ведь и блох и вшей можно развести — мыло они вряд ли покупают. И еще странность — кухня в моей комнате, а ларь с продуктами — в этой.

В ларе было большое отделение с грубой серой мукой. Во втором лежали мешки с крупами двух видов, маленькие мешочки с травами и семенами, какие то сушеные фрукты. Или овощи. Корзинку с этими сморщенными штуками Вера покрутила у окна, но так и не

опознала. Рядом с ларем стоял здоровенный сундук, с большим навесным замком. Расковыривать его Вера не рискнула. Было несколько коробок и сундучков поменьше, но все проверять было некогда. Вряд ли там что то интереснее будет, чем тряпье самодельное.

Еще был стол под окном и вдоль него — две длинные лавки. На лавках тоже половики. Грязные. Вот и всё. Ещё в углу, возле второй двери, прямо в стену вбиты толстенные гвозди. На них висит пара тряпок. Очевидно, это был парадный вход и сюда вешали одежду. Дверь заперта снаружи. Ну, и сама комната выглядела побольше и посветлее.

Была еще одна странность. Вера точно знала, что под автобус она попала глубокой осенью. А здесь или самое начало лета, или поздняя весна. Печка не топится, но в доме не холодно. Была бы нормальная одежда — вообще бы прохлады не ощутила.

Вера вернулась в маленькую комнату, залезла на кровать, легла и укрылась. Все же она ощущала себя очень слабой, болели мышцы, болела голова, знобило и, кажется, поднялась температура. Думать она все равно не могла — слишком все было странно. Сон пришел быстро и был глубок. Так глубок, что она даже не слышала, как шумели вернувшиеся домой хозяева.

— Опять этот чертов петух орет и не дает спать! Хотя, пожалуй, что и выспалась уже. И тут Вера вспомнила...

Быстро подскочив на своем жестком ложе она огляделась и убедилась, что нет, не сон приснился. И вокруг — сарай, и сама — ребенок. А за дверью, в той комнате что побольше, кто-то разговаривает. Осторожно подойдя к двери она прислушалась, но слов почти не поняла. Не решительно подняла руку и постучала в дверь.

— Ой, зря стучала-то... В своем доме кто стучит? Вряд ли у жителей такого сарая правила этикета в почёте.

Дверь распахнулась и она увидела женщину, обычную женщину лет тридцати. Темная мятая туника коричневого цвета похожа на суконную, под ней юбка длинная, темно-серая, почти в пол и поверх — грязный серый фартук. Лицо загорелое, сама крепко сбитая, волосы в узел скручены.

— Очухалась? — голос грубый, сиплый. Смотрит — не улыбнется. — Есть-та хочешь? В желудке у Веры жалобно забурчало.

— Ну, пошли, пожрать дам, да делами заниматься пора.

Вера зашла в комнату и села за стол.

— Чо расселась-та? Не госпожа чай. Помогай давай, мужикам уже ехать пора, а ты всё дрыхнешь.

Кроме Веры и женщины в комнате был еще мужчина. Лет так сорока на вскидку, такой же грязноватый и мятый, лохматая борода, но волос без седины. А вместо суконной одежды — кожа грубой выделки. И туника, и порты до середины икр — все из кожи. Куски кожи на одежде — разного цвета. Не совсем разные, но какие темнее, какие светлее. Видно, что сперва красили кожу, а потом уже шили. И мальчишка подросток. Вот он-то как раз валялся на кровати и сладко потягивался. На нём видно только рубашку, такую же почти, как на Вере. Только ворот и рукава украшены вышивкой.

— Я не знаю, что делать. — Голос с непривычки прозвучал сипло. Вера откашлялась и повторила — Не знаю. Я не помню ничего.

— Чего не помнишь?

— Ну, вот я не знаю, кто вы такие...

— Чо, совсем не понимаешь? — Тетка смотрела почти с опаской.

— Да я понимаю всё, только вот не помню. — Вера не знала, как и объяснить. Слово "амнезия" тут было явно неуместно. Что-то сдерживало ее от того, что бы говорить откровенно.

Мужик и тетка переглянулись. Тишина была такая, что Вере стало жутковато.

— Дак эта, может она совсем дура стала? Как думаешь, Морна? Может ее эта, в город свезти? В тот дом-та, герцогский. Тама, навроде как, всех убогих принимают.

Вере стало совсем жутко.

— Дак а дом-та? Ты думай, чо говоришь-та... Ежели она дура — дак ведь с ней же и заберут. Отойдет дом приюту, а мы все куда? Нееет... Ты об этом даже и не думай. И сказать никому не смей. Как слухи пойдут, так ее и заберут, а с нею и дом уйдет. Так что ты молчи, дурак эдакий, никогда ты не умел устроиться, и щас нас погубишь дурью своей. Молчи и молчи. И сказать никому не смей. И ты, Гантей, тоже молчи. Как дружкам

проболтаешься, так и пойдём мы с отцом бедовать на улицу, и ты с нами пойдёшь. Если хоть кому ляпнешь — выпорю так, как в жизни не порола. Понял меня? — тётка строго и требовательно смотрела на мальчишку.

— Дак а делать-та чего, Морна?

— А ничего не делать. Ты сейчас пожрёшь и в море, чё продашь, чё домой привезешь, да денег-та всех не пропивай, понадобятся теперь. А ты, Гантей, тоже с батькой ступай, да проследи, что ба не всё пропил, а мне потом всё доскажешь.

— Мааам, да не хочу я, меня Кореня звал с собой, мы договорились уже...

— Вот я тебя ещё спрашивать буду! Пока лов весенний — опасностей нет и штормов нет, а денга всегда нужна, тебе жа на одежду и на прочее. А вот осенью уж будешь дома сидеть. А сейчас — шевелитесь оба.

— Морна, а с Линкой-та чё делать?

— Ничо. Сама я без вас ещё лучше разберусь. Она вона тихая, на людёв не бросается, без тебя я тута всё и решу.

— Ну, ты, Морнушка, всегда востра была дела обделывать. Светлая у тебя голова. — Мужик явно обрадовался, что не придется ничего решать.

— Ну, ты не трепи тута языком-та. — Мора аж улыбнулась неожиданному признанию. — Садитесь, жрите, да и в путь, а с ней я уж сама.

Она оглядела Веру с ног до головы и строго велела — Поди к себе, там пожрёшь — и сунула в руку кусок лепешки со стола. От неожиданности Вера молча взяла черствый кусок и вышла. Закрыла дверь и еле сдерживая слезы залезла на кровать — без обуви ноги совсем озябли. Лепешка была черствая, но съедобная, а голод — не тётка. Сидя в кровати она отщипывала кусочки хлеба и пыталась сообразить, как жить дальше и что можно сделать в такой ситуации. Не слишком понятно было, при чём здесь дом.

Еще некоторое время за стеной было слышно бубнёж, потом всё стихло.

— Эй, Линка, сюда подь. — В дверь заглянула Морна.

Вера сбросила одеяло и вернулась в комнату. Присела на лавку, вопросительно уставилась на Морну и, непроизвольно, вздохнула.

— А неча вздыхать-та, решать давай, что с тобой делать.

— А давайте, для начала, вы мне расскажете о семье?

Морна помолчала, повздыхала. Она явно что-то обдумывала.

— Ты не "выкай" мне, так и зови — Морна, а то любой догадается, что с головой у тебя худо. Я так порешила — к Лещихе не пойдем, потому, как нам лишние свидетели не нужны.

— Лещиха — это кто?

— Травница она. И первая сплетница на деревне. Ты вот мне лучше скажи — ты вообще ничего не помнишь?

— Совсем. Даже как меня зовут не помню. И чем болела.

— Болела ты жгучкой. Это когда человек горячий и без памяти лежит. Бывает дня три, бывает больше. Помирают от нее редко. От бродяг ты подцепила. Стояли тут табором, да снялись и ушли, как только Телеп заболел. Это староста наш. Ну, вот еще ты заболела и две девки с дальнего краю села. Кривой Мешки дочка померла на третий день, а остальные все, слава Единому — выздоровели. Зовут тебя Елькой или Линкой, чаще — Линкой. А полное твое имя — Елина. Погоди-ка, я чаю взбодрю. Чо на пустую-та сидеть.

Морна вышла на улицу, Вера потянулась следом. Двор был большой. По периметру так же огорожен кустами, в стороне, под навесом, устроено что то вроде летней кухни. Кругом выложен низенький каменный колодец, в нем — костерок потухший. Над костром — прикрытый крышкой котелок. Зачерпнув две кружки, Морна вернулась в дом.

— Садись, будем говорить с тобой.

Говорили долго... Больше — Морна, но и Вера перебивала, вопросы задавала, пытаюсь понять, что к чему, вникнуть в отношения, понять, как ей жить и выживать. Опасаясь сказать что-то лишнее, незнакомое Морне слово или понятие. Два раза доливали чай. Ну, как чай, скорее — травяной настой, чуть терпковатый, но приятный на вкус. К концу беседы устали обе.

— Так что ты, Елька, зла-та не держи на меня. Ни тебе в приюте хорошо не будет, ни нам головы приткнуть будет негде. Если что нужно, будешь спрашивать, так и вспомнишь всё понемногу.

— Морна, пойду я полежу немного, голова болит сильно. Подумаю, над тем, что сказала ты.

— Ну, иди, иди... да много не думай, от такого вот с ума и сходят. Мало ли забот по дому, да по хозяйству, об том и думай. А умствовать — это пушай вон ристократы думают.

Вера ушла в свою комнатку, легла и укрылась с головой одеялом. Слишком много информации, слишком много странного. И, похоже, что она не только не в своем времени, но еще и не в своем мире. Ни разу не прозвучало слово телефон. Или — электричество, автобус, телевизор.

Если собрать всю информацию в кучу, то получается следующее.

Отец и мать Елины здесь не местные, пришлые. Много лет назад перебрались сюда из

города. Ехать до города не меньше 4 дней, а то и больше, тут как с погодой повезет. И называется он Кроун. Город большой, правят там герцог и жена его, пресветлая герцогиня Лива. Вот из Кроуна и переехали родители Ельки. Купили земли малый надел, дом вот этот поставили, корову, кур завели, овечек, гусей даже, да и стали жить. Отец рыбачил, он удачливый был и работающий. А Линда, мать Елины, дом вела, вышивала красиво. Отец улов увозил к торгу. Торг, это такое место есть, на лодке туда пол дня, а рыбачить там худо, скалы кругом, рыбы толком нет. Туда с ближних сел лавочники приезжают и торговцы из мелких городков. И там рыбу берут на продажу и платят сразу. Там и трактир есть и село малое. Но жить там неудобно, земля не родит, один камень, так что живут они только сдачей жилья. И Вара туда же рыбу возит. Он, Вара-та, не плохой мужик, работающий и не злой, но неловкий да не шибко удачливый. Ну вот, Линда от жгучки и померла, тебе, Елька, тогда всего лет восемь было. Да ты не бойсь, жгучкой один раз в жизни болеют. Ты уже отмучалась.

А я больше года вдовела тогда. Ну, два года отец твой продержался. А потом посватался ко мне, честь честью. Дом то уже пораззорен был, и корова издохла, но все еще крепкое было хозяйство. И к Гантею хорошо относился, сынком звал, и все налаживаться стало. Ну, только год и прожили мирно. Осенью погода переменчива, разбил отец твой лодку о скалы и сутки, почитай, в холодной воде проболтался. Вынесло его течением, выжил. Только болеть начал, все кашлял. И месяца не прожил после. Но свёл меня к Телепу, пока ходил ещё, и свидетелей назвал аж трех. И при свидетелях велел, что ежели помрет — дом тебе оставляет до замужества. Вот как замуж тебя выдам, да с приданым хорошим, так дом и мой. Ну, а Вара-та уж апосля пришёл в примаки. Ну, тоже не пустой — лодка своя у него, крепкая, сети опять жа. Так вот и живем все.

Вера лежала в свернувшись в комок и плакала. Просто накопилось всё, тут и слабость после болезни, и понимание, что ни дочку, ни внуков больше не увидит никогда, тут и шок от всего происходящего.

— Лет Елине, то есть — мне, сейчас восемнадцать. Ещё два года до замужества, раньше никак нельзя. До двадцати замуж отдать — в храме не обручат и староста не запишет в бумаги. А причина очень простая — живут здесь дольше. Морне уже сильно за пятьдесят, а ведь ей и тридцать то не дашь. А самая старая в селе бабка уже за двести перевалила. Но это уже совсем старуха считается. И как теперь с этим всем жить — вообще не понятно. Дожить до двухсот — замечательно, но не в такой же халупе страшенной.

Так под эти мысли, в полной растерянности от обилия нового и непривычного, Вера и задремала.

Сон был не долгий и не крепкий, но освежил. В доме никого не было, и Вера вышла во двор.

— Морнааа!

— Чё орешь-та? Тута я. — Морна появилась откуда то из сараюшки.

— Морна, мне лучше уже. Может ты мне покажешь, где что в доме и в хозяйстве у нас?

— Ты ничо так и не вспомнила?

— Нет, Морна. Всё вокруг как чужое выглядит. А я же не могу все время лежать. Надо же что то делать.

— Ты смотри-ка, раньше ты не рвалась делать-та... Ну, пойдём, покажу, где что есть. Ток может покормить тебя сперва? Ты в беспмятстве-та была — одни настои три дня пила, Лещиха травы разной дала, да велела поить горячим. Ты и так была тощая, как палка, а сейчас и совсем страшна.

— Спасибо, но давай сперва дом и хозяйство посмотрим, а потом вместе пообедаем. Да и поговорим еще. Слишком мне все незнакомым кажется и странным.

— Ну, девка, как знаешь, пойдём тогда.

Обход был долгим. Начали с погреба. Был он выкопан отдельно от дома, большой, справный. Полки по стенам, ящики. Но почти пустой. Маленький деревянный бочонок — на дне, в слое соли, несколько кусков сала. Отдельно на стене прибита широкая полка. Там молоко в глиняных кувшинах, горшочек с маслом и широкая плоска с творогом, закрытая чистой тряпочкой. А вот овощей — совсем мало.

— Дак что ты хочешь-та, девка. Весна, за зиму все доели, что запасли.

Плоды оставшиеся были разные, в одном ящике немного старой, уже прорастающей моркови, лук с перьями, 4 маленькие тыквы, килограмма по полтора-два, не больше.

— Морна, а вот это что такое?

— Дак бака это. Ну, в земле растёт, еда такая... — Морна аж растерялась.

Похоже, эта самая бака очень распространенная штука. Похожи плоды были на помесь репки и моркови. Толстые, вытянутые корнеплоды, все не больше килограмма, в основном грамм по пятьсот-шестьсот, со светлой кожицей.

— А ее сырую едят или как?

— Ты, Елька, и правда, как дурная. Варят ее. На ужин сёдня сделаем. Мужики-та только завтра вернутся, ну да ладно, одну-та я тебе сегодня сготовлю. — Ты, главно дело, если кто соседи зайдут — молчи. А разнесут по деревне — потом и замуж тебя не возьмут.

— Да что ты меня всё замуж-то хочешь спихнуть?

— Дак а как по другому-та? Не век же тебе с нами куковать. А в девках засидишься — кто потом-та возьмёт? Приданое-та тебе справим, но вот коровы я за тобой не дам — корову это уже Вара покупал.

Я всё честь по чести сделаю, но и лишнего не проси. Вара вон еще ребёнка своего хочет. Так что через седмицу поедём тебе второй сундук покупать и ткани, и обряд всякий, и зимой будешь шить и вышивать. Ты ведь вышиваешь-та хорошо, в мамку пошла. А теперь и не знаю, чё и думать — вдруг и это забыла?

— Нет, Морна, не волнуйся. Это я помню. И шить и вышивать могу.

— Ну и ладно, дальше пошли.

Дальше был сарай, где разделенные жердями, стояли корова и конёк. Корова была справная, гладкая, кормлёная, а конёк — уже старенький, но еще крепкий. В стойлах было не чищено.

— Вот, видишь? С тобой сегодня провозилась, и животину не обходила. И на выпас Мысу не отправила. Доить помнишь как?

— Нет, Мора, не очень помню.

— Ну и не подходи тогда пока к животине. Мыса молодая и пугливая, я уж тут сама управлюсь. Дальше пошли.

Дальше был курятник, где Мора показала соломенные нычки. Заодно собрали почти десяток яиц.

— Ну, чё-та мало сегодня. Корзину-та держи крепче, а то как тогда — выронишь и всё побьешь.

В курятнике было две двери. Вход на чистый двор и выход на задний. Через вторую, очевидно, и выпускали кур на задний двор. Отдельно, в соседнем сарайчике дружно хрюкала пара поросят. Не молочные уже, месяца по четыре, хорошенькие и толстые.

Потом был еще маленький огородик.

— Вот тут морква, тут лук у меня. А вот тут и есть бака. А капусты грядку я у ручья сделала. Тама хоть и не наша земля, но окромя, как через двор — не пройти, я тама завсегда сажаю. — Ручей-та помнишь где?

— Это где водопад?

— Ну, пониже только. Тама сыро завсегда и кочны крепкие выходят. Лучше моей капусты и в селе нету.

— Морна, а огород маленький совсем. Разве этого на семью хватит на весь год?

— Хорошо хоть соображаешь, не совсем, видать, дурная стала-та. Это уже осенью докупим. Что Вара за весну-лето наловит, то продадим. А на денежки закупим, чего не хватает. Не гольтыба чай, какая, не голодаем. А что не продадим рыбов-та, то засушим и зимой сами есть будем, не пропадём. — Ну, идем далее.

Далее была сараюшка с инструментом и глиняными горшками, там же котел стоял большой, рама какая то деревянная.

— Морна, а это станок ткацкий?

— Так станок и есть. Я на нем зимой знатные одеяла тку. Иногда даже с шерстью, теплые и красивые. Вот поедем на ярмарку — продадим. С тех денег тебе и купим, что положено.

— А из чего ткешь? Вот рубаха на мне — она из чего?

— Ой, бедаааа... Ну, как есть ничо не понимаешь. Ну, ничо, ничо... Справимся. Это Елька, шёлк паучий. Такой покупаем на ярмарке. Он крепкий, сносу нет. Ну и по деньгам опять жа — не дорого.

— А что дорого?

— Ну, шерсть вот — не дешево, еще хлопок бывает, сатин, ситец там разный — ну, это для ристократов, да я и не люблю хлопок. Мнётся сильно, возни с ним много, да и линяет от стирки.

— Морна, вот про стирку — помыться бы мне.

— Ну, опосля обеда нагреем воды да и намоешься. Да и расчесать бы тебя — а то страсть какая лохматая. Тогда сегодня и стирать будем заодно. Дрова-та не тратить лишний раз.

— А дрова где берете?

— Дак ты и собираешь.

— Как это?

— Ну, на берег к морю идешь, там место есть, всякий мусор туда сносит, там плавник всегда есть. Ну, конечно ежели большая лесина попадетя — на помощь позовешь, только сперва пометишь ее. А то, пока бегать будешь, ее ктось приберёт. Потом, ужо, свожу тебя. Ты, главно, с людьми поменьше болтай. Там почти завсегда кто-та да есть. Ну, будя. Пошли до хаты, обедать будем.

Вареная бака больше всего похожа была на картофель. Морна сварила ее в котелке. Сняла с вареного плода тонкую кожицу и порезала на ломти. Плотная желтоватая мякоть. А на вкус — картошка как картошка, ну, может чуть послаще. К обеду она добавила ещё маленький кусочек сала и вареные яички.

Глава 6

После обеда стали собирать стирку. Пока Морна складывала в большой котел грязные тряпки, Вера раздирала пряди волос редким деревянным гребнем. Гребень, надо сказать, тоже чистотой не отличался.

Дотащили котел до водопада. Буквально в двух шагах от воды — старое кострище. Вернулись к дому.

— Вот тут, под навесом, всегда дрова лежат. Набирай давай, а я мыльнянки нарву.

— Мыльнянка это что?

— Дак вот же. — Морна обвела кусты изгороди. — С ее листьев отвар сделаем, им мыться будешь. И стирать им же.

— А чистое для меня есть?

— В сундуке твоём.

— Покажи, пожалуйста.

— Ой, беда-беда... Чисто дитя малое... Ну, пойдём в дом-та.

— Вот, смотри. Твой сундук, у тебя и стоит. — Морна тыкала пальцем в тот сундук, где при первом пробуждении Вера нашла грязное тряпье.

Недоумевая, как в эти вонючие тряпки можно переодеться и в чем тогда смысл переодевания, Вера открыла сундук. Ловкие руки Морны выкинули на пол тряпки, под ними был тонкий щит с ручкой, хоть и деревянный, но хорошо обработанный, гладкий, без шероховатостей. Схватив за ручку Морна вынула щиток и подняла верхний слой зеленоватой ткани. Там, в сундуке, первое, что увидела Вера, было зеркало. Довольно большое, с альбомный лист. В красивой резной деревянной рамке.

— Пошла я, не буду ждать. Ты пока выбери себе, чо одеть. Да давай грязное захвачу. Да поставлю ужо воду греться. А ты, как одёжу выберешь, подходи, чай не заблудишься.

Подобрав с пола тряпки Морна вышла, а Вера достала зеркало. Стекло чистое, чуть золотистым отливает. Несколько темных пятнышек есть по краям. Вера такое видела на старинных зеркалах. Там, где амальгама попорчена. Но уже хорошо, что здесь такие делают.

Вера рассматривала свое лицо с жадностью и понятным волнением. Ну, что сказать... Не уродина, совсем нет. Может и не красотка гламурная, но вполне симпатичное лицо. Черты не крупные, нос аккуратный. Хорошая чистая кожа. Грязная, конечно, но чистая в том смысле, что ни прыщей, ни рябин, ни шрамов. Матовая, чуть загорелая. Рот крупноват, но красивого рисунка, сочный. Глаза хороши — ярко-зеленые, с янтарным отливом кошачьим, ресницы чёрные, длинные. И разрез глаз — кошачий. Вот брови подкачали — слишком широкие и почти сросшиеся. Ну, да это то вполне поправимо. Волосы чёрные. Не цыганские, конечно, без синеватого отлива, но хороший густой цвет. А вот структура — очень непривычная. Не гладкие, но и не кудрявые. Мелкой-мелкой волной идут. Такие пушатся очень сильно и даже если редкие — в укладке выглядят пышно. Но ей на густоту жаловаться грех. Роскошные волосы.

— А ведь мне повезло несказанно... И относится это не только ко внешности. Ни тебе больных суставов и ноющего старого перелома, ни тебе морщин и слепоты. И вся жизнь еще впереди. С ума сойти можно от таких перспектив. И даже с именем повезло.

— Елиинаааа — нараспев проговорила она. — Красивое какое! Прямо песня, а не

имя. — Одна беда — крестьянка. Тут, похоже, во всю средневековье цветет. А крестьяне — самые бесправные, ниже только нищие и бродяги. Но какие это всё мелочи. Самое главное — я молода и здорова.

Покрутив головой Вера увидела вбитый в стену гвоздь. Аккурат под светящейся доской. Вот туда она зеркало и повесила.

В сундуке она нашла кожаные тапки. Не бог весть какая красота, но всё лучше, чем босиком. И так натоптыши есть, нужно распарить и удалить. Стопкой уложены длинные туники. Вышивки на них были сделаны умелой рукой. Уж в этом то Вера разбиралась. Раньше и она не хуже делала. Гладь ровная, цвета все нежные, пудровые, пастельные и подобраны удачно, рисунки сказочно красивы. И изнанка аккуратная, нитки не торчат, узелки спрятаны. Были еще простыни или какие то куски ткани, но Вера не стала задерживаться. Прихватив единственный хлопковый отрез ткани, тапки и чистую тунику она побежала к водопаду.

— Да ты, Елька, совсем ума лишилась? — встретила её Морна. — Да где это видано брачную простынь на утирку брать? Это же после свадьбы с мужем на ней спать будешь. Поддай сюда, дурища, сама схожу, принесу, что потребно. Дров вон подкинь. И тапки давай отнесу, чай не ристократка, босиком ходишь.

— Нет, Морна. Простыню забирай, мне все равно, чем вытираться, лишь бы чистое было, а тапки я носить буду. Я, может, и не аристократка, но простыню не хуже любой барыни, если по холодной земле босиком бегать.

— Да это приданое твоё!

— Ну и что? Если я от простуды помру сейчас — оно мне без надобности будет.

— Ну, смотри, девка. Сама решай. Но положено в приданное сапоги и двое туфель — столько у тебя и будет. Со свекрухой и мужем сама будешь потом объясняться. И меня не позорь потом. Я все, что положено тебе справлю, а уж как распорядится — сама решай.

Забрав простынь она ушла к дому.

Вера подкинула в костерок под котлом дровишек и отошла к воде. Морна вернулась скоро, принесла кусок чистой ветхой ткани — вытираться. И вроде как мялась. То посмотрит на Веру, то отвернется. Губами мнет, думает. Молчит, а сама все искоса посматривает.

— Да что случилось то, Морна? Я же вижу... Говори уже.

— Зеркало там...

— Ну? Зеркало, и что?

— Ты повесила?

— Я, конечно. Чего ради ему в сундуке лежать? Что с ним станется, если на стене повисит? Ну, пусть — приданое, но ведь с него не убудет?

— А смотреть то в него позволишь ли?

— Да ты что, Морна? Смотришь хоть с утра до вечера, не жалко. Или примета какая, что до свадьбы прятать нужно?

— Нету никаких приметов. Матери твоей это зеркало. Ты же сама его в сундук упрятала и трогать не давала. А отец не велел с тобой спорить. А как умер он, ты только сама в него и смотрелась, никого близко не подпускала. И в сундук мне ни разу не дала заглянуть. Может боялась, что я попрошу чего для себя. А я бы ни в жись не стала выпрашивать. Линда то первой вышивальщицей была. Ты в нее пошла. Но я чё тебе давала из тряпок — ты никогда не показывала. И работу свою завсегда прятала. А что вышьешь — в сундук.

Вера растерялась. Ну, так-то понятно всё, не приняла девочка мачеху, бывает. Но ведь видно, что не злая Морна эта. Не пакостная. Может и нет любви большой к сиротке, но и обижать напрасно — не обидит. Другая на её месте могла бы девчёнку в бараний рог скрутить. А эта, хоть и таит обиду, видно это, но вести себя старается честно, зря не обижает. Ну, грубовата она, так где манер то может крестьянка набраться? Решение пришло быстро.

— Ты прости меня, Морна. Мелкая была и глупая, нет у тебя вины передо мной и зря я худо к тебе относилась. Прости.

Морна помолчала.

— Вышивать поучишь ли меня?

— Да с радостью.

— Единый мне свидетель — не держу на тебя зла. — Голос Морны дрогнул.

Помолчали.

— Да развеж я не понимала? И про тебя, и про мамку твою? Но моя-та вина в чём была? И отца когда не стало — я ж жалела тебя от души. А ты даже есть со мной не садилась. Схватишь кусок, чисто собака голодная, и прячешься. Я тебе молочка в комнате на стол — а ты и крынку разбила, да ещё и осколки мне у кровати высыпала. Шрам-та до сих на пятке есть. Вот, смотри...

— Прости, Морна. — У Веры непроизвольно навернулись слёзы на глаза — так жалко стало и девочку эту неприкаянную и Морну.

Морно обняла крепко, задышала в ухо — Ну, не реви уж, будя, будя...

Сама тоже всхлипывала часто. Поревели, успокоились, помолчали...

— Ну, вода нагрелась, давай уж мыть тебя.

Обе делали вид, что всё идет как надо, никаких слёз не было.

Морна взяла маленький котелок, отлила горячей воды и кинула туда чем-то плотно набитый мешочек.

— А что там, в мешочке?

— Дак мыльнянка. Ты пока вошкалась в доме — я листьев набрала. Щас закипит, достанем его и будешь им мыться. А отваром потом волосы помоем. И будешь белая, как сдобна булочка.

Хохотали обе от души. Представить тощую смугловатую Елину — булкой... Это было слишком смело и нелепо.

Мыться пришлось мешочком. Мылился он не сильно, но грубая ткань кожу прекрасно очищала. Волосы в отваре полоскали два раза, зато и ощущение чистоты появилось. Вера нашла шероховатый камешек и потерла загрубевшие ступни. Морна смотрела с интересом, но ничего не спрашивала. Напоследок окатила ее теплой водой с какой то очередной травкой. Пучок она вскипятила в отдельной миске и слила отвар в котел. Отвар пах луговой травой с нотками мёда. Чистые волосы поскрипывали в чистом же отрезе ткани. Мягкая шелковая туника так и льнула к телу. Трусы бы ещё раздобыть. Морна закутала ее в большой новый половик-одеяло и сунула в руки кружку с теплым молоком в которое щедро добавила мёд. Есть же счастье на свете. Такая специальная минуточка, когда все проблемы и заботы отступают. Нет ни мыслей, ни страхов, только покой и умиротворение.

А сама Морна между тем добавила в котел еще пару ведер воды и подкинула дров.

Пока вода грелась, она учила Елинку стирать.

— Вот смотри. Щас нагреется вода, кину мешочек с мыльнянкой. Тряпье я уже

разобрала. Что почище одна куча, что грязное совсем — другая. Вот почище в первую очередь кинем в котел и будем мешать. Как закипит — поварим сколь надо, вона видишь, щипцы из дерева большие? Вот имя-та все из котла подоставаю и снесу под воду, прям тудой можно кидать — дно камянно, вода самоточная. Оно тама прополощется хорошо, тока пошевеливать иногда надо. А в ту воду, что грязная в котле — кинем то, что сильно запачкано. Тама портки мужицки, и постилки с лавок. Всю зиму на них сидели, давно пора намыть было. А как они закипят — выльем все прям на землю. Да поставим новый котёл с чистой водой. да и ещё разок с мыльнянкой кипятится бросим, а сами тем временем чистое из воды развесим. Вот и будет в дому ладно.

Со стиркой Елина провозилась до самых сумерек. Показав, где в кустах вырублено место и веревки натянуты, Морна ушла справляться к скотине. Не сказать, что стирка- работа непосильная, скорее — скучная. Пока одежда вываривалась, Вера, а точнее — Елина — надо, надо привыкать к новому имени, от скуки рассматривала ведро. Странное какое. Не дерево, не кожа, не ткань. Трубка широкая из непонятого материала. Дно — деревянный круг, сверху кольцо — прут, типа ивовой ветки, распирает эту мягкую трубку и две рейки от кольца к доньшку — для жесткости, что бы ведро форму держало. Легкое оно и удобное.

Столько всего нового и непонятого в этом мире. Шёлк паучий — это из чего? Неужели правда пауков разводят? Единый — кто такой? Нет, понятно, что божество местное, но какое оно? Может он монстр и ему по праздникам людские жертвы приносят. И, самое загадочное — до сих пор она не видела ни одной мухи, мошки или комара. Хорошо, конечно, но уж больно странно. Даже у скотины в хлеву мух нет. А вот черви в навозе — есть. Может здесь мошкара позднее появляется, а сейчас еще не сезон? Странно. На улице не меньше двадцати градусов. А в полдень так и ближе к двадцати пяти. Надо будет аккуратно все это выспросить. Это даже хорошо, что Морна такая простая. Хоть не заподозрит ничего. Хотя, что тут заподозрить-то можно? Сама ситуация переселения в тело девушки — да кому такое в голову придёт?

Елина уже развешивала последние тряпки, когда от дома послышался крик.

— Еляааа! Скоро ли ты тама?

— Иду уже!

Морна ждала ее на пороге.

— Пошли вечерять, поздно уже.

На ужин Морна приготовила большую яичницу, к ней суховатые лепешки и по кружке молока.

— Ты ешь, ешь давай, а то тощая, аж смотреть жалостно.

— Да я ем, вкусно всё, спасибо. А вот спросить хотела, там, в подполе, творог. Это для еды или на продажу?

— Дак если хочешь — давай сбегаяю, принесу!

— Да нет, спасибо, это уж на утро. А почему не продаешь? Или в селе у всех коровы есть?

— Нее, корова — это у кого достаток в доме. А Мыса у нас еще молодая совсем. Телёночка мы отняли, продали, а молока она маловато дает. Неча пока продавать. Что дает — все сами и съедаем.

— Морна, а Расскажи, пожалуйста, про Единого.

Морна подумала, пожевала губами и строго сказала:

— Ты, Елька, с этима спасибями поменьше давай. А то как чужая. Ты, опосля болезни, и говорить-та чудно стала...

— Я, Морна, не знаю, как по другому говорить. Уж как получается.

— Ладно, главно ты при чужих не болтай. Так то ты и раньше всё больше молчала. Эко диво, девке семнадцать годов, а у нее и подруг нет. Меня даже Лещиха допытывала, чой-та я тебя не пускаю гулять с девками. А я и не держала никогда. Сама ты по себе такая — нелюдимая. Ну, оно и лучше, меньше разговоров. Ну, ты не болтай, ешь давай, и так одни

мослы. А девка справная должна быть. Хотя и матка твоя была тонюсенька, даже после родов не раздобрела. Про неё сказывают, что она у самой герцогини, старой ещё, в вышивалках была. Не знаю, правда ли, нет ли, а шила она знатно. Много про неё болтали-та по деревне.

— А что ещё болтали?

— Ну, сказывали, что герцогиня ей мужа нашла, бедного, но из знатных. Прямо дворянин вроде как. Хотела ее при дворе своем навсегда оставить служить. Чтобы как будто она, матка-та, фрейлина была ейна и шила только для неё. Почёт ей значит такой. А Линда вот в рыбака простого влюбилась и не схотела замуж идти и тама служить. Хотя и отец, согрей его Единый, мужик справный был и собой красивый. Ну и денга водилась у него. Ну, вот они с городу-та от греха и переехали сюда, в этаку даль. Тут все обустроили, а через два года ты и родилась. Ты ешь давай, зубы-та не заговаривай.

— Сыта я уже, не лезет больше. Морна, а давай чаю ещё попьём? Или на сегодня дела ещё есть?

— Нету никаких делов. И так утопталась я.

— Ты сиди, я чай сама сделаю.

— Ну, делай, тама вода-та поди закипела. Я всегда, как сготовлю — воду ставлю на огонь. Пока пожрали- она и согрелась. Или чай пить, или посуду помыть — всяко сгодится. И ты так приучайся. А чай-та вона, в мешке остатний. Заваривай, тока следи, что бы не кипел, а то кипелый не вкусный будет. А завтрава мы с тобой с утра тогда за новым сходим. Я каждую неделю хожу, собираю и сушу на два мешка. Один сейчас пьём, один на зиму припасая. Утречком Мысу подою, обряжу в стадо и пойдём.

За чаем Елина вернулась к разговору о Едином. Но толком ничего не добила. Не слишком Морна разбиралась в религиозных делах. Два дня отмечают в году праздники. Весной, как просыпается он, осенью — как засыпает. Храм есть в городке соседнем, там жрецы служат. Кто если жениться хочет или ребенка освятить — надо ехать туда и подношение нести. Сколько кому по средствам, но не сильно мало. Или там пару курей и корзину баки, или ткани отрез хороший. Богатеи, бывает, целую свинью отдают. Надо чтобы дар от души был и не жалеть потом о нём.

— Морна, а другие боги есть?

— Тьфу на тебя! Каких тебе ещё других? Про Тёмного на ночь не вспоминают, эка пакость в голове у тебя. Иди уже к себе, уморилась я сёдня. завтрава поговорим.

Елина встала и шагнула к комнате.

— Постой.

Морна подошла к ней, провела ладонью по лбу.

— Сохрани тебя Единый и дай светлых снов. — Потом подтолкнула в спину — Иди уже, несмышлёна.

Спать пока не хотелось. Да и свет мерзкий от доски тоже мешал бы. Надо в сундуке с приданным посмотреть тряпку и повесить это безобразие. При таком свете уснуть сложно. Она протерла стол влажной тряпкой и подождала, пока он просохнет. Тоже странность, едят в той комнате, а стол и здесь поставили.

С трудом подтянув сундук ближе к столу Елина начала опустошать его. Стопки одежды, тканей, мешочки не пойми с чем... Ну, начнем. Сперва она рассмотрела отрезки ткани. Часть узкие, как раз тунику сшить. Часть — широкие, по краю вышивка. В основном — шёлк, получше качеством, чем тот, в котором она очнулась, потоньше и поплотнее. Цвета все светлые, нежные. Только один кусок ярко-бирюзовый. Края отрезков рассмотрела с интересом. Обычно шёлковые ткани сыпучие, а эти — нет, не крошатся края. Это хорошо. Шить удобнее будет. Здесь машинок нет, всё ручками придётся. Выбрала один отрез, прикинула к кровати. Пойдет, широковат правда, это, наверное, на двухспальную кровать, но не будет она без простыни спать. Дальше — шесть наволочек. На всех парные вышивки. Очень красивые рисунки. Получается — три комплекта белья у неё. Наволочку у себя тоже поменяла. Ох, и поганая же подушка, как опилками набита. К ним — одно одеяло. Сплетены шёлковые нитки, между ними пополам шерсть, вроде бы овечья, и что то белое, непонятное, пучки волокон тонких-тонких, но не нитки. Ладно, потом узнаю. А красиво смотрится, лёгкое такое. И, похоже — тёплое. То, в которое сегодня ее Морна после купания закутала — попроще, не такое красивое и пушистое. Но старым она не будет укрываться. Его — точно в стирку. А тем, в которое куталась, и будет пользоваться. Пушистое явно делала Морна в приданое. Не стоит ее огорчать. Пододеяльников здесь нет. Ну, американцы спят без них, просто одеяла чаще стирают. Пока можно и так.

Дальше пошла одежда. Туники длинные, примерно миди. Широковаты на нее. Скорее всего — от мамы девочки остались. Вышивки — хоть в музей. Отложила пока. Четыре простых туники из сероватого шёлка, без вышивки. Ну, это повседневное. Три фартука длинных, один с яркой вышивкой крестом. Туфли. Кожа мягкая, даже как бы каблук из нескольких слоев склеенной кожи сделан. Невысокий, сантиметра полтора всего, устойчивый. И по мягкой бежевой коже вместо пряжки — прямоугольничек вышивки крестом. Очень красивые. Такие она бы и дома носила.

Полотенца, шесть штук. Не шёлк. Похоже хлопковые, рыхловатая ткань, толстая. Широкие, как раз на банные сгодятся. Мешочки. Просто пустые мешочки разного размера из грубого сероватого шёлка. На некоторых вышивка темно-красными нитками. Орнаменты не сложные, но симпатичные. Даже пересчитывать не стала, но не меньше десятка, а то и больше. Это, видать, на своё хозяйство — под крупы и травы сушёные. И восемь штук набитых мешочков. Пять из них — мягкие. Развязала — а там шёлк на вышивку. Цвета, опять же, все пастельные. Странно, вообще-то. Обычно крестьяне что поярче любят. Хотя богатство оттенков просто поражает. Одних зеленых — десятка полтора моточков. И серые — 8 цветов. И голубые нежные. В остальных мешочках все оттенки роза-персик-слоновая кость. И два мотка очень ярких — синих, разного оттенка, васильковый и глубокий ультрамарин. Душа пела — это сколько же красоты можно вышить!

В оставшихся трех мешочках, самых маленьких — украшения и бусинки россыпью. Некоторые нанизаны на нитку по десять-пятнадцать штук. Это можно в работы вшивать.

Бусины все круглые, стеклянные. Цвета разные. А вот граненых нет. Дома Вера интересовалась всем, что связано с вышивкой, кружевом, бисером. Много читала и смотрела. Огранка камней появилась вроде бы в четырнадцатом веке. До этого только кабошоны были. Хотя, имеет ли смысл сравнивать Землю и этот мир — кто знает. Здесь все не так. Как то внезапно навалилась усталость. Вера быстро сложила стопки тканей в сундук, сверху небрежно кинула мешочки с бусами. Завтра будет день — будет время рассмотреть. На светящуюся доску накинула одну из простых туник. Её можно не убирать — понадобится на смену. Быстро улеглась — глаза уже сами закрывались.

— Ведь как странно, думаю я на русском, а говорю — непонятно, на каком... — Это была последняя связная мысль.

— Елинка, вставай. Да вставай, соня. Эко разоспалась — и петухов не слышишь.

— Я сейчас, сейчас... Ты не ругайся, Морна.

— Дак и не думала я ругаться-та. Известно — утренний сон самый сладкий. Но всё равно вставать пора.

Елина сладко потянулась. А-а-а-ах, хорошо то как!

Взяла выданную вчера ветошку и поскакала умыться. Туалет изрядно подпортил настроение — выгребная яма в кустах. Хорошо хоть, за забором, а не во дворе. Вот летом то вонища будет. Дошла до водопада, скинула тунику, выдохнула — и прямо под прохладные струи. Выскочила мигом, растерлась до красна. Кто тут спать хотел, какой уж после холодного душа сон. Но счастье прямо распирало с утра — нигде ничего не болит, не ноют суставы, видит она — ну, наверное, как орел горный! Рассмеявшись собственным мыслям вернулась в дом. Творог на столе, глечик маленький снятых сливок, и, поменьше — с мёдом горшочек.

— Молоко будешь или чай?

— Что дашь, то и буду.

— Ну, давай молока попьём. С чаем-та засиживаться некогда.

— Морна, а здесь есть где-то высокое место?

— Это какое такое — высокое?

— Ну, что бы сверху деревню то оглядеть. Я ведь даже не представляю, как что выглядит, где что находится.

— Ой, ну чисто — новорожденная. Ну, ничо, ничо... Зайдем сперва на водопад то, посмотришь. Все оттуда видно, я тебе и расскажу заодно. Ешь давай, день то идёт.

Посуду Елина вымыла сама, тщательно натирая мешочком с мыльнянкой. Поставила сохнуть на деревянную решетку.

Морна в это время снесла варёво пороссятам.

— Готова? На вот, подпояшься. — Морна протягивала сложенный в двое длинный кусок веревки.

— А это зачем такое?

— Дак на обратном пути я траву домой понесу, сушить определю, а ты к луже сходишь, веток пособираешь. Они ведь мокрые будут — пока то еще просохнут, дак наши-та сухие к тому времени уже и кончатся. Это завсегда надо заранее собирать. А в руках тебе несподручно таскать веревку-та. А на поясе — в самый раз и будет. Ну, пойдём уже.

Вышли не в ту калитку, через которую ходили к водопаду. В кустах нашлась еще одна неприметная плетенка. Тропки почти не было видно в траве — совсем редко сюда ходили. Дошли до речушки узенькой, по бревну старому перебрались на другой берег и, забирая все время в верх и влево двинулись по траве, потом по камням. Шли минут тридцать и вышли аккурат на площадку возле водопада.

Елина еле отдышалась — больно крутой подъём.

— Ну вот, Еля, смотри, где чево есть.

Зрелище было потрясающее. Примерно в километре, в той стороне, куда ручей тёт — море. Огромное ласковое море.

Горы вокруг старые, невысокие, вершины сглажены. С водопада кажется — просто

бугры высокие. И не горы, так, холмы.

На ближайшем холме и стоял Елинкин дом. Макушка у холма как срезаная, вот на этом кругляке все хозяйство и ютилось.

Поближе к морю раскинулся поселок. Большой довольно. Три улицы, домов как бы не сто. Ну, или около того. В центре поселка — небольшая площадь, там чем-то торгуют, видно маленький ряд базарный и люди ходят.

— Вон тот дом, самый справный — это старосты и есть. Аж два этажа, как в городе. Ну, у Телера семья большая и хозяин он крепкий. Всю семью в кулаке держит.

— Морна, а почему мы не в селе живем, а так на отшибе?

— Да родители твои тут кусок земли сторговали. Оно, конечно, тут — дешевле. Но земли мало. Сама видишь — что кустом огорожено — всё и есть. Дальше только осыпи, там, кроме травы сорной — ничо расти не будет. Эта земля — баронская. Сказывают, барон не больно богатый, а селиться на отшибе никто не желал, дак он и рад был продать. В деревне то земельки не больно много.

И правда. Огороды были не самые большие. Так, на вскидку — соток по пятнадцать-двадцать. У некоторых и еще меньше. Деревьев цветущих было мало. Похоже, фрукты здесь не сильно уважают. Или просто нет места под них.

— Морна, а с чего живут местные?

— Кто как обустроился. Кто с огорода и моря. Но справные лодки не у всех есть. Вара то свою от батьки в наследство получил, дак у него — справная, с парусом даже. Но он второй сын. Дом и большая лодья старшему отошли. А батька у него крепкий был. Людей нанимал, на Торг ходил каждую седмицу, а то и два раза в седмицу, семью сытно кормил. Как и твой батька — по осени в воду попал, но здоровущий был, хоть и кашлял сильно, а еще чуть не год прожил. Море — оно такое, строго спрашивает. Кто пожадничает или там с голоду осенью выйдет — те долго не живут. У кого коровы есть — молоком, творогом торгуют. Тоже жить можно. А больше — овец держат. Там, за горюшкой, за селом — пастбища хорошие. Расти там ничо особо не будет, пробовали — камней больно много, а трава — хорошая. Вот шерсть стригут и возят в город.

— В Кроун?

— Да ты чё, девка, насмешила прям. Кто жа в этаку даль повезет-та? В баронский город возят. День пути от нас — Варус называется. Там народу-та тьма, и купцы к зиме приезжают на торги за шерстью. Ну, мы там покупаем чего из еды надо или инструмент какой по хозяйству. Я в Кроуне-та один раз была, до замужества ещё. Ну, болтать некогда долго-та, потом как нито расскажу. А ты смотри и запоминай. Вон видишь, как бы такое углубление водой на берегу? Ну, вот где камень огромный торчит из воды? Видишь, тама вся вода покрыта ветками да сучьями? Иные даже с листьями есть. Это гдесь берег подмывает течением. И чего там намочет — всё суюдой приносит. Вот тама и нужно собирать. Будешь брать, чо унести сможешь. Иной раз повезет, целы деревья бывают. С собой нужно уголёк брать — пометку поставишь, кружок, а в нём, в кружке — три точки. Это нашей семьи знак такой. Потом мужики наши притащат. Ну, селяне еще кустарник ломают, но я не люблю его жечь — больно дым вонючий. Хотя, конечно, растёт быстро и горит хорошо, жар долго держит. Ну, посмотрелась? Пойдем ужо, скоро полдень, а ещё ничо не делали.

Спускаться пришлось практически до самого дома. Там по еле заметной тропке Морна вывела к ложбине между двумя холмами.

— Вот эта смотри, Еля, чайна травка. Вот которая с красным цветком — ту и бери, она

душистее. А у которой цветков нет на макушке — ту не трожь. Цветёт она почитай всё лето, как цвет появится — тогда и соберём. Да с корнем то не дергай, аккуратнее бери.

Траву собрали быстро, кучка на холстине расстеленой была почти до колена Елине.

— Ну и будя, эх зажадничали сегодня. Ну, другу неделю можно не ходить будет.

Морна увязала траву в большой узел и вскинула на плечо.

— Пойдешь ли за дровами-та? Не забоишься?

— Да нет, чего бояться. Я тропинку видела, как дойти домой — поняла. Ты иди, я скоренько сбегаю и приду тебе помогать.

Дорога с холма вниз времени заняла немного, дышалось легко и Елину просто переполняло ощущение собственного здоровья, силы, бодрости. По берегу этой гигантской лужи бродили двое подростков. Елина чуть оробела. Вдруг подойдут и что-то спросят или скажут. Но никакого интереса мальчишки к ней не испытывали. Шустро выкидывали на берег ветки, играли немного, о чем то говорили или спорили, но всё — между собой. Дождавшись, когда ветки чуть обдуло ветром утянули их веревкой в плотный тюк и заспорили, кто понесет. Но спор решили мирно, без драки. Тот что повыше взвалил тюк на спину и сказал

— Учти, Кирька, только до камня несу.

Второй серьёзно кивнул и они дружно потопали в сторону посёлка. Поравнявшись с Елиной они почти хором сказали: — Единый в помощь! — и, не дожидаясь ответа, пошли дальше.

Елина набрала веток, раскидала по уже тёплым камням и присела на большой валун. Стечёт вода — сделает вязанку и пойдет. А пока есть время понежиться на солнышке.

За день успели на пару переделать кучу дел. Поменяли и постирали бельё из второй комнаты. Устроили банный день Морне. Она же и подоила вечером вернувшуюся из стада Мысу. Елина собрала яйца, но одну куру оставили высиживать, так что все собранные она под неё и положила. Немного покопалась в огороде, сорняки уже начали подниматься. Пока Морна достирывала, Елина приготовила нехитрый ужин.

Готовить на костре Вера умела, хоть и давно не доводилось, но справилась. Заодно пересмотрела всю посуду, прикинула, чего не хватает. Ужинали с удовольствием, а за вечерним чаем Елина приступила к расспросам.

— Морна, скажи, а вот паучий шёлк из чего делают?

— Да из пауков, ясно дело. Я ещё до замужества в Кроуне бывала один раз, отец ездил по делам туда и я напросилась с ним, молодой-та, сама знаешь, всё интересно посмотреть. Ну, вот, тама один за мной ухаживал навроде как. А брат старший у него как раз на прядильне работал, дак мы однажды ему обед носили. Тама агромадное помещение и пауки эти — ох и страшенные, прям больше кулака, ещё и лапы мохнатые во все стороны. Фу, как вспомню, аж передергивает. И там такие из досок сделаны навроде канавок, длинные-длинные, и паука тонкой такой палочкой трогают — они и бежит, а свернуть не может, потому как — некуда ему сворачивать. А за ним эта самая нить и тянется. Только тонкая очень. И сзади за погонщиком идет тетка, а в руке у нее такая как бы палка толстая. и она, тётка эта, быстро-быстро в четыре нити мотает на палку. Но не прямо мотает, а что бы нитка не соприкасалась. Ну, как бы спиральку такую вьёт. Потому как иначе склеится намертво. А потом ловко так — раз и накинет на палку ткани лоскут и новый ряд вьёт. А в четыре паутинки получается нитка крепкая и такая ровная-ровная. А пауки как до конца добегают — их сразу на новых меняют. А этих, навроде как устали они, в отдельную такую коробушку сажают. У каждого паука — своя личная коробушка, навроде как домик его. И тама его кормят специальными такими летательными насекомыми. Они прям вот как пчелы или там бабочки летать могут. Их отдельно разводят и пауков ими кормят. И, слыш-ка, девка, говорят чем кормят этих летательных то, такого цвета и нитка получается. И вроде как страшный это секрет. И из за этого никого не подпускают к этим тварям. И кормов рецепты прямо очень берегут и сторожат. Только от отца к сыну переходят рецепты. Поэтому с разных мануфактур у тканей и цвет разный. Чем ярче нитка — тем дороже. Ну, ты вышивальщица, дак это и сама знаешь. А летательные эти очень, говорят, нежные твари. Чуть что не по их корм будет — все и издохнут. Но это я сама не видела, не стану врать.

— Интересно то как! Морна, а еще какие бывают летательные насекомые?

— Да пчёлы вот. Мёд то ты любишь, вот пчёлы и делают.

— Это я помню, но пчёлы — они полезные. А другие бывают?

— Ну дак бабочки. От них вот никакой пользы нету.

— Бабочки — красивые, и жить не мешают. А вредные бывают?

— Не понимаю я тебя, Еля. Какие это ещё вредные?

— Ну такие, летают и кусаются.

— Ой, сохрани нас Единый! Что ты вечно на ночь ужаси всякие придумываешь? Пчелу не трогай — она и не укусит. А других кусателей нам и не надо. Не бывает больше никаких кусателей летучих. Давай-ка спать, девка. Видать от усталости тебе всяка дурь в голову

лезет.

Отлив в кувшин чистой тёплой воды Елина пошла в свою комнату.

Намочила тряпку, обтерлась. Надо, всё же, подумать об устройстве быта нормальном. Ну, что это такое — целый день бегала, вспотела не один раз, а душ то и принять негде. Накинула тряпку на светящуюся доску и улеглась. Сон не шёл.

— Стоит завтра спросить, чем это доски пропитывают, что они светятся так долго. И нужно придумать, как зарабатывать. Тут явно ручной работы вышивок — в каждом доме. Где получше, где похуже, но денег на этом не заработаешь больших. Что бы такое делать, что бы хватило на дом и на жизнь нормальную? Ну, не идти же, в самом-то деле, замуж за увальня деревенского. Нет, может он и хороший человек окажется, но замуж в двадцать лет идти, если впереди еще минимум сто пятьдесят лет... Да я с ним свихнусь. Сто пятьдесят лет огород сажать и коров доить — точно не мой смысл жизни. А если подумать? Весь мир передо мной лежит... Вот что бы я хотела? Ну, для начала — просто хорошие условия проживания. Чтобы душ, туалет нормальный, дом удобный и полы не земляные. Вроде и не так уж много хочу, а в таких условиях — не так и мало. Уходить от Морны мне страшно. Тут, как ни крути, а — еда, крыша над головой, хоть и фиговая, опять же, сама Морна — славная такая. Ни злобы в ней нет, ни жестокости. Пожалуй, стоит напроситься в город съездить. Посмотреть, что местные делать умеют. Глядишь, что-то и придумается. Так то, если вспомнить, у нас в деревнях так же и жили. Корова или какая другая живность, огород... А из интересов телевизор, изредка — книги. Ну, думаю про телевизор можно забыть, а книги... А кто его знает? Если печатают даже — всё равно дорогие будут. Ну, если быт обустрою свой — найду чем интересным заняться. Надо посмотреть будет, что здесь ценится. В девяностых выживали — не сильно лучше условия были. Что-то я всё не о том думаю. Это всё вторично. Не бездельница безрукая, на кусок хлеба я себе всегда заработаю. А вот как тут с правами женщин, интересно? У нас-то в средние века, в основном прав — что у женщины, что у коровы в стойле — поровну было. Вот ведь я балда. Спрашиваю всякую ерунду, про пауков да про мух. А ведь сперва нужно выяснить, не корова ли я бессловесная на брачном рынке. Ну, Морна-то в семье командует, тут всё видно и понятно. Но ведь при любых законах были бой-бабы, которые мужиками крутили. Хотя, она же сказала, что Вара в примачи пришёл. С другой стороны, вдовам всегда было полегче, даже у нас. Если аристократию не брать, а вот взять средний класс, ну, там ремесленника вдова или купца, и имущество у них было, и не подчинялись они мужикам особо. Да, но для этого сперва нужно выйти замуж и овдоветь. Тьфу-тьфу... И правда, к ночи сплошная дурь в голову лезет. Спать пора, завтра Морна опять с утра недобудится. Стыдно нахлебничать то. Да и времени мало у меня, если так взять. Завтра уже Вара и Гантей должны вернуться. Особо и не поговорить будет.

Пожалуй, учитывая сколько лет у меня ещё впереди, стоит не дёргаться, а остаться здесь. Три года по любому есть, до двадцати не выгонят. Но тогда стоит заняться обустройством этого дома. Полы — ладно, а вот мыльню нужно построить хоть как. Зимой под водопадом не помоешься. не буду же я три месяца тряпками обтираться. Как бы подбаться с этим вопросом к Морне? Вряд ли она захочет на непривычную блажь деньги и время тратить. Тут если только я оплатить сумею... Ну вот, опять всё в деньги упирается. Ладно, в городе посмотрю, что да как, там и решу. Вот уж никогда не мечтала, что на старости лет буду бизнес проекты обдумывать. Хотя, какая у меня теперь "старость лет". Я

почти вдвое моложе Иришки сейчас.

Стало очень тоскливо. Вера утешала себя тем, что не ребенка малого оставила, а взрослую самостоятельную женщину. Но, как-то мало помогло. Так и уснула со слезами на глазах.

После кучи утренних хлопот сели завтракать. Опять яичница, лепёшка уже — совсем сухарь.

— Надо бы хоть пару раз в неделю суп варить что ли. А то буду полтора года лет язвой маяться. — Мысли были не самые радужные, Вера нервничала и не знала, как приступить к расспросам о правах женщин. Всё же Морна простая сельская жительница, вряд ли в законах хорошо разбирается. Ну, с чего-то всё равно нужно начинать.

— Морна, я вот спросить хотела...

— Ну, хотела — дак спроси. — Морна потянулась и погладила Елину по волосам. — Ты, как отболела, прям золота девка стала. И работа в руках спорится, и заставлять да ругаться не нужно — сама ищешь. Слава Единому, повзрослела прям и поумнела!

— Ну вот смотри, если я, допустим, деньги заработаю. То они чьи будут?

— Как это — чьи? Ты заработаешь — дак твои, вестимо.

— Не знаю, как тебе и объяснить... Вот смотри, у нас в семье кто хозяин?

— Не пойму я, Еля, тебя. Я — хозяйка в доме.

— А деньгами кто распоряжается?

— Да я и распоряжаюсь, смотрю, что из еды прикупить нужно, что продать, чего из одежды не хватает.

— Нет, как-то я бестолково спрашиваю. А вот аристократы? У них кто в семье распоряжается? Вот город, ты говорила — баронский. Значит барон с города налоги получает. Так? А налоги эти он как тратит?

— Да вестимо как. У него жонка молодая да красивая, дак у него и денег нет никогда. Дорога вон возле города разбитая вся, а она только об нарядах и думает. Сказывают, что даже по будням бархат носит и туфли из кожи змейной. Аж из самого Сарандана ей возят.

— Сарандан — это что такое?

— Страна такая, дальняя-дальняя. Сказывают, там один песок и люди черные. Ну, я не видела, врать не стану, а в Кроуне когда была — там ухажёр мой сказывал. Ещё сказывал, что там не в Единого верят и жён по многу держат... Ну, он такой охальник да баламут — может и приврал.

Мысли у Веры совсем разбежались. — Ну, ведь ничего о мире не знаю и что спрашивать — тоже не знаю. Ведь не обратишься с прямым вопросом. Типа — дорогая Морна, а как у вас обстоят дела с правами женщин и феминизмом? Как к теме-то подобраться? Так ведь и будем отвлекаться. Если только о ней самой начать расспрашивать? Ну, попробую.

— Морна, а расскажи, как ты замуж выходила первый раз?

Морна засмеялась и махнула рукой...

— Ой, Елька, ты как спросишь! Да как как, обнаковенно выходила. Гуляли мы с Лахом чуть не год вместе, а потом он пришёл к отцу моему, всё честь честью, с родителями и с Телепом. Ну, родители уже ждали, стол богато накрыли. Так и сговорили меня.

— А если бы ты не хотела за него?

— Не понимаю я тебя. Как не хотела, когда я хотела?

— Ну, вот представь, не ты с Лахом, а аристократка какая-то. И к ней старик сватается. Вот что она делать будет?

— Ах вона ты про чооо... — Морна нахмурилась. — Бывает такое у ристократов,

бывает. Родитель договорится да и отдаст девку за богатого. Ну, девка, ежели не дура и не неженка, всегда может в храм к Единому уйти. Ну, только тама за просто так-та не станут держать, работать придется. Ну, кто поупорнее — работают. До тридцати лет работают, а потом она вся на своей воле будет. Ну, только если родители огневаются — ей ведь и дальше как-та жить нужно. А они, девки то ристократные, не больно приспособлены к работе. Так что выходят они против воли, бывает такое, да. А потом мужа охмурят да и крутят им, как последние, прости Единый за мысли дурные. Наша-та баронесска, сказывают, как раз из этих самых и будет. И то сказать, барону за сто сорок завалило, у него уже вон и седина пробивается, а ей двадцать три только, одни любви на уме да наряды. Потому с ней завсегда этот менустрель-та и разъезжает.

— Менестрель?

— Ну, вродеба так его называют. Тьфу, аж смотреть стыдно. Видала я их в том году. Честна девка так себя вести не станет.

— Морна, а если я не захочу замуж выходить?

— Тюуу... А чего ты при мне будешь сидеть пришитая?. Ежели так подумать, дак я то не против, помощница с тебя знатная. Ежели взад дурить да молчать не начнешь, дак и живи, тока в радость мне будет. Но ведь это не хорошо будет-та. Век девичий короток. Тридцать-сорок лет будет — дак и всё, только вдовец какой тебя и возьмёт.

— Почему? Детей родить не смогу?

— Почему не сможешь? Сможешь, конечно. Бабы, кто крепкие, и в восемьдесят, бывает, рожают и в сто. Ну, говорят вредно это для ребёночка-та. Больные часто выходят детки. Да и бабы быстро после такого стареют совсем. Ну, только вот так принято. Всяк семью хочет и гнездо своё.

— Морна, а вот я ещё спросить хотела, только мне вроде как неловко...

— Дак говори уже, никто ведь не слышит, тока я.

— Ну тебе уже больше пятидесяти?

— Дак пятьдесят семь мне.

— А сын у тебя один.

— Дак и чево?

— Ты больше рожать не можешь?

— Тьфу на тебя, девка. Чо-та не могу?

— А как ты предохраняешься?

— Чево?

— Ну, как предохраняешься, что бы случайно не забеременеть?

— Дак не сплю с Варой-та, вот и вся наука.

— Совсем не спишь?

Морна притихла. Смотрела, брови хмурила и опять губами жевала. Видно, что задумалась.

— Морна, я что то плохое сказала? Или обидела чем?

— Ты иной раз взрослая да разумная, а иной — как дитё мало... Ну, всё одно, научить-та тебя надо. Мало ли чо, всяко в жизни бывает. Слухай, ежели кто тебе по душе будет, а дитё рано тебе, да, упаси Единый, не замужем ты, дак ты в женские дни с мужем не спи.

— Разве это помогает? Так ведь и случайно можно забеременеть.

— Да Единый с тобой. Откудова случайно-та? Раз в пол года только и есть у женщины возможность ребёночка заделать. Уж кака бы там страсть не была меж вами, а седмицу-та

можно удержаться. А байстрюков, сама знаешь — не любят очень.

Вера выпала в осадок. Большую часть жизни, каждый месяц, день в день, она начинала пить обезболивающие. И после родов Иришки ничего не изменилось, хотя гинеколог и обещала, что пройдёт. Боль не снималась полностью, приходилось работать и терпеть. Спазмы, тошнота. А перепады настроения чего стоят, когда из-за пустяка хочется скандалить, как бабке базарной. А тут — такое счастье. Слава богу, нет-нет-нет, слава этому самому Единому за такой подарок. Ей просто необходимо остаться одной и "переварить" информацию.

— Морна, пойду я на огород. Я вчера так баку и не дополола, не успела просто.

— Иди, Елинька, иди, детка. Единый в помощь.

Вара и Гантей вернулись ближе к вечеру. Вара был слегка навеселе, что сподвигло его произносить бесконечные витиеватые любезности. К Морне он обращался монологами такой длины, что начинал путаться сам.

— Любезная многомудрая жёнушка, которую ниспослал мне сам Единый, да будут его свет и тепло вечны, очень бы хотелось вызнать, угодил ли скромный мой подарок его сердцу... Нет, моему сердцу... Нет, подарок мой, а сердце — твоё, значит — твоему... в смысле — сердцу... Подарок, в смысле...

Морна розовела, как девочка и смеялась. Подарок явно угодил. Большой отрез персикового шёлка она прижала к груди и поглаживала, как кошку. Одежда на мужчинах была совсем грязная, местами поблескивали рыбки чешуйки, прилипшие к ткани. И пахло от них не слишком свежей рыбой. Погнав их мыться Морна засуетилась.

— Ой, Елинка, надо было обед-та пораньше стряпать, а мы вот все возились, а теперь стирки полно, и кожи рыбацкие помыть надобно.

— Кожи?

— Ну, кустюм-та из кожи для рыбалки шьют. Она мокнет меньше и от ветра лучше защитит. Еще такой мазью специальной натирают — вода с него и скатывается. Гантею-та не положено еще такой, больно мал. Вот как сам сможет без Вары в море ходить — и ему справим. А кожи кипятить-та нельзя, их надо в холодной воде замыть.

— Так иди, замой, в чём проблема?

— Как ты говоришь-та чудно, Еля. Прон-бле-ма... Пронблема что обеда-та нет.

— Я приготовлю.

— А сможешь ли?

— Я, Морна, вспомнила, как мама блюдо одно готовила. — Вера врала, что называется, на голубом глазу.

— Ой, слава Единому, всё вспомнила-та?

— Нет, Морна, так, какие-то эпизоды. Ну, эпизод — это случай, отдельный какой-то кусочек из жизни.

— Ой, чудно говоришь... Ну, да ладно, потому, можа, другие пизоды вспомнишь. Дак сготовишь сама?

— Сготовлю, мне только масло нужно и крупу. Остальное знаю, где взять.

— Крупу-та каку тебе? На сладку кашу или в суп?

— На кашу. И еще, долго ее варить?

Морна уже копалась в ларе с продуктами.

— Вот ета, что крупнее и жёлтая, она на кашу. А вот еще травки можно для аромату. Заварить кипятком да на малом огне потомить. Она быстро готовится. Ну и там молочка добавь, сливочек, меду тоже можно немного. Масло и сама знаешь, где взять.

— Иди, иди, справлюсь я.

Костер Елина развела быстро, уголья прикрытые с утра раздула, сушняка подкинула и вот уже и вода закипает в котелке. Всыпала крупу и сняла котелок с огня. Сходила в подпол и выбрала крепкую ещё тыкву, самую маленькую. Прихватила луковку, морковку и маленький кусочек салыца. Масло брать не стала — и так вкусно будет, на сале-то оно даже лучше. Обмыла тыкву, вычистила. Разрезала на четыре части. Две — побольше, две —

поменьше. Взяла сковородку, тяжелая, зараза, огромная. Пристроила на половину над костерком, что бы не слишком сильно огнем доставало. Сало порезала мелкими кубиками и кинула томится в одной половине сковороды. Так, теперь режем мелко луковку и морковку соломкой. В сало всё и слегка обжарить. Крупа уже набухла. Воду слить и в крупу — всю за жарку. Пусть немного остынет, что бы руки не жгло. Да, и посолить круто. Тыкву-то не буду солить, и так хватит. Каждую четвертину тыквы порезала на поперечные куски, по сантиметру примерно, не разрезая шкурки. Подумала-подумала, сходила в подпол ещё раз и принесла два яйца.

Ну вот, крупа с жаркой остыли — вбить туда яйца. И этой массой проложить дольки тыквы. Вот теперь сковородку можно на огонь всю ставить. На дно сковороды — водички плеснуть. Тыкву аккуратно собрала снова в шар и перевязала ниткой шёлковой. Авось не развалится. На сковороду её, красавицу, и закрываем самой большой миской глиняной. Как закипит вода — с краю видно будет. Миска то поменьше сковороды в диаметре. Может долить придется. Минут через тридцать нужно будет тыкву перевернуть, сейчас на "попке" лежит, а после на хвостик поставлю. И пусть себе томится. Как закипит — костерок раскидаю, тепла от угольев хватит, что бы допрела крупа и тыква. Ну, не запеченная, конечно, но тоже должно хорошо выйти.

Мужчины после мытья пришли притихшие, Вара явно протрезвел. Топтались у стола, на котором стояла прикрытая ветошью сковорода. Елина укутала, что бы не простыла еда. Садится не решались. Что уж там Морна им наговорила, неизвестно. Елина уже подумывала пойти помочь достирать, но тут Морна сама явилась И, так же, как мужики, воззрилась на кучу тряпья на столе.

— Морна, надо всем миски отдельные.

— Ну, прям как ристократы будем.

Когда снимала миску-крышку смотрели все на неё, как дети на фокусника. Лопатки не было, но Елина выбрала самый широкий нож и им управилась. Вполне ловко получилось. Разрезала нитку. Крупа ещё подраопрела, вытолкало её частично из долек в пустой центр тыквы и яйцами её ещё прихватило. Так что по старым надрезам просто ножом провела и получила четыре красивых больших порции.

Ели молча, но Гантей ложкой выскоблил шкурку так, что аж порвал в некоторых местах. Наконец Морна заговорила.

— Покажешь потом, как стряпала. Матка твоя, согрей её Единый, видать в городе научилась так-то.

— Вкусно?

— А то сама не видишь? Вона Вара-та, как кот сытый жмурится.

Чай, по поводу жаркого вечера, пошли пить на крыльцо. Морна расщедрилась на глечик с мёдом.

— Ладно уж, всегда бы так ужинать — лучшего и не надо.

— Надо, Морна, надо.

— Не гневи Единого-та, не жадничай. Вот накажет тебя, что сетуешь...

Но видно было, что не сердится, а ворчит так, больше по привычке.

Утро солнечное, днем жарко будет. Елина обмывалась у водопала и ёжилась. Надо бы еще придумать что-то с зубной щёткой. Ну, в город поедем — может там найду. Но вот деньги у Морны как-то неловко просить. Они ведь ей не с неба падают.

— Утро доброе, Морна.

— А и правда — доброе. Вчера Вара-та и рыбы богато споймал, да и сдал всё не задёшево. Видала, каку ткань-та привёз?

— Красивая, даже очень. Давай тебе платье сошьём?

— Что ты, куда таку красоту носить-та буду.

— Да вот в город поедем, туда и будешь. Ты ведь молодая ещё, что её хранить?

— Мало ли, как жись-та повернётся. А продать таку завсегда можно. С самой, слышь, Лигмы ткань-та.

Тама лучшую делают. Ихние хозяйства и синию выпускают и всякую. Самый тонкий и крепкий у них матерьял-та. А по крайчику, как ткут, такие секретные узелки вплетают. Больше нигде таких не делают, а всякий видит, откуда матерьял.

— Из такого материала на тебя платье можно сшить — всем на зависть. А в сундуке будет лежать — ну, какая тебе самой радость от этого? Вара ведь для радости тебе подарил, а ты спрятать хочешь. Не думаю, что ему приятно будет. Вот скажи, какие сегодня планы у нас на день?

— Дак обнаковенные планы... Мужики пусть отдохнут немного, я их даже и будить не стала. Огород ты почти весь справила. Ну, попозднее надо коняшку выпустить, попасти. Ну, в стойлах почистить. Обед сготовить. Курям корму засыпать и воды всем налить. Свиням вчера варила — покормить тока надо.

— Это мужчины и без нас все отлично могут сделать. А мы с тобой давай сейчас прямо пойдём платьем займемся. Я тебе фасон придумала — прямо супер!

— Какой такой супер?

— Мама моя так говорила. Это значит — очень красивый. Ну, соглашайся давай. Я сейчас яичницу мужикам пожарю, поедим и завтра ты в город уже в обновке поедешь. Заодно сундук мой пересмотрим. Может что-то продать нужно лишнее, а что-то докупить.

Знала, знала куда бить! Любопытство — страшная вещь. Так Морне интересно было приданные шелка рассмотреть и вышивки — не устояла.

Все тряпьё из сундука Морна перебрала, разложила поверх кровати, вышивки — каждую к свету поднесла, любовалась, языком цокала. Особенно восхитили ее платья, что от мамы Елинкиной остались. Отвлекалась только в зеркало поглядеть да ткань к лицу прикинуть — идёт ей такой цвет или нет? А вышивка такая? Гантей сунулся было с вопросами — прогнала и на шумела на него. Нельзя женщину от такой радости отвлекать! Для деревенской молодухи это всё — как шоппинг в Италии для модницы.

Елинка в это время обмеряла Морну шнурком подходящим, узелки завязала, а что бы не спутать, какой к чему — по краю стола зарубки сделала. И ножом нацарапала у каждой — ПОБ, ПОГ ну, и остальные все мерки. И отпустила Морну дальше добро перебирать.

Платье она решила сделать с поясом под грудь и со сборками. Бюстгальтеров здесь нет, а Морна, всё же, ребенка кормила. Вот пояском то ей грудь поднимем и в сборочки красиво уложим. С выточками с таким инструментом связываться Елина не рискнула. Даже обмылка

или мелка нет, так и резать ткань на глазок пришлось. Вышивку точно не успеть сделать, времени мало, но из подходящих бусинок между грудей брошку изобразить — вполне успеем. Рукав скроила тоже по косой, чуть ниже локтя и немного расклешенный. Сметала на живую нитку. Еле оторвав Морну от тряпья поставила на первую примерку.

— Еля, чтой-та оно больно не такое...

Елина в это время подтягивала и поправляла складки на груди. Глубину выреза пометила. Вот тут ещё немного ткань присобрать и бусинки нашить, типа брошки.

— Да ой, дак как сидит-та не по людски.

— Тебе не нравится?

— Красиво, ничо не скажу, но тако если тока баронесске нашей впору носить. Мне то куда таку красоту? Почему другие тако не носят, а я буду?

— Потому, что ты красивая, просто забыла об этом — Елина смеялась.

— Ну уж, не знаю, не знаю...

Видно было, что платьё Морне нравится, даже очень. Она смотрелась в зеркало и оглаживала ткань, поворачивалась, улыбалась как-то смущенно.

— Никто ведь, Елинька, такого не носит. Може тока ристократки в городе.

— Ты не хуже никакой аристократки, а лучше и красивее. Я тебе ещё волосы зачешу сама. Пусть все видят, какая ты.

Сели шить. Морне дала рукава, сама взялась за платьё. Руками шить — дело не быстрое. Перерыв на обед сделали, кашу сварили, с молоком и мёдом. Поели быстренько и Морна скомандовала мужчинам за дровами идти. И снова за шитьё засели. Подшивала подол Елинка уже сама. Совсем стемнело, пришлось ближе пересесть к светящейся доске. Морна ушла паковать одеяла, которые на рынок повезет продавать. Ну, последний рывок — бусины. Глаза уже совсем слипались, но Елинка дошила таки. Не умывшись, только свет тряпкой закинула, повалилась спать.

Утро выдалось заполошное. Пока Морна всех наспех кормила, пока стаскали мужчины весь груз к подножию холма по тропинке. Телегу, оказывается, там и оставляли. Больно высоко дом на холме, зачем животину надрывать. Заодно Елина лучше познакомилась с коняшкой. Звали его Кук. Был он покладистый солидный мерин, ни к каким авантюрам не склонный. Понятно было, что поедут не быстро, ну и ладно. Скорила ему соленый сухарик. Сжевал, тяжко вздохнул — мол, маловато будет. Ткнулся в ладонь тёплым носом и укоризненно глянул в глаза. Елинке аж неловко стало. Явно не оправдала ожидания.

Пока все суетились, Вера успела сделать из обрезков шёлка несколько штук цветов в технике казанши. Клеевого пистолета не было, но и иглой с нитками она прекрасно справилась. В лихие девяностые она штамповала такие цветы десятками, а в летние каникулы и сотнями. Это был способ принести домой живые деньги. К шпилькам цветы тоже пришлось прикрепить нитками, просто привязать. Ну, ничего. Посмотрим, что здешние мастера делают, каким инструментом пользуются — сделаем ещё лучше. Кто ручками работать умеет, тот всегда на жизнь заработает.

Из своего сундука она прихватила три шелковые туники. Тех, что с самыми красивыми вышивками. Тех, что остались от матери настоящей Елины. Ей эти туники были велики, Морне — явно малы. Продать их, и дело с концом. Слишком много ей купить нужно. Все же не самое это прибыльное дело — сельское хозяйство. С голоду не помрёшь, понятное дело, но и каких-то излишков не будет. А Вере хотелось нормальную кровать, нормальную баньку, ремонт в комнате — хотя бы стены оштукатурить да полы настелить, потолок сделать и дверь нормальную. Да и вообще — много чего хотелось, хотя бы — зубную щётку.

В дворе Морна наставляла Гантея.

— И с Кореней своим чтобы не бузил и гулять не бегал, а то выпорю, так и знай!

— Ну, маааам...

— Да не мамкай мне! Мысу-та вечером подои, не забудь, да молоко процеди и в погреб снеси.

— Да понял, понял я всё...

— Да курей на ночь не забудь загнать.

— Да знаю я...Мам, ну можно?

— Ежели всё сполнишь, то Единый с вами, ночуйте. Еду я вам сложила там, кашу-та не забудь после ужина в подпол снова снести, а то скиснет, голодные ведь будете. И до утра мне не сидите! Знаю я вас!

— Ну маааам...

Цветы Елина побоялась помять, потому додумалась сложить их в чистый небольшой горшок. Туники и новое платье Морны завернула в простецкий шёлк, что бы не запылились в дороге.

В телеге толстый слой соломы. Морна прикрыла его старым застиранным одеялом. Две корзины с едой. Тюки с одеялами, еще какие то мешки и свертки. Ну, места хватает и ладно, а одеяла можно и под спину, для удобства. Тронулись.

— Морна, а мы приедем только к вечеру. Ночевать в телеге будем?

— Зачем в телеге-та? Сестра у меня, Корна, взамуж вышла в город. Муж ейный, Кубер, знатные мебелиа делает. Кому стол, кому сундук, стулья тоже может, лавки. Кому что

потребно, то и делает. У них дом свой на окраине, подворье большое. Тама и телегу оставим, и заночуем, и покормят нас. А за средину лета они к нам пожалуют. Вара с ним, с Кубером-та, в море сходит, раз или два, скока надо будет. Рыбы им накоптим и засушим. Чай не чужие люди.

— А ты скажи, Елинька, ты чего в узел то себе навязала?

— Платья там. Тебе малы, мне велики. Что хранить их? Продам и куплю, что мне нужно будет.

— От дурна девка! Да рази ж можно этакую красоту продавать? А что велико тебе — дак дорастёшь ещё. Да и память от мамки твоей. Неужели не жалко?

— На память я одно платье оставила. В котором маму помню. От того, что я её вышивки в сундуках сгною, лучше никому не будет. А так — всё кому-то на радость.

— Еля, продадим одеяла — купим тебе всё, что потребуешь. Я жа тебе говорила, второй сундук пора заводить для приданого, дак для тебя жа одеяла-та.

— Посмотрим, мне много что нужно, Морна.

— Чево тебе тако нужно, не понятно мне. На одежду хватит. Сапожки вот зимни тебе малы — дак тоже хватит. Плащик ещё суконный поищем. А то дак сукна купим — сама спроворишь. Ну, горшки-кринки сама себе выбирать будешь, но на всё про всё хватит. Тута ведь за целу зиму, что я наткала. По серебрушке, не меньше за кажно.

— Вот! Вот я даже цен не знаю на всё. Горшок сколько стоит?

— Ну, смотря какой, да какова мастера. Ну, хороший да большой — дак и пять медяков отдашь.

— А шёлк? Вот простой отрез на платье?

— Ну, тута тоже как сторгуешь, но пол серебряного можно уложиться.

— А в серебряном сколько медяков.

— Дак двадцать, как обнаковенно.

— А в золотом сколько серебряных?

— Дак тоже двадцать, завсегда так и было.

— А сколько корова стоит?

— Елинька, дорого она стоит, но ежели всё у нас гладко с тобой будет — купим тебе к свадьбе.

— Ну, мне ещё не завтра замуж выходить, можно не торопиться с коровой — засмеялась Елинка — Но вот цену надо бы знать.

— Мы Мысу-та телёночком брали, дак и то золотой отдали. А за взросло — дак и полтора отдашь.

— Ого!

— Вот те и ого... Корова-та в хозяйстве сама дорога, дак и кормит она же. На одной то воде каша грустна получается.

Елинка засмеялась. "Грустная каша" — это хорошо сказано!

— Ладно, хохотушка, ладно — заулыбалась Морна. — Поспи вона лучше, пока не трясёт. Приедем-та поздно, да пока разгрузимся, да то, да сё, кто знат, когда спать ляжем.

А и правда, встали до петухов, можно и подремать.

Елинка натянула на ноги край подстилки и, потыкав, сдвинула тюк с одеялами. Солнце уже встало, но ещё не пекло, небо было бездонным и ей казалось, что она падает прямо в туда, в эти пушистые облака, купается в них. Телегу не трясло, чуть покачивало, как колыбель. И усыпалось так же, как в колыбели — сладко-сладко.

Днем, в самы солнцепёк, сделали маленькую стоянку. Дорогу Вара знал, свернул в разрыв кустов и, метров через 10 от дороги, вывез на полянку с ручейком. Кука распрягли, стреножили верёвкой и пустили попасться.

— Пока сонце-та в зените — в тенёчке перебудемся. И самим легче, и животину томить не станем.

Вара только угукнул в ответ. Елинка вообще заметила, что он не слишком разговорчивый. Когда не спрашивают или не обращаются прямо к нему — всегда молчит.

С краю поляны было старое костровище, там и развели огонёк. Есть не хотелось, от жары всех разморило, но чай Морна сделала и всех заставила выпить по кружке.

В путь тронулись часа через два. Дорога надоедала. Ровные скучные кусты мыльнянки, как в коридоре едешь. Сама дорога не широкая, утопанная, видно, что не слишком часто тут ездят. Местами даже травка пробивалась. Поди какой-нибудь особо стойкий сорняк. Лучше бы вместо мыльнянки деревья были. И тень, и, опять же, хоть посмотреть по сторонам. Может где село другое или еще что-то интересное. Но нет, так и тянулись по дурацкому "мыльному" коридору. Ближе к вечеру в полотно дороги стали вплетаться боковые ветви. То с левой стороны, то две с правой, и сама дорога стала пошире и похуже. Появились ямки, местами камни, почва какая-то другая цветом стала и пылила. К тому времени, как въехали на мощеную часть дороги Елинке уже совсем муторно было. Но, оказалось, это — цветочки. Она вылезла из телеги и попробовала идти пешком. Дорога была мощена булыжником скверно, местами камни шатались, а местами и отсутствовали. Чуть ногу не вывихнула. Залезла снова в телегу. Трясло немилосердно, не помогала ни солома, ни толстое одеяло поверх соломы. Все камушки и выбоины пришлось попой пересчитывать. Растрясло её знатно.

Уже почти в темноте подъехали к какому-то дому. Стучали в ворота, собака с цепи рвалась, охала вторая Морна, причитала над ней. Елину вырвало. Стало легче. Ей сунули кружку с каким-то кисловатым питьем и это было так кстати, так во-время... Но Морн почему-то всё равно было две.

Утром Елина проснулась от крика петуха. Всё, как обычно. Только тело ломит.

— Уж не заболела ли я?

И тут она вспомнила. Две Морны...

— Сестра-близняшка, не иначе. Это вчера я никак сообразить не могла. Интересно, Корна такая же? Или городская — "балУванна"? Кстати, про близнецов можно было и догадаться. Морна и Корна... Не слишком у родителей с фантазией было. Морне бы вот другое имя подошло. Что-то ласковое и мягкое.

Марьюшка — например, или там — Настенька. Хороший она человек. А уж как корову предложила купить — у меня глаза защипало. Это ведь, как минимум, за весь год доходы от хозяйства у неё. И ведь ничего особого я не делала. Просто отнеслась к ней так, как она ко мне. Золотая тётка... Надо же, как я привыкать-то быстро стала, что — молодая. По сути — то — я ведь ее чуть не вдвое старше.

Кровать, на которую её уложили была не впример той, деревенской. И матрас помягче, да и подушка — явно пуховая. И пух хороший, не кура щипаная, гусинный, наверное. Даже вставать лениво. С другой стороны посмотреть — организм молодой, много ли ему сна

нужно? Так что — рррота, подъем!!!

— Вот где бы умыться здесь? И шуметь не хочется, может спят еще люди. На улице только-только светать начало. Вот эта, наверное, на улицу дверь...

Прямо в дверях она натолкнулась на Вару.

— Доброе утро!

— Доброе, эта... Ты, девка, не заболела ли?

— Нет, всё хорошо. Просто растрясло меня в дороге. Меня и раньше укачивало всегда...

Ааапс...

У Елины аж дыхание перехватило. Чуть не ляпнула про автобус. Одна радость, что он её дурковатой считает.

— Вара, а где тут умыться можно и туалет?

— Ну, пойдём, эта, проведу.

Повел от крыльца за угол, за дом. Махнул рукой — туда, мол дальше.

— Спасибо.

— Ты, эта, постой, девка. — Схватил за руку.

Сердце у Елины в пятки ушло. Он не Шварценеггер, конечно, но крепкий мужик. А она подросток, даже смешно думать — справится с таким.

— Ты, девка, не дури больше. Морна, эта, и в гости-та не хотела. А как не пойти, если у брата мово сын женится старшой. А как пришли, она к тебе в комнату. А ты, эта, видно, что вставала... И тряпки на морде нет от жара которая. А отвар так и стоит невыпитый. А она за травы-та Лещихе аж пол серебрушки платила, а ты, эта, пить не схотела. Она плакала, боялась, эта, что помрёшь. Говорит, эта — так ненавидит меня, что лукарство не принимает. И вставала к тебе, я эта, слышал. Поила тебя, как ты, эта, в жару-та была... И ночью, эта, сидела до утра почитай. Дак ты не обижай её. Она щас радостная, а ты, эта, начнёшь дурить — сам тебя в приют свезу. И пропади он, эта, дом-та твой. Поняла, девка?

— Вара, я не видела отвар, честно. А то бы обязательно выпила. Ты прости меня. Морна, она очень хорошая, я никогда её больше не обижу. Правда не обижу. Прости.

— Ну, эта, ступай... Тута за углом умывалка висит.

Ночью, очевидно, прошёл дождь, было свежо и немного зябко. А умывальник порадовал. Глиняный горшок и снизу — стержень. Почти такой, только металлический полностью, был когда то у мамы в деревне. Нужно обязательно такой купить. Не будешь же зимой к водопаду бегать. Хотя, это, конечно, большое везение, что воду не нужно таскать ведрами на стирку и прочее. Кстати, надо бы узнать, какие здесь зимы. Долго ли снег лежит, да и есть ли он вообще. Может здесь климат как в Сочи и для них снег это радость и приключение.

За завтраком Елина с удовольствием наблюдала за сёстрами. Она не обижалась на настороженное отношение Корны. Раз Корна приезжала в деревню и видела, как не ладят Морна и девочка, то не стоит её осуждать, она за сестру переживает. А Морна разливалась соловьем — нахваливала Елинку, про тыкву рассказывала и платье.

На стол хозяйке помогала накрывать девушка одних, примерно, лет с Елей. Но крепкая, коренастая, с румянцем во всю щеку. Прислуга в доме. Явно не бедствовали хозяева.

Муж Корны — лысоватый крепыш, видно, что постарше жены — пытался степенно беседовать с Варой.

Рассказывал, как его купец приезжий угостил за отличный сундук стопочкой

— Чисто огонь по горлу прокатился. И внутрь всю так славно согрела. Говорил, что с самой Рандии вёз, только для себя, ну, и немного в подарок — больно дорогое вино. А я сундук ему знатный отделал. И лаку не пожалел на отделку, воду лили в него — дак не выливается. Значит, если там, грузчики, допустим, в лужу уронят или в дороге под дождь попадёт — всё сухое будет. Никак иначе!

Вара вздыхал и жалел, что ему такого не попробовать.

Но в целом беседа общая была несколько сумбурна — почти все пытались говорить одновременно, рассказывали какие-то новости про общих знакомых из серии "родился, женился, умер". Спрашивали друг друга о всяких делах домашних, теряли нить беседы и снова начинали гомонить. Видно было, что и хозяйева гостям рады, и родство у них не только по названию. На завтрак Корна выставила отварную баку, жареную курочку, от которой Елинке досталось румяное бедрышко, и к чаю — потрясающие булочки с корицей. Вот тут уж ошибиться невозможно, это была именно корица. Эту пряность Вера обожала. Когда, с возрастом, перестала печь, просто потому, что для себя одной — как-то и незачем, а больше угощать было некого, она изредка покупала маленький пакет коричневого порошка и высыпала в красивую вазочку. И нюхала. Самый замечательный запах дома — это запах булочек с корицей.

После завтрака Кубер потащил Вару в мастерскую, чем то ему нужно было срочно похвастаться. Елина усадила Морну на красивую резную табуретку, расчесала гребнем и замшевым шнурком связала волосы в высокий хвост. Чтобы шнурок не болтался, вплела его в косу. Волосы у Морны темные, не сказать, что сильно густые, поэтому косу она, каждый виток, чуть "растащила" в стороны, так кажется, что волос больше. Подогнула кончик косы вниз и шпилькой приколола все к затылку. Достала из горшка

шпильки с канзаши и окончательно закрепила волосы. Три цветка хватило. Осталось еще два, покрупнее. Их она подарила хозяйке. Видно было, что Корна довольна. И дело не в том, что подарка не ждала, а в том, что такого раньше не видела.

— Всё, Морна, готово. Платье одевай.

Над платьем охали и ахали еще минут пятнадцать. Служанка не отставала от Корны. Похоже, нравы здесь совсем простые. Ну, или это хозяйка такая — некичливая. Морну крутили и рассматривали так, что в конце концов и ей надоело.

— Пошли уже, а то скоро домой возвращаться, а мы еще до ярмарки не дошли — поторопила Елина.

— А и правда, где Вара то с Кубером? Фера — это Корна служанке — сбегай, позови. Уже и выходить пора. Весенней то ярмарки три дня только и осталось. Ваша то, сестренка, кто с Пирморского приезжал, дак вчера ещё домой подались. — Не встречали их в дороге то?

— Нет, за весь день никого не видали, даже я ещё подумала, что странно так-та.

— Я за курами ходила с Феркой — видела Телепу вашего с младшей дочерью. И этого, как его там, хромает который. Но это в первый день было, уехали уже, наверное.

Да и мы бы в первый-та приехали, дак брат-та Вары свадьбу играл сыну старшему. Никак тут не отбрехаться было. Не люблю я этова — пьют, меры не знают, потом болеют скока дней...

— Ну, Морна, в праздники то можно немного...

Елинка слушала и понимала — идею гнать самогон стоит забыть. Вара, хоть и неплохой

мужик, и Морну любит, но выпить — явно не дурак. А Морне она ни за что не хочет нервы трепать. Так то, конечно, удобно. Крепкие напитки здесь, похоже, дорогие. Про самогон она давно думала. Обычно все нормальные попаданки этим и занимаются. Ну, ещё кружева вяжут или трактир открывают. А остальные, те, которые в академиях магических учатся — спасают мир и колдуют. А вот что ей делать — как-то не очень и понятно.

Крик стоял такой, хоть святых выноси. Из дома все выскочили вместе — и сёстры, и Елинка с Ферой. Орала в глубине двора, в какой-то пристройке.

— Да ты жа обормот безрукий сам столько не стоишь, сколько попортил!! Тебе что сказано было? А ты? Ты что наделал-то, балбесина ты такая! Да вот я отцу твоему все расскажу, пусть он тебя, раздолбая, выпорет! Так и знай! И реветь неча тут!

Кубер с красным от злости лицом кричал на толстого ревущего парнишку.

— С глаз моих уйди вон, расточитель ты!

Глядя на толпу, что набилась в мастерскую, он со злостью начал объяснять:

— Я его, негодяя, поставил лак нагреть. Дак сколько раз повторил, что бы тока нагреть, да не кипятить ни в коем разе! Думал, до ярмарки то как раз успею скамейку покрыть. Да сам от с Варой то отошел. А он, ишь, костёр-та бросил и на солнышко пошел. И лак то весь закипел! А как закипел, дак теперь не застынет. Будет только пленка липкая, и всё. Спортил ведь, подлец, цельный горшок. Ученик называется... Наказание он мне, а не ученик. Пошел вон домой, а к отцу я сам приду и всё обскажу про тебя. Уйди с глаз...

Размазывая сопли и слезы по лицу бедолага скоренько протолкался через всполошенную семью и выскочил со двора.

— Да успокойся, родной. Я же говорила, не будет с него толку, ленивый он очень.

— Дак как успокойся! Цельный горшок!

Пришлось Корне налить мужу малую кружечку пива — чисто в успокоительных целях, разумеется. Заодно и Вара не отказался.

К ярмарке подошли целой армией. Впереди, ледоколами, Морна с сестрой. За ними, слабое звено, Елинка и Ферна, и замыкали колонну телохранители — Вара и Кубер. На них же и повесили тюки с одеялами. Но на самой ярмарке решили разойтись. Кубер с Корной пришли продуктов на сейчас взять, а Морне нужно было основательно закупиться, да и своё продать. Торговать поставили Вару, а в помощь ему выделили Ферну. Молодая она, голосистая. А шум стоял такой, что голова кругом шла. Зазывали торгошники, чисто и звонко выводили трели торговли молоком. Каждая старалась перекричать соседку. Аж в ушах звенело. Фере Морна пообещала с каждого проданного одеяла по медяшке. За те, что с шерстью — просить полторы серебрушки, а остальные — серебрушка. Больше пяти медяков не уступать. А ежели продаст за полторы, то ей, Ферне две медяшки достанется. Варна остался для солидности и охраны. Приткнулся на нераспакованный тюк и достал из сумы деревяшку и небольшой ножичек.

— Идите ужо, я, эта, присмотрю значитя...

Морна подхватила Елинку под руку и потащила в густую толкучку. Купили кур живых. Пять молодых и десяток совсем мелких, уже не цеплята, но еще и не курицы.

— Молодых то съедим, а к тому времени и остальные подрастут.

Мешки со связками птицы оттащили Варне. Ферна как раз принимала деньги от покупателя.

— Ишь ты, кака ловка-та — похвалила Морна. Два медяка отдала сразу же. — Ну, торгуй, старайся.

Дальше пошли смотреть овощи. Но тут было не слишком богато, всё — прошлогоднее. Купили большой мешок баки, муки белой мешок. Еще Морна взяла мешочек сушеных

овощей. Тех самых, что у неё дома в корзинке Елина не смогла опознать. Сказала — вкусные очень в супе. Моркови доукупили немного — слишком вялая. Лука и вовсе не было. Только перо зелёное. Ну, такое уже и у них на огороде есть. Зато купили чеснока крупного и хорошей сохранности. Соли мешок. Рыбу солить пригодится. У одной торговки Елина углядела ярко-белый порошок в горшке. Оказалось — из старой баки готовят. Попробовала — обычный крахмал. Были ещё какие то травки незнакомые. Были и знакомые — в горшке огромном почти до середины — чай. Такой же, как у них дома. Ну, это всё лишнее.

Почти с каждой покупкой возвращались к Варне и складывали возле прилавка. Подошли четыре мужика с мечами на боку и в кожаных стёганных доспехах. Ну, или фиг знает, как такая штука называется. На всех одинаковые серые плащи с зелёной полосой по подолу. С ними пожилой мужичок с цепкими глазами. Осмотрел всё, что продавать собирались. Взял плату за место на рынке, и, отдельно — баронский налог и городской. Всё вместе потянуло на целую серебришку. Дерут, однако, безбожно.

Через час таких хождений Елине хотелось только одного — закрыть глаза и чтобы весь этот шум прекратился. Но увы, это было только начало.

Смотрели ткани. Купили темно-серого сукна Елинке на плащ. Купили небольшой кусок сатина. Просили за него мало. На платье не хватит, даже на блузку мало. А вот на пару трусов — вполне. Ещё она выпросила огромный свёрток самого дешёвого шелка.

Торговал солидный крупный мужик, старый знакомый Морны.

— Ты меня знаешь, я завсегда без обмана. Браки там есть, непропряды местами, даже узлы на лицевой стороне, крепкая ткань, сто лет носится будет, но не больно красивая. Мастерская эта раззорилась, потому как худо ткали, но вот на мешки — сгодится.

Морна упиралась — куда столько мешков, под что они нужны-та. Но Елина всё же настояла. Дома, мол, расскажу, а пока — секрет. Купили, но Морна слегка надулась. Очень уж не любила деньги на пустяки тратить.

Следующий заход был в обувной ряд. Там Елина высмотрела себе шлёпки. Почти как сланцы, только кожаные. Стоили не дорого. Уговорила Морну на две пары, пообещав, что туфли носить не станет больше до осени. Поможет и в сундук приберёт. Сапожки взяли с запасом, на тёплый носок.

Пока курсировали туда-сюда, Елина старалась присматриваться к одежде женской. Женщины и девушки не все городские. Многие, сразу видно, из деревень приехали. Одежда очень простого кроя, без выточек, в основном — по прямой кроют. Ни рюшей, ни воланов не видела. Вышивки есть красивые. Крестом, гладью, даже тамбурным швом. Но ни на одной нет объёмных. Ни казанши, ни бразильской, ни ковровой. Вышивки лентами нет и рококо. Да что там, даже французских узелков не видела. Ну, что, на этом вполне можно сыграть будет. Хорошо бы ещё местных портних посетить, посмотреть, что да как у них. Или тут каждый сам себе шьёт? Спросить бы нужно.

Последний ряд был с посудой. И тут коса нашла на камень. Елина нашла хорошего мастера. Обговорила с ним, что, какой формы и сколько ей нужно. Уточнила, когда готово будет — не раньше двух недель, барышня. Договорилась, что сам мастер отвезет на двор к Корне. И всё так удачно договорилась-то, но Морна наотрез отказалась платить.

— Да ты, Елька, совсем одурела! На что тебе такие диковины, ты готовить-та в них, что ли, будешь? Ведь целая серебришка ни про что уйдет, а оно всё негоже... Да ни в жись я на такую дурь разрешения не дам!

Елина ловко подхватила возмущённую Морну и оттащила подальше от прилавка. Здесь,

в самом конце ряда, народу совсем мало, даже несколько пустых прилавков было.

— Морна, не кричи, пожалуйста. Послушай меня. Просто — послушай. Ты женщина не глупая. Ты всё поймешь, я уверена. Всё, успокоилась?

— Дак говори уже...

— Морна, а тебя не смущает, что ты с Гантеем в одной комнате? Как ты с мужем-то живёшь?

— Дак ты сама его выгнала из второй-та. И дверю всю ободрала со злости. Дак кто виноват-та? Как живу... Так и живу, худо живу. Только и время у нас есть, когда Гантей у Корени ночует. Дак не будешь жа через день-та в чужи люди ночевать гнать.

— Вооот! Вот об этом я и хотела тебе сказать. Только всё времени не выбрала.

— Дак сейчас вот выбрала, дак говори...

— Ты пойми, у нас дома не очень уютно. Не голодаем мы, но дома некрасиво, неудобно. Да и мне с Гантеем в одной комнате сейчас уже неловко будет. Дистраиваться нужно. Понимаешь?

— Дак на это деньги нужны, а ты вона растрынькиваешь!

— Нет! Я не растрынькиваю. Я покупаю то, чем потом зарабатывать буду. Ты вот ткёшь одеяла, Вара рыбу продаёт, и, вроде как, нам хватает. Но я то ничего не зарабатываю, а только потребляю.

— Дак и потребляй себе, мала ты ещё сама-та зарабатывать.

— Нет. Стыдно это — на шею висеть и не уметь ничего.

И тут Елину осенило и она пошла с козырей. Она понимала, что мама девочки, покойная Линда, вызвала интерес и, некоторый даже трепет, у деревенской Морны.

— Мама мне в детстве рассказывала про одну вещь. Делать можно дома. Стоит не дорого, а продается хорошо. Старый рецепт очень, забыли его сейчас. А я знаю.

— Дак а чево тако делать-та?

— Это показывать нужно. Приедем — всё тебе покажу, ничего не утаю. И тебя научу. Ты не бойся. Завтра пойдем остальные одеяла продавать — я платья вывешу. И все деньги тебе отдам. А за этот заказ, пожалуйста, заплати.

— Ой, Елька-Елька, вот ввергнешь ты меня в беду и разорение! Ить жалко таки деньги за таки пустяки!

— Не пустяки это, Морна. Инструмент у любого мастера дорого стоит и для него он — самое ценное.

На утро Корна ушла с сестрой на рынок — вместе будут торговать. А Елинка выпросила себе в помощницы Феру и пошла "посмотреть город". План смотрин у нее уже был готов, поэтому первым делом отправились к лучшей городской портнихе.

— Фера, она точно лучшая?

— Точно-точно, у нее сама баронесса шьет. И все дворянки там же, кому денег хватает.

— Зовут её как?

— Фру Калерия. Она из самого Кроуна приехала.

Шли они по самой большой улице города и Фера трещала, рассказывая, где и кто тут держит лучшие лавки и магазины. Где самые вкусные сладости, а где лучшие ткани, даже бархат и ситец есть. Городок был чистенький, по провинциальному уютный и, немножко, снобистский. Всю дорогу Елина внимательно рассматривала встречных дам. Дамы были прекрасны, пренебрежительно косились на двух нахальных девчонок, которые портили собой это мирное утро. Дам сопровождали. Кого — мужчина, кого — служанка, постарше и посолиднее видом. Некоторые шли с подругой. Пожалуй, это всё же не те мракобесные времена, когда женщинам совсем не позволялось выходить из дома в одиночку. Елину это радовало.

Ателье занимало первый этаж трехэтажного дома.

Все было очень красиво и очень дорого. Светящийся потолок. Разложенные на огромном столе дорогие ткани, резные кресла для прекрасных посетительниц и даже большое зеркало, которое, при ближайшем рассмотрении, оказалось составленным из шести одинаковых плотно подогнанных стёкол. Даже манекен в готовом платье как бы говорил: Здесь очень солидное заведение!

Владелица была под стать своему ателье. Солидная дама оказалась, габаритная. Величественно обмахивалась веером размером с совковую лопату. На вежливое — Добрый день — не ответила и на вопрос, где можно показать товар, небрежно ткнула пальцем в сторону портновского стола, даже не снизойдя до разговора. Там Елина развернула перед ней платье. Фру Калерия придирчиво осмотрела швы, обратную сторону вышивки, поморщилась и сказала:

— По серебрушке за каждое. И учти, милочка, я еще и переплачиваю по доброте душевной.

Милочку душевная доброта не впечатлила. Где вы видели женщину, выжившую в лихие девяностые и не умеющую торговаться? Правильно, не бывает таких.

— По две с половиной за каждое. Торговаться я не буду, если — нет, то уйду к вашей конкурентке. И учтите, эта вышивка сделана самой Линдой, знаменитой вышивальщицей старой герцогини.

Про себя она подумала — "Дурища какая, надо было хоть имя старой герцогини узнать. Сейчас спросит — я и засыплюсь."

— Нахалка, вон отсюда! Да таких цен не бывает! И Линда уже давным-давно не живет в Кроуне. Она уехала отсюда чуть не двадцать лет назад!

— Хорошего вам дня, фру Кальма.

— Вернись немедленно! Что за поведение? Никакого почтения к старшим!

— Два с половиной за каждое.

Фера спряталась за спину Елинки и делала вид, что её тут нет.

Рассержено фыркнув фру Калерия велела ждать.

Елина первый раз держала в руках монеты этого мира и рассматривала их с любопытством. Медяшки были размером в три раза крупнее серебрушек. Примерно, как Екатеринбургский пятак. Не слишком она разбиралась в чеканке, но монеты были одна в одну. Все же, наверное, здесь есть что то вроде прессов и станков. В ручную такие одинаковые не сделаешь. Ну, так ей казалось. Сложила деньги в мешочек и снова обратилась к несколько рассерженной хозяйке.

— Мама учила меня вышивать.

— Мне не нужны нахальные девчонки, можешь убираться, я никогда не возьму тебя на работу!

Елинка достала шпильку с канзаши. В руки посмотреть не дала, но сказала, что кроме такого может показать еще несколько приёмов, которые не знают даже в Кроуне. Дескать Линда сама придумала.

И назвала цену обучения.

Канзаши фру Кальму впечатлило и торговалась она без энтузиазма.

Через три часа, став богаче ещё на 5 золотых, она покинула фру Калерию. Кажется, достопочтенная фру даже не слишком жалела о деньгах. То, что она получила взамен, вернет ей эти деньги с оочень большими процентами.

Фера получила на руки пол серебрушки и, будучи в полном восторге от суммы, поклялась молчать до конца дней. Мешочек с деньгами изрядно оттягивал руку. Всё же пластиковые карты значительно удобнее. Даже непонятно, как в книгах пишут, что средневековые кошельки цепляли на пояс. Такую тяжесть на поясе носить — кособокой станешь.

Следующим, по плану, стал визит к ювелиру. К лучшему ювелиру Варуса.

Сплошное разочарование. Грубо обработанные камни, грубоватые оправы. Серьги такого веса и размера, что в пору подпирать уши. Очень маленький выбор. Вся витрина напоминала собой застекленный ящик, примерно метр на пол метра, где лежит дешёвая бижутерия с браком. Оттуда их просто выгнали. Здоровенный охранник даже толкнул Феру в спину.

— Нет, Фера. Давай поищем ювелира, который делает дешёвые украшения. Не для аристократов, а для тебя и для меня, например.

Фера на минутку задумалась, а потом потащила её в конец в конец улицы, свернула в проулок и с воплем

— дядя Мика, дядя Мика, это я! Открывай скорее! — стала барабанить в дверь маленького домишки. Достаточно убогого, по сравнению с соседними.

Дядя Мика открыл.

Это не было лавочкой, обычная комната в обычном доме.

— Что стряслось, егоза?

Дядя Мика был худ и сед.

— Дядя Мика, покажи барышне украшения.

Познакомились. Дядя Мика немного поколебался, потом решился и вынул из сундука шкатулку.

— Только они, барышня, не золотые. Я уже давно такие делаю, на рынке стоять не люблю, сдаю в лавочку знакомому. Но, ежели что купить хотите — то выбирайте.

В шкатулке кучей были свалены серьги, колечки, пряжки. Два больших украшения на

шею. Медные. Плетеные из проволоки. Чем то они напоминали кельтские. Работа была не виртуозная, но после ювелирной лавочки Елинку и эти обрадовали. Аккуратные, не слишком громоздкие. Покрутив одно-другое — третья она решилась.

Договорились, что готовые он отдаст Фере, а уж она передаст хозяйке. Поедут в деревню — привезут.

Материал и работу пришлось частично оплатить. Минус пять серебрушек. Остальные получит, когда выполнит заказ.

На обратном пути зашли на рынок, посмотрели, как идут дела у Морны. Деньги за платье, как и обещала, Елинка хотела отдать Морне. Но та отказалась наотрез. Порадовалась только, что так удачно продала, погладила по голове и назвала умницей.

Зашли еще раз в тканевый ряд и Елинка оставила приличную сумму на прилавке, где торговали нитками, иглками, лентами атласными и прочим разным для рукоделия. И ещё купила несколько глубоких сковородок разного размера. Еле-еле всё до дому дотащили.

А дома её ждало еще одно очень важное дело.

Вечер Елина потратила на лоскут ткани. Несоклько вариантов мережки, пусть и маленькие по размеру образцы получились, заняли почти весь вечер. И Морна и Корна трудились рядышком — учились. Мужчин, брошенных на произвол судьбы, доверили покормить Фере.

Утром лоскут был доставлен в мастерскую конкурентки фру Кальмы. Хозяйка оказалась очень неприятной особой и выгнала "наглуую попрошайку" даже не посмотрев работу. Возможно, не стоило сразу озвучивать цену. Повезло только в следующем заведении. Было оно поскромнее, чем ателье фру кальмы, но фру Лица, молодая, лет сорока, девушка. Оказалась гораздо любезнее и сообразительнее. Поморщилась, услышав цену, но спорить не стала. В благодарность Елина показала ей еще и французский узелок.

Заниматься сама вышивками она не планировала. Только если для себя и для близких. Вон Вара ходит в простой серой рубахе. А можно было бы сделать аккуратную вышивку по вороту и краю рукава. Здесь красивая и дорогая одежда — показатель статуса. Что бы каждый встречный видел, с кем дело имеет. Уговорить его сбрить кудлатую бороденку и был бы вполне "гарный хлопец". Ладно, всё это она решит дома. Даже странно, что всего за несколько дней страшный сарай она стала воспринимать как дом. Это точно из-за Морны. Очень уж человек она славный. Да и малого нужно нормально одеть, а то ни дать, ни взять — босяк деревенский. Кстаати! Деревенский или нет, а вот грамоте то стоило бы поучить парня. Да и самой заодно. Боже мой, сколько ещё сделать нужно, и большую часть — совершенно не понятно — как именно. Ведь даже не известно, умеет ли, например, Морна читать и писать. Ладно, впереди ещё целое лето — нужно дом в божий вид привести, что бы жить по человечески, а не как собаки в сарае заброшенном.

Последний набег на рынок. Завтра уже уезжать с утра. Что купим сейчас, с тем и будем ближайшие месяцы. Ещё один раз выдержать такую дорогу — это точно не раньше осени.

Пуховые подушки, шесть штук, просили по серебрушке за каждую, сторговала пять за все. Хорошие подушки, большие, легкие, упругие. Гусиный пух. Хотела вскрыть одну, посмотреть, потом сообразила, что синтепона в этом мире точно нет. Еще раз сходила к гончару, дозаказала кое что, оплатила уже сама. Две пары туфель, одни себе, вторые Морне. На себя еле выбрала — слишком узенькая ножка, на Морну нашли сразу, а вот ей пришлось чуть не весь товар на рынке перемерять. Сапожки для зимы Гантею. Размер Морна сама выбирала, ну, она лучше знает. Несколько кусков сукна на зимние куртки и плащи. Для всех, а не как тот серый, только для неё. Еще два отреза шелка, один бордовый и один густо зеленый. Очень дорогие. Обычный отрез — серебрушка, эти по две каждый. Но Морна оказалась права. Чем ярче ткань окрашена, тем дороже. Хорошо хоть, что это природный цвет нитей и ткани не линяют. О, кстати, по поводу линяют...

— Морна, а где можно краски купить?

— Какие такие краски?

— Да любые. Которыми ткани красят, или дерево.

— Дак ткани красят там, где делают их. Ситцы и сатины в Сарандане и красят. Бархат из нашего шёлка делают, дак он сразу цветной. А что бы там дерево красили — я этого не слыхала. Зачем деревья то красить?

— Ладно, это я так спросила.

— Для лица есть краски. Модницы вот в городе-та красятся.

— Это не то... Хотя, посмотреть можно.

Торговец таварами из Сарандана на весь рынок был один. Понятно, монополист. Значит и цену будет ломить. У него стояли горшочки с какими-то подозрительными мазями и висели пучки трав.

А вот выбор приправ порадовал. А цена — не очень. Зато был шафран, который дает прекрасный желтый цвет, индиго и кореопсис. Кореопсис так и лежал засушенными цветочками. Прекрасно, значит можно будет высадить в огороде. Красителей для ее целей нужно было не так и много, но чем разнообразнее цвета, тем лучше. Хотя, паниковать рано. Есть же еще ягоды, тоже разные цвета дадут. Свёкла там, вишня. Придумаем. А вот палочки корицы — хоть и дорого дерет, но нужны обязательно. Без булочек с корицей и дом не дом.

— Уважаемый, мне недавно знакомая советовала мазь, делают ее их жира и добавляют такой ярко-желтый порошок. Говорят, очень помогает от прыщей и прочего. Этот порошок ужасно воняет, если попадает в огонь.

— Вы, барышня, наверное, про вонюч-камень говорите. Есть у меня такая мазь, очень рекомендую, прекрасное средство, от него кожа будет без единого пятнышка.

— Уважаемый, а нельзя ли мне сам камень купить? Мазь испортится, а живу я очень далеко, каждый раз ездить не смогу.

— О, это очень дорогой ингредиент, барышня. Сами понимаете — такая ценность.

— Покажите, пожалуйста.

— Я даже не знаю, хватит ли у вас средств на приобретение. Такие вещи очень, очень тяжело достать.

— Такие вещи, уважаемый, есть в арсенале каждой травницы, которая притирания для деревенских баб делает. Я могу поискать и в другом месте...

Кусок серы размером, примерно, в два кулака ей обошелся в серебрушку. Купец стоял насмерть, а её время поджимало. Вот же буржуин недорезанный!

Еще какие — то покупки, прилавки, разговоры, торг бесконечный...

Пришла в себя Елина уже в доме Кубера. Вара укладывал на телегу её последнее приобретение — огромный копчёный окорок и два средних мешка — с фасолью и с горохом.

Ужинали в полном молчании. За эти дни устали все, и гости и хозяева. Так же, в молчании, пили чай.

— Кубер — среди родственников не положены всякие "фру" и "уважаемый" — Кубер, а что вы будете с горшком лака испорченного делать?

— Дак вылить надо, толку от него нет, но рука не поднимается. Ну, придётся. Хоть горшок спасу.

— А продайте его мне. Если не дорого, то я возьму.

За столом воцарилось молчание. На Елину одинаково удивленно смотрели все.

— Елинька, да тебе то зачем?

— Морна, я одну штуку придумала, получится, покажу, а нет, так и говорить не о чем будет.

Теперь Морна смотрела на Куберта. Под этим взглядом он чуть поёжился.

— Ну, пойдем в мастерскую, там посмотрим.

— Да ты цену то назови, Куберт.

А вот не тот человек была Морна, который деньги растрывькивать даст!

— Дак я за него серебрушку и двенадцать медяков отдал, Единый мне свидетель!

— А выльешь ты его забесплатно! Еще и горшок испорчен!

У Елины не было ни сил ни желания торговаться. Кроме того, она собиралась просить хозяев о любезности — доставить заказанный товар в деревню. Так что она просто взяла Куберта за мозолистую лапицу и утащила его в мастерскую.

Утро наступило слишком быстро, никто не успел отдохнуть. Даже спустя время Елина не любила вспоминать дорогу домой. Часть пути в самом начале пришлось проделать пешком, только это и спасло от разбитости, но она стерла ногу и устала, как собака.

Домой доехали уже на закате.

С утра все были вялые, разбирали привезённое, распихивали по местам. Только Гантей скакал козлом и радовался жизни, путаясь под ногами и пытаясь распаковать и увидеть всё сразу, за что схватил некрепкий подзатыльник от Морны и был отправлен "исправляться" за дровами.

На следующий день Вара и Гантей вышли в море.

До обеда почти не виделись — накопились дела по дому и хозяйству. Скоренько похватали оставуюся с утра холодную баку, по кусочку окорока и по делам дальше шуршать.

Елина вытащила из погреба молоко, многовато скопилось. Часть заквасилась. Сварила творог, получилось много. Куда столько, продавать? Нет уж, лучше так — набрала немного золы, просеяла, залила небольшим количеством кипящей воды. К вечеру процедила аккуратно, стараясь не взбаламутить нижний слой грязи. Получилась желтоватая прозрачная жидкость. Концентрации она, конечно, не знала, но придется устанавливать опытным путём. Всё на глазок. Килограмм творога, пара литров молока, яйцо, соли пол ложки, масла сливочного — ну вот этот кусочек — как раз грамм сто-сто пятьдесят. Да! Еще ведь тмин она привезла. Ну, можно ложечку тмина.

Масло растопила, туда соль и немного зольной воды. Попробовала каплю, нормально. Молоко нагреть почти до кипения, и творог размятый туда. Варила до липкости несколько минут, отцедила в ткань. Горячий сыр, похожий на резину желтоватую, вывалила в большую миску. Взяла толкушку и в горячую тянущуюся массу влила масло с солью и содой. Мять-мять-мять, теперь — яйцо, и опять разминать. В самом конце — тмин. Сложила все в миску из под масла, накрыла чистой тряпицей и в погреб. Ну, можно передохнуть немного. К утру как раз остынет.

Ужин, и самое приятное за весь день — вечерний чай с мёдом.

Пили на заднем крыльце. Кур уже загнали. Камень прогрелся за день на солнышке и был почти горячим.

Благодать просто.

— Морна, я вот спросить хотела, зимой холодно будет?

— Дак каку зиму как. В этом году снег чуть не месяц лежал, думала околеем от холода. Ну, ничо, пережили.

— Надо достраивать дом и утеплять. И печка нормальная нужна. На нашу поди дров не напасешься.

— Дааа, как огонь потух, так и холодно, хоть круглы сутки топи её, заразу! Тока ведь дорого это, столько у нас денег нет.

— А сколько нужно?

— Дак кто знат-та? Уж три-та золотых точно, а то и больше.

Елина ушла в комнату, вытащила мешок с монетами и высыпала его Морне в фартук.

— Вот, смотри, тут осталось восемь золотых и мелочь еще.

— Спаси Единый, Елька... Ты где-жа взяла такое?

— Ну, платья я продала, а потом ещё показала кое-что по вышивкам.

— Да ты чо говоришь-та такое? Неужели за вышивки столь золота дают? Еля, если ты где согрешила, дак ты скажи, можа поправить всё... Ты от семьи-та не скрывай, я жа помочь хочу!

Если бы Елина кинулась убеждать, что это она честно заработала, кто знает, поверила бы ей Морна или нет. Но девушка так весело и легко рассмеялась, что Морна озадачилась, но где то там, на уровне подсознания, поняла, что страшного ничего не случилось.

— Морна, милая, я их правда заработала. И Ферна свидетель, при ней всё было. И платили мне при ней. Фру Кальма мне при ней платила 5 золотых.

— Да неужли за вышивки золотом платят? Когда же ты стока навшивать-та успела? Ведь платья уже готовые за серебро отдала, а золото-та тогда за что получила?

— Морна, ты помнишь, как я вам с Корной мережку показывала? Понимаешь, я не делала ей вышивки. Я ей показала новые способы вышивки. Она так не умела. Теперь она будет вышивать и продавать свои работы ещё дороже. И не один раз, как я ей продала, а всю жизнь. Понимаешь? Я же не один способ ей показала. А ещё другой мастерице показала. И тоже за пять золотых.

— Ты два раза продала что ли, получается?

— Нет, не переживай. Я им разное показала. Каждой — своё. Я, так то, понимаю, что пять золотых не маленькие деньги. Но я придумала, чем дальше на жизнь зарабатывать и не нужно бояться тратить. Я хочу жить, что бы тепло, сухо, чисто. Что бы удобно у нас дома было. И за дом не бойся. Себе не оставлю. Это твой дом. Вот будет мне двадцать, пойдём к Телепу, свидетелей возьмём и всё на тебя оформим. Но я же тоже здесь живу, ты меня растила, кормила, лечила. Пусть у нас дома красиво будет.

— Дак детка ж ты моя, разве ж я против. Только чёта мне боязно. Мало ли чево не так пойдёт.

— Всё так пойдёт, вот Вара послезавтра вернется — сядем и обсудим, что нужно, сколько людей в помощь нанять, какой материал купить. Ну, там дерево на полы и двери, потолок, опять же, нужен. Как у Корны в городе. Потому у них и тепло в доме. Ну, вот всё решим и начнем.

— Еля, дак где же дерева-та на потолок взять? Или тама на пол? У нас же лесов-та нет, как в Кроуне. Ты же сама-та поглянь, одни кустарники вокруг. Тута же везде камень, потому и не растут деревья-та. Думаешь, балки для дома откуда взялись-та? Дак везли с города их. Кажду досочку оттуда везут.

Ууупс... Как то такого подвоха от судьбы Елина не ожидала. Хотя, если подумать хорошенько...

Да и наплевать на дерево. Глинобитные полы можно сделать не хуже. Вот потолок, тут сложнее. Надо подумать будет. Хотя, чего особенно-то думать. Натяжные потолки есть из пластика, если, например, шёлк пропитать чем-то, ну там хоть воском или жиром каким... Надо будет с мужиками местными поговорить, что-то да есть такое, навёрняка. Так-то она шёлк планировала на стены, а непроряды аппликациями закрыть, ну, типа обоев. Но потолок нужнее. Да и закупить можно будет ещё. К осени как раз будет товар на продажу, придётся снова ехать. Ой, дел куча...

— Морна, а зачем нам лошадь? Если вот ты едешь в город только два раза в год. А остальное время?

— Дак иной раз и на Торг ездим, а так — соседи с деревни берут. Ну, и деньгу соответственно, и кормят его, я завсегда договариваюсь чтоба хорошо кормили. И слежу. Кто худо кормит — тому не даю. А берут Кука дак в город ездит на нём, кто, бывает, тоже на Торг, и лошадь-та мало у кого есть, так что всё каку-та деньгу приносит в дом. Ты не смотри, что он медлительный, зато выносливый и не капризный.

Не нужно продавать-та его.

— Да с чего ты решила, что я продать хочу?

— Мало ли, ты вона как всё по новому крутишь.

— Морна, ты просто забываешь, что у меня память нарушена. Ну, в смысле — я не всё помню, что было раньше со мной. Поэтому и расспрашиваю. А вовсе не для того, что бы твое хозяйство налаженное и удобное порушить. Мне, наоборот, очень нравится, как ты дом ведёшь и все успеваешь, и всё знаешь.

— Правда?

— Ну, конечно. Ты как распорядилась домом, так и будешь. Я вон и деньги тебе все отдала, ты лучше знаешь, куда припрятать. А сейчас пошли уже спать, завтра дел много. И ещё, я на завтра, на утро, нам сыр приготовила, так что ты ничего не стряпай — хватит нам и бутербродов. Хлеб городской остался же ещё?

— Дак почти каравай целый. Надо есть, черствеет. Тока в городе такой и пекут. Сыр-та вот я люблю, но у нас не делают. Завозят из Кроуна в Варус, но не всегда есть, этот раз дак не было.

— А мы печку сложим другую — у нас хлебушек еще лучше будет. А сыр домашний я тебя научу варить, если завтра понравится. Он не так долго хранится, как городской ваш, но тоже вкусный очень.

— Пошли тебе Единый светлых снов, деточка.

Разговор с Варой вышел тяжелый. Мысль о том, что кто-то просто так заработал десять золотых его напрягла, он не понимал, как так-то, ррраз — и десять золотых, да ему, взрослому мужику, если Единый будет милостив, за год целый только два удастся заработать. А тут — пигалица.

Лекцию о моде и стоимости женских нарядов он выслушал, но всё ему казалось как-то сомнительно, не как у людей.

— Вара, вот ты Гантея учишь, с собой берешь, места показываешь и торговать учишь, что бы не за бесценок сдать улов. Так ведь?

— Так, конечно, не в один день обучается-то малец. Меня отец с собой года два брал, и то, по перву всяко бывало. Бывало, и совсем пустой возвращался, и течением чуть не унесно... Всяко было...

— Воот! Понимаешь теперь? А меня мама с четырёх лет обучала. Сперва лёгкое, потом сложнее. Ты видел же мои вышивки. Нет? Ну, потом покажу. Но поверь, что я хороший мастер. Вот рыбу не смогу поймать, а вот вышивки разные — умею. А мастерицы-то в городе похуже мамы были. И секретов всяких не знают. Ты бы вот чужого стал мальчишку учить и возится с ним? Ученика когда берут — родители всегда платят за обучение.

— Это да, точно так и есть. Куберу за учение аж по пол серебрушки платят в месяц-та.

— Вот, вот про это я тебе и толкую. Мастерицы уже взрослые, много умеют, их же не нужно с самого начала учить. А вот как думаешь, Кубер знал бы секрет лака, а к нему бы, допустим, другой мастер пришел. Отдал бы он секрет бесплатно? Нет! Он бы денег запросил, и много бы запросил. Так и я сделала. За свои секреты деньги взяла. Они теперь так делать будут и ещё больше станут зарабатывать.

— Ну, так-та, эта, понятно, канешна. Чай ты скока лет училась, не отдавать жа за бесплатно.

— Ну, слава Единому, понял — не могла же Морна промолчать. — Наша то девочка вона кака мастерица, городским барынькам не чета. А ты слухай, как дело-та тебе объясняют. Давно пора Гантея-та отселить.

Ой, умна Мора. Мысль, что спальня у них будет отдельная, воодушевила Вару так, что он готов был начинать всё крушить и ломать прямо сейчас. Ну, и строить конечно. Лишь бы побыстрее. Квартирный вопрос он всегда важен, не только в Москве он людей портит.

Елина ещё и сама не понимала, какую махину собирается сдвинуть. Знала бы — сто раз бы подумала. И не факт, что ввязалась бы. Споров и разговоров было на 2 дня, потом, слава Единому, ушли в море и Вара и Гантей и дома стало тише. Там, в море, Вара слегка успокоился, что-то, очевидно, обдумал. Деньги привёз все до копейки домой, даже кружки пива не выпил.

Людей наняли в деревне. Как ни странно, но, не взирая на летний период, свободные руки были. С другой стороны, здесь не пахали, не сеяли, а огороды не такие гигантские. Платить Вара обещал хорошо, по местным меркам даже отлично. Все денежные вопросы решала Морна, кому, сколько и за что, но повышенную зарплату для рабочих Елинка отстояла. Им всем ещё жить здесь не один год, ни к чему, что бы их сволочами жадными считали. Но и работу Вара требовал качественную, сам за всем следил лично, да и пахал от зари до темна.

Первым делом разобрали все плетёные сараюшки. Часть мыльнянки вырубали и существенно расширили двор. Из прутьев и хвороста на новом свободном месте, в стороне от дома, поставили длинный сарай. Что бы вони было меньше. Мух нет — это прелестно, конечно, но и нюхать навоз — мало радости. Сарай сделали длинный, под одну крышу. Снаружи весь обмазали глиной с травяной сечкой. Внутри установили три перегородки. В одном отсеке — подрастающие поросята, во второй — куры с нахальным петухом, которого Елинка окрестила Фельдмаршалом. Но Фельдмаршал как-то не прижилось и кликали его просто — Маршал. Третью часть сарая делили Мыса и Кук. Ему, бедолаге, в это лето пришлось работать как проклятому. Привезти глину, камни с берега, да в город пришлось мотаться без конца. Елину уже даже не мутило так от дороги — привыкла.

Четвертую часть сарая, самую большую, отдали под кладовку. Лопаты, мотыги, всякие нужные в хозяйстве горшки и крынки. Мешки с кормом для птицы и зерном для скотины. Половину этой части отгородили плетнем и туда понемногу начали складывать сено на зиму. Траву косил Гантей, понемногу, там, где между горушками поровнее места. Там же сохла и им же стаскивалась в сарай. Воровать здесь не воровали. Собрать чужую траву — да за такое из деревни могут выгнать. Такие порядки ещё до Телёпа были, и он их очень строго придерживался. Так что докупив немного зерна можно было не волноваться за еду для животных.

Кстати, солома на крышах домов была вовсе и не солома. Длинная трава, которая не боялась морской соли и как то приспособилась расти прямо между камнями, по берегу моря. Траву собирали местные подростки, Вара им приплачивал и строго следил, что бы принесенные охапки были нужного размера. Охапки травы чуть подвяливали и Морна связывала их небольшими длинными пучками. Потом ими застелют крышу. Трава эта практически не гниёт, очень хорошо держит тепло и воду не пропускает. Но нужно её очень много, так что все сельские мальчишки и девочки, не приставленные к делу, с удовольствием зарабатывали свой медяк. К девочкам Елина присматривалась. Помощницы ей точно будут нужны.

Следующей переделке подверглась летняя кухня. Делали ближе к погребу, что бы хозяйке не бегать через весь двор. Длинный стол из новых, привозных досок. Елина не стала жмотиться, привезла дубовые. Сто лет простоят. Тут же навесной умывальник — посуду мыть. Сток сделали глубокой канавкой, обмазали глиной и вывели со двора в вырытую яму. Наберется полная — вычерпаем.

Раковину, кстати, пришлось заказывать у гончара, что вызвало целый поток вопросов от мастера. И везти её пришлось из города, а за то, что у неё была труба монолитная — сливное отверстие то нужно, а как крепить? — вышла эта конструкция по цене бриллианта чистой воды. И весила она — неподъёмно. А чего стоила доставка, чтобы не отломалась труба — это вообще отдельная песня.

Новый котёл для воды, с эмалью внутри, просто огромный, установлен, точнее — вмурован, в каменный постамент. Крышка на нем легкая, с удобной ручкой и сверху — ковшик. Вторую часть постамента занимала плита. Её тоже вмуровали в камень. Так и вода будет теплая всегда, пусть не горячая, котел-то здоровый, пока готовишь — весь не прогреется. Но зачем зря тепло тратить — теплую воду легче и быстрее вскипятить, чем холодную.

Плиту сделали в городе, и изготовление её и доставка стоили Елине седых волос. Два кузнеца просто отказались делать "этаку диковину". И третий бы отказался, но

заинтересовался сын мастера. Нравилось тому всё необычное. Этот Стефан подробно допрашивал, зачем решетка под дровами и нижнее отверстие, зачем делать кольца на поверхности плиты. Очень ему идея понравилась, что можно не только горшок или котелок поставить разных размеров, но и плоскую посудину можно. Трубу у плиты заказала повыше. Что бы не садилась сажа на еду и на повара.

Спаси Единый, это ещё только начало!

Навес над кухонной зоной сделали односкатным. Рядом поставили врытый в землю длинный стол и скамьи. Всё пришлось заказывать у Кубера и везти из города. В землю вкопали жерди и сделали что-то вроде скелета беседки над обеденной зоной.

Замотанная Морна села передохнуть у нового стола.

— Елинька, а жерди-та зачем?

— Беседку хочу, что бы есть летом не на солнцепёке, а в тенёчке.

— Дак беседки-та в городе не таки делают.

Беседки в городе Елина видела. Практически точная копия веранд в детских садах. Никогда ей это уродство не нравилось. не говоря о том, что деревья на него не напасешься, внутри мрачно и, почти всегда — сыро. Никакая жара не спасает.

— Я, Морна, как в городе была, договорилась с купцом одним. Он мне привезёт виноградные побеги. Обсадим эти жерди, и, через год-другой, будет здесь и красиво и тенисто.

— Елинька, не будет тут виноград-та плодоносить. Пробовали уже, тепло у нас, но ветенно часто, да и снег зимой бывает. Одни плети и будут, а урожая никакого. А ежели ты винограда хочешь, так осенью привозят в Варус. Можно купить будет да побаловаться.

— Морна, а нам и не нужен урожай. Нам нужна вьющаяся красивая зелень. Что бы от солнышка закщищала и глаз радовала. И пусть без винограда. А вот тут, рядышком, я ещё клумбы устрою. Цветам много земли не нужно, а будут просто так душу радовать. Мне Корна рассказывала, что такие у баронского замка есть. А чем мы хуже барона?

— Единый с тобой, баламутка кака... Так ты все придумываешь ладно — я как утром встаю, вижу вот это всё — так мне радостно делается! Тока денег-та мало совсем осталось. Что позакупили с городу, то всё оплачено. Скоро остатнее привезут, на привоз я тоже тебе давала денег, дак всё оплачено. Мастерам на работу я отложила сразу, мало ли чево, а людёв обманывать негоже, и золотой остался, полторы серебрушки и семь медяшек и всё, больше нисколько нету. Можя Вару-та с работы отправить в море?

— Ни в коем случае, ты что! Много ли меня будут рабочие слушаться? У нас тут всё встанет и с места не двинется. А вот в городе я придумаю, где денег ещё взять. Фру Калерия ателье своё продала, и теперь самая завидная портниха в городе — фру Лица. А ей я найду, что предложить. Есть у меня еще пара идей. А как всё с ремонтом закончим — так и начнём с тобой зарабатывать. Мне всё равно с Варой придется через день в город ехать. Там должны уже масло льняное привезти.

— Дак есть у нас немного, зачем ещё-та?

— Я прошлый раз бочонок заказала, дерева нет на полы, а по земле холодной ходить зимой — мало радости. Сделаем теплый пол из глины с сечкой. А потом его пропитаем маслом на несколько раз. Только нужно придумать, где ночевать пару недель. Пока все не высохнет да не пропитается. Благо, дождей мало и жара постоянно. И будет у нас в доме тепло, чисто и красиво. Пол будет блестящий, как зеркало!

— И откуда ты столь всего знаешь-та, прям диво!

Ууупс...

— Папа мне рассказывал, такие полы он в Кроуне видел. А мне так интересно было, вот я и запомнила.

Такие полы Елинка ещё в той жизни видела на Украине. Да-да, на Украине, а не — в ней. Было это много-много лет назад, в стране которой больше нет. Она с Машей, институтской подругой, ездила на каникулы в её родную деревню. Там и видела у местных очень интересные и необычные полы, ей, городской барышне, такое было в диковинку. Вот она и порасспрашивала, что да как делается. Это потом уже, будучи пенсионеркой она наткнулась в интернете на ролик и увидела изумительные земляные шары, древнее японское искусство с забавным названием — дороданго. Их делали даже не покрывая маслом. Так что полы её заботили меньше всего. Глины здесь достаточно.

Из дома вынесли всю мебель, сундуки лавки и прочее. Что могло испортиться от дождя — сложили пока в новый сарай. Печку пришлось ломать. Новую встроили на то же самое место и обложили камнем — дольше тепло будет держать. Это, конечно, не русская печка, и даже не печь-плита, скорее — буржуйка. Но зимой по любому будут готовить в доме, так что придется подтапливать не один раз. Трубу заказали жестяную, разборную, что бы можно было снять и почистить от нагара, не разбирая всю печь. И заслонку она придумала двойную — не выпускать же тепло на улицу. Сверху печки остался небольшой кусок не "зашитого" в камень железа. Варить зимой где-то надо. Зима короткая, так что немного можно и ужаться будет. Горшок встанет нормально, чайник встанет, а больше и не надо, не ресторан чай. Кстати, чайник. Надо заказать в городе заварник. Всяко удобнее, чем с котелком возится. И пару кастрюль с ручками — на плоской поверхности не поставишь котелок.

По периметру комнаты между камнями вбили деревянные чопики. На них закрепили раму. и уже к ней крепили оромное полотнище шёлка. Пропитку Елина взяла ту, которую Вара посоветовал. Такой обрабатывали паруса на лодках. Цвет, конечно, не айс вышел, темноватый. Зато тепло будет сберегать лучше. Полотнища они с Морой сшивали в один кусок целый вечер. Швы немного видно, да... Но тут уж ничего не поделаешь. Пропитывал Вара сам, лично, никому не доверил. Сварил какое то сероватое вонючее месиво из рыбьих потрохов, воск добавлял и еще вываренный сок местного растения. Долго возился. Общий цвет получился ближе к стальному. Три ровных, одинаковых доски выкрасили чернилами. Теми самыми, которые свет дают, пусть и синеватый, Елина уже почти привыкла, зато — светло. Окошко мало света пропускает. Заодно узнала, что чернила делают из пещерного мха или лишайника, она не ботаник, не различает их. Стоят они относительно не дорого, но обновлять их приходится часто, раз в месяц, примерно.

В месяце всегда 28 дней, в году ровно 13 месяцев, никаких високосных годов.

От идеи придумать, как на ночь закрывать доски Морна наотрез отказалась. Привыкла всю жизнь со светом спать. Ну и ладно, это их комната, ей и решать, как удобнее. Светильники прикрепили прямо через потолочную ткань к балкам. Нормально стало, светло и удобно. Два параллельно — по центру, а один над "зимней кухней".

Полы настилали в несколько слоев, но сперва пришлось удалить старую землю. Стало понятно, почему пол всегда холодный — монолитный камень. То-то дом даже без фундамента стоит. Первый слой клали саманный. Глина, немного песка, резаная высушенная трава, та же, что и на крышу пойдет. Очень уж она плотная и волокнистая, из нее, возможно, даже нитки при нужде получить выйдет. Воды добавили немного — только-только замешать крутое" тесто". Меньше сохнуть будет. Объяснив Варе зачем нужна трамбовка Елинка свалила на него все разговоры с рабочими и досмотр. Но Вара и сам работал не покладая рук, так что при нём никто не рискнул бы халтурить. Сох неделю. Спали все кто где. Вара с Морной в сеннике, на свежем сене. Гантей с радостью убегал ночевать к Корене своему

ненаглядному. Хотя утром оба были у дома, как штык — денежки на сборе травы зарабатывали. С Гантеем Морна каждый вечер передавала корзинку продуктов — неча парню нахлебничать. А вот по поводу оплаты спорили долго. Ну как так-та — родному сыну платить? Для него же стараются. Елинка долго убеждала, что небольшое поощрение не испортит парня. А вот — всем денежку, а ему фигу — запросто отобьёт желание работать. Морна ворчала, что в её время таких тонкостей не было, всегда она помогала родителям, но дала себя убедить.

Первыми, кстати, из взбаламученного новостями села прибыли в гости родители Морны. Крепкие, моложавые, по земным мерка — лет на пятьдесят смотрятся, хотя обоим уже за сто. Всё обсмотрели обстоятельно, спрашивали что да как, но обедать отказались — мол, не хотят у детей время отнимать. Обещали еще раз придти, как всё закончится — посмотреть.

Вторым пришёл старший брат Вары. Солидно пришел, с женой, с сыном старшим и женой сына. Этих пришлось угощать обедом, благо, кухня уже работала. Сыр гостям понравился, рецепт взяли. Вара надувался от гордости с говорил: — Мы тут, эта, ремонту затеяли! Ну, что бы, значит, эта, удобства и канфорт! Так что, как закончим — так и милости просим в гости. Когда всё по красоте доделаем — оно, эта, сразу видать будет!

Что именно видать — не уточнял. Обсуждал с братом какие-то свои дела. Из этих разговоров о "дурном месте" — похоже, течение местное или водоворот, и о том, что глидов в этом году мало совсем, одни, эта, були ловятся, Елина не поняла ровным счетом ничего. Ела вместе со всеми, во-время подскакивала новое на стол подать и молчала, так надёжнее будет. Хотя и улыбалась без конца и головой кивала, как китайский болванчик — мол, всё слышу, и всё понимаю, и со всем согласна. Рот открыла только один раз — рецепт давала и про зольный отвар говорила. Ну, справилась.

Дальше народ повалил толпой. Каждый день — экскурсии из двух-трех человек. День мужчины, другой — женщины. Договорились они, что ли? Хотя, это, похоже, такая местная деликатность — что бы хозяев не слишком отвлекать от работы и не мешать большой толпой.

В комнате Елинки, в бывшей уже, глины пришлось перетащить почти в двое больше — под наклоном пол оказался. Ну, не так всё страшно, двигается дело. Скоро уже должны Кубер с Корной приехать. Елинка без спросу заказала Куберу материал на кровати. Размеры обсудили и плату. Корна усовестила — не дорого взял. Порешили, что мебель везти неудобно, приедет он с материалом и на месте всё соберет и отлакирует. Главное, что бы полы до той поры просохли.

Заставила Морну перебрать все запасы одежды. Безжалостно отобрала всё зашитое и заштопанное. Расстелила прямо на траве кусок простого шёлка, примерно — полтора на три метра. Сверху разложила куски одежды, предварительно срезав с неё все швы. Долго перекладывала куски по цвету, всё что-то не устраивало. Тряпья вышло много, не один слой получился, а целых пять. Закрывает это барахло сверху самым красивым и ярким шёлком, дорогим, бордовым. К серому потолку бордовое очень подойдет. Скрепила на живую нитку края, немного прихватила в серединке, что бы куски ткани внутри не елозили и начала стегать. Мелким стежком, ручками. Что поделать, ну нет здесь швейных машинок.

Каждый вечер, устала или нет, она садилась работать над шитьём. Синель — техника нищих, давала совершенно потрясающие покрывала. Морне она пыталась на словах объяснить, что хочет. не получилось. Но Морна видела все её старания и просто молча

садилась рядом и брала свободный конец шитья. Медленно и методично, но дело двигалось.

Приехал Кубер. Один, без Корны. Ребёнка она ждёт, не стоит трясти в дороге. Сам он был счастливый, улыбался каким-то своим мыслям. Но смотрел на разруху вокруг с интересом. Полюбовался на полы, спросил, зачем же масло на пол лить. Выслушал и захотел дождаться, посмотреть, что выйдет. Маслом пропитывать нужно было еще не один раз. Прямо во дворе начал собирать мебель, Морна ахала и немного ворчала на Елинку за "растрынькивание".

Гостя пришлось уложить спать в сарай, к хозяевам. Но, вроде как не обидился, понимал, что лучше места нет, а тут, всё же — крыша над головой. Но поставил условие, что лаком вскрывать — только в доме. Мало ли дождь пойдёт, попортит всю красоту.

Днём Елинка поймала Морну на том, что она гладит резную спинку кровати. Морна смутилась

— Да я, деточка, так, посмотреть только. Этакая ведь красота...

Мебель с помощью Вары собрали быстро.

На следующий день мужики, забрав Гантея, отправились за рыбой.

Елинка и Морна покрывало достегали. Взяв ножницы Еля начала разрезать все слои ткани кроме нижнего. Морну чуть инфаркт не хватил, когда она увидела, что просто так берут и режут дорогуший бордовый шёлк.

— Что делаешь-та, Еля, рази так можно, шили-шили, а ты...

— Так нужно, сейчас увидишь.

Резать пришлось долго, строго в тех местах, где наметила. Аж руки устали. Елина не торопилась, не хотела потом подшивать собственные ошибки. Дорезала, сколько нужно, передохнула. А потом она начала тереть и мять все это драное великолепие.

— Морна, помогай, вот прямо три его, как будто стираешь и грязь нужно оттереть. И пальцами вот так требуши.

Наконец сказала- Всё, Морна, хватит. Давай работу смотреть.

Взяла мятый комок, весь обсыпанный вырванными ниточками и несколько раз крепко встряхнула. Кинула, расправив на траву.

— Ну, как?

Морна молчала, держалась рукой за рот. На зелёной траве лежал роскошный кусок бордового шелка, на котором цвели махровые выпуклые узоры. В центре большой медальон, по углам — другие, поменьше.

— Детка, да ему же цены не сложить! Это какому же барину ты тако сделала?

— Вам с Варой в спальню, на стену, ту, что возле кровати. Оно толстое, от стены холодом не будет тянуть.

— Да Единый с тобой, Еля. Куда в хату этаку красоту! Да оно же дорогуше...

— Морна, у тебя не хата, а дом, получше городского. Полы вот через недельку досохнут, масло все впитается, увидишь, как красиво будет.

— Да Елинька, да и сейчас красиво! Мне аж заглядывать-та страшно, неуж по такому полу ходить, он же прям блестит.

— Ходить, обязательно ходить, а что бы ноги не мерзли — тапки пошьём войлочные, удобные и тёплые. Его нужно подметать и в чистоте держать, но, после масла — даже мыть можно.

— Мне, Елинька, аж страшно иной раз.

— Чего тут страшного?

— Да нет, детка, я не дома и красоты этой всей боюсь, а что вдруг ты всё вспомнишь, и опять меня ненавидеть будешь. Как тогда жить-та?

— Морна, даст Единый, вспомню я всё, но ведь то, что сейчас есть — уже не забуду. Не думай о худом, ты мне родная, и никакие воспоминания это не изменят. Пойдем лучше чаю попьём. И ещё, я у тебя хочу попросить...

— Да что хочешь, детка.

— Я покрывало это в город свожу. Покажу фру Лице. Деньги то нам нужны. Ты не волнуйся, я его привезу назад обязательно, мне просто образец нужен.

— Да и не волнуюсь я, детка, Единый с тобой. Делай, как надобно.

К вечеру вернулись рыбаки с уловом. По жару оставлять ничего нельзя было. Вместо отдыха все, даже Кубер, хоть и гость, взялись за рыбу. Чистили, часть определили на просушку, часть крепко посолили, еще часть сунули в коптилку. За оградой была выкопана яма, вроде колодца, камнями обложена, на дно насыпали стружку — Кубер с собой два мешка привез, плотно закрыли крышкой, даже землёй часть крышки присыпали. Оставили до утра. Запах дымка чувствовался еле-еле, ну, так и должно быть.

На поздний-поздний ужин Морна нажарила рыбы. Вкусно, но ели уже без особого аппетита, все умотались так, что мечтали добраться до сена и спать-спать-спать. Даже Гантей не егозился и не пошел по темноте к ненаглядному Корене, а устроился спать рядом с Елинкой, прямо во дворе, на вынесенных старых мешках.

Куберт уезжал через два дня. Увозил с собой бочонок рыбы в рассоле, копченые и солёные потрошенные тушки.

— Ты, как приедешь-та, перво-наперво досушиваться рыбу развесь, сыровата ещё, как бы не попортилась — переживала Морна.

В доме, на покрытом соломой полу сохла лакированная мебель. Резная двуспальная кровать, две аккуратные кровати без резьбы, большой стол и два поменьше, два кресла, по просьбе Елины сделанные непривычно низкими — туда она планировала сделать мягкие подушки. Красивые резные табуретки — целых восемь, их Куберт привёз уже готовые. И еще лаковые доски без резьбы, это Елина планировала пустить на полки. Куберт наказал сутки, а лучше двое — не трогать.

— Пусть как следует высохнет. А то схватите рукой — следы останутся, в городе то ежели чево — я бы поправил, у тут то у вас кто поправит?

— Ты, Куберт, эта, не волнуйся. Мы с Елинкой через день после тебя приедем, дак я тебе всё обскажу подробно, как высохло. Тама у нас ещё заказы заказаны, привести нужно.

В город выбрались только через три дня — слишком много возни было с расстановкой мебели, возвращением почищенных, тоже облагороженных лаком сундуков на законные места. Морна осталась дома, отговорившись делами. И то верно, нужно же кому то было присматривать за рабочими. С левой стороны дома пристраивали ещё одну большую комнату. Стену решили не ломать, поэтому вход в Елинкину половину придётся делать отдельный. Печки хватит на две комнаты, но ей то, Елинке, тоже нужна. Да не простая, а с духовкой.

В городе, наказав Варе купить того и сего из продуктов, она первым делом посетила фру Лицу. Фру была рада её видеть и не скрывала удовольствия от своего нового статуса.

Провела гостью в заднюю часть мастерской, там, за дверью, оказалась обычная жилая комната. Предложила выпить по чашечке кафы.

Елинка боялась поверить своему счастью, но запах кофе не спутаешь ни с чем. Это был он, родной. Черный как смола, душистый и неповторимый на вкус.

Попили кофе, светски обменялись новостями. Пожаловались друг другу на цены.

Попросив разрешения Елина сдвинула стулья в сторону, освободила место на полу и стала развязывать тюк, на который давно с любопытством косилась хозяйка.

Развернула свою красоту и постелила ковром на пол.

Фру Лица сдавлено охнула и упала на колени. Трогала плед, теребила, рассматривала поближе и подальше.

— Сколько?

— Двадцать.

Фру Лица снова охнула.

Минуту подумала и сказала:

— Это очень большие деньги. Очень. У меня просто нет столько.

— Фру Лица, если два человека хотят договорится — они поладят. Если — нет, то и не стоит стараться. Всё зависит от вашего желания. Такое, как вы понимаете, не делают нигде.

— Давайте выпьем еще по чашечке кафы и постараемся договорится.

— Поговорим, но цену я не сбавлю. И еще — красивая и новая ткань на такие изделия

нужна только на верх и низ. Внутри вполне может быть старая одежда, хоть бы и с дырками. Понимаете? Оно всегда будет выглядеть намного дороже, чем стоит.

Выпили, поговорили, договорились. Фру Лица оставила заведение на помощницу и они отправились к фору Мэрлю — местному то ли нотариусу, то ли адвокату.

Там были составлены две долговые расписки, каждая на 6 золотых с выплатой в течении года, и договор. По этому договору фру Лица оставалась единственным человеком, которому Елина передает науку изготовления покрывала под названием "Морина". Согласно договору она имеет право шить и продавать такие покрывала или в другом городе или для своей семьи. В Варусе этим будет заниматься только фру Лица. Вот так вот. Фру Лица была предусмотрительна, а Елине захотелось сделать приятное Морне. Теперь покрывала "Морина", названные в честь простой крестьянки, будут в самых аристократических спальнях и гостиных. Обманывать фру Лицу она не собиралась. Получив расписки и восемь золотых, она вернулась в мастерскую фру и до вечера объясняла тонкости. Следующий день прошел так же. Они вместе простегали небольшой прямоугольник. Фру резала и не верила, но всё получилось замечательно.

— Фру Лица, я советую начать с простых узоров и усложнять их по мере надобности. Первое покрывало или ковёр вы сможете оставить себе. И, мне кажется, вам стоит договориться с кем-то из мелких лавочников о скупке рваной одежды. Только не забывайте стирать — новые вещи не должны плохо пахнуть. Рано или поздно, кто-то всё равно догадается, как это сделано. Но, думаю, до той поры вы успеете слизнуть сливочки.

— Да-да, фру Елина. Но это — потрясающе. Я очень надеюсь, что если вы придумаете ещё что-то столь же замечательное, то не забудете навестить меня. Да и просто так навещайте, с вами приятно беседовать. Слизнуть сливочки — прелестное и остроумное выражение. Пусть Единый пошлёт вам удачу в делах.

Печек Елина заказала две. Разные. Комнату достроят, нужно будет делать что-то вроде сауны. Туда сгодится печурка попроще. А для себя заказала с духовым шкафом — в таком и хлеб можно испечь. Пусть и не большой, но 4 буханки точно поместится. Заодно заказала новые ручки на все двери. По образцу в мастерской. Красивые и витые. Щеколды и уголки для полочек. Всегда ей нравились кованые вещи.

Докупила ещё два отреза яркого шелка. Корна родит — нужен будет красивый подарок. Да и так пусть будет, про запас. Дешевого шелка сторговала несколько рулонов. Сбила цену за большую покупку. Но торговец остался доволен. Похоже, можно было и ещё поторговаться.

Шерсть пришлось искать долго. Не сезон, вот ближе к зиме, когда стричь будут — сколько хочешь. Но, в конце концов, опрашивая торговцев на рынке, нашла того, у кого осталась непроданная с прошлого сезона шерсть. Купила все три больших тюка. Матрасы набить нужно, подушки на кресла. Да и так — пусть будет. Морна вон привыкла свои половики с шерстью делать. Останется что от набивки — она и использует. Докупила мёда и взяла Гантею каких-то сладостей. Вроде сухофруктов с орехами в меду. Твердые пластины, как козинаки. Ладно, потом разберемся, как делают. Главное ребенку радость. Не так уж часто ему сладкое и доставалось. Кофе не продавали. Купца, который торговал специями из Сарандана не было. А жаль, заказала бы. Чай тут вкусный, но утренний кофе ничто не заменит.

Вара уже нагружал телегу. Бедняга Кук аж похудел за лето мотаясь туда-сюда. Ничего, стройка закончится — отдохнет. Елина скормила страдальцу круто солёную горбушку и

несколько чуть подвядших яблок. Как еще и долежали-то у Корны в подполе почти до лета.

Корна была спокойна, улыбочива и как-то вся погружена в предстоящее материнство. Немного похвасталась резной колыбелькой, показала крошечные кофточки и тонкие пеленки, но видно было, что предпочла бы побыть дома одна. Хоть и маленький срок, а семья сестры чуть не половину лета у них провела в разных составах. То Вара с Морной, то Вара с Елинкой. А то и Морна с Елинкой приезжали. Любила она сестру, всегда они ладили, но сейчас ей хотелось побыть с мужем и Елина это прекрасно понимала.

С утра привычно двинулись в путь.

В своей комнате Елина проснулась первый раз. А-а-ах! Хорошо-то как! Вчера первый раз топили печку в баньке. Ну, как банька, каменный низкий домик и лавки. Горячий сухой воздух, большой котел горячей воды — лей сколько хочешь. Считай — первый раз нормально помылась и ноги распарила.

Морна сперва чувствовала себя не слишком уютно, и жарко ей, и неудобно, но потом оценила, что воды горячей — море, что сидеть на скамейках — удобно, что одежда не раскидана по камням, а аккуратно висит в теплом предбаннике. Там же стол, за которым можно чайку в тепле попить и обсохнуть. И всё это можно зимой. Даже когда снег и в доме холодина, можно придти и так славно согреться. Хотя, вон Елинька обещает, что дома тепло будет всегда. Даже и не верится. А ещё Еля показала, как ноги тереть специальным камнем, а потом маслицем смазала, посидела ещё в тепле и смыла. И трещин на пятках почти не осталось. Но говорит — всегда, мол, надо в шлепках ходить, тогда ноги целее будут.

Комната Елины была пока почти пустая. Кровать, печка в углу, самый большой стол — шить и работать за ним, пара резных табуреточек. И сундук с приданным в углу. Надо бы нормальный шкаф заказать. Да, и вешалки не забыть. Шёлк не мнущийся почти, но если долго в сундуке — все равно заломы немного видно. Слеживается одежда. А в углу, просто кучей, сложено все, что привезли от гончара. Куча горшков и мисочек разных размеров и форм, все с крышками, формы для выпечки — несколько штук разных. Просто глиняные дощечки — их вон целая стопка. Нужен стеллаж обязательно. Свет у себя в комнате она распределила так — небольшой светящийся квадратик с плотной заслонкой у изголовья кровати. Вроде и книг нет, но ей так привычно. Хоть что-то о доме будет напоминать. Одна "лампа" длинная на всю комнату и несколько поменьше — над рабочим столом.

Сегодня уже можно будет и попробовать фарфоровую массу составить. Точный рецепт она не помнила, но что за беда? Есть лак, есть крахмал и крепкий щелочной раствор, есть даже слабенький винный уксус — в красители добавлять. Есть несколько базовых цветов — можно сделать кучу оттенков. А рецепт массы — да восстановит она, или новый "изобретет", не проблема. Лишь бы Морне понравилось лепить. А и не понравится — не страшно. Кто-то должен зарабатывать, а кто-то — хозяйство вести. Сейчас его вести точно удобнее.

Над рецептом мастики возилась почти неделю. Две глиняных таблички покрыла воском и на них аккуратно, деревянной заостренной палочкой записывала рецептуры. Взвесить было негде, но выручали мерные стаканчики. Она специально заказала кучу разного размера. Дело ведь не в граммах, а в долях.

Первая удачная попытка ее порадовала. Все, что получалось до этого — просто мусор. Или плохо лепилась масса, или трескалась при сушке, или была слишком хрупкой. На пробы извела чуть не треть запаса крахмала. Ещё день ушел на приготовление красок. На тот момент, когда она решила показать все Морне она имела:

Белую массу — сам крахмал и составляющие.

Черную массу — с добавлением сажи. Если не лить лак — будет матовый цвет. Если добавить — будет сочный глянец. У нее есть недостаток — пачкает руки. Значит, с ней, с чёрной, нужно отдельно работать, и только потом аккуратно соединять детали.

Синюю — прекрасного цвета индиго и несколько оттенков разных.

Зелёную — отвары и просто сок разных трав. В некоторые чуть индиго для сочности добавила. В некоторые — жёлтый концентрированный отвар кореопсиса.

Темно-красную и целую куча оттенков розового и персикового — вишнёвый сок, морковный, кореопсис. Разные, короче, смеси.

Охра и песочный — смеси желтых красителей.

Очень красивый бордово-шоколадный оттенок получился из сока вишни и долго кипяченого сока свёклы.

Серовато-сиреневый цвет дали при кипячении чайные цветы. А если жать сок — выходит красивый сиреневый оттенок, но цветы мелкие и их нужно очень много.хлопотно это всё.

Весь стол был уставлен небольшими горшочками с плотными крышками. Что бы меньше сохла масса, Елины все крышки подогнала сама — обмотала плотными нитками выступающую часть и покрыла той массой, что Вара потолки пропитывал. Получилось что то вроде резинового уплотнителя.

Ну, как говорят здесь — помоги Единый!

Самая большая ошибка допущенная при ремонте — печь с духовкой в комнате. На улице больше 30, а она топит печку. Не помогает даже дверь нараспашку.

Несколько маленьких роз с серовато-зелёными листочками, несколько плоских круглых бусин разного размера. И, самое интересное — круглые бусины и полукруглые камни-вставки для бижутерии. Размер выбирала такой, что бы входили в медные оправы. Мастер Мика постарался на славу — всё, как она просила. На готовых изделиях были оставлены места под вставки. Только зажать лапками.

Эти бусины было делать интереснее всего. Точно повторить результат практически невозможно.

Елина брала небольшой кусочек массы, раскатывала в тонкую лепешку, сверху — дуругой слой. контрастный или близкий по цвету и так много раз.

Бусины можно было получить разные — просто в полоску, или, прокатав слои свернуть их трубкой, скрутить несоклько раз, и получить на выходе сказочной красоты каменный срез.

Первую партию она высушила и разложила на столе. Теперь можно и Морну звать.

— Ой, Елинька, да откуда жа така красота-та?

— Это и есть тот рецепт, помнишь, я тебе говорила на рынке? Я его не сразу сделала, плохо помнила, чего сколько, ну так и видела-то совсем маленькой. Но теперь я всё точно знаю, чего и сколько класть нужно. Как лепить, как сушить. Вот этим я и хочу заняться. И тебя, если хочешь, научу.

— Да я бы поучилась, Елинька, тока мне и в руки-та взять страшно этаку красоту. Оно ведь вона все какое, хрупенькое... Сломаю ещё.

— Оно не хрупкое, вполне твердое. Возьми в руки то, не бойся.

— Боязно...

Елина взяла розочку и кинула её на стол.

— Ой, побьёшь!

— Да не побью, Морна, ну что ты, право, как ребенок. Я же говорю — они твердые. Конечно, если с большой высоты уронить или там, наступить — наверное сломаются. А просто в руках их сложно сломать.

— Елинька, пойдем детка обедать. А уж потом придём и я возьму. Как то мне всё равно

боязно.

— Ну, пойдём. Я уже и правда голодная. А вернёмся — поговорим.

— Вот-вот, голодная она! Дак есть надо во время, а то как прутик тонюсенька! Пойдем, детка. Я там рыбки пожарила и баку размяла с маслом, как ты показывала. Вкусно очень получается. Пойдём...

Обедать Морна накрыла в доме. Слишком жарко на улице. А виноград на беседке тень будет давать не скоро. Не в этом году — точно. В доме прохладнее — камень защищает от жары.

Серый потолок, темная лаковая мебель, блестящий, как лакированный, пол. Роскошная кровать с резным изголовьем, толстенный матрас набитый пополам шерстью и водорослями, иначе шерсть собьётся быстро, две подушки пуховые, в любовно вышитых наволочках. Вместо пледа кровать покрыта светло-серым шёлком. Просто так, для красоты. На стене, над кроватью, цвело покрывало "Морина". Тяжелое покрывало прибили к рейке, что бы не провисало, и, уже в таком виде, повесили на стену. Напротив — то самое зеркало в красивой раме. Два кресла с резными спинками — одно для Морны, второе для Вары. Для Гантея и Елинки резные табуреточки с одинаковым рисунком. Таким, как на изголовье кровати. На креслах плотные подушки — совершенно непривычная здесь вещь. У всех тарелки отдельные, из одного сервиза. Ну и что, что глиняные. Всё равно — красиво. И даже цветы стоят на столе в обливном кувшине. Сплошная лепота. На зиму нужно ещё будет в тон к покрывалу коврик прикроватный придумать.

Как ни странно, цветы ежедневно приносил Гантей. Даже себе в комнате ставил в кувшин. А вот к Елинке не заходил. То ли стеснялся, то ли ревновал к матери. И даже запас сладостей, которые она привезла и выдавала ему ежедневно, не смягчил. Брал, спасибо, глядя в сторону и убегал по своим мальчишечьим делам. Надо бы подумать, что тут сделать можно. Не стоит запускать ситуацию. Что-то мальчишку давит, а это как нарыв. Лопнет — всем хуже будет.

Ели молча, Вара последнее время поправился и как-то даже залоснился. Бороду стал стрич аккуратно, дома ходил в рубашке с вышивкой и, похоже, был совершенно доволен жизнью. Банька его привела в восторг. Объявил, что она очень полезительна для здоровья, и спина от неё меньше болит и топил через день. Даже за дровами ходил сам, так как расходовать стали сильно больше. Но к лету из веток в мусорном заливишке образовывался просто завал, так что не ленись, ходи и собирай — зимой мерзнуть не будешь. В море выходил часто, деньги сдавал все Морне и не забывал подарками баловать. А себе, для солидности, завёл фляжку на поясе. Красивую, дорогую. Обтянутую кожей с тисненым корабликом по центру. Во фляжке было вино... Но пил очень редко, и, как подметила Елинка — только в присутствии гостей. Со словами — Не угодно ли по стаканчику? — наливал гостям мужчинам. Женщинам не предлагал, не принято такое. Очевидно для него эта фляжка, как ролекс для офисного планктона. Присматриваться к Елинке перестал, успокоился, и понял, что Морну она не обидит. Звал "деткой" и особо не обращал внимания. Но и помочь никогда не отказывался. Говорил: — "Эта, мы такое, всегда пожалуйста..." Так что в доме тишь да гладь пока. "Все счастливые семьи счастливы одинаково..."

С обеда вернулись к Елинке. Морна долго нерешительно перебирала бусины и цветочки. Рассматривала, восхищалась хрупкой красотой и "настоящностью" цветов. Попробовала даже лепить.

Но как-то не пошло у неё сразу. Все попытки оборачивались корявыми лепестками, толстыми и неуклюжими.

— Елинька, душа у меня не лежит к такому. Ты вот лучше покажи ещё раз, как

покрывала такие делают. Вот я бы поучилась, больно мне нравится. Да и стегать ровно я могу, пальцы привычные. А тут — така красота, а мне неловко с ней возиться.

— Морна, покрывало ты можешь сшить. Я тебя всему научу. А вот продавать его — нельзя.

— Это почему-та? Я ведь не воровано, а своё сделаю. Как так можно, что нельзя продавать.

Очевидна мысль зарабатывать деньги на синели засела у Морны крепко.

— Понимаешь, я фру Лице продала секрет изготовления. И мы с ней договор заключили, что я больше никого в Варусе обучать не буду. Не честно это получится, если ты начнешь торговать в Варусе. А в деревне никто не купит — для них слишком дорого. Ты можешь делать такие только для себя, для дома. ну, еще одно мы с тобой сделаем для Корны, подарок к рождению малыша. Это — можно.

Я тебя потому и учу лепить, что это тоже деньги и никому я рецепт продавать не стану. Наоборот, никому не скажу, что да как делается, из чего варится, как сушится. Стоить они будут не слишком дорого, вот их и будем продавать.

Морна крепко расстроилась. Явно не приглянулась ей лепка.

— Морна, родная моя, ну брось. Для себя можешь шить таких — сколько хочешь. Или можешь нашить много, а потом с мужем отвезешь их в Кроун. Только так и можно.

— Ой, Еля, Еля... Так мне этот ковёр в душу запал. Прямо я себе представляла, как такую красоту сама буду делать.

— А знаешь, как он называется?

— Нук?

— Он называется ковер "Морина". Это в честь тебя!

Морна аж всхлипнула.

— Да што ты, детка, рази ж так можно? Это для богатеев и ристократов тако в пору, а они так и будут звать — "Морина"?

— А куда они денутся — рассмеялась Елинка — так и будут.

Морна расчувствовалась совсем. Подождав, пока она успокоится, Елина вернулась к теме.

— Давай ещё подумаем, Морна, как мы будем действовать. Деньги мы всегда сможем заработать. И ты не безрукая, и Вара у тебя работяга. Можно шить эти покрывала, и складывать их. Года за два накопится много, тогда и решим, что делать. Можно будет в Кроун отвезти, можно будет по окрестным городкам прокатиться. Но тут города все маленькие, небогатые, не везде смогут купить, так что, если нравится — шей на здоровье, а на материал денег мы всегда заработаем. Зато представь, сколько потом сразу будет. А на лепку я тогда девочек в деревне найму. Научу, у девочек пальчики тонкие, руки ловкие.

— Еля, дак они научатся и сами будут делать, для себя, а не для тебя.

— Нет, Морна. Тут я никаких секретов никому не покажу, мастику делать буду только сама. И ты будешь рядом стоять и всё запоминать.

— А мне-та зачем тако знать?

— А затем, что кто знает, завтра заболею или ещё что случится — и опять забуду. А ты будешь помнить. Если что, такой рецепт да со всеми тонкостями обучения — очень даже дорого продать можно. Или самой стать хозяйкой мастерской, делать мастику, а лепят пусть другие. При таком ремесле голодной не останешься никогда.

— Еля, не гневи Единоного, не наговаривай беду всякую.

— Я не наговариваю, а страховка не помешает.

— Чо не помешает?

— Знания на всякий случай. Пословица есть такая — знал бы, где упаду — соломку бы подстелил.

— Не слыхала такого, а ведь умно сказано-та.

— Вот-вот, умно. Потому я и говорю — будешь стоять со мной и учиться. Можешь не лепить, не буду заставлять против воли, но что бы все тонкости изготовления знала. А покрывала я тебя поучу ещё шить, там много узоров очень, есть и ещё сложнее и красивее. И тонкости всякие покажу. Раз тебе по душе — ну и шей на здоровье. А ещё нам бы по хозяйству нужна помощница.

— Это ещё зачем тако диво? Чай не криворукие, сами справимся.

— Морна тут всё просто — меньше тратишь времени на хозяйство — больше остается на покрывала.

Идея Морне явно не понравилась. Начались споры, убедительные доводы, торги...

Порешили следующее. Мысу Морна на отрез отказалась чужим доверять. Так что на ней живность вся, и куры и Кук. Только покормить и подоить. Убирает и навоз выгребает пусть Вара. Это тяжело, а устать мы успеем.

Готовит Елина, у неё лучше получается. Стирку пусть помощница приходящая берет и огород на ней. И ещё, посуду мыть и воду таскать. Ну, воду можно Варе и Гантею полручить — само то для них. А посуду мыть — на работницу повесить. Все равно она есть с нами будет, не оставлять же человека за дверью, когда обедать садимся.

Разговор о судьбе Гантея Елинка пока отложила. Не горит, а на Морну и так столько нового сваливается ежедневно.

Кот в дом пришёл сам. Откуда он взялся так и не выяснили. В деревне котята были, но хозяева клялись, что все на месте. Беспородных уличных животных здесь не было, хотя не было и стерилизации. Рядом с курятником или сараем в каждом доме, где были кошки, стояла клетка или что то вроде большого ящика. Иначе могли наказать за разгильдяйство. Первый раз такую клетку Елинка видела в городе, в доме Корны. Туда и сажали бедную животину каждые пол года на неделю и пережидали кошачьи концерты. Дело привычное, лучше потерпеть, чем агромадный штраф платить. Городские власти за этим следили. Бездомных животных отлавливали и, или пристраивали, или убивали. Поэтому рожать кошкам было разрешено, только когда за котятами очередь стояла. Каждая животина носила ошейник с бляхой на которой был выбит опознавательный знак хозяев, за кошек платили даже небольшой налог раз в год, за воровство кошки или иные её пакости тоже отвечал хозяин, поэтому животных в домах держали не многие.хлопотно больно. Хотя и рожали местные кошки всего двух, редко — трёх котят. На всю деревеньку всего, кажется, около десятка, из них семь — точно мальчики.

Пришёл котенок во время обеда. Зашел в распахнутые от жары двери, по хозяйски дотопал до Гантея и с писком начал царапать ногу — есть требовал. Совсем кроха, не больше двух месяцев, максимум — два с половиной. Самое интересное, что такой расцветки в деревне не было. Дымчатый пушистик-кот — был, рыжая кошка — любимица хозяев, ну и обычные полосатики, с теми или иными признаками родства с родителями. Этот был явно другой породы. Чёрный, как смоль, без единого пятнышка.

Гантея он покорило сходу.

Елина предложила назвать его Васисуалием, в честь незабвенного господина Лоханкина. Просто вспомнила его фразу: "Я к вам пришел навеки поселиться", ну, так это выглядело, но прижился только короткий вариант — Васо, с ударением на О.

Васо жил в комнате Гантея, никогда не позволял себе гадить в комнате или воровать, прыгать по столам или, допустим, вырывать рассаду в огороде, даже когда был маленьким несмышённышем, но и у него была своя слабость. Мастерская Елины. Он приходил туда ещё малышом, просился на стол и очень внимательно смотрел на ловкие движения пальцев. Дело в том, что первой и любимой его игрушкой стал шарик из фарфора. Обычный шарик, который Елина слепила из различных остатков и подкинула ему. Шарик так дивно катался по полу. Васо часто ходил с Гантеем по всяким важным мальчишечьим делам, сперва на плечах у хозяина, а потом и сам, бегая за ним как щенок. Но, возвращаясь домой неизменно проводывал загадочную мастерскую.

Со временем, ближе к осени и холодам, Елина поставила плетёную овальную корзинку без ручки, но с мягким матрасом возле печки. В ней Васо иногда дремал в утренние часы. Например, когда хозяин отправлялся за очередной порцией дров. Там морской холодный ветер, влажный и отвратительный, а тут — уважительное отношение, взбитый матрас и восхитительная печка. Выбор был очевиден. Вот с поисков Васо в мастерской и начали налаживаться отношения Елины и Гантея. Постепенно подросток стал заходить так же регулярно, как и Васо, и так же садился и смотрел на лепку.

Очень не сразу, но однажды он протянул руку к белой массе и слепил лепесток розы. Лепесток вышел сероватым от грязных пальцев, но это было уже не важно. Обучался он

очень быстро. Глядя на работы Гантея Елина поражалась, откуда в деревенском мальчишке такое тонкое чувство цвета и формы. Его украшения поражали законченностью и изяществом. Нельзя дать пропасть такому таланту в деревенской глуши.

После окончания ремонта жизнь давно наладилась и устоялась. С наступлением холодов Вара окончательно перестал выходить в море, даже в теплые дни. Осенняя погода изменчива и непредсказуема, а нужды, как раньше, не было. Погреб был забит овощами. Часть — своё, им же выкопанное и собраное, часть закуплена в деревне. За лето натаскали столько веток, дров и хвороста, что за зимнее тепло можно было не беспокоиться. Сейчас, осенью, за дровами ходили из нежелания трогать запас, ну и по привычке. Пусть будет, так оно, эта, надёжнее.

Елина боялась, что Вара начнёт пить от безделья. Но нет, бездельничать было особенно некогда. Без помощи рабочих, сам, он поставил большой крытый навес от дождя для дровницы. Собирался ставить второй, возле баньки. Перекопал и удобрил огород, лично следил, что бы в доме и бане всегда была вода. По просьбе Елинки он же рубил и оципывал подросших кур к обеду, натаскал с берега красивых камней и выложил будущие клумбы. В планах у него было ещё сделать такие штуки на заднем дворе. И, как все рыбаки, прекрасно умел плести сети. Чем и занимался в свободное время. Ещё, по просьбе Елинки, плел плоские шкатулки с крышками из веток и коры какого-то местного дерева. Нужно же во что-то упаковывать бижутерию. Красотой они не отличались, но были прочные и лёгкие.

Морна полностью погрузилась в мир синели. Её очень расстраивало, что она не может похвастаться успехами сельским кумушкам. За лето и начало осени она сделала уже три покрывала и взялась за четвёртое. Работы становились сложнее и аккуратнее. Оторвать её от шитья могли только заботы о Мысе.

Нужен был ещё один стол для её работ. Нужны были ткани и нитки. Нужен был учитель для Гантея. Парню скоро пятнадцать, а он не умеет читать и писать, и считает на пальцах. Да она и сама не умеет писать на местном. У нотариуса в конторе она подписывала документ как неграмотная — отпечатками двух пальцев. Так что учитель нужен, хоть как. Уже скопились у Елины работы на продажу. От самых первых, несколько неуклюжих, они отличались, как небо и земля. Бижутерию она пока не трогала. Все медные оправы лежали в большой плетеной коробке. Были у неё планы на эти медяшки.

Летом им повезло — Гантей успел пометить на заливе огромную хвойную лесину. Её пришлось частично разделять прямо там, иначе не дотащили бы. Ветки, как обычно, пустили на дрова. Из ствола Вара напил досок и недавно, в свободное время, собрал ей отличный стеллаж.

Долго обсуждали всей семьёй, кто поедет. Гантей уперся. В городе у него не было друзей, а таскаться по рынку ему было скучно. Он привык, что лишних денег нет, и ничего интересного ему там не перепадет. А сладость мамка и домой привезет. Тут он, конечно, ошибался. Но настаивать Елина не стала. Хрупкий мир с ним ей был дорог. Морна не хотела оставлять Мысу. Сельский пастух не досмотрел и Мыса съела какую то местную растительную гадость. Морна чуть не двое суток провела в коровнике, отпаивала свою любимицу. Елина варила указанные травы, носила отвары. Выгребли у Лещихи-знахарки все запасы, клятвенно пообещав привезти из города, потому как до весны взять будет негде, а мало ли, что с людьми случится. Но и дожидаться затяжных дождей тоже нельзя. Потом совсем не проехать будет.

Собрались Вара и Елинка. Решили, что у Корны не будут останавливаться — не стоит

загружать хозяев. Одну ночь можно и в таверне провести, не обеднеют.

В трактире были довольно скромные удобства. За четыре медяка с человека предлагали ужин и ночевку в общих комнатах, одна комната для женщин, одна для мужчин. За отдельную плату в пять медяков — отделение в крепкой сараюшке, где можно поставить телегу с товаром. Ключ от огромного замка хозяин передал Варе в руки. Кормежка для Кука обошлась еще в 4 медяка и медяк мальчишке, что бы почистил и обиходил животину. Да уж, не дешевое удовольствие. Кормили сносно. На ужин каждому — порция каши из крупы, похожей по вкусу и виду на рис, только желтого цвета, ребрышки, обжаренные на открытом огне, жесткие и жирные, хлеба сколько угодно и кружка пива или молока на выбор. Бельё застелили чистое, туалет — на улице. Ладно, не слишком им тут долго жить.

С утра Вара отправился навестить Корну и Куберта. Мешок сущика и немного детских пелёнок-распашонок, сшитых Морной, нёс в подарок.

Сущик по местным меркам оказался новинкой. В протопленную печь устанавливали противни с слабо соленой подсушенной рыбой. Любой. Тут, главное, печь не должна быть слишком горячей, а тепло должна держать долго. Первую партию Елина испортила, но потом наострилась. Рыба становилась коричневой и хрупкой. Её можно было даже перетереть в порошок руками. Не сразу Елина вспомнила, как мама в деревне запасала рыбу на зиму. Но запас сделать успела. Пусть попробуют новинку.

Сама Елина собиралась нанести визит вежливости фру Лице и узнать, как дела, не скопила ли денег отдать долг, да и просто поболтать. Подруг у неё в селе так и не появилось.

Фру Лица была рада, нет, фру Лица была просто счастлива. Она без лишних церемоний подхватила Елинку под руку и потащила пить кафу. Там, торжественно улыбаясь, первым делом выложила на стол кучку золотых. Скромно улыбнулась и сказала:

— Фру Елина, здесь ВСЯ сумма!

Нужно было слышать, каким торжественным тоном было произнесено слово "вся"!

— Я никогда не сомневалась в ваших способностях, дорогая фру Лица! И очень рада за вас!

Елина достала обе расписки — Вот видите, я знала что вы быстро сможете рассчитаться с долгом.

За кафой они решили, что вовсе незачем обращаться так уж официально. Не такая страшная у них разница в возрасте, да и вообще, двум женщинам никакой возраст не помеха для дружбы.

— Лица, я ведь не за деньгами приехала. Рада, что ты так быстро расплатилась, так то я и не сомневалась, иначе не запросила бы такую сумму. Но даже если бы ты не смогла отдать сейчас — для меня не было бы это слишком важно. Мне совет нужен, да и не один.

Елинка открыла плетёную коробку и разложила на столе несколько вариантов бус и монисто. Из коробки побольше достала букетик цветов и шпильки с розовыми бутонами.

— Вот, смотри. Такого у меня много, ну, не точно такого, оно всё разное. Мне нужно это продать.

— Восхитительно, просто восхитительно! А я сперва не поняла, почему ты розы вынула из коробки. Они же совершенно живые!

Лица достала зеркало и перебирала бусы, прикладывала к шее, притащила несколько отрезков ткани и начала перебирать, какие куда подойдут. Долго возилась, рассматривала

букет, примеряла шпильки. Елина не торопила. Наконец Лица уgomонилась.

— Где ты остановилась, Еля?

— В трактире, у фора Гори.

— Тебе там нравится?

— Нет, но у меня нет выбора. Я не хочу мешать родственникам. Корна ждет малыша, ей не до гостей.

— Я думаю, тебе стоит перебраться ко мне. Понимаешь, открыть лавочку — это не так быстро. А сдавать кому-то такую красоту и позволить на себе зарабатывать большие деньги — это верх глупости. Но тебе ведь нет ещё тридцати? У тебя нет родителей, я знаю, но должны же быть опекуны.

— Я живу со второй женой моего папы. Она прекрасная женщина, я вас потом обязательно познакомлю. Она тоже делает такие покрывала. Вы сможете обменяться опытом.

— Елина! Мы же подписали договор!

— Лица, успокойся. Ни одно из этих покрывал никто не видел. Мы не собираемся здесь ими торговать. Я не нарушу договор, ты можешь спать совершенно спокойно. Мы просто складуем их дома, а через пару лет планируем съездить в Кроун и продать там.

— Ого, какие у тебя планы! В любом случае, перебирайся ко мне, мы сможем всё спокойно обсудить и, уверена, найдем самое лучшее решение.

Вара несколько нервно отнесся к идее отпустить Елину, но после знакомства с фру Лицей, владелицей лучшего ателье города, смягчился. Сам лично отнес необходимые Елинке вещи и, внимательно осмотрев мастерскую и дом, остался доволен.

Вечером, после ужина сидели у горящего камина и пили чай. К чаю Лица выставила вазочку с конфетами. Ничего особенного, обычные орешки в сладкой глазури. Но Елинку и это порадовало. Дома, кроме мёда, ничего не было, а мёд уже поднадоел. Пожалуй, стоит сделать хоть сгущенку, что ли.

После бурных споров решили следующее.

Ателье фру Лицы перезжает. Здесь ей уже давно тесно. Есть прекрасное, просто прекрасное помещение на центральной улице, но очень, просто очень дорогое. Но вот если хотя бы четверть будет оплачивать Елинка, то это будет замечательно. Лавочку нужно оформить на Вару. Это будет проще всего. Там, в этом помещении есть даже большая стеклянная витрина, стёкла везли аж из самого Кроуна и стоят они страшно подумать сколько. В витрине будет висеть покрывало "Морина", а вот вторую часть они задрапируют обычным однотонным шёлком и уже на нём развешат и расставят украшения Елины. Внутри обязательно будет большой прилавок. Свою часть ателье Лица давно уже придумала, как обставить. Она уже была там и всё видела. А прилавок нужно непременно заказать у фора Меруса. Он разбирается в этом и у него отличные замки, никто не сможет открыть. Замки делает его сын, сам, представляешь, какой умный? Вообще фор Дор очень, просто очень достойный молодой человек и... Да, что-то отвлеклись мы...

Обсуждение затянулось за полночь и утром Елинка поднялась с трудом. Но впереди была такая куча дел, да и большая чашка кафы "очень, просто очень" способствовала хорошему настроению.

В общей сложности задержаться пришлось на десять дней. Бюрократия, она везде — бюрократия. Но сперва пришлось выдержать бой с Варой. Он ни в какую не хотел что-то подписывать без Морны. Если бы не Лица — кто знает, как бы всё вышло. Именно она нашла убийственный довод — Фор Вара, если вы не хотите стать ГОРОДСКИМ ЛАВОЧНИКОМ, то больше я не настаиваю...

— Городским, эта, в смысле — в городе торговать?

— Да. Это значит торговать в городе, и не на ярмарке, а в своей лавке, с прекрасной стеклянной витриной и собственной продавщицей. Вам же никто не предлагает стоять, как простому крестьянину, за прилавком на ярмарке.

И Вара сдался. Мысль о настоящей ГОРОДСКОЙ лавке поразила его воображение. В конце концов, может же работающий непьющий мужик иметь маленькие слабости. Всё же некая доля снобизма в нём была. Жизнь она ни ему ни Морне не портила, так что и бог с ней.

В конторе фора Мэрля Вара чувствовал себя очень неудобно. Краснел, кивал на все головой и молчал. Подписал документы на аренду, подписал доверенность на ведение дел на Елину и ограниченную доверенность на Лицу, подписал ещё кучу бумаг и вышел оттуда через час вытирая совершенно мокрое лицо рукавом.

— Ты, эта, Еля, сам-та понимаешь чо нить?

— Да, Вара, ты не волнуйся. Когда зачитывали бумаги я очень внимательно слушала. Кстати, ты читать сам умеешь?

— Да откуда бы такое, эта...

— Гантею уже 15, и он тоже не умеет. А вот вы с Морной ещё ребёночка родите, так ты учти, малыш будет уже вполне обеспеченным человеком. Не бедным. Как без грамоты-то? Да и я бы поучилась, дела вести — читать нужно уметь обязательно.

— Дак, эта, школа, эта, только в городе есть.

— Ну, можно и переехать. Но мне в деревне нравится. Может стоит учителя поискать на зиму? Дел зимой меньше будет, спать ему можно у Гантея в комнате, а платить мы найдём чем. Как думаешь?

И тут Вара сильно удивил Елинку. Она ожидала, что он поговорит с Морной, как бы подготовит её, и потом, дома уже, они всё с ней решат.

— Дак, эта, ищи учителя-та. Лавочнику-та надо грамоту знать. А то Гантей выучится, а я как жа?

Остаток дня потратили на закупки домой. Трав купили — вернуть должок Лещихе, сладостей, сухофруктов. Опять взяли копченый окорок, свои свиньи ещё молодые, рано забивать. Купили десяток кур и ткани для покрывал. Ещё от Корны был тючок старых тряпок.

Вара торопился домой.

— Дак эта, скока задержались-та, Морна поди-ка волнуется, дак и трактир надоел страсть как.

Все коробки с фарфором сгрузили в новом ателье. Вара набил телегу покупками и обещал вернуться через неделю.

Дела закружили так, что Лица с Елиной обедать не успевали. Не стоит забывать, что у

Лицы были заказы, которые переезд-переезд, а выполнить нужно. Тут, как на грех одна из шести её мастериц уволилась — замуж ей так не вовремя приспичило. Заменяя её девушки ещё каждый вечер ухитрялись по три-четыре часа шить сами. Через три дня, слава Единому, нашли двух новых девушек, чьи образцы удовлетворили взыскательную хозяйку.

— Ты пойми, Еля, я плачу больше, чем в любом другом месте. На четверть больше. Это — много. Но и работу я буду спрашивать строго. Я не могу себе позволить небрежность или опоздание. Конечно, у меня теперь есть "Морина", за ними прямо очередь стоит, но и фру Шарп не дремлет.

Марку Лица собиралась держать очень высоко.

Когда Елинка рассказала ей, что фру Шарп выгнала её из мастерской и даже не стала смотреть работы — Лица долго хохотала.

— Так ей и надо, жмотине!

Выяснилось, что свою карьеру Лица у фру Шарп и начинала.

— Вот никогда она не похвалит, зато за малейшую неточность — штраф. Даже за мелочь, которую видно только с изнанки. И переделать заставит, ну, это-то правильно, конечно, но ещё и оштрафует. А сама жмётся в мастерской лишней раз свет обновить. У неё светло только в приемной, представляешь? И вечно-то ворчит и бездельницами обзывает. И все-то у неё дармоедки. А в обед кормила так, что мы через час уже голодные были. Приходилось с собой что-то приносить. А ведь положено кормить работников. Я, когда наследство-то получила, в тот же день ушла. А через месяц открыла своё ателье и от неё ещё 3 мастерицы ушли ко мне. Они у меня и до сих пор работают, хотя я сперва платила не больше фру Шарп. Кормила, правда, досыта. Ну и относилась по-человечески. Так что никак у нас любовь взаимная не получается. Она очень хороший мастер, правда. Но не очень хорошая женщина. Она и фру Калерия соперничали сильно. За заказы бились, да кто больше аристократок обслужит. А я и горожанкам никогда не отказывала. Какая разница, кто платит? Я-то всего четыре года сама хозяйка. И вдруг ей такой удар судьбы. Калерия подалась в Кроун, а она — всё равно не первая в городе. Баронесса, как увидела "Морину", так теперь у меня и заказывает. А раньше у фру Калерии шила.

Елинка подумала-подумала и пообещала научить Лицу ещё паре фокусов. Если даже у фру Калерии не получится в Кроуне и она вернётся — найдет, что в замен казанши предложить и разойтись миром.

Договорились на изготовление прилавка с фором Мерусом. Немного доплатили за срочность. Фор Дор оказался смазливый красавчиком и не слишком понравился Елине. Он пообещал установить замки в витрине — "неприменно самолично" и навязался проводить "двух прекрасных фру".

Вечером, за чашкой чая, Елина обратилась к Лице с просьбой помочь найти учителя.

— Даже не знаю, Еля. Так вот на ум никто не приходит. Я поспрашиваю. А сейчас пошла спать — сил нет, как устала.

Через день установили витрину. Вопреки всем советам Елинка настояла на внутренней бархатной отделке. Заднюю доску и боковины, где обычно размещают зеркала, покрыли светящейся краской.

— Надо же, как красиво. Никогда не видела такого, обычно свет делают сверху.

— Ну, Лица, сверху тоже обязательно будет.

За спиной продавщицы должны стоять букеты. Поэтому у каждой полки выкрасили светящейся краской низ — он ярко освещал всю нижнюю полку. Всего полок вышло четыре.

Пятая, верхняя — просто для подсветки.

И сбоку этого великолепия — удобный стульчик для продавщицы.

Лица лично перебрала все коробки и составила накладную на весь товар. Пришлось купить толстую тетрадь. Каждую мелочь описали и оценили. Это не рынок. Здесь цены фиксированные. Бумага стоила каких-то бешеных денег, поэтому очень ценилась способность писать мелко, но разборчиво, как Лица. Оставили пустую графу, где будет отметка — продано. И в конце каждого листа столбиком подбили цену. Оставили пустое место на ревизию. Надо срочно изобретать хотя бы счеты. Принцип подсчетов Елина знала, ну и продавца научит.

У Лицы в задних комнатах кипела работа. На 2 огромных столах стегали "Морины". Еще за одним шили платья.

— Ты не боишься, что мастерицы уйдут с секретом и сами начнут на себя работать?

— Во-первых у них договора на пять лет у каждой. Так обычно не делают, но я сделала. Во-вторых ни одна не знает, как размещать внутренности и, даже, что именно там есть. Это я делаю только сама. Им остается простёжка по рисунку. Я всегда, прежде чем на стёжку отдать, края обрабатываю лично, что бы внутрь не заглядывали. Я даже режу только сама и без них. Так что пока — секрет мой.

Пригласили плотника, он отделил небольшую часть помещения, поставил дверь с замком. Ключ Елинка отдала Лице. Там будет её личный склад. Много места ей не нужно, но запас товара должен быть.

Продавщицу привела Лица. Девушка, лет двадцать пять на вид, худенькая изящная блондинка с кокетливыми кудряшками, деликатная, милая, с тихим нежным голоском. Внешне — просто находка.

— Ты, Еля не сомневайся, я Дину уже лет пятнадцать знаю. Она все годы в кондитерской работала у фру Крег. Уж на что баба вредная была, но Динка даже с ней ладила. А тут она померла родами, и фор Крег начал себя вести недостойно. Так что бери, лучше ты не найдёшь.

Договорились на пять процентов с продаж. Сама идея платить проценты вызвала удивление и у Динки и у Лицы. Вечер сидели, разбирали на пальцах, что и как. Елина пообещала первый месяц, пока покупатели не прознают, маленькую зарплату. До рекламных плакатов тут ещё не дошли, но Елина зашла в несколько маленьких дорогих кондитерских и договорилась за букеты, оставленные как реклама, что интересующихся будут отправлять к ней в лавку. Двум хозяйкам подарила новые серьги из тех, что попроще, с условием носить не снимая минимум два месяца и одной продавщице, там хозяйка только раз в седмицу вставляла за прилавок, когда у девушки был выходной.

День ушел на выкладку товара, на обучение Дины, на разбор и выкладку витрин. Елина заказала для Дины не яркое, но очень дорогое платье. Шелковый бархат стоил так, что Дина сперва одевать боялась.

— Носить его будешь только на работе. Не забывай стирать. Ты должна выглядеть очень привлекательно, дорого, но не броско. Сама, пожалуйста, ничего из ассортимента не покупай. Я подарю тебе потом, если будешь хорошо работать, целый комплект. С условием, что на работу не оденешь. Одно дело увидеть такой комплект на ком то, другое — на продавщице. Аристократки с их гонором не станут покупать то, что может носить продавщица. Понимаешь? Такие серьги будет носить фру Лица.

Когда утром в двери фру Лицы постучался Вара, Елинка чуть не расплакалась от

радости.

Позавтракали, завезли Лицу в ателье, показали Варе его лавку, познакомили с Диной.
Слава Единому, можно домой.

Просыпаться дома было просто прекрасно. В дорогу Елинке Лица насыпала мешочек кафы, не маленький такой мешочек, специально для неё смолола и подарила. И теперь каждое утро начиналось с кофе. Ни Вара, ни Морна пить "этаку страсть" не стали, а вот Гантей очень даже оценил кофе со сгущенкой. Елинка ещё делала ему на завтрак бутерброды с сыром. Грела в духовке и Гантей, жмурясь от удовольствия, съедал три, а то и четыре бутерброда. Хлеб Елина наловчилась печь так, что городской казался не слишком вкусным. И булочки с корицей обязательно пеклись в выходной. Никто не изнурял себя работой, всё делалось в охотку, дома всегда было тепло и чисто. Не торопясь, тщательно примеряя, сшили добротную одежду для зимы.

Днем в мастерскую приходили Гантей и повзрослевший солидный Васа. Он забирался в свою корзину, проверял мячик, который прятал под матрасом, и, убедившись, что богатство на месте замечательно урчал до тех пор, пока его не окончательно не смаривал сон.

А дожди становились всё чаще и длиннее, по утрам иногда лежала изморозь, тем обиднее было выезжать в город. Что поделаешь, и товар нужно вести, и деньги забрать. Да и Корну проведать — рожать ей через три месяца. Узнать хоть, как она там. Всё ли в порядке.

— Морна, а давай тебе шубу купим. Куртки и плащи тёплые, конечно, но шуба-то всяко теплее и красивее.

— Что ты, Елинька, рази можно шубу, я же не ристократка, за такое и в тюрьму могут..

— За шубу?

— За мех. Меха только дворяне могут носить, а простым людям нельзя, даже и горожанам и купцам богатящим нельзя.

— Надо же... Я и не помню такого.

— Ты, детка, если чево, дак лучше спроси... Не дай, Единый, чё не так сделаешь.

— А что ещё простым нельзя?

— Ну, черную одежду нельзя.

— А это-то почему?

— Ну, дак черна-та ткань сама дорогая, этот цвет тока король может носить. Ну ристократы ещё, и то, что бы не всё черно, а другие ещё цвета были. А всё черно — тока король.

— Ну и ладно, не очень то и хотелось. Морна, а скажи, шерсть крестьянам можно носить?

— Дак можно, канешна.

— Ну и прекрасно, сделаем тебе шерстяную отделку на плащ, ещё и красивее меха будет.

— Ой, да зачем мне!

— Ой, да за надом! — засмеялась Елина. — Ты у нас лучше любого короля! Вот куплю в городе шерсть хорошую и сделаю.

Гантей опять остался дома. Ну, не пропадёт, большой парень то.

Отдохнувший и отъевшийся за последнее время Кук шустро трусил по дороге. С погодой повезло. Было холодно, дул ветер, но небо было чистое, дождя не ожидали. Всю телегу завалили коробками с фарфором. Взяли несколько тёплых одеял и все закрыли сшитыми в один лист кожами — от влаги. Вара, в новой суконной одежде, подбитой шерстью, новых же

высоких сапогах, которые зверски начистил самодельной ваксой — свиным смальцем смешанным с сажей, накиннул сверху тяжеленный плащ из кожи — как защиту от ветра. Елинка с Морой то обсуждали домашние дела, то тихо подремывали в телеге.

В прошлый раз Лица велела ехать сразу к ней, а не мотаться по сомнительным трактирам.

— Не говори глупостей, Еля. Спальные места найду, комнат у меня аж две, если что, даже на кухне можно спать — там ещё и теплее. Всяко лучше, чем столько на трактир выкидывать.

Так что Вара довез их до Лицы, а сам отправился пристраивать Кука и товар к Куберу во двор.

Лица растолкала служанку, захлопотала поздний ужин. На разговоры ни у кого особо сил не было — всё равно в дороге трясло сильно.

Дождались замерзшего Вару, покормили и всех гостей распихали спать.

Утром, за завтраком, робеющая Морна слушала отчет о торговле.

— Давно вам приехать нужно было — полки совсем пустые. Я вчера даже Динку домой отправила, нечем ей торговать. Товара больше везите. Денежки все у меня, Дина каждый вечер сдавала под запись, да вы ешьте, ешьте, фру Морна. И вы, фром Вара кушайте, пожалуйста. Дел сегодня столько — управится бы.

— Да как я фру, Единый с вами, фру Лица.

— Такая ты фру, Морна. Привыкай. У тебя с мужем лавка в городе, ты вполне обеспеченная дама, как же тебя ещё-то звать?

— Да непривычно мне, Елинька.

— Привыкайте.

Лица принесла мешочек с деньгами и высыпала на стол.

— Вы, фром Вара, пересчитайте, потом приедем в ателье, я вам записи покажу, что и за сколько продали.

Вара покраснел. Он совершенно не понимал, как это считать. До золотого он умел, а дальше? А тут половина золотых, куча серебрушек...

— Лица, фром Вара ещё не поел нормально, давай я пока пересчитаю — выручила его Елинка.

Сумма потрясла воображение супругов. Они совершенно не представляли, что с этим всем делать.

Кстати, Елина тоже не слишком понимала. Никогда она бизнесом не занималась. Ну было что-то подкоплено на черный день, но это все цивилизно лежало в банке на счету. Сумма её не пугала, но вот что дальше? Банков здесь нет. Надо, пожалуй, крепко подумать.

Сперва поехали к Корне. Морна не утерпела — привезла ей покрывало. И то, понять можно, делать такую красоту и прятать... Какой художник выдержит?

— Еля, не поеду я в лавку. Ты уж сама, эта, распорядись, а? И, эта, учителя бы побыстрее. А то не ладно выходит. Мы туточки с Морной побудем, а ты уж сама тама, негоже мне олуха-та из себя строить. Како от людей уважение будет, если Динка, эта, девченка-девченкой, а более моего понимает. Ты уж помоги, эта...

— Не переживай, Вара. Я все проверю. И не расстраивайся. Грамоте выучишься — начнешь понимать.

— Эта, спасибо тебе, детка...

— Товар мне только отвези к лавке, а там уж я сама.

Вара шустро стаскал все коробки и укатил к родственникам. Динка с Елиной сели записывать. Текст Елинка не понимала, но цифры уже выучила. Хотя и непривычно, в голове приходится каждый раз пересчитывать. Отрываясь от дел, подбегала Лица, проверяла, нашла одну ошибку. Все сошлось и Дина получила зарплату, от которой у нее глаза округлились как раз до размеров медного пятака.

— Фру Елина, вы не путаете?

— Ну, сядь посчитай сама, как я тебя учила. Всю прибыль вместе сосчитала, теперь всё раздели на сто и умножь на пять. Это и есть твоя зарплата.

— Я буду очень-очень стараться, фру Елина. Огромное спасибо!

— Ты молодец, Дина. Лица тебя хвалила, деньги все в точности сошлись. Возьми, это тебе подарок.

Дина робко открыла плетёную коробку. Серьги, брошь, кольцо, семь шпилек, два кольца разные, всё в одном стиле. Комплект. Цветы ярко-голубые.

— Тебе очень пойдёт, Дина. Но помни уговор — на работу не носить. Можно только на свидания.

— Спасибо-спасибо... Он такой восхитительный...

— Всё, работай, выкладывай товар. Мне ещё нужно поговорить с фру Лицей.

У Лицы была капризная дамочка. Долго мотала нервы, всё ей казалось, что вот тут вот морщит, и как-то вот не такое она ожидала, и может быть, стоило сделать отделку другим цветом... Стальные, всё же, у Лицы нервы. Елине так и хотелось послать. Лице дамочка тыкала, что ещё больше не понравилось Елине. Аристократка, чёрт бы побрал капризницу. Наконец, сотый раз уверив, что сидит просто идеально, и вы, рейва Бери, будете неотразимы, Лица выпроводила даму, кланяясь и приседая.

— Пойдем чайку попьем, Еля.

Позвав солидную пожилую помощницу, утащила Елину в задние комнаты. Там, за мастерской была маленькая чайная.

— Садись давай, здесь девочки обедают по очереди, но сейчас рано ещё. Ты знаешь, я очень люблю свою работу, но иногда так хочется всё бросить...

— Понимаю. Не самая приятная особа.

— Ай, купчиха, такая же, как мы с тобой. Вышла замуж за раззорившегося дворянина и теперь строит их себя тонкую натуру. Да, совсем забыла, к вопросу о раззорившихся дворянах. Есть учитель, говорят — очень хороший. Но там некоторые сложности. Точнее — много сложностей. Бери булочки к чаю — свежие, сейчас всё расскажу.

— Понимаешь, Еля, я о нём даже в детстве слышала. Знаменитый рейв Каргер, барон, герой битвы под Саранданом. Только это всё как бы не сто лет назад было. Как уж он там дальше жил, кто его знает.

— Подожди, он что, дворянин?

— А я тебе о чём толкую? Он не просто там какой безземельный. Ну, точнее, сейчас то, похоже так и есть. Но титул у него не отобрали. Подробностей тебе никто не скажет, ничего потому что не знают. Кумушки наши языки чешут — ужасы придумывают. А на самом деле он вернулся из столицы даже не в Кроун, а сюда, ещё два года назад. И мальчик с ним, лет тринадцать ему. Говорят — правнук, молодой барон. Что с семьёй, что с землями — никто точно не знает. Только приехал он почти без денег. Ну, сколько-то было, около года он комнату крошечную снимал, а потом видно, совсем край. И пошел учителем к купцу одному. Услышишь еще о нём, фор Клуп, противный и наглый. Но богатый очень. Товары ему поставляют не только из Кроуна, аж из столицы везёт. Жёну он аристократку взял, навроде вот этой... А сын него лет пятнадцати, в школе он не очень учился, вот папаша и решил, как у благородных — учителя домашнего взять. И тут они и договорились. Платил он не сказать, что бы много, экономкой там у него тётка одной моей знакомой работает, говорит — всего полторы серебряшки в месяц. Ну, комната у барона с внуком была и кормили их, вместе и за столом сидели. Конечно, лестно ему было, что у него сам рейв Каргер учителем и с ним за одним столом ест. И около года так и жили. А потом гости у купца были, важные какие-то, как бы не из столицы. Ну пили они там, гости ночевать остались. А Клуп-то перебрал, да горничную прижал в коридоре. Тут барон и наткнулся на него. Горничная-то закричала — гости и выскочили из комнат, девченка ревет, она, говорят совсем молоденькая, а барон-то Клуца по щекам жирным отходил. Скандалище говорят был — знатный. А что купец против барона? Барон в своем праве. Но ведь при гостях такое... Выгнал его Клуп и, говорят, даже за последний месяц не заплатил. Вот так вот... А мальчишка то, сын Клуца, говорят плакал прямо, привязался он к барону-то.

Вот тут ты сама решай, а надумаешь — так я его приглашу.

— А сколько ему лет-то сейчас, если он сто лет назад в героях ходил?

— Ну, точно не скажу, но он и тогда не мальчишка был. Около ста семидесяти должно быть.

— Ого!

— Да ты не бойся, он крепкий ещё дед-то.

Днем Морна прислала сказать, что ночевать будут у сестры. Елина сходила к родичам, попила чаю, послушала разговоры сестер и отпросилась ночевать к Лице — на вечер был приглашен барон.

— Проходите, рейв Каргер, присаживайтесь. Может чаю или кафу?

— Спасибо, фру Елина — нет. Давайте о деле.

Очень невысокого роста. Чуть выше Елинки. Крепкий, сухой, прямой, как шпага. Чувствуется военная выправка. Одежда потертая, на рукаве, даже, видна не слишком аккуратная штопка, но безукоризненно чистая. Чёрный удлиненный жилет с кожаными ремнями и белоснежная рубаха. Серебряные от седины волосы забраны сзади в низкий хвостик. Он очень не молод, Елина таких старых людей здесь ещё и не видела.

— Вы согласны на переезд?

— Да.

— Вы будете не один?

— Да. Со мной мой правнук, юный баронет Каргер.

— Что вы можете преподавать?

— Грамматику, языки — я знаю три, агривский, саранданский и шикку, математику, высшую в том числе, географию, историю и механику. Тут у меня нет образования, но я много лет интересовался предметом и смогу донести основы до учеников.

— Я хочу предложить вам несколько необычных учеников.

Молчит. Ждет, никакой лишней информации давать не хочет.

— К сожалению, я не смогу предложить вам отдельную комнату до лета. Постройка комнаты для вас возможна только через 4 месяца, не раньше. Вам придется делить комнату с одним из учеников.

— Это не страшно, если у нас с внуком будут отдельные койки, то четыре месяца можно потерпеть.

— Ваши ученики будут крестьяне.

— Вы шутите, сударыня?

Ишь ты, как бровь-то заломил. Интересно, считает, что это ниже его достоинства или просто не верит, что крестьяне будут нанимать учителя?

— Нет, господин барон. Все — крестьяне. Один из них мальчик, почти пятнадцать лет, начать нужно с азов и научить всему, чему сможете. Второй — взрослый мужчина. Задача минимум — научить писать и считать. Максимум — чему сможете сверх этого. И третий ваш ученик — это я. Меня нужно научить писать и читать.

Пауза. Долгая такая пауза.

— Фру Елина, вы хотите мне сказать, что не умеете писать и читать? Девушка, которая говорит грамотно и ведет переговоры — не умеет? Зачем этот балаган?

— Господин барон, около полугода назад я переболела жаркой. Одна девушка у нас в деревне умерла. Я — выжила. Но частично лишилась памяти. К сожалению, в эту часть вошло умение читать и писать. Я даже не помню букв.

— Странная история, фру Елина. Никогда не слышал, что потеря памяти может быть результатом обычной жарки. Контузия, ранение в голову — такое мне приходилось видеть.

— Господин барон, это всё, что я могу сказать вам. Большого я не помню. Если вас не пугают такие ученики — мы можем обговорить условия.

— Очевидно, что вы слышали сплетни о скандале в семье фор Клупа. Вас не пугает моя испорченная репутация?

— Нет.

— Фру Елина, я хотел бы услышать ваши условия. Что еще, кроме комнаты с учеником вы сможете предложить?

— Это не город, господин барон, но у вас будет всегда свежая и качественная еда. Без особых разносолов. Чистое белье и одежда. Если потребуется — сошьем вам или закажем всё необходимое. В том числе, и необходимое юному баронету. Будет нужно — найму вам отдельную служанку. Но, думаю, наша Гана вполне справится со стиркой и уборкой. Полная свобода в методике преподавания. И два золотых в месяц. Подумайте над моим предложением. Я буду в городе до послезавтрашнего утра.

— Это довольно щедрое предложение. Вы изрядно переплачиваете. С чем это связано?

— С тем, что предвижу большие сложности с обучением. Хотеть и мочь — это разные вещи. Думаю, вы сможете настоять на своем, если ученик начнет капризничать. Это не будет просто, господин барон.

— Я согласен.

— Я рада, надеюсь, что всё получится. Кроме того, у меня к вам будет просьба.

— Слушаю вас, фру Елина.

— Сейчас я выдам вам аванс за первый месяц работы и еще некоторую сумму денег. Я хотела бы вас попросить закупить всё, что необходимо для учебы. Тетради, перья, ручки. Может быть, ещё что-то. Я просто не знаю, что может понадобиться. Не примите это за желание оскорбить вас. Если это для вас неприемлемо, то прошу вас составить список — я попытаюсь собрать всё сама.

— Не стоит. Я вполне справлюсь с этим. Куда и когда прикажете прибыть?

— Послезавтра на рассвете к дому мебельщика Кубера. Это в районе южного входа на ярмарку. Вы найдёте?

Елина протянула ему мешочек с деньгами. Барон убрал мешочек в карман, как пружина распрямился вставая со стула, резко кивнул головой и, одновременно, щелкнул каблуками

— Честь имею!

При виде учителя Вара растерялся. Нет, он обрадовался, когда Елинка сказала, что наняла хорошего, но поговорить в суматохе утренних сборов они не успели. Елинка заказала Куберту две кровати с доставкой. Доплатила за срочность. И попросила захватить у кузнеца ещё несколько железок. Оплатила доставку соседу Куберта — он давал на прокат лошадку и телегу, сбегала на рынок и купила несколько мешков шерсти — один выбирала очень придирчиво, отрезывала куски ткани и всякое разное по мелочи. Некогда ей было разговаривать.

Зрелище, конечно, было фантастическое. Во дворе обычный разгром перед поездкой, на телеге и рядом, на деревянном поддоне, кучей свалены мешки и вещи, и там, в телеге, на куче соломы, почти в позе лотоса, с видом сфинкса сидит барон. Рядом с ним — мальчишка. Симпатичный, четко прослеживается родство с бароном, видать и сам барон в молодости красив был. Мальчик несколько растерян, ему далеко до невозмутимости барона, он с любопытством стреляет глазами на всю происходящую вокруг суматоху.

Вара складывает вещи в телегу, лицо бордовое, косится на барона. На крыльцо, накинув суконный плащ, вышла даже Корна. Придерживает округлившийся животик, топчется под морозящим дождем. Ну, вроде как — с родней проститься. Но глаз от барона отвести не может.

Насилу собрались. К концу сборов весть о том, что сам барон, тот самый, рейв Каргер, ну, ты что не слышал, деревенщина прям, еще при Сарандане он чуть не погиб, ему тогда орден из чистого золота, говорят, дали и бриллиант с кулак, непостижимым образом просочилась к соседям. Из-за всех заборов выглядывали любопытные лица. Но, всё же, город, не деревня. Просто так глазет было неловко. Поэтому все срочно нашли себе дела в дворе. Неловко чинились соседские заборы и калтики, под противным морозящим дождем молодуха из дома напротив взялась мести дорогу за воротами. А Галта, соседка из дома по левую сторону, вывела на шлейке, эка невидаль, орущего от возмущения кота. И вы бы заорали, если бы вас с тёплой лежанки сунули босыми лапами в лужу и потащили под морозящим дождем. На Галту и её кота на шлейке глазели как бы не больше, чем на барона. Ишь ты, чего придумала, животину мучать, как барыня прямо. Но всё хорошее в этой жизни рано или поздно кончается.

Упаковали всё, Елинка порылась в тюках и протянула барону сшитые кожи.

— Укрывайтесь, рейв Кангрэн, ехать долго, почти до вечера, и баронета укройте. Простуды нам ни к чему.

— Благодарю.

Морну посадили в телегу, и она застыла сфинксом не хуже барона. Надо было, всё же, найти время на разговор, жалела Елинка. Так ещё сердце у когонибудь от волнения прихватит.

Кук неодобрительно косился на перегруженную телегу. Посмотреть прямо ему мешала лошадиная анатомия, но восторга от новых седоков он явно не испытывал.

Тронулись. За воротами города началась самая отвратительная часть дороги, выбоина на выбоине. Ловко выпрыгнув на ходу из телеги, барон во всеуслышание заявил, что предпочитает пройти пешком. Так и прошёл эти версты ни разу не присев.

До дома добрались совсем затемно. Варна сразу же после разгрузки, сбежал топить баню. Сил ни у кого не было, продрогли и замерзли. Барону застелили кровать Гантея.

Гантей, как самый бодрый, попробовал было возмущаться, но строгий взгляд Морны и легкий подзатыльник подавили бунт на корню. Мальчишкам Елина устроила лежбище на куче тюков шерсти, застелив их парой теплых одеял.

Нарезали хлеба, сыра, ветчины, на печке закипел чайник.

И барон и баронет Санчо не стесняясь, вместе со всеми таскали бутерброды с тарелки, Санчо бодро хрустел огурцом. А чай с мёдом окончательно привели его в хорошее настроение. Он с любопытством оглядывал дом, и, кажется, ему всё нравилось, ну или было интересно. По лицу барона прочитать что либо не получалось.

Единственный момент, когда барон позволил себе вздернуть бровь, это когда ему с дороги предложили помыться. Удивился, похоже. Молча сходил в комнату Гантея и принес смену одежды себе и внуку.

Вару было немного жаль, всё же ему сложно вот так. Он явно не знает, как обращаться к гостям. А кстати, как?

— Рейв Каргер, подскажите, как к вам лучше обращаться? И к юному баронету.

— Достаточно просто — господин барон. Полный титул не стоит называть. К баронету можно обращаться на вы, но по имени.

— Так, эта, господин барон, вы того, эта, мыться пойдем.

Женщины, традиционно, шли вторыми.

Перед сном, сладко вытянувшись на чистой тёплой кровати, Елина задумалась. А не сделала ли она большую ошибку? Если барон окажется снобом и начнет насмехаться над Варой, из учебы толку не будет.

Ну, расторгнуть договор никогда не поздно. Ей барон нравился, но это, возможно, просто некая разновидность тоски по "цивилизации", по прошлой жизни. Явно человек не плохо образован, его кругозор шире, чем у остальных. Если не слепится — выплачу небольшую неустойку.

В договоре, пусть и устном, ни она, ни барон до такого не додумались, но это не повод ей вести себя, как фром Клуп. Деньги не так уж и жалко, их всё равно непонятно, куда девать. Ну, не её мечта — бизнес. Конечно, можно наладить мастерскую побольше, взять девочек из деревни, за деньги то с радостью пойдут, не больно здесь сытое житьё. Везти товар в Кроун, найти контакты и торговать в столице. Никогда её это не было интересно. Хватает на обычные расходы — и хорошо. А так, сами по себе, они — просто железки.

С другой стороны, она уже заварила кашу. К прежней, босоногой жизни, добровольно никто из семьи не захочет возвращаться. А с большими знаниями придут и большие проблемы. Кто там говорил про знания и печали? Экклезиаст, кажется...

Обустройство на новом месте заняло не один день. Неприкаянно бродил по двору и окрестностям юный баронет. В стороне от него, периодически, бродил Гантей. Васа, по поводу дождя на улицу не выходил, но чужаков принял благосклонно. Даже позволял баронету гладить себя. Ну, не слишком сильно. С позволения барона Елина перебрала всю одежду. Его это не смутило — тряпками должны заниматься женщины. Большая часть и оказалась тряпками. Чистыми, это — да, но все неумело заштопано, сам что ли чинил? Подумав, Елина выкинула из его сундуку большую часть одежды, свернула в кокон и, на радость Морне, определила на тряпки. Засели шить.

В комнате Гантея сделали стеллаж. Поменьше, чем у Елины, но тоже большой. Часть стеллажа заняли сшитые тетради, запас перьев, две бутылочки чернил и, даже, две линейки. Похоже, это и был учебный материал. Посмотрев на стеллаж, барон добавил несколько книг. Так Елина впервые раз увидела местные книги. Печатные. Это радовало. Как бы ни дорого они стоили, но всяко будут дешевле рукописных.

Через неделю привезли кровати и кучу железок. Немного подумав, Елина сделала для барона полог, в изголовье повесила светящийся прямоугольник с задвижкой, как у себя. Теперь барон мог, если не спалось, спокойно почитать в кровати. Полог давал некую иллюзию уединения. Кровать была пошире и посolidнее, чем у мальчишек. Две подушки с вышивкой и самое красивое одеяло.

Баронету досталась такая же кровать, как у Гантея. Удобный толстый матрас, чистое бельё, которое меняли каждую седмицу, пуховая подушка. Всё, что нужно, но никаких излишеств.

Железки оказались прообразом шкафа для вещей. Два отдельных четырехлапых стояка, из каждого торчит крепкий длинный железный прут, заканчивающийся рогулькой. На рогульки Елина выложила длинную штангу. Привезенный крючки были из самого мягкого металла, какой нашелся у кузнеца. Вставив крючки в деревянные плашки, которые с кроватями вместе прислал Куберт, Елина расплющила нижнюю часть крючка. Ну, как расплющила — показала Варе, что именно требуется. Получились вполне приличные вешалки. Новые суконные куртки с кожаными кокетками — что бы не сразу промокали, по одной для деда и внука для улицы, кожаные штаны для прогулок, новые рубахи. Подштанники — трусов здесь не носили. Их и рубахи пришлось отдать шить деревенской портнихе, хотя Морна и ворчала. Времени не было самим возится. Теплые суконные костюмы для дома. Молодому баронету Елина нарочно пошила из такой же ткани, как и Гантею. И такого же фасона.

И Морна и Вара гостей тщательно избегали, встречались только за общими трапезами. Уроков пока не было, барон частенько с утра уходил к морю и проводил там чуть не пол дня, поэтому Елина удивилась, когда он попросил её выделить время на разговор.

— Фру Елина, есть одна вещь, которую мы не обговорили.

— Думаю, господин барон, что таких вещей много больше, чем одна.

— Вы правы, но пока поговорим о еде.

— Вы недовольны качеством?

— Напротив, еда прекрасно приготовлена, я вижу, что готовите вы сами и искренне вам благодарен.

Я не капризен, мне приходилось есть в походах гораздо менее привлекательные вещи. Но мне не нравятся столовые приборы.

Ууупс... Сложно назвать деревянные ложки столовыми приборами.

— Что вы предлагаете?

— В доме заняты все, кроме, пока что, меня и Санчо. Если вы захотите, я могу съездить в город и купить необходимое.

Елина крепко задумалась.

— Барон, я не смогла здраво оценить все возможные изменения, связанные с обучением. Если вы не против, я хотела бы обдумать эту деталь. До завтра, вас устроит?

— Вполне.

Резко встал, привычно кивнул и вышел.

Беседа с Морной и Варой вышла не из легких. Сперва возмущаться стали оба. Потом, по мере выкладываемых Елиной доводов — призадумались

— Вы вот что ещё учтите. Гантей уже мастер, хоть и мальчишка. Мастику варит как бы не лучше меня, а уж лепит — так не каждому дано. Неизвестно, как он захочет свою жизнь построить, может и не станет в море ходить. Спрашивать его сейчас — бесполезно. У него планы на жизнь ещё сто раз поменяются. Ну, вот есть у нас лавка в городе. Захотим — можем перебраться, нет — можем всю жизнь здесь жить. А детям-то зачем руки связывать? Вы ещё молодые оба, ребенка планируете. И что? Что с деньгами то делать будете? Под подушку складывать? Ну, можно очень большие деньги сделать, еще лавок наставить. И будут ваши дети пасти коров и спать на золоте. Деньги для того и нужны, что бы была возможность жизнь менять. А как тот же Гантей её поменяет, если по нему видно, что он есть правильно не умеет, считает до десяти с ошибками и, сколько не говорю ему, так и вытирает рот рукой? Да в городе каждый поймет, что он просто пастух деревенский. Ты вот, Вара, как себя чувствуешь, когда какойнибудь барин на тебя нос морщит? Или орёт на базаре? Ты и сделать ничего не можешь и ответить что — не знаешь. Вас я не заставляю, сами решайте. А детям не усложняйте жизнь. После долгих споров решили — учится всем. Ну, а там уж как выйдет.

— Господин барон, какая сумма, примерно, нужна на приличные столовые приборы? Учтите, нам не к лицу заводить фамильное столовое серебро, нужны обычные вилки, ножи, ложки. Ну, возможно еще супница и половник. И чайный сервиз. Спаси Единый, где я на всё это прислугу возьму?

— Если вы доверяете моему суждению, фру Елина, то я бы рекомендовал вам нанять хорошую горничную в городе. Или лакея. Пожалуй, лакей — предпочтительнее. Всё же основной ученик у меня — юноша. О цене на посуду я вам ничего не смогу сказать — мне не приходилось сталкиваться с этим вопросом. Возможно, вам стоит выбрать время и съездить в город со мной?

— Боюсь, что у меня нет выбора. Послезавтра вам будет удобно?

— Вполне.

— Скажите, нужны ли нам какие-то книги для учёбы?

— Было бы очень желательно приобрести несколько учебников. Я знаю, кто в Варусе имеет и готов продать такие.

— Договорились

Из города Елина не привезла денег.

Из города привезли сервиз обеденный на десять человек и, такого же размера —

чайный. Столовые приборы, скатерть, ещё одну кровать, купили, какая нашлась готовая, и Крея — бывшего ординарца барона.

Комната Гантея напоминала общежитие гастробайтеров.

Спаси Единый, но летом нас снова ожидает стройка!

Правила этикета в этом мире были значительно проще, что Елину бесконечно радовало. Мысль о том, что пришлось бы заставлять всех держать вилок левой рукой вызывала ужас. И так без конфликтов не обошлось. Вара и Морна были терпеливы. Вара потел, кряхтел, но кое-как справлялся. А вот Гантея страшно бесило, что нельзя взять курицу в руки, и спокойно съесть. Что нужно пользоваться вилками. Что нужно пользоваться салфетками. Что баронет ест себе спокойно и никто его не трогает, а ему вечно достаются менторские объяснения учителя. Особенно бесил баронет. Приехал такой, весь из себя, носятся с ним, как с писаной торбой. И имя у него дурацкое, где это видано, что бы нормального человека звали Санчо. Елька вон время на него тратит, всё что-то рассказывает и показывает, ещё бы рецепт мастики секретный разболтала, все бабы дуры.

Примерно это он однажды и высказал на повышенных тонах, предварительно кинув салфетку на пол и схватив в руки кусок курицы. Давясь злыми слезами объявил — Вам надо, вы все и учитесь, а мне и так хорошо. Юный баронет при этом, кстати, ехидно ухмылялся. И, не удержавшись, показал язык Гантею.

Барон отреагировал просто молниеносно. Встав из за стола он железным голосом скомандовал:

— Сударь, сударыни, приношу вам свои извинения за эту недостойную сцену! Вы, оба — за мной.

И оба мальчишки встали и вышли. Как зайчики.

Морна сидела расстроенная. Вара растерялся — с таким он не сталкивался.

— Дак, эта, понятно, не сразу получится. Завсегда, эта, учиться приходится. Чего же так то, эта?

А вот Елина испугалась. Как-то вот не очень она себе представляла что именно советует в таких случаях местная педагогическая система. А если барон их сейчас выпорот? Или одного Гантея? Парень ведь просто из дома сбежит. Она подскочила и попыталась побежать за ними, но дорогу преградил Крей. Он всегда во время трапез стоял за спиной барона и обслуживал всех за столом. Ел он отдельно, вместе с Ганой, которая теперь приходила ежедневно на весь день, прибавилось посуды, стирки и прочего. Существенно прибавилась и зарплата.

Крей просто встал в дверях.

— Прошу сесть, фру Елина. Уверяю вас, господин барон вполне справится.

Устраивать скандал и толкаться Елина не стала, но мысли были очень разные, на душе скреблись кошки. "Выпорет — уволю к чертовой матери. Феодал недобитый!"

Доедать никто не стал. Сегодня у поросят будет роскошный ужин.

Троица вернулась через час. Все мокрые, замерзшие, мальчишки грязные. У Гантея разбит нос и опухла губа, у баронета — наливается роскошный синяк под глазом.

Елина ахнула.

— Вы били детей?

— Попрошу не оскорблять меня такими подозрениями. Крей, будь любезен, проследи, что бы молодые господа помылись и переоделись. Фру Елина, нам нужно поговорить. В вашей мастерской — будет удобно?

— Попрошу вас.

— Я подойду, как только приведу себя в подобающий вид.

Немного подумав Елина поставила чайник на плиту. Барон не молод и явно озяб. В плотно закрытом горшке нашлись утренние булочки. Белая салфетка, чайные пары, розетки с мёдом и стеклянная вазочка с плюшками.

— Присаживайтесь, господин барон. Чаю?

— Благодарю.

— Фру Елина, господин Гантей совершенно не умеет драться. Он подбил глаз Санчо благодаря случайности.

Елина растерялась

— Но, я предполагала, что вы будете учить его писать и считать, ну, еще прилично вести себя за столом.

— Фру Елина, подскажите, как называется та странная конструкция, на которой зацеплена наша одежда?

— Вешалка, господин барон. Вешалка-стойка.

— Вы обратили внимание, что у этой вашей стойки с каждой стороны по четыре ножи, как у табурета?

— Конечно, эту конструкцию заказывала я, поэтому прекрасно знаю, из каких деталей она состоит.

— Слова и понятия "конструкция", "детали" входят в лексикон обычных крестьянок?

Елина молчала. А что тут скажешь? Но лицо держала. Как там говорила изумительная Джулия у Моэма? "Никогда не делай паузу без нужды! А уж если взяла паузу, то тяни её — сколько сможешь! Чем больше артист — тем больше у него пауза!"

— Простите. Так вот, как вы думаете, что случится, если у этой вашей вешалки отломить всего одну ножку?

— Ну, разумеется, она упадёт!

— Фру Елина, любое воспитание, солдата ли, юноши ли — это всегда система. Выкинь из неё одну часть — получишь нечто кособокое. Мне нужно ваше согласие на некоторые изменения.

Разговаривали долго, немного спорили, но со следующего дня жизнь в доме совершенно изменилась.

Подъём с первым криком петуха.

1. Зарядка на свежем воздухе. Морна только вздыхала, глядя, как барон гоняет мальчишек под дождём.

2. Повторения вчерашнего материала.

3. Завтрак всей семьи.

4. Занятия в комнате Гантея, откуда удалялись все. Песочные часы барон ставил на улице и никто не рисковал зайти, пока не высыпался песок.

6. Большой перерыв, часа три, во время которого Гантей лепил в мастерской.

7. Тренировка, во время которой чаще всего Санчо безжалостно валял Гантея по соломе.

8. Обед всей семьи.

9. Снова занятия и снова песочные часы.

10. Ужин всей семьи.

11. Свободное время.

Всё было бы замечательно, но во время занятий молодой баронет изнывал от безделья.

— Фру Елина, разрешите?

— Проходите, господин барон.

— Фру Елина, я хотел бы пересмотреть финансовые условия нашего договора.

— Вы считаете, что вам мало платят?

— Нет, плата достаточно щедрая, я благодарен вам. Но меня волнует незанятость баронета. Безделье в этом возрасте очень плохо сказывается на подростках. Я готов получать меньше, если вы возьметесь обучать баронета этой вашей лепке.

— Неожиданное предложение. А как к нему отнесется сам баронет.

— Здесь нет выбора, фру Елина. Если бы мы были в городе, я придумал бы ему занятие.

— Например?

— Например — отправил бы на конюшню. За некоторые услуги можно договориться и брать приличного коня.

— Господин барон, я возьму мальчика в обучение и не буду убавлять вашу зарплату, напротив, я ее повышу. При условии, что весной, когда будет возможно строительство конюшни, вы займётесь с мальчиками верховой ездой. Мы договорились?

— Я очень благодарен вам, фру Елина. Честь имею!

Показалось или нет, что голос барона слегка дрогнул?

Уроки чтения и письма Вара и Морна перенесли вполне терпимо. Особых восторгов не испытывали, но понимали, что — нужно. Дело пошло легче, когда, выучив буквы, Морна стала читать. Слегка смущаясь, барон выдал ей потрепанный томик.

— Этот роман, фру Морна, очень нравится дамам. Он о несчастной любви прекрасной и юной герцогини.

На удивленно поднятые брови Елины и ее улыбку барон несколько раздраженно пояснил.

— Она досталась мне случайно и я не успел продать или обменять её.

Скорость чтения Морны существенно выросла. Пришлось делать ей такой же светильник у изголовья кровати. Теперь, по утрам, вся семья выслушивала подробности из жизни герцогини.

Занятия с юным баронетом начались не слишком удачно. Объяснения Елины как каким цветом пользоваться, что с чем лучше сочетать он слушал в пол уха,

— Мне, фру Елина, это всё не нужно. Это всё дедушка придумал, а эта работа — не для аристократа, недостойная она.

— Вы не правы, не бывает недостойной работы, Санчо.

— Ну да! Вы ещё скажите, что, например коров пасти — достойно!

Ах ты ж, свинёнок малой!

— Я расскажу вам одну историю, господин баронет.

Давным давно, так давно, что уже никто не помнит, в каком государстве это было, в одной крепости жили простые крестьяне, времена были мирные, хозяина у крепости не было и они жили так, как им удобно. У каждого из них была своя комната и там они поддерживали чистоту, ну, более или менее, как умели. На кухне правила кухарка, и там всё было очень чисто. А вот туалет, мыть никто не хотел. Каждый из них говорил, что это не его территория. И, надо же такому случится, что короля этой страны очень прогневил один барон. Уж не знаю, чем именно, но — прогневил. И король отправил его в ссылку, в самое скучное место в стране, вот в эту самую крепость. Однажды прискакал гонец и сообщил, что одну комнату теперь будет занимать настоящий барон. Крестьяне обсудили это между собой и долго смеялись. Слуг то в крепости нет, кто будет барону чистить сортир? Представляете,

говорили они, что будет с этим столичным неженкой? Приехал барон, уже не слишком молодой, устроился в комнате и, через некоторое время, ему понадобился туалет. Когда он вышел, все ждали, что он начнет стенать и плакать. Но — нет. Он взял ведро и тряпки, одел перчатки, в которых чистят конюшню, и вычистил туалет. Тогда крестьяне его спросили — вы же барон, разве вам не стыдно чистить это? И вот его ответ, баронет Санчо, запомните, пожалуйста, навсегда. Барон ответил так:

— Аристократу не стыдно драить туалет, аристократу стыдно жить в грязи!

— Bravo, фру Елина! Очень мудрая история. С вашего разрешения я заберу Санчо на некоторое время.

Елина не слышала, как вошел барон. Ну, что уж теперь...

В общем и целом жизнь в усадьбе наладилась и протекала спокойно. Нельзя сказать, что Васа приобрел безукоризненные манеры или, что Гантей стал совсем уж послушным, но сдвиги были видны, а остальное — просто дело времени.

Выпал первый снег.

Вчера отмечали Сонный день — день, в который, по легенде, Единый усыпает. Съездили в храм. Ну, храм, как храм, ничего особенного. Портретов единого не вешают — считается, что у него нет определённого лица, а выглядит он так, как хочет. Стены расписаны довольно симпатичными узорами. Перед храмом есть что-то типа сеней, там в чаще горит огонь, от него зажигают свечку. Зайдя в основное помещение нужно подумать о том, что плохого и хорошего ты сделал за последнее время, и попросить у Единого прощения за грехи. А уж он ваши поступки сам взвесит. У него и весы есть. Именно весы и стоят в центре храма, не слишком большие, отделанные камнями. Рядом хор из нескольких жрецов — поют что то жалобно. На жрецах серые шелковые хламиды — признак смирения и отказа от мирского. Да, когда внутренний разговор с Единым закончишь, нужно потушить свечу и провести тремя пальцами по лбу. Это, вроде как, отсчет новой жизни начинается. Подношения жрецам складывают у ворот храма.

Елине нравилась местная религия — не слишком навязчивая и не слишком финансово обременительная. Никакой десятины храм не получал. Существовал исключительно на обслуживании женитьб, посвящении ребенка в лоно веры, молитвы за больных и прочее. Ну, и добровольные подношения. Храмовники, говорят, и в самом деле жили очень скромно, при каждом храме обязательно было что-то вроде больницы — там мог получить помощь любой. Никаких нищих, или там попрошайек не было. Если семья раззорилась, а в жизни всякое бывает, тот же храм подыскивал работу, меценатов, давал на некоторое время приют. И как-то вот хватало им денег без десятины. Ну, продавали они свечи храмовые — вполне умеренная цена. Светящиеся доски в храме почему-то были запрещены. Только свечи.

Крошечный городок, куда ездили в праздник назывался Тир, сильно ближе, чем Варус. Естественно, местные устроили небольшую ярмарку. Вот на ярмарке то и столкнулись со стражей.

Морна была в суконном плаще с опушкой. И некая фру Мориц донесла на неё. Не иначе, из зависти, зараза такая. Всей толпой уже выходили с ярмарки, ничего особенного там не было, мальчишки потратили свои деньги на сладости и моченые яблоки, барон пропал куда-то ненадолго, а потом вернулся со свертком подмышкой. И тут-то и подошли два солдата и потребовали от Морны следовать за ними.

Вид, манеры и, главное, голос барона, голос человека привыкшего командовать, быстро поставили солдатиков по стойке смирно.

— Дак приказано нам, уважаемый рейв. Как не положено меха носить, а фру в плаще с мехом. В мэрию велено доставить. Приказ у нас такой, рейв.

В мэрию пошли целой процессией. Нервничающая Морна под руку с успокаивающей Елинкой, Вара, оба мальчишки, и барон. Солдаты шли впереди — дорогу показывали.

Этот "мех" Елица изготовила самолично, поэтому сильно не переживала. Всё же не настоящий мех, а простая овечья шерсть.

Мелкую рыболовную сеть она попросила связать Вару. Ячейки маленькие, поменьше полусантиметра. Крючки разных размеров у неё ещё с лета лежали — заказала на всякий случай, когда печки делали.

Сетку она туго натянула на прямоугольную раму. Брала пучок вычесаной и вымытой

шерсти и крючком вправляла одной стороной в отверстие. Два ряда белой, два ряда чёрной и так — до самого конца сетки. Тыльную сторону аккуратно покрыла тем же месивом, которым Вара потолки промазывал. Ну, а как все высохло — подстригла лицевую сторону, вычесала и получила пушистую красоту. Тем же манером сделала и манжеты. Очень Морне понравилось, радовалась как ребёнок, у зеркала крутилась. Ну, и правда, на темно-сером суконном плаще хорошо смотрелось, ярко.

Мэр был весьма пузат и благодушен. Разобрались быстро, все же шерсть и мех не спутаешь, очень любопытствовал, что и как делается. Но сетку Елинка не показывала, а состав клея — так любой знает, для парусов клей, рейв Флюк. На барона мэр косился с любопытством, но барон представляется не стал, а рейв Флюк не рискнул спросить. Ну и правильно, чутьё у дворянства мелкого должно быть на уровне, а то не долго в мэрах проходишь. Так-то и ничего страшного, но настроение попортилось.

Домой вернулись голодные, но Елинка заранее приготовила кучу холодных закусок. На стенах висели две хвойные гирлянды, украшенные ярко алыми фарфоровыми бусинами. От печки шло славное тепло. По традиции же, после ужина и перед сном принято было обмениваться подарками. Ели все с аппетитом, постепенно настроение выравнивалось. Вара достал свою фляжку, но барон воскликнул:

— Как это я мог забыть! Крей, будь любезен, принеси из моего сундука... ну, ты знаешь.

Крей вернулся через минуту с потертой расписной шкатулкой в руках. В шкатулке, в специальных гнёздах, хранились маленькие стеклянные прозрачные стопочки и довольно пузатая бутылка, полная на две трети чем-то, как показалось Елине, черным. Дно шкатулки отделялось и служило маленьким подносом. Крей поставил на подносик две стопочки, но барон поднял бровь и Крей добавил ещё две. Жидкость из бутылки была густой и черно-багровой.

Первую стопку Крей поднёс Морне, вторую Елине, затем Варе и только последнюю — барону.

Барон встал.

— Я благодарен судьбе, за то, что она познакомила меня с вами. Здоровья и благополучия всем обитателям этого дома! — и пригубил из стопочки.

Елина понюхала — сладкий запах ягод. Смочила губы — вишневая настойка, или, даже — вишнёвый ликёр. Потрясающий, с послевкусием косточек. Прелесть какая!

— А сейчас я хочу преподнести вам подарки на память.

Морна получила книгу — новый роман о новой герцогине. Уважаемый фром Вара — отличные перчатки, сверху — кожа, внутри сукно. Елинка — очаровательную стеклянную вазочку синего цвета.

— Крейг!

Крейг вышел.

Мальчишки смотрели с любопытством. Васо заурчал, вскочил с одной из своих лежанок, которые стояли теперь в каждой комнате, и нервно начал прохаживаться у дверей.

Крейг принёс мешок, в котором что-то шевелилось. Васо насторожился. Барон присел на корточки и развязал.

— Прошу отнестись к этому подарку серьезно, юноши. Дрессировать собаку — большая ответственность.

Из мешка, тихо поскуливая, неуклюже выбирался толстый крупный чёрный щенок. Второй оказался менее застенчив. Пока мальчишки с восторгом смотрели на них, он пихнул

первого щенка головой, оттолкнул его и неуклюже рванул к Васо. Васо оторопел. К этому времени он был уже солидным, упитанным молодым котом. У него даже уже были дети. Его уважали в доме и никто не смел его тискать. Когда хотелось ласки он сам выбирал, кого осчастливить. Чаще всего, конечно, Гантея, но не пренебрегал и другими членами семьи. А тут на него наскочило что-то толстое и наглое, оно прыгало на него и пыталось жевать хвост, более того, оно облизывало ему лапу. Фу, какая гадость! Васо был в растерянности. Нервно дернув хвостом он удалился на кровать Морны решив понаблюдать за всем с безопасного места.

Что больше всего удивило Елинку, это то, что мальчишки без всяких споров выбрали себе по щенку. Гантей взял того, что играл с Васо, а Санчо — того, что поспокойнее.

Для Крейга и стоящей в дверях в дверях Гана тоже были подарки.

Елине было проще. Всем мужчинам в семье она заказала белоснежные рубашки, а когда их дошили — лично скроила к каждой аккуратный галстук-жабо, украсив края тонким кружевом. Морне она подарила муфту сделанную по той же технологии, что и опушка на плаще, подбитую внутри сукном. А слугам, от всей семьи, — по маленькому мешочку каждому, где лежали по две серебрушки. Кроме того, Гане достались серьги и монисто, а Крейгу — фляжка с крепким пивом. От мальчишек все получили красивые, плетёные из разноцветных ниток закладки для книг. Морна и Вара подарили барону чеканную серебряную фляжку, мальчишкам поводки и ошейники для собак, украшенные медными клёпками. Очевидно, что существовал сговор, в который Елину не посвятили. А Елине достался кусок зеленого шелкового бархата и строгий наказ, немедленно бросить все дела и сшить, наконец, себе нарядное платье.

Щенков, по предложению Елинки, назвали Чук и Гек.

Ближе к весне Елиной овладела какая-то странная апатия. То ли затяжные дожди портили настроение, то ли просто устала. Готовить на такую толпу народа ежедневно три раза, да ещё и без выходных... Тут кому хочешь надоест.

И занятия с ней так и не начались — у барона просто не оставалось времени. Мальчишки занимали весь день, а в единственный перерыв он занимался с Варой. Морна учёбу бросила, читать она научилась и с упоением в свободное время погружалась в тайны роковых любовей. У неё уже была библиотечная полка с 5 книгами. Шестую она читала. Счет она осилила, складывать-отнимать умела, даже умножать. Дальше ей стало не интересно.

А вот Вара, как ни странно, погрузился в дебри математики. Час в день, а когда и больше, он отдавал занятиям с бароном. В уме двузначными цифрами оперировал со скоростью калькулятора. Весь остальной день барона был посвящен Гантею и, частично, Санчо. Мальчишки заметно окрепли, аппетит у них был на зависть — Елинка только и успевала жарить, парить, тушить. Чук и Гек тоже отличались завидным аппетитом и им приходилось готовить отдельно. Они немного подросли и даже научились простым командам типа "сидеть-лежать-ко мне".

Надо было что то решать. По Елиным прикидкам были разные варианты. Например, купить в городе большой дом и всем перебраться туда. Категорически против была Морна.

— Тута, мне Елинька, всё родное. Я ба вот как Корна-та не смогла — всё бросить и съехать. Ну, ежели уж край придет — поеду, конечно, но очень не хочу. Вара тут поддерживал Морну. Снобизм снобизмом, но тут он на своём месте, а в город только по делам.

— Тесно тама, Еля. Тута, эта, море есть, простор. А тама, оно, канешно интересна, ну погостить тама, эта. Или по делам. А жить лучше тута.

У Гантея было семь пятниц на неделе. То ему подавай город, то — лучше здесь.

— Я, Еля, теперь многое знаю, учится я и дальше хочу. Но сама понимаешь, моё ремесло меня где угодно прокормит. За это я не переживаю. Книги можно и сюда привозить. А вот когда вырасту — обязательно поеду путешествовать. Сарандан — он совсем другой. Мне господин барон язык преподает, я там смогу разговаривать.

Надо же, как речь то у парня изменилась. Барон просто волшебник.

Можно было нанять рабочих и поставить полноценную усадьбу. При желании, можно даже было сделать в доме водопровод и туалет. Дорого, долго, сложно из-за того, что все придется вести из города, но — возможно.

Всё решилось как то само собой. В один прекрасный день к ней в мастерскую постучался Крей.

— Фру Елина, мне бы поговорить.

— Слушаю тебя, Крей.

— Так тут получилось, очень мне девушка приглянулась.

Елина впала в ступор.

— Ну, я так-то рада за тебя, а что ты от меня хочешь?

— Да вот боится она, это, работу потерять.

— Какую работу, Крей? Ты о чём?

— Так у вас работу, фру Елина.

— Подожди, ты про Гану что ли?

— Так да, замуж её зову, а она боится. Вы не думайте, мы ребенка ещё лет пять не планируем, а то и больше.

— Крей, а сколько тебе лет то?

— Так сто двадцать, в самом соку, как говорится...

— А Гане всего сорок, не пугает тебя разница?

— Ну, может немного и многовато, но она славная очень, а мне, это, уже давно обзаводится домом пора.

Надо же, конспираторы какие. Елина даже и не заметила, когда это они так спелись.

— Вы, фру Елина, даже не сомневайтесь, мы каждый день на работу будем приходить, как и раньше. Я к барону пошёл было, а он говорит — иди к фру Елине и с ней решай. Я и на работу то к вам из-за господина барона пошел, служил же я у него, а тут — Гана... И я вот, это, к вам...

— Та-а-ак, ещё и вам комнату надо будет строить.

— Да нет же, фру Елина. У Ганы домик в деревне крепенький, я там, что нужно подделаю, руки то на месте, сами знаете, а с утра мы — сразу на работу к вам. Гана хочет в город со временем переехать, ну, вот и будем работать и подкапливать. У вас же, это, работа-то с прокормом, вот и нам удобно, и вам.

— Хорошо, Крей, женитесь себе на здоровье. На свадьбу пригласить не забудь.

— Так я, это, Гане-то скажу?

— Скажи-скажи, скажи что я поздравляю и за вас рада.

— И не уволите?

— Нет, не уволю, не переживай.

Ну, в этом есть свои плюсы. Значит, нужна будет одна большая комната для барона, Там же можно и класс для занятий оборудовать. Мальчишки вполне могут жить вдвоем. И переезжать не нужно. Хотя кусок огорода всё равно придется занять. Конюшню то хочешь-не хочешь, а ставить нужно. Значит Морна, ну, если захочет, конечно, сможет вторую коровку вместо Кука поставить. А Кука уже в новую конюшню. Как ещё поладят-то с новой лошадью? Да и Единый с ним, с огородом. Овощи даже на местном базарчике можно спокойно купить.

Хандра прошла сама собой. Нужно чертить план конюшни — сперва обсудить с бароном. Нужно придумать комнату для него так, что бы и занятия там проводить, и ему удобно было. Нужно рассчитать, чего и сколько придется везти из города. Когда уж тут хандрить.

Свадьбу справляли шумно. Гане Елинка сшила в подарок платье из жёлтого шёлка. Желтый — это пожелание богатства семье, это — плодородие. А чёрным бусам обзавидовались все подружки невесты. Королевский цвет. Сажа и правда давала довольно густой черный оттенок, а добавки лака придавали бусинам глянец и глубину.

Прямо на улице были выставлены простецкие столы на козлах, их покрыли длинными шелковыми полотнищами. Это у деревни такое имущество. Кто берет пользоваться — немного платит, ну, и Телеп, конечно же, проверяет потом, что бы всё целое и чистое было. И прибирает до следующей свадьбы или родин. Угощение по весеннему времени было бы не слишком богатым, Вара, по просьбе барона, съездил в город и привез здоровую мясистую свинью. Такой подарок на свадьбу был более, чем кстати. Пиво местные варили сами, только

к праздникам. Капуста и бака, пироги с разными начинками и огромные глиняные блюда с отварной дымящейся свининой.

Нашлись и музыканты любители. Музыка была зажигательная. Чем-то даже похоже на ирландские танцы. Ну, а если кто и сфальшивит — под пиво не так заметно. Молодых поздравляли, дарили разное нужное в хозяйстве добро. Морна шиканула — подарила молоды зелёную "Морину" с алым рисунком. У Елины глаза резануло, но тишина, которая установилась, как только плед развернули, убедила ее в том, что ничего она в красоте не понимает.

Через неделю начали стройку. Экономить Елина не стала. Столько мотаться в город — да ну его, себя не жалеть. Поэтому ездила за лето всего два раза, один раз всей семьей, вместе с мальчишками и бароном.

Зато оттуда выехали целым обозом — Елина оплатила доставку сразу всего.

Заодно в городе повидали Корну, у неё родился крепкий, здоровенький мальчишка. Кубера распирало от радости и гордости. Сам вставал по ночам к Мату, а уж колыбельке резной могли и графья позавидовать — расстарался папа.

Повидалась с Лицей. Сколько же удовольствия доставляет обычная дамская болтовня ни о чём!

Обсудили ассортимент в лавке. Лица дала пару советов по фасонам украшений. Посплетничали вволю, помыли кости фрому Дору. Он ухитрился женится на пожилой, но очень богатой вдовушке. Представляешь, ей уже за сто, так ему и надо!

Второй раз ездила с бароном. У него обнаружили какие-то дела в городе. А Елина запаслась кафой, тканями и сделала несколько заказов с доставкой.

Ночевала опять у Лицы, обсудили рубашку с жабо, в которой приезжал очередной раз за деньгами Вара. Лица отметила, что он сильно изменился. И деньги у Дины сам проверял, и товар весь сам записал.

— А можно, Еля, я такие жабо буду делать? Красиво же и не сложно, а как нарядно.

— А можно. Только не забывай предлагать дамам закалывать жабо брошкой. Это очень элегантно смотрится. А форму я тебе сейчас нарисую, есть воск?

Вечером фру Лицу навестил барон.

— Фру Елина, есть отличная лошадка для мальчиков. Цена вполне разумная. Что скажете?

— Тогда нужно сразу выбрать седло и что там ещё нужно?

— С вами приятно работать, фру Елина.

Домой опять ехали на трёх подводах. Барон оседлал симпатичную лошадку каштанового цвета в белых чулочках и со звёздочкой во лбу. Очаровательную кокетку звали Мин.

Тряска уже закончилась, просто изумительный день сегодня. Можно сказать — повезло. На небе ни облачка, но летней жары еще нет, солнце не жжет, а ласкает.

Первый возница упал со стрелой в горле. У второго стрела застряла в плече. Он дико закричал. Ржала лошадь — из неё тоже торчала стрела

— Девку, девку не прибеите, идиоты!

На дрогу выскочили люди. Какие-то мужики хватали лошадей за уздцы. Один жуткий, заросший схватил Елину за руку и куда-то тянул. В глаз ему воткнулся кинжал. Он как-то сипло выдохнул и начал сползать по Елине. Она отрывала его цепкие пальцы от одежды, еле вырвала край юбки, обхватила себя за плечи.

Стонал возница со стрелой в плече, жалобно и тонко ржала раненая лошадь. У ног Елины лежал мертвый мужчина. Ещё двое, у одного вся грудь мокрая, кровь, тихонько булькая, толчками выливается из разрезанного горла. Второй сучит ногами по земле и скребет её пальцами. Нож торчит точно из ярёмной ямки и крови совсем не много.

Барон успокаивает рвущуюся с поводьев Мику. Похлопывает по шее, что-то шепчет на ухо. Потом закидывает поводья на ближайший куст и подходит к Елине.

— Фру Елина, как вы себя чувствуете?

— А где все остальные?

— Какие остальные?

— Ну, люди, которые кричали...

— Фру Елина, присядте.

Барон отцепил от пояса фляжку, открутил крышечку и налил в неё.

— Выпейте, я должен посмотреть, что с возницей.

Елина глотнула и закашлялась. Еле успела добежать до кустов — вырвало.

Дико вскрикнул возница.

— Фру Елина, его нужно перевязать, пусть рана немного покровоточит, а вы пока нарвите чистых тряпок. У вас же есть чистая ткань?

Барон был совершенно, абсолютно обыкновенный. И это немного пугало.

— Господин барон, во второй телеге есть два кринки с медом. Рану нужно обработать.

— Мёдом?

— Да, я вовсе не сошла с ума, мед природный антисептик.

Барон принёс кринку. Вытер разрезанной рубахой кровь и с сомнением спросил:

— Что, прямо этим мазать рану?

— Давайте я намажу.

Мужик стонал и поминал Тёмного и добавлял ещё какие то слова, непонятные. Похоже, матерился.

Посмотрев на бледно-зелёную Елину, барон усмехнулся:

— Сидите, фру, я справлюсь.

Все так же светило солнце и распуганные шумом птица потихоньку снова начали перекликаться.

Большую часть фляжки раненый высосал одним глотком и, тихонько постанывая, улегся в телеге.

Двое здоровых возниц неуверенно топтались у телеги, сустились, что-то пытались

паковать.

Барон подошел к раненой лошади, она лежала на боку и вздрагивала, больше не ржала... Погладил, что-то пошептал на ухо успокаивая и резким движением перерезал ей горло.

Елина плакала, захлебываясь слезами, рыдала так, как не плакала на похоронах мужа. Там была болезнь, пусть не длительная, но конец был ожидаем, а это? Что это такое? Кто, за что так?

— Тихо, девочка, тихо. Всё уже кончилось.

Выпрягли здоровую лошадь. Барон нашел в одной из телег новые тетради, вырвал лист, достал бутылочку с чернилами и написал записку. Что-то говорил вознице, спорили. Потом выпрягли вторую лошадь и мужики поскакали, прямо так, без сёдел, в сторону города.

— Вам лучше, фру Елина?

— Господин барон, а что это было?

— Ограбление. Но охотились именно на вас. И вы, и фор Вара слишком часто возите деньги. Хотя, я удивлён. Здесь, всё же, очень тихие места. О нападениях на купцов или путников не слышно было уже много лет.

— А вот это... Ну, ножами, это вы их?

— Нам просто повезло, фру Елина. Они не приняли меня всерьёз и не уложили первым. А я ещё помню кое-какие вещи.

— Вы что, всегда с собой ножи носите?

— Метательные — всегда. А кинжал я, естественно, взял в дорогу.

— Вы ожидали нападения.

— Нет, что вы... Иначе бы всё было не так кроваво. К сожалению, ни один из них не выжил, двое сбежали, а я не рискнул преследовать — лошадь не на столько хорошо выезжена, что бы гнать по лесу добычу. Так что допросить мы никого не сможем.

— Простите, барон, а там, ну во фляжке, ничего не осталось?

Заломил бровь, но молча снял флягу с пояса и налил в крышку. Порция маленькая, грамм сорок, не больше.

В коньяках Елина не слишком разбиралась, в той жизни всегда предпочитала вино. Но доводилось пить и водку, и коньяк, и самогонку, так что выдохнула и глотнула. Посидела минуту и протянула крышку.

— Пожалуйста, можно еще одну?

Что такое сто грамм, даже меньше, для здорового человека? Но — стресс, пустой желудок

После второй слегка полегчало. Пауза затягивалась...

— Что такое антисептик, фру Елина?

— Любое лекарство, способное уничтожить микробов. Что бы рана не загноилась.

— Что такое микробы?

— Это слишком долго рассказывать, господин барон.

— А мы никуда и не торопимся, фру Елина. Кто вы такая?

— Дайте слово, что при любых обстоятельствах этот разговор останется между нами!

— Слово Каргера!

Елину просто прорвало.

Она говорила, говорила и говорила...

Школа и замужество, рождение Иришки и смерть мужа, электричество и интернет, великая отечественная и космос...

— Всё, барон, простите, но пока — всё. Если вам интересно, мы сможем поговорить об этом попозже.

Больше всего барона потрясли не компьютеры и самолеты.

— И в шестьдесят восемь лет вы были уже пожилой женщиной? Спаси Единый, но как ваше общество вообще выжило!

— Да. И по нашим меркам я не на много моложе вас.

— Фру Елина, я сталкивался с теорией многомерности миров. Есть такой философ древности, Надий, так вот, я знаком с его работами. Я верю вам, выдумать такое невозможно. Но вы совсем усыпаете. Ложитесь, поспите, стража прибудет ещё не скоро.

Отряд городской стражи прибыл только во второй половине дня. Елина после сна была совсем вялая, болела голова. Со стражей общался барон, она поставила отпечатки двух пальцев на протоколе, тела убитых погрузили в телегу и повезли в город. Им выделили для охраны четырех стражников. Возчики привели с собой ещё одну лошадь, тронулись в путь и к дому подъехали совсем в темноте. Сверху оговоренного Елина выдала каждому по серебряшке. Суетились Морна и Гана — людей нужно было покормить и устроить на ночь. Гантей и Санчо пытались приставать с вопросами и, кажется, завидовали "приключению". Елине уже все было без разницы.

На следующий день, ближе к вечеру, барон постучался в мастерскую.

Выпили по чашке чая, поговорили. Барона интересовало вообще все, вскользь упомянутый феминизм и христианство, мобильные телефоны и мини юбки, египетские фараоны и сигареты. Он хватался, буквально, за каждое новое слово и понятие, и расспрашивал с жадным интересом. Пришел он и на следующий день.

Эти ежедневные, точнее, ежевечерние чаепития нужны были Елине не меньше, чем барону. Обмен знаниями был бессистемный, но обоюдный. Барон рассказывал об обычаях королевского двора и обычаях других стран, он многое успел повидать и был интересным собеседником.

Закончили строительство комнаты для барона. В процессе он с любопытством наблюдал за изготовлением полов. Такого в своём мире он не видел.

Комнату Елина обставила ему просто, но удобно. Вся она делилась на две части плотными шторами. На личной половине барона поставили его кровать, резное кресло с подушкой и маленький столик, типа журнального. На полу — две овечьи стриженные шкуры, у кровати и у кресла. Над креслом сделали подсветку. Стены Елина обтянула шёлком. В специально сделанной нише скрывалась вешалка с одеждой, под ней стоял низкий сундук барона. Вторая половина комнаты так и осталась с каменными стенами. Камень Елина велела покрыть воском и натереть, он приобрел сочный цвет и неяркий благородный блеск. Здесь стоял большой стол для занятий, удобные стулья со спинками, стеллаж с учебниками,

книгами и тетрадами, печка. На столе две маленькие чернильницы и глиняный стаканчик с толстым утяжеленным дном — для ручек. Всё просто и лаконично.

По вечерам, после ужина, когда у мальчиков было свободное время, барон стал обучать её чтению и письму. Способностями к языкам Елина никогда не отличалась. Она помнила, каким каторжным трудом ей давался в институте английский. Но обучение шло на редкость легко и быстро. Этому, скорее всего, было несколько причин. Это и терпение и методичность барона. Это и то, что словарный запас у неё уже был. Ну, в самом то деле, каждый ребенок достаточно легко учится читать, стоит только запомнить буквы. Потому, что к моменту обучения у него уже есть определенный словарный запас. Пожалуй, это достаточно интересная методика — сперва научится говорить и обзавестись приличным словарём, и только потом учится читать на новом языке. Бегло читать она смогла уже через три недели.

Все поездки в город в это время она запретила.

— Господин барон, последнее время мы общаемся довольно плотно, и, я надеюсь, вы не откажете мне в совете.

— Слушаю, фру Елина.

— Как обезопасить себя и семью? Некоторое время я размышляла над этим нападением. Я точно помню, что кто-то кричал — "девку не прибейте, идиоты". Значит, всё же, охотились на меня.

— Да. Я не хотел вас пугать, но рад, что вы это поняли. Пока думают, что секрет мастики знаете только вы, охотится будут на вас. Но и Гантей под ударом.

— И что бы вы посоветовали?

— Для начала я съезжу в город, наведуось в мэрию и узнаю, что они смогли обнаружить. Может быть кто-то опознал трупы. Я никогда не интересовался вашим финансовым положением, но понимаю так, что в средствах вы не слишком стеснены?

— Барон, я совершенно не представляю, что с этими самыми средствами делать. Я всего лишь хотела

улучшить нашу жизнь. Столько, сколько нам сейчас приносит фарфор, нам, в общем то, и не нужно.

— Тогда имеет смысл обсудить это с бароном Флеком. Мы немного знакомы по прошлой жизни. Он сможет выделить вам охрану. Разумеется, не бесплатно. Или нанять охрану самим. Это — дороже, но надёжнее.

— В моём мире считалось, что охрана не спасёт от покушения.

— Здесь другой мир, фру Елина. На хорошо вооружённую охрану могут напасть только превосходящими силами. Есть ещё один вариант, но он настолько необычный, что я попрошу у вас пару дней на то, что бы обдумать детали.

— Я подожду. Я боюсь отпускать Вару в город, пропади они пропадом, эти деньги.

— Не переживайте, фру Елина, выход есть всегда.

Утром барон разбудил Елину ни свет ни заря.

— Фру Елина, мне нужно уехать в город на два-три дня. Список занятий мальчикам я оставил. Постарайтесь не выходить из дома и не выпускать со двора никого. Я, конечно предупредил и Санчо и Гантея, но... С вашего позволения я возьму Мику. С ней я вернусь значительно быстрее.

— Подождите немного, господин барон, я соберу вам еды в дорогу.

— Не стоит беспокоиться, фру Елина, я буду в городе чуть позже обеденного времени, вот от раннего завтрака не откажусь.

— Это быстро, я не задержу вас.

Пока Елина хлопотала у летней кухни, стараясь не слишком брякать посудой, что бы не разбудить всех, барон седлал лошадь.

Он быстро и плотно позавтракал, выпил большую чашку крепкого кофе, но уехать никуда не успел.

Из-за разросшихся кустов ограды донеслось конское ржание. Отворилась плетеная калитка и во двор, печатая шаг, вошла точная копия Василий Степанов. У Елины перехватило дыхание. Он выглядел точно так, как выглядел на съемках "Обитаемого острова". Те же небрежные кудри, те же, невероятной синевы, глаза. Подошел к столу, где барон допивал кофе, вытянулся по стойке смирно.

— Рейв Каргер, разрешите обратиться.

— Слушаю.

— Лейтенант Джем Фишь, баронет Шариз, личная гвардия его высочества. Прибыл в ваше распоряжение.

Из-за пазухи баронет достал аккуратный прямоугольный сверток.

Барон сломал печать, развернул замысловато свернутый кусок тонкой мягкой кожи и углубился в чтение.

Елина изнывала от любопытства. Её кофе стыл на столе, а она, как деревенская девчонка, впервые увидевшая телевизор, не отводила взгляд от интересной сцены. Хотя имя лейтенанта её и позабавило- джем-рыба, безумное сочетание.

Барон читал, лейтенант стоял на вытяжку. Елина опомнилась, закрыла рот, и сев за стол, сделала глоток кофе.

Барон дочитал письмо, и несколько минут о чём-то думал.

— Лейтенант, когда вы уезжали, его величество был в Кроуне?

— Так точно, рейв Каргер.

— Повторите дословно ваш приказ.

— "Вы передадите послание барону Каргеру и поступите в полное его распоряжение"

— Сколько человек с вами?

— Пять, рейв Каргер.

— Конь для меня?

— Я оставил обоих с солдатами.

— Полог у вас есть?

— Так точно, взяли.

— Прекрасно. Слушайте ваше задание.

Лейтенант и так стоявший прямо, вытянулся как струна.

— Вы остаетесь здесь, лейтенант, и охраняете обитателей дома. До моего возвращения им запрещено покидать территорию двора. Запомните, они — не пленники, а охраняемый объект. Относится максимально почтительно — эта семья под моей защитой. Еду покупайте на местном рынке, хозяев не обременять. Ночью ставьте во двор не меньше двух человек.

— Но рейв Каргер, сопровождать вас...

— Вы собираетесь оспорить приказ?

Барон заломил бровь и лейтенант увял.

Стоя в дверях дома, оторопев, слушали этот разговор Морна и Вара.

— Доброе утро, фру Морна, фор Вара. Фор Вара, будьте любезны, уделите мне несколько минут для беседы.

Растерянный Вара, даже не успевший умыться, отошел с бароном к конюшне. Барон что-то втолковывал, Вара согласно кивал. Один раз помотал головой и они слегка заспорили. Наконец договорились.

— Фру Елина, к сожалению, я вынужден отъехать по совершенно неотложным делам. Приношу свои извинения и прошу вас присмотреть за баронетом. Я вернусь так быстро, как смогу.

— Но господин барон, что это всё значит? И когда вы вернётесь? И что теперь с нападением?

— Фру Елина, до моего возвращения вас будут охранять, вы можете не волноваться — эти военные проходят отличную школу. Вернуться я постараюсь максимально быстро, но, это — точно не ранее двух седмиц. Честь имею.

— Господин лейтенант, хотите чашку кофе и завтрак?

— Благодарю, любезная фру, но если можно — чуть позднее, я должен отдать приказ людям устраиваться.

— Ко мне можно обращаться — фру Елина. Тогда ждем вас к завтраку.

— Лейтенант Джем Фишь, к вашим услугам.

Ишь ты, поросёнок. Раз деревенская жительница — можно и по простецки, как к трактирной хозяйке — "любезная фру". А вот фигу тебе! Официанток в трактире будешь "любезными" звать. Есть разница между "любезная фру" и "фру Елина". Барон никогда себе не позволял никаких "любезных фру". Так можно обратиться к женщине, стоящей сильно ниже на социальной лестнице. В принципе-то, так и есть. По условиям мира, этого мира, он — дворянин, она — крестьянка. Но если одернуть сразу — будет легче потом. А то этот баронет скоро "тыкать начнёт". В конце концов, за спиной у неё — барон. А, опять же, по условиям мира барон — выше баронета. Так что, мальчик, мне проще сейчас тебя построить, чем потом хамство сносить.

За час Джим нашёл удобное место для поста охраны. Прямо вышел на него по тропинке. Рядом с водопадом отличная смотровая площадка — весь двор и окрестности — как на ладони. Оставив там солдата он умылся, сменил рубаху и, как мог, стряхнул пыль с дорожного колета. Солдатам приказал раскинуть полог и разбить лагерь.

Завтрак лейтенанта удивил. Его весьма церемонно представили супружеской паре и двум подросткам. Один из мальчиков — внук барона. Тут всё понятно. Но второй, одетый в такую же белоснежную рубаху и, по домашнему, без жилета, он тоже вполне уверенно орудовал столовыми приборами. Так же аккуратно ели и остальные. На столе — скатерть и приличный фарфор. Да и блюда не напоминают кашу или похлебку. Но ведь явно же — деревенские, необразованные... Это можно понять по разговору, по говору. За столом прислуживал бывший ординарец барона. Да как так-то?

Кто такие эти люди, и почему их нужно охранять? Кому нужны-то деревенские жители? Джем явно чувствовал себя "не в своей тарелке". Надо бы как-то разузнать о них побольше. С кем бы из них поговорить? Пожалуй, для начала стоит расспросить баронета. Хоть и пацан, но всё же — ровня.

Но разговор с баронетом ничего не дал, кроме тонкой ниточки. Санчо легко поведал, что было нападение на маленький обоз, что убили какого-то возницу, а его дед убил нападавших. Но никаких подробностей он не знал. На вопрос, что делал здесь барон, маленький паршивец просто отказался отвечать и посоветовал спросить у барона. Но из рассказа баронета Джем сделал один вывод. Главная здесь — вот эта тощая пигалица. Не хозяйка и не хозяин, а девчонка. Все разговоры мальчишки сводились к фру Елине. Она сделала то-то, она приготовила вот это, она учит баронета лепке. Что, простите? Баронета — лепке? Вы учитесь лепить горшки, баронет? Не горшки? А что? Спросить у фру Елины? Ну, очень странная семья.

Ладно, попробуем по другому. Джем прекрасно знал, что нравится женщинам. О его романах и похождениях в полку слагали легенды. Раз уж во время завтрака его любезно пригласили питаться с семьей, то можно воспользоваться ситуацией и хоть что-то узнать. Разве устоит деревенская крошка против него?

— Фру Елина, не могли бы вы уделить мне немного времени? — и улыбнуться девчонке.

— После ужина вас устроит, господин лейтенант?

— Конечно.

После ужина Елина пригласила лейтенанта в мастерскую.

На столе были разложены новые изделия. Рядом стопка коробок для упаковки. Чтобы мальчишки не шкродничали Елина припрягла их по полной.

Лейтенант восхищенно присвистнул.

— Простите, фру...

— Лейтенант, у вас плохо с памятью?

Не господин лейтенант? Что она себе позволяет? Барон, конечно оставил её охранять, но правила для простолюдинов никто не отменял.

— Почему... С чего вы взяли?

— Я представлялась вам только сегодня утром. Ко мне следует обращаться — фру Елина.

— Прошу простить мою невежливость. — Джем щелкнул каблуками.

Ах, тыж... зараза малолетняя... Корчит тут из себя принцессу. Но лицо Джем держать умел. Столичная школа как-никак.

— Присаживайтесь, господин лейтенант. Слушаю вас.

А держится-то как раз, как принцесса. Кто же она такая?

— Фру Елина, я хотел бы узнать у вас чего конкретно следует опасаться. От кого я вас охраняю? И что за нападение на обоз?

— Господин лейтенант, вы представляете, сколько могут стоить подобные украшения?

— Ну, рейв Каргер человек не простой, он может себе это позволить.

— Эти украшения принадлежат моей семье. Как и секрет их изготовления.

— Вы думаете, фру Елина, что нападение связано с этим?

— Так думает и господин барон.

Беседа не продлилась долго и вышел Джем в полном бешенстве. Эта... эта деревенщина вела себя так, как будто они равны. Как будто он, баронет, и один из лучших бойцов полка — ровня ей, девке деревенской.

Она чётко, без охов и ахов рассказала о нападении и больше она не дала никакой информации. На вопрос — Что делал здесь рейв Каргер, она посоветовала спросить у него. На вопрос, почему за столом прислуживает ординарец рейва — просто ответила, что это его не касается. Нет, ну интерес барона к таким деньгам можно понять, все мы люди, но позволять крестьянам так себя вести — отвратительно. К нему, как к мужчине она вообще не проявила интереса. Совсем. Он же прекрасно видел утром её восхищение, куда все делось?

Дни тянулись, как резиновые. Отношения с лейтенантом не сложились. Он явно презирал семью, хоть и держался безукоризненно вежливо. Он старательно обходил стороной Морну и Вару, в упор не замечал Гантея. Был холодно-вежлив с Елиной. На все вопросы и попытки разговора всегда отвечал односложно. Единственный, с кем он пытался поддерживать отношения, был Санчо, он даже, вопреки приказу барона, предложил ему покататься на лошади по окрестностям. И Санчо, засидевшийся дома, просиял было от радости, но выяснив, что приглашен он один, без Гантея, — Зачем нам на прогулке этот крестьянин, баронет? — вспомнил вдруг, что дед категорически запретил покидать двор. В дальнейшем Санчо старался избегать бесед с лейтенантом.

Елина, ставшая невольной и невидимой свидетельницей беседы, не стала вмешиваться. Но зарубочку в памяти оставила. Правда других претензий по службе к лейтенанту не было. Ночью, сменяя друг друга прямо по двору ходили солдаты. Днем всегда кто-то стоял на площадке у водопада.

Морна же, жалея солдатиков, всегда норовила сунуть сверток с теплыми пирогами или кувшин молока. Так что солдаты относились ко всем "охраняемым объектам" ласково и добродушно.

Если бы не снобизм лейтенанта, он, скорее всего, предпочел бы питаться отдельно от них. Но, очевидно, есть с солдатами ему было еще более неприятно.

Сперва Елина хотела предложить лейтенанту пользоваться их банькой, но потом отказалась от этой идеи. Так что мылся он в ручье, и там же солдаты стирали его одежду.

Когда, на тринадцатый день, перед обедом, во двор въехал барон, сложно сказать, кто больше был ему рад.

Барон выглядел не слишком хорошо, видно было, что его утомила дорога. Но это ни на что не повлияло.

Пока грели воду в бане, он выслушал отчет лейтенанта и приказал ему самому встать на караул у водопада и дать солдатам отдых перед дорогой. Перекусил тем, что нашлось холодного, попутно выслушав отчеты Санчо и Гантея. Сдержанно похвалил. Поцеловал руку Морне, чем привел её в сильное смущение и сказал, что очень рад вернуться. Даже Вара был рад, и постарался перемолвиться парой слов с бароном.

Елина всё ждала разговора, каких-то новостей, ну хоть чего-то, подтверждающего, что барон помнит о их только что зародившейся дружбе, о том, что она, как никто, из всех членов семьи, понимает сложность ситуации и способна принимать решения. Нет, она вовсе не планировала "встать во главе стаи". Номинально старшим в доме были Вара и Морна и она не собиралась оспаривать это. Но разве способна та же Морна оценить все риски, связанные с бизнесом? Как человек с достаточно большим жизненным опытом Елина понимала, что тут она знает на порядок больше.

Барон отмылся от дорожной пыли, выпил чашку чая и попросил не беспокоить его до вечера. Ужинать он не вышел.

Елина терпеливо ждала до вечера и дождалась.

— Фру Елина, позвольте?

— Входите, господин барон.

— Могу я попросить чашку кафы?

Пили кофе молча. Наконец барон заговорил.

— Фру Елина, мне тяжело вам это говорить, я знаю, что такое подлость и предательство. Поэтому — особенно тяжело.

— Кто? Кто стоял за нападением?

— Лица. Вы были очень близки?

Пауза. Елина собиралась с мыслями.

— Не сказала бы так. Я думала, что мы приятельницы, что со временем эти отношения укрепятся, перерастут в дружбу. Мне противно, что она променяла чужие жизни на деньги, но я это переживу. Что с ней теперь будет?

— Уже все было. Её повесили примерно седмицу назад. Как и ее родственника, который содержал небольшой бордель в Кроуне. Это он нашёл людей и организовал нападение.

Елина встала. Нервно походила по комнате. Ей была симпатична Лица. Да, она не стала частью жизни Елины, но, через некоторое время — вполне могла бы ей стать. Её тяга к новому. Елина ведь подкидывала ей идеи не только потому, что хотела помочь ей стать самой крутой в Варусе. Потому, что она видела в Лице нечто близкое себе. Её тягу к красоте. Её желание научиться новому. Её тягу к некой абстракции под названием — справедливость. Лица платила своим швеям больше, чем все остальные, что для этого мира не совсем обычно. Она не была жадной до денег. Что-то тут не вяжется. Да и слишком быстро всё это произошло по времени. В мире, где нет не то, что мобильных телефонов — даже поездов. Как получилось, что всё решилось так быстро?

— Господин барон, а нет ли здесь ошибки? Понимаете, Лица вовсе не была такой уж

жадной до денег и...

— Простите, фру Елина, что перебиваю, но её нашли очень быстро, по доносу фру Шарп. Эта дама доплачивала одной из швей за всякую деликатную информацию. Поэтому не могла не узнать, что у Лицы остановился в доме неизвестный мужчина. Она любопытствовала и выяснила, что он ходит на встречу с какими то подозрительными личностями. Что делать с информацией она не знала. Но вот когда в город привезли тела убитого возницы и нападавших — шум был большой, сбежалась куча народу, в том числе и она. Она опознала одного из мертвецов и пробилась на прием к мэру. Надо сказать, это было совсем не просто. Гости Лицы задержали на следующий день.

Слишком много тут сплелось в один клубок, включая некий заговор в королевстве. Вы, фру Елина, случайно расшевелили улей с пчелами. Я не могу сказать вам больше — это касается политических проблем. Но, что бы вас не мучали напрасные сомнения и сожаления, скажу одно. Я лично присутствовал на допросе Лицы.

— Её пытали?

— Единый с вами, фру Елина! Она же женщина! Ей давали кори-рам.

— Простите, я не знаю, что это.

— Это некое вещество, которое на вес золота мы покупаем у империи Шику. Вы никогда не слышали сплетен о нём?

— Нет, ни разу.

— Считается, что выпив чашку молока с растворённым в ней кори соврать невозможно. Это, конечно, не совсем так. Но человек становится очень весел, болтлив и беспечен. Он любит весь мир, все любят его и он охотно делится любыми тайнами, ведь у любящих людей нет секретов. Сам я не пробовал это вещество, но проводили интересные исследования в Армейской Академии. Я читал отчеты. После специальных курсов возможно сохранить в тайне некоторые вещи, но очень сложно, нужно иметь незаурядные способности, огромную силу воли и сильную мотивацию. Это признавали все офицеры, прошедшие такую программу. Лица не была агентом, она была тем, кем вы ее знали — швей, поэтому говорила она правду. Она ненавидела вас люто. Даже под воздействием кори она говорила о вас со злобой, а это, поверьте, очень нелегко.

— За что?!

— А за все. За то, что вы знаете больше, чем она, моложе ее, грамотнее её, красивее, успешнее и богаче. А будете — ещё богаче. Жадность к деньгам Лицы имела несколько другой порядок, чем скупость фру Шарп. Поэтому она передала с посыльным письмо своему двоюродному брату, далеко не последнему человеку в криминальных кругах Кроуна. Наследство, кстати, она получила именно через него. Там, похоже, было не одно убийство, но сейчас этим уже поздно заниматься. И именно ему Лица ежемесячно отсылала половину доходов с ателье. Так вот, к письму она приложила купленные у Дины серьги и брошь. Братец оказался так же неравнодушен к деньгам. Тогда на нас и напали.

— Простите, господин барон, Дина — тоже...?

— Нет, тут все абсолютно нормально. Я заезжал на обратном пути ещё раз, она работает, но просит прислать товар — склад почти пустой. Деньги, по общему нашему решению с бароном Флеком и мэром города, она ежедневно передаёт на сохранение мэру. Под расписку. Там скопилась уже более, чем внушительная сумма. Мэрию охраняют, там есть надёжный сейф, так что с этим все в порядке.

Братец, как выяснилось, связан был не только с криминальными кругами, но и,

привечая в борделе влиятельных мужчин, приторговывал информацией разного рода. Там грязный клубок политики, шпионажа и обычных преступлений, но он вывел следствие на очень высокопоставленных людей и маленький уютный государственный заговор. Поэтому расследование проводилось очень быстро и очень качественно. Его величество лично следил за этим. Даже эта небольшая информация не подлежит разглашения. Вы поняли меня, фру Елина?

Охрану я на днях сниму. Можно было бы сделать это и сегодня, но мне придется выдать какую-то версию для фора Вары и его жены, поэтому я решил оставить стражу до завтра. Как вы думаете, укороченной версии событий им хватит? Не будет лишних вопросов?

— Да, думаю — хватит, они не слишком любопытны.

Настроение у Елины было отвратным. Понимание, что у неё есть семья, которую она втянула в такую дрянь радости не доставляло. Правду говорят, благими намерениями дорога в ад вымощена. Она всего то хотела комфорта и удобства в жизни. А ведь могли и Гантея и её убить. Да и Вару с Морной не пощадили бы. Девяностые годы она помнила прекрасно. Может ну его, эти деньги чёртовы? Растить овощи, завести ещё пару коров, жить тихо и безопасно.

Не повидать новый мир, ничего о нём не узнать, сломать жизнь Гантею, потому что вряд ли он добровольно начнёт сейчас пасти коров. Получается, что дороги назад нет, только вперёд. А туда — страшно. Что там, впереди?

— Фру Елина, уже поздно, я, признаться, несколько устал. Есть еще некоторые новости, но, с вашего позволения, я отложу их на завтра. Спокойной ночи.

Утром, после завтрака, барон рассказал укороченную и упрощенную версию событий семье. Были охи и ахи, переживания Морны — Дак как же так-та, ведь молодая совсем, глупая, может быть ещё ба поумнела, ну, наказать тама, в тюрьму ба на годик и стала ба шелковой!

Поняв, что всё уже произошло — немного успокоились. Пост у водопада сняли. Мальчишки, озверевшие от сидения дома, выпросились на рыбалку с Варой.

— Господин барон, вы не хотите попить кафу в мастерской?

— С удовольствием, фру Елина.

Пили кофе, молчали. Наконец барон не выдержал.

— Спрашивайте, фру Елина.

— Когда вы собираетесь ехать?

— Дня через три-четыре. К сожалению, я не волен отказаться.

— Я не спрашиваю, за что вы попали в немилость и почему вас простили...

— Фру Елина, за это время мы с вами стали, смею надеяться, если не друзьями, то и не совсем чужими людьми. Прошу вас, ответьте мне на один личный вопрос. Поверьте, для меня это важно. Почему вы пригласили меня, а не кого-то другого, менее проблемного, скажем так? Ведь вам пришлось достаточно хлопотно и со мной, и с Санчо. И платили вы мне на порядок больше, чем нужно. Мы оба это понимали. Так в чём же причина?

— Девушка, за которую вы заступились. Та служанка в доме купца. Я решила вас взять ещё до того, как увидела. А деньги, барон, это просто металл. У меня его было достаточно. Но я видела, что вы нуждаетесь. Даже не в самих деньгах, а стабильности, в некоем запасе. Ведь у вас на руках — мальчик.

— Да, я так и предполагал. Ну что ж, тогда у меня есть для вас ещё одна история.

Около трёх лет назад был составлен план войны с империей Шику. Я возражал категорически. И, в целом, сумел убедить его величество, что война нам не нужна. Но вот мои оппоненты решили играть не слишком честно. Меня подставили, подставили довольно грязно. Там было чистой воды убийство. И все улики показывали на меня. Грай вызвал меня к себе. Провели ночью, через тайный вход. Он сказал:

— Глен, я не верю этому, но закон есть закон. Даже я не могу нарушить его публично. Прости. Единственное, что я могу обещать — искать будут, и не убийцу, а нанимателя. Разговоры, сколь возможно, я попытаюсь прекратить. Но тебя придётся изгнать и лишити земель. Я возьму их под королевскую опеку. Твой управляющий надёжен?

— Да. Он служит семье много лет.

— Потерпи, я не думаю, что это на долго. Но тебе придётся бежать и скрываться. Искать тебя слишком усердно я не дам, но и совсем поиски не смогу отменить. Продержись хотя бы год. Вот здесь деньги, сумма не велика, но на год тебе точно хватит. Выбери глухую деревню. Поиски будут вестись тщательно на южных землях — туда я отправил человека, которому доверяю — он оставит следы.

Всё это было неприятно, но не слишком сложно. Пока через неделю я вдруг совершенно случайно не узнал, что мой сын, Андрэ, погиб на дуэли. Об этом болтали в трактире два гвардейца. Я сразу же развернулся и рванул на границу — там служил Рэй, старший сын, отец Санчо и мой наследник. Я не успел — он погиб в пограничной стычке за день до моего

прибытия. Но я видел тело и внимательно осмотрел. Пограничных стычек не было уже несколько лет. Шику не хотели войны, им хватает внутренних проблем в империи. На теле, кроме раны на груди была рана в области поясицы — прокол от шпаги. Шику не пользуются шпагами. И удар был нанесен в спину. Мать Санчо погибла родами когда ему было всего одиннадцать лет вместе с ребёнком. Я не остался даже для погребального обряда. Забрал баронета и с помощью контрабандистов вывез его в империю.

Через год подал в отставку канцлер и кто бы мог подумать, совершенно внезапно, через две недели, такое горе, такое горе, умер во сне от угара — засорился дымоход. Ужасная случайность, просто ужасная. По случаю траура, в дар милосердия Единому, была объявлена амнистия. Мне в том числе. Так мы с Санчо вернулись в страну. Как помилованные изгнанники.

Была назначена встреча с агентом. Я выехал пораньше, но всё равно опоздал. Я нашел ещё теплый труп и письмо от Грая. А вот деньги, приложенные к письму, к сожалению пропали, как и оружие и сапоги агента. Банальное ограбление. Грай просил посидеть в тени ещё немного.

Так мы и оказались в Варусе. Барон Флек, увидев меня на улице отвернулся — не каждый захочет поддерживать отношения с амнистированным. Признаться, я был слегка растерян. Мне не приходилось раньше заботиться о деньгах. Мой род, хоть и не слишком богат, но не нуждается. Ничего лучше, чем пойти учителем я не придумал.

Незадолго до того, как нас с вами напали на дороге, наконец-то зацепили и начали чистить вторую сеть Сарандана. То, что это именно Сарандан было понятно, но необходимо было переловить всех крыс.

Сейчас я могу вернуться. Не на службу, нет. Просто вернуться как барон и правитель своих земель.

— Грай — это король?

— Да. Он был моим учеником в Академии, а потом стал другом.

— Мне странно всё это слышать, господин барон. За почти два года здесь я отвыкла от каких-то крупных событий и катаклизмов. Но поверьте, я очень рада за вас. Хотя мне и жаль терять наши вечерние посиделки. Но я понимаю, что вам здесь не место. Да и Санчо должен расти в другой обстановке. Но расставаться — жаль.

— Фру Елина, сколько лет вам точно?

— Я не знаю. У нас там принято отмечать дни рождения, а здесь — нет. Так что мне сейчас или девятнадцать или двадцать. Это нужно проверить в бумагах Телепа. Это важно?

— Да, фру Елина. С вашего позволения я приглашу старосту сюда.

Барон вышел и отдал приказ.

Старосту привели с огромной книгой в руках. Таких больших Елина ещё не видела. Ей было любопытно, но соваться посмотреть ближе она не рискнула.

Телеп бесконечно кланялся.

Барон спрашивал, он отвечал. Огромный том разложили на столе и Телеп принялся листать и водить по огромны страницам пальцем.

— Дак вота, господин барон, вота — тута сами смотрите, на ту седмицу двадцать и будет.

— Благодарю, можете идти.

— Дак мы эта, завсегда готовы, эта... В порядке все тута, сами изволили убедиться.

Телеп кланялся не переставая, но барон уже повернулся к Елине.

— Фру Елина, думаю, стоит закончить наш разговор.

Морна, довольная свободой, ещё утром собрала гостинцы и ушла в деревню, родню навестить. Крей выгуливал застоявшуюся Мику, Гана ушла к водопаду — стирки накопилось.

На улице было жарко, ветерок лениво шевелил тонкую шторку в дверях.

— Скажите, фру Елина, как вы планируете свою дальнейшую жизнь?

— Не знаю, господин барон. Я не слишком приспособлена для бизнеса, как мы уже увидели. Теперь во мне всегда будет этот страх — навредить семье.

— Примете совет?

— Я буду благодарна.

— Выходите за меня замуж.

— Зачем?

— Этому много причин, фру Елина. Но первая и главная — титул баронессы защитит вас. Если бы не вовлеченность родственника Лицы в государственный заговор, пусть и в качестве незначительной пешки, никто не стал бы слишком усердно разыскивать преступников. Нет, если бы были следы — их бы поймали. Но, боюсь, если бы не участие в заговоре — мэр мог и не обратить внимание на преступление. Он не производит впечатление умного человека. Рано или поздно до вас бы добрались. А вот если вы дворянка, вы имеете право на королевскую защиту. А это уже совсем другие следователи, другой спрос с мэра. Всё другое. Даже другая, значительно более мучительная, смерть для преступника. Да и до смерти их отдадут в пыточную. Даже преступник десять раз подумает, стоит ли нападать на дворянина. За такое и свои могут пристукнуть — лишний шум особо не нужен даже убийцам.

Кроме того, вы заметили, как к вам привязался баронет? Мать вы ему заменить не сможете, но вот старшую сестру — вполне. После моей смерти мальчику назначат опекуна, но вы тоже будете иметь право голоса.

— Даже будучи несовершеннолетней по вашим меркам?

— Да. Как моя жена вы становитесь взрослой сразу.

— Забавные законы. Хотя, и в моей стране они были иногда достаточно нелепы. Был период когда в восемнадцать лет мальчики шли служить и им давали огнестрельное оружие в руки, но купить спиртное они могли только после двадцати одного года. Ну, поскольку вы физически в прекрасной форме, то разговор достаточно абстрактный.

— Мы отвлекаемся, фру Елина.

— Нет, господин барон. Ваша защита — хорошая штука, но выходить замуж за мужчину, которого я не люблю — это смахивает на проституцию.

Барон потянул с шеи какой-то шнурок и вынул из-под одежды что-то вроде кулона. Нажал на маленький красный камешек в центре и открылась крошечная коробочка.

— Посмотрите, фру Елина

— Что это? Это тот самый кори-рам?

— Нет, это — кайли — "сладкая смерть".

— Сладкая смерть? Это яд?

— Да, это — яд.

— Зачем он вам, господин барон?

— Единый не одобряет бессмысленные мучения. В Кроуне меня осматривал королевский врач и подтвердил то, что я уже подозревал сам. Я болен. От этой болезни нет лечения. Она протекает по разному. Это может закончиться за три-четыре месяца, а может затянуться на два-три года. Много лет назад от "поцелуя Зура" умирал мой друг. Это очень мучительная смерть. В последние дни, до того, как привезли кайли он иногда выл от боли и просил его убить. Кайли даст мне возможность дожить без страха и уйти, когда станет невмоготу. Я просто сладко усну. Не бойтесь, фру Елина, эта болезнь не заразна.

— Я не думала о заразности... Я...

Елина плакала. Она любила Морну, и Вару, и Гантея, они её семья, ее родные. Нс единственный человек, с кем она могла быть сама собой — скоро уйдет. И полное ощущение

собственного бессилия просто убивало.

Барон достал фляжку и налил маленькую стеклянную стопочку.

— Выпейте, Елина, выпейте и успокойтесь... Вы позволите так вас называть?

— Да, конечно, простите, барон. Я постараюсь больше не устраивать истерик.

— Вы очень мужественная девушка, Елина. И вы мне дороги. Я не хочу бросать вас в этой жизни без защиты. Поверьте, для меня это важно. Я не собираюсь быть вашим мужем как мужчина. Вас, несомненно, будет волновать этот вопрос. Но знать, что для двоих дорогих мне людей, для вас и Санчо, я сделал всё, что мог — мне важно. Позвольте мне сделать это и мой уход станет для меня не так сложен. Все мы встретимся когда-то там, в ладонях Единого, но я не хочу быть виновен в слишком скорой встрече.

— Барон, нет совсем никакого лечения?

— Ну, почему же. Есть травы и настойки, говорят иногда они помогают. Но это довольно странная болезнь. Иногда медики вскрывают трупы, им нужно знать, что и как у нас внутри, какие органы страдают от болезней. Говорят, что эти опухоли находят на разных органах и, даже, внутри некоторых. Если вам интересно, я обязательно познакомлю вас с королевским врачом. Вир Сайрус мой давний знакомый и найдет время поговорить с вами. Обещаю, я буду с вами пока смогу терпеть боли. Пока они не сильно меня донимают.

— Но если нет сильных болей, как вы узнали, что — больны? Может быть, и вы, и врач ошибаетесь?

— Елина, у меня выпал зуб и не растёт новый.

— Барон, вы уже не молоденький мальчик, так что это вполне понятно.

— Нет, на протяжении всей жизни выпавший зуб меняется на новый, даже в двести лет пищу нужно чем то жевать. Если выпавший зуб не растёт — значит человек болен. И не просто порезал, допустим, палец, или простыл, а серьезно болен и, скорее всего, умрёт. В вашем мире не так?

— Не так.

— И как же вы обходитесь без зубов?

— Мы научились делать искусственные.

— Мастера вашего мира не устают удивлять меня. Надеюсь, что у нас будет еще время на разговоры. И мне очень жаль, что я не смогу увидеть это своими глазами. Хотя, кто знает замыслы Единого? Может быть, он отправит меня в ваш мир и я всё увижу сам. Пожалуй, я не отказался бы от обеда.

— Да, конечно. Кстати, а что вам можно есть? Где именно у вас боли?

— Нога, Елина. Опухоль у меня на ноге. А есть мне можно всё, что вы поставите на стол — я не привередлив, вы знаете.

Рыбаки вернулись к вечеру, рыбу Вара на продажу не повез — смысла нет. Часть оставил на ужин, часть отдала солдатам, а крупную рыбку Елина распорядилась отправить Телепу — за беспокойство.

Сразу после ужина Морне внезапно стало плохо. Началась рвота. Первая мысль Елины была — "Отравили!". Суетились все, барон скомандовал привести травницу.

Тётка Лещиха напуганная разговорами в селе, солдатами, которых все видели у водопада и которые не пускали во двор никого из сельчан отвечая одно — "Неположено!" — и прочими странностями прибыла с целым узлом трав.

Морна лежала на кровати, рядом неловко топтался Вара, Елина сидела рядом и держала слабую руку Морны. Барон стоял в дверях, как часовой.

— Морна, болит что у тебя? Может тебе воды? Ты сегодня что в гостях ела?

Морна вяло отмахивалась

— Да полежу и пройдёт все? Чегой-та заполошились-та?

Варну выгнали к мальчишкам, Васо топтался в ногах Морны не понимая, что происходит и почему нельзя просто спокойно полежать. Барон вышел сам. Елину Лещиха тоже попыталась спровадить, но та уперлась.

— Ну, чегой-та с тобой, Морка? Чево тако ела-пила?

— Да завари ты желтушника-та мне и всё. Устроили тут...

— А-а-а, дак вона чо... дак а чо не сказала Варе то?

— Дак барон тут, неловко оно как-та... Как при нём тако сказать? Не мужинское это дело-та...

Тут до Елины наконец дошло.

— Морна, ты ребёнка ждешь?

— Дак понятно дело, раз тошнит. Меня и с Гантеем-та до третьего месяца вот так жа полоскало. Одно тока — желтушник помогал. А потом-та и ваще все прошло — спасибо Единому.

Выдохнув, Елина вышла и сообщила новость. Вара рванул в комнату к жене, мальчишки переглянулись и дружно отправились на конюшню. Какие-то там будущие младенцы их совсем не интересовали. Морна уснула и Елина пригласила барона на традиционный вечерний чай.

— Господин барон, я хотела поговорить.

— Елина, зовите меня по имени — Глен. Для жениха и невесты это будет правильно. Ни к чему, что бы хоть кто-то догадывался, что брак фиктивный. Даже Санчо не стоит об этом знать.

— Мне неловко.

— Привыкните, в этом нет ничего страшного — барон улыбнулся.

— Ладно, я постараюсь привыкнуть. Гос... Глен, меня волнует, что будет с Гантеем.

— Я думал об этом, Елина. Если вы захотите взять его с собой — я буду рад. Нельзя сказать, что они умрут от тоски друг без друга, но все же они сдружились с баронетом. Я мог бы отдать Гантея в военную школу, когда Санчо пойдет в Армейскую Академию, но, поймите меня правильно, мне кажется, это не лучший выход. Он не дворянин. Получить личное дворянство можно за какие то серьезные заслуги перед страной или государем. А так

он будет только капралом и никогда не станет офицером. Да и потом, я не вижу в нём самом склонности к армейской службе. Мальчик мечтает о путешествиях. Есть хороший вариант — торговый флот. Мичманская школа, и, если понравится и есть средства на корабль — продолжить учебу в Морском университете. Там не только учат управлять кораблем, но есть и курсы ведения торговли. Думаю, стоит обговорить с ним этот вариант. Если вы, Елина, не против, я побеседую с ним вечером. За год он вполне осилит всё, что необходимо для поступления в Мичманскую школу.

— Это очень хороший вариант, Глен. Я только волнуюсь, что скажет Морна, ей нельзя нервничать, а тут столько всего свалилось...

— Когда родится новый малыш — ей будет не до страданий. Есть ещё кое что, Елина, что вам следует знать.

— Я слушаю.

— Мы долго не виделись с его величеством, он был рад меня видеть, я тоже расслабился, когда мне сообщили, что чистка закончена и я могу вернуться. Что объявят настоящего убийцу и с меня сняты все подозрения. И мы... эээм... слегка посидели. Глен рассказывал про события и интриги, про проблемы с младшим принцем и прочее. Спрашивал разное о наших с Санчо приключениях и я рассказал про ваш фарфор и про вас. Когда Грай понял, что я собираюсь сделать вам предложение, он потребовал личного знакомства. Сперва я воспротивился и сказал, что свое любопытство он может удовлетворить приехав к нам в поместье. Но он уперся. Он мой друг, но он — король. И потом, он привел весьма веские доводы. Он знает про болезнь, и не осуждает меня. Но он чувствует вину за то, что мне так долго пришлось скитаться, за грязь на имени, которую не могли смыть почти три года, за гибель моих мальчиков. Политика — грязная игра. А личное покровительство короля — ценная вещь. Через два месяца мы должны с вами прибыть во дворец. Будет большой праздник, совершеннолетие младшего сына короля, мы приглашены на бал.

— Спаси Единый... Глен, как вы это представляете? Из деревенской хижины на бал? А платье, танцы, манеры всякие? Придворный этикет, в конце концов?

— Елина, все решимо, я уверен. И вам ли, взрослой женщине бояться каких-то танцев? Понимая, что я буду путешествовать не один, я заказал разъездной домик.

— Это ещё что такое?

— Это достаточно удобная повозка на колесах. Такой маленький уютный домик. Запрягают четверкой. В городе нас ждет отряд сопровождения и отличные кони, тихие, выездные и послушные — для мальчиков. Думаю, большую часть пути они предпочтут проехать верхом. Гантею придется сложнее, но я приставлю к нему хорошего учителя. Капитан отряда охраны — прекрасный наездник. Три дня, если не торопится — до Кроуна, неделя до Империс — это столица. И месяц, даже полтора, на подготовку. Елина, поймите, конечно любой дворец — тот ещё гадюшник, но вы уже будете баронесса Каргер. Я не дуэлянт, поверьте, но сильно сомневаюсь, что найдется наглец способный задеть вас и получить от меня вызов на дуэль.

— Женщин вы тоже будете вызывать на дуэль?

И вот тут барон растерялся. Это было неожиданно и, даже, немного забавно.

— Я не подумал об этом, Елина, но я очень постараюсь не оставлять вас одну ни на миг.

— За миг дружная стая нежных женщин способна обглодать жертву до костей. Начнем с правил этикета — у нас очень мало времени, Глен.

Кто знает, что именно сработало в душе Елины. То ли вскружила голову вечная сказка о принцах, балах и королевских дворцах. То ли, наконец, слились воедино взрослая душа и юное тело и потребовали жизни, движения, борьбы... Но она совершенно серьезно собиралась взять общество штурмом.

Утром, после завтрака, барон с совершенно каменным лицом сообщил семье, что фру Елина согласилась стать его женой. В храм к Единому они пойдут через два дня, когда Елине исполнится ровно двадцать и в тот же день они уедут. Потому как дела баронства призывают его немедленно. Гантей едет с ними, и через год будет поступать в Мичманскую школу. Если, конечно, фор Вара и фру Морна не против.

Новость о замужестве Елины повергала Морну в шок.

— Елинька, ты же замуж-та и не хотела вовсе. Зачем торопиться-та? Нет, барон, одно слово — жених знатный, только, Елинька, он же старый. Зачем же тебе такой-та муж, детка?

— Ты, Морна, у меня, это, умна, как министыр какой, а не понимаешь. Ежели Еля по доброй воле идёт, дак баронессой станет. Во как! А они так-та, эта, все вечера завсегда вместе сидят, а ты и не догадывалась. А я уже давно, эта, смекнул...

— А Гантея увезут — дак ребёнок же ещё! Така там школа ему!

— Мама, я уже взрослый! Я что, так и буду у твоей юбки всю жизнь сидеть? Папа, ну скажи ей, что я взрослый!

Вара смущенно мялся и не знал, чью сторону принять.

— Фром Гантей! Не смейте поднимать голос на мать! Мне стыдно за ваше поведение!

Барон сумел коротко и резко погасить назревавший конфликт. Подхватил Морну под руку, чем привел её в смущение, и повлек — "Мы просто прогуляемся и поговорим, фру Морна. Прошу вас."

Через час буря стихла. Морна смирилась с отъездом детей. Все же перспективы у них блестящие.

"Ну, конечно, не коров же Гантею пасти, вона как выглядит, не хуже баронета. Разве жа такого в деревне оставишь? И потом, барон говорил — капитаном станет настоящим, корабль у него будет. Эка замахнулись! А Еля и правда с бароном ладит, ну, староват он, конечно чо уж тут говорить-та. Ну дак если у них так всё ладно, дак уж пускай. Кто знат-та, где счастье ждёт. Один только Единый."

Решали вопросы с Чуком и Геком — решили взять с собой, негоже менять хозяев. Но Вара пообещал купить пару хороших собак для двора.

Договорились, что Крей и Гана после отъезда барона и остальных займут комнату барона. Домик в деревне можно и продать, или вон сдать с огородом кому. Найдутся желающие, земли-то маловато. А им всё денежка капать будет. Так ещё лет пять-шесть послужить — и можно в город перебираться. Очень уж Гана хотела городской быть. А Крею так и здесь все по нраву. И работа не тяжелая, и хозяева славные, а уж кормят — нигде такого не ел.

Морна решила завести мастерскую по пошиву "Морин". Комната Гантея пустует, наберёт мастериц в деревне да и работай себе. Елина подсказала, как зашивать края, что бы начинку было не видно. Посоветовала с Телепом договорится и заключить контракт с мастерицами. Десять процентов от чистой прибыли на зарплату, процентов тридцать уйдет на материал. Остальное можно откладывать спокойно. Жить им будет на что. Дину, продавщицу, не отпускать, найти лавочку она поможет и за малую долю прибыли будет себе торговать. Ни у кого таких покрывал нет, когда-то ещё научатся. С фарфором Морна связываться не захотела — всех денег не заработаешь, да и не интересно ей. На Варе

оставалось снабжение и проверка счетов в лавочке. Ну и по дому забот хватает. За Куком и Микой нужен уход, иногда и на рыбалку можно. В охотку, а не когда дома еды маловато. Крепкий тыл — всегда, эта, нужно!

Барон посоветовал в случае проблем обращаться к мэру напрямую.

С тех пор, как его восстановили в правах, все вокруг стали исключительно любезны. Нука — герой битвы под Саранданом, кавалер ордена "Звезда Единого". Много ли таких вокруг? Этих звёзд на всю страну меньше десятка. За всякую ерунду такое не дают. Это человек должен что то невероятное совершить, что бы кавалером ордена стать. Даже владетель города Варуса, барон Флек, вспомнил старого друга и зазывал в гости.

Барон поморщился от этих размышлений. В беде очень хорошо познается цена такой "дружбы". Таких "друзей" и при королевском дворе у него не один десяток.

После некоторых споров решили, что выручку от фарфора заберет у мэра Елина — отложит пока на будущее Гантею. Мало ли что и как. Фарфоровый цех она сможет и в поместье барона организовать, но деньги лишними не будут — корабль штука дорогая. И потом, каждые две недели в Варусе бывала королевская почта. Если что — Морна и Вара всегда смогут написать. Они — её семья.

Осталось решить, что делать с кучей товара. Барон категорически возражал против продажи в Варусе. В столице это будет стоить намного дороже, даже если сдать оптом. Мальчишки и Елина за время после нападения налепили столько, что придётся отдельную телегу брать. Но, тут Елина сильно и не спорила. Наряд на королевский бал — дело дорогое. Барон, скорее всего, плохо представляет себе, сколько это может стоить.

— Лейтенант Фиш.

— Рейв Каргер — Лейтенант вытянулся по стойке смирно.

— Лейтенант, у меня к вам будет личная просьба.

— Все, что в моих силах, рейв Каргер!

— Я попрошу вас быть свидетелем на моей свадьбе.

— Я с удовольствием... Вы женитесь на этой...? На деревенской...

— Лейтенант, говорите почтительно о будущей баронессе Каргер.

Лейтенант замолчал.

— Вы можете отказать мне в просьбе, но, боюсь, его величество будет расстроен, если нам придется отложить свадьбу до Варуса и там найти свидетеля. Он не хочет шумихи вокруг.

— Рейв Каргер, я, разумеется, буду свидетелем. Но, позвольте личный вопрос?

Барон прекрасно понимал, что именно хочет спросить набравшийся наглости мальчишка. Но лучше позволить и сразу расставить все точки.

— Задавайте.

— Почему? Она же просто крестьянка, рейв. Ну, хорошенькая, я не спорю, но Вы, Вы-то достойны всего самого лучшего! Вы же герой и гордость королевства!

— Лейтенант, только ваша молодость оправдывает вашу глупость. Фру Елина — удивительная девушка. Когда-нибудь вы это поймете.

День свадьбы прошел на редкость суматошно. Из города прибыл домик, в котором предстояло путешествовать Елине. С домиком — отряд охраны под руководством мрачноватого высокого брүнета.

Барон представил его как капитана Леграна,

— Рауль Легран, фру Морна, капитан личной гвардии его Величества.

Сперва при свидетелях Елина записала дом со всем имуществом на Морну. Потом деревенских свидетелей удалили и виконт Легран и барон Фиш заверили их подписи и добровольное согласие невесты и опекунов в огромной книге Телера. Морна всплакнула. Вара неловко чмокнул Елину в щеку и похлопал по плечу барона.

Потом всем пришлось ехать в Тир, в тот самый, где отмечали Сонный день. Там принесли дары храму. Барон — мешочек с монетами, Елина — огромную свинью. На этом настояла Морна. Для бедной хрюшки пришлось брать отдельную телегу. Она лежала там со связанными ногами и, периодически, диким визгом оповещала о своем недовольстве. Елина заметила улыбку капитана и тоже улыбнулась. Кажется, новый охранник не обделён чувством юмора. Это утешало и обещало, что поездка не будет слишком нудной.

Ехать в домике было вполне удобно, но поехали в нем только Елина и Морна, которая периодически всхлипывала. То ли от радости, что Елина теперь баронесса, то ли предвкушая расставание — от расстройства. Мужчины все ехали верхом, мальчишки тоже сели на коней. Капитан Легран держался поближе к Гантею и Елина была благодарна. Гантей, конечно, как и все деревенские мальчишки, иногда катался на лошади. Но не долго и без седла. Чук и Гек в полном восторге нарезали круги вокруг процессии, но не пытались убежать далеко — охраняли. Все же дни, когда мальчишки часами занимались собаками дали результаты. Эти крупные, неуклюжие собачьи подростки будут надежной охраной.

В храме выстояли положенную церемонию и получили благословение Единого.

Барон поцеловал жену в щёку и одел на палец кольцо с печаткой. Кольцо было разъемное и легко подгонялось на любой размер. На узкой прямоугольной печатке был вырезан девиз — "Делай, что должно, и будь что будет".

— Это девиз моего рода и ваша личная печать, дорогая.

Морна уже рыдала, Гантей неуклюже пытался утешать и обещал приезжать на каникулы. Нет, не на каникулы, а на вакации. Во как!

Напоследок Морна перецеловала всех, даже баронет отвернулся и что-то стер с глаз. Да и Вару расставание сильно расстроило. Еще раз осенив всех знаком Единого, Морна, вся в слезах, полезла в телегу.

Тронулись в путь. Телега, полностью груженная коробками с фарфором, упакованным для длительного путешествия особенно тщательно, ждала их на дороге в Варус.

До Варуса добрались к вечеру. Всё же Кук был излишне солиден и медлителен, хоть и работящ. Елину, как обычно, немного растрясло.

В трактир решили не ехать. Провинциальный Варус не отличался роскошным выбором гостиниц. Встали небольшим лагерем перед воротами в город. Солдаты натянули два полога на случай дождя, развели костер и готовили что-то в большом котле. Часть чистили коней, мальчики тоже чистили под надзором капитана. Каша в котле булькала, разнося умопомрачительный аромат. Все были голодны. Барон и мальчишки присоединились к трапезе, Елине подали отдельно, в домик. Она было хотела возразить и поесть со всеми, у костра, но заметила, что барон предупреждающе поднял палец и покачал головой. Она кивнула и взяла принесенный Санчо поднос.

Домик был довольно уютен и напоминал купейный вагон. Две удобные кровати и между ними столик. Столик можно поднять и, положив дополнительный щит, лежащий под кроватью, получить огромное спальное место. Человека четыре точно лягут. Стул, который складывался и крепился к стене, но, при нужде можно было сесть втроем. Над столиком — единственное маленькое окошко. В него было видно спину кучера. В задней части вагона сундуки. Там, как и мечтала Морна — приданное Елины. Барон сказал, что можно всё купить в Империс, но Морна встала насмерть. И так свадьбы не будет, а еще и без приданного. Никак нельзя! Спорить барон не рискнул — настроена Морна была очень серьезно. Рядом с сундуками полочки и устроен маленький умывальник. Туалет, очевидно, на улице. Здесь такие детали никого не смущали.

Солдаты поели, лейтенанты выставили посты, и все свободные устроились спать. День был долгим.

Утром, после обильного завтрака, Елина и барон заехали к мэру. Елина получила увесистый мешок золотых, повидалась с Диной, которой было велено ждать приезда Вары с покрывалами. На месте ателье Лицы уже устроилась фру Шарп. Но выгнать Дину не посмела. Документы на аренду были подписаны на пять лет. Елина побоялась, что фру начнёт обижать Дину, но барон успокоил.

Посмотрев в глаза фру Шарп он сказал:

— Надеюсь, фру Шарп, у вас не будет недоразумений с вашей юной соседкой. Меня бы это очень огорчило.

Если у почтенной фру и были какие-то мысли по освобождению территории, то они испарились естественным образом.

Закончив все дела выехали на дорогу ведущую в Кроун.

Утром Гантей страдал. Жаловался на боли в везеде, где можно, но барон посоветовал сесть на коня и выдержать весь путь. Иначе толком наездником не стать. И вздыхая, как старый дед, под насмешки Санчо и надзором капитана, полез в седло. Лейтенант Фиш презрительно морщился — "Что можно ожидать от крестьянина!" — но благообразно молчал. Он совершенно не понимал склонность барона к этому семейству.

Барон решил провести день с женой. Это не вызвало ни удивления, ни вопросов. До самой обеденной остановки он рассказывал о нравах двора, правилах этикета и прочем.

— Глен, скажите, а что в моде сейчас при дворе?

— Ну, женщины носят платья. Такие... Ожерелья там всякие...

"Мужчина! — внутренне засмеялась Елина. — Какие-то платья и всякие ожерелья, прелесть какая! Глен просто энциклопедия моды". Беспомощность мужа в таких важных вопросах вызывала, пожалуй, умиление.

Хотя она совершенно не воспринимала его как мужа, ну вот совсем. Скорее, как отца и друга. Мысль о том, как мало времени ему осталось рождали боль в душе и спазмы в горле. Но его отношение к собственной смерти — вызывало уважение. Бороться до конца, не опуская лапки, жить так, как считаешь нужным, и не испытывать страха перед самим фактом смерти, воспринимать это как данность — это, одновременно, и мудрость, и мужество. Всё же она осознавала, какое счастье, что он появился в её жизни и стал другом и опорой. Понимание, что скоро он уйдет, унеся с собой часть её души, но оставив взамен часть своей — это боль. Боль, которую она собиралась терпеть. Не показывать. Прятать. Никогда не надоедать ему слезами и жалобами. Он достоин того, что бы отпущенное судьбой время прожить по собственным правилам.

— Боюсь, Глен, этих сведений мне не достаточно.

— Елина, через два дня мы будем в Кроуне. Герцог Кроун — мой старый знакомец, нас ждут. Его младшая невестка — молодая, модная дама, она часто бывает при дворе, я уверен, вы узнаете все, что захотите. Мы можем остановиться в Кроуне на несколько дней и заказать вам полный туалет. Туда же, кстати, привезут и часть фамильных драгоценностей — я хотел, что бы у вас был выбор. Поэтому у нас такой внушительный отряд охраны — во избежание неприятностей. Я не понимаю, почему вас мучают сомнения.

— Глен, вы видели как на меня смотрит баронет Фиш?

— Он просто глупый мальчишка.

— Он — да. Но вы уверены, что так же точно не будет смотреть, например герцог Кроун?

— Елина, что бы кто там не подумал, вы — баронесса Каргер и уже ничто в мире это не изменит. Так что выбросьте дурные мысли. Кроме того, после бала мы будем вольны делать что угодно. Мы вернемся в мой замок и будем жить так, как захотим. А Кроун достаточно стар и мудр, чтобы видеть не оболочку, а сущность. Так что не волнуйтесь, дорогая, всё будет хорошо.

— Глен, ещё такой вопрос. Мы с вами по прежнему обращаемся на "вы". Это правильно или нет?

— Это не слишком правильно, Елина, но — допустимо. Я не хотел на вас давить, но — "ты" — конечно же, было бы более уместно.

Время летело незаметно. Барон был прекрасный рассказчик. Дворцовые сплетни и анекдоты основательно разбавляли несколько нудные уроки этикета. Погода была так хороша, что решили не останавливаться на обед, что бы не тратить время зря, а встать лагерем вечером пораньше и отдохнуть.

К вечеру барон вышел из домика и размялся пару часов на лошади. Он же и высмотрел место для лагеря. Солдаты осмотрели местность, после этого Елине было позволено выйти из домика. Барон отвел ее к недалеко протекавшему ручью и оставил освежиться.

Елина ополоснулась, одела свежее бельё и платье, и оставив тюк с грязной одеждой решила немного пройтись. Ручеёк был очарователен, тихо журчал по каменистому дну, поблескивал искрами капель. Местами берег был песчаный, с вездесущими кустами мыльнянки и другими, с желто-зеленой листвой. Всё же лучшее время года — начало осени. Нет жары и духоты. Елина бездумно брела вдоль воды, просто наслаждаясь тишиной и отсутствием тряски, полностью погруженная в неторопливые и приятные мысли о новых местах и людях, которые скоро увидит. Потом она даже не смогла вспомнить, в какой именно момент она услышала шум ломающихся веток и рычание и почему не испугалась, а кинулась на эту возню.

Зверь был крупный, с бурым мехом, сперва ей даже показалось, что это медведь. Фиш уже почти лежал под ним, но он ухитрился схватить зверя за морду и натянуть его губы на его же клыки. Так, иногда, делали с крупными собаками, при обучении щенков. Укусить зверь не мог, но вырваться — в любой момент.

Все воспоминания об этом у неё навсегда остались урывками. Отдельными чёткими картинками, как в клипе, которые, казалось, даже не связаны между собой. Вот она видит кучку одежды, аккуратно сложенную у куста. Ни шпаги, ни кинжала... Вот она, уже верхом на звере, жесткая шкура впивается в оголенные ноги, откуда то у нее в руках булыжник и она со всего маху опускает его на голову зверя. Раз и другой, и третий... Вот кто-то хватает ее за плечи. И тут сознание отключилось.

В себя она начала приходить, когда ее несли к стоянке. Слышно голос барона. Заворочалась на руках у... У кого?

Барон попытался перехватить её на руки но она воспротивилась.

— Посадите меня. Просто посидеть...

Глен бережно усадил ее на подстеленный колет.

— Там Фиш, он ранен, наверно...

— Там солдаты, дорогая. А с баронета, когда он поправится, я лично спущу шкуру.

Выпейте — барон протянул ей свою фляжку. — Я оставил вас охранять двух солдат. Как вы могли пройти мимо?

— Я пошла не к лагерю, а просто вдоль ручья, прогуляться. — Елина жадно глотнула и закашлялась...

— Тихо, тихо, Еля, всё уже позади.

— Что там с ним?

— Капитан, будьте добры, узнайте, что с Фишем.

Оказывается, сзади за ней кто-то стоял. Когда этот кто-то ушел, она спросила:

— Это был капитан?

— Да, Еля, капитан. Он добил сварга.

— Сварг это тот зверь?

— Да. Непростительная беспечность с моей стороны. Просто считается, что их здесь нет, они обитают дальше к северу. Никто никогда не встречал здесь сваргов. Даже у Кроуна о них не слышали. Я был уверен, что здесь безопасно.

— Глен, а у него не может здесь быть пары или, там, детёнышей?

— Они одиночки, парами бывают весной, на очень короткий период. А детёныши всегда рождаются зимой. Но не понятно, почему он кинулся на лейтенанта. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, только немного руки трясутся. И я вся грязная. И руки в крови и вообще...

— Все же ты удивительная женщина. Я бежал под горку и видел всё, но я не успевал. Это просто счастье, что все разбрелись мыться почти одновременно и капитан оказался рядом. Неужели ты не понимала, что можешь погибнуть?

— Я как-то об этом не думала, я думала, что зверь в любой момент может вырваться и загрызть баронета. Надо поблагодарить капитана. Он спас нас обоих.

— Ну, дорогая, сегодня день начала легенды о тебе.

— В смысле?

— Ни одна женщина никогда не охотилась на сварга. Он очень силён и довольно агрессивен. Думаю, когда мы доедем до Кроуна, в городе зародится легенда о деве-воительнице.

— Глен, я не охотилась, я испугалась, что он сожрет баронета. Помогите мне встать.

— Может ещё посидишь?

— Нет, дай руку.

Опираясь на руку барона Елина дошла до берега — туша сварга поражала воображение. Тогда он показался значительно меньше. Зверь действительно похож на огромного бурого медведя, но есть и что-то от кота. Хвост и уши — как у кошачьих, лапы значительно длиннее медвежьих, да и общие очертания тела — кошачьи, а вот морда вытянутая, как у косолапых.

И шерсть — совершенно медвежьей окраски. Когти почти с половину мизинца. Ужас какой. На черепе зверя — огромная рана.

— Это я его так?

— Да. Я прикажу снять шкуру и в Кроуне отдадим на выделку. Конечно, она не будет так красива, как зимняя, но он уже вылинял больше, чем на половину, так что твой прикроватный коврик будет очень пушистый.

Капитан уже отдавал какие-то приказы солдатам. Трое копошились возле зверя.

— Капитан Легран, я вам очень благодарна, вы спасли мне жизнь.

— Думаю, нет, баронесса. Я ударил его в спину, и попортил шкуру, но это было уже ни к чему — зверь падал. Позвольте вам сказать — вы удивительная женщина. Знакомство с вами — честь для меня.

— Все равно, я благодарна за помощь.

— Всегда к вашим услугам, баронесса.

Пришлось вернуться к домику и взять чистую одежду.

— Зря ты не захотела взять служанку, Елина.

— Глен, служанку лучше нанимать в городе. А вырвать с места деревенскую девчонку и потом отправить назад, потому, что она не приживается в городе, ничего не понимает в одежде и прическах, и чувствует это — не слишком порядочно. Несколько дней в дороге я вполне могу справиться сама.

Глену пришлось охранять Елину от мальчишек, которые требовали подробностей о звере и схватке.

Фиш отделался рваной раной на бедре и еще одной — на плече, и кучей царапин. Елина уговорила мужа не устраивать больному головнойюку.

На ужин был потрясающе вкусный шашлык из сварга. Все же мясо дикого зверя имеет неповторимый вкус.

Утром раны Фиша имели скверный вид. Распухли и сочились сукровицей.

— Глен, что ты собираешься делать?

— А что тут можно сделать? Попытаюсь довести его до Кроуна, там есть врачи. Возможно, ему смогут помочь. Хотя я видел такие воспаления. Это плохо.

— Нет, за два дня станет настолько хуже, что всё будет бесполезно.

— Ты можешь что-то предложить?

— У меня есть травы, от Лещихи. Деревенские знахарки разбираются в простых болезнях. Я предлагаю остаться здесь еще на день. Мне понадобится кипяченая вода. Не просто горячая, понимаешь? Именно кипящая. Много воды.

— Насколько много?

— Его нужно вымыть, полностью. Потом очень тщательно промыть раны. Воду разбавлять нельзя. Нужно укрыть все котелки крышками и остудить естественным путём. Раны можно промывать только такой водой. Потом смазать раны мёдом, толстым слоем. И вот еще, это батист, я покупала себе на белье. Его нужно распустить на полосы, на бинты, и все бинты прокипятить. Понимаешь? А потом поить вот этой травой. Ну, сделать отвар, тоже с мёдом и поить, сколько сможет выпить. Мёд класть, когда остынет, не в горячую воду. Это важно. Да, прежде, чем мыть его, пусть солдаты тщательно вымоют руки с мыльнянкой в горячей воде. Нам с тобой, Глен, давно стоило поговорить про микробов.

— Иди в дом, Елина. Я распоряжусь.

— Главное — промыть раны только чистой остывшей водой. И мёд и...

— Я всё понял, дорогая. Не волнуйся. Иди в дом и вспоминай, всё, что знаешь с микробах.

Вечером Елина потребовала сменить бинты и мёд. Глен сказал, что раны выглядят значительно лучше.

Утром решили, что можно ехать. Раны были чистые, больной чувствовал себя нормально. Конечно, верхом он ехать не сможет, но, может быть баронесса будет так добра...?

Лейтенанта уложили на соседнюю кровать и наконец-то тронулись с места.

Ехали молча довольно долго, стараясь не встречаться глазами. Елине было неловко. Она понимала причину неприязни лейтенанта, но ей, человеку, выросшему равной среди равных, были неприятны его убеждения. Так что соваться к нему с жалостью и помощью она не собиралась. Потребуется — сам попросит. В конце концов он не маленький ребёнок и в сознании.

В обед в дом зашел барон, накрыли столик. Ели в троем на ходу, остальные перекусывали прямо в седлах. Барон говорил о Гантее, что он молодец, что из него выйдет прекрасный наездник, капитан им доволен. Поцеловав Елине руку барон обещал вечером ранний привал.

Очевидно баронет готовился к речи все утро. Как только барон вышел, он заговорил.

— Госпожа баронесса, я хотел бы поблагодарить вас. Я понимаю, что вы спасли мне жизнь, даже дважды. Я знаю, к чему приводит воспаление ран. Но я не знаю, как выразить свою благодарность.

При этом он не смотрел ей в глаза.

Забавный парень. Как лихо он переложил на нее эту заботу. Елина не слишком

представляла, как принято здесь выражать благодарность за жизнь. И рядом не было Глена, который мог бы подсказать и посоветовать. Может быть здесь вообще просто называют сумму, которую должен спасенный? Ну, вряд ли, конечно, но и такой вариант не стоит исключать. Возможно, не взяв подарок за жизнь можно оскорбить дарителя. Ну и что теперь делать, госпожа баронесса? Во дворце таких ситуаций может сложиться не одна и не две. Нельзя показывать, что растерялась. Нельзя спросить совета. Ну, зато можно отфутболить ему проблему и потянуть время.

— Когда вы будете здоровы, баронет Фиш, постарайтесь решить это сами.

Вот так, милый. И думай что хочешь.

Весь день провела за книгой. Барон взял в дорогу "Землеустройство и обычаи государства Сарандан". Довольно любопытное государство. Чем-то внешне похожее на азиатские страны. Часть народа кочевала, но больше половины вели оседлый образ жизни. Чернокосы, воинственны, поклоняются своему богу, в религию свою посвящают неохотно, свято блюдут клятву верности, поэтому их охотно берут в телохранители. Держат гаремы до 5 женщин, но жена — одна, только верховный может иметь больше. Держат рабов. Славятся скакунами и выделкой кожи. Ну и еще много разных и интересных сведений. О жаркой солнце, о старом культе поклонения воде, который нынче преследуется государством, о странных двугорбых тварях, на которых можно путешествовать между странами по пустыне. О пряной кухне и изысканных лакомствах, о прекрасных садах и нищете населения. Интересно, всё интересно. Побывать бы там...

Вечером, действительно, остановились рано. Барон хотел выехать на следующий день до рассвета, с тем, что бы к ночи прибыть в Кроун. Один из солдат ускакал вперед с запиской от барона, не дожидаясь остальных. В этот раз ручья рядом не было, но был родничок.

К Кроуну подъехали когда уже совсем стемнело. Как только лошади ноги не переломали. В воротах города ждал почетный караул. У каждого — огромный ярко светящийся щит. Елина с любопытством выглянула из дверей. Проезжали в ворота под решеткой. Ширина стены, окружающей город потясала. Барон спешил, подал ей руку и разрешил немного пройти пешком. До замка было уже близко, но здесь, у ворот, домик стражи, еще какие-то небольшие постройки, солома под ногами и вечный городской запах навоза. Хотя при свете ярких деревянных досок по двору ходили два мужчины с мётлами и убирали.

— Садись в дом, Елина. Еще немного терпения, скоро будем в замке.

До замка добирались еще примерно час.

Громада терялась где-то в глубинах черного беззвездного неба. Голубоватый свет окон на верхних этажах казался странным. Как замок с привидениями. Но страха не вызывал. Во дворе было довольно шумно, ржали уставшие лошади, шумели конюхи, командовал капитан. Их встречали. Пожилой толстенький мужчина и женщина его лет, выше на голову, крупная, статная, в тяжелом бархатном платье чуть выше щиколоток.

Барон подвел Елину к этой паре.

— Дорогая Матильда, позволь представить тебе мою жену, баронессу Елину Каргер. Елина, это пресветлая герцогиня Лива Кроун и герцог Кроун, мой старый приятель.

Герцог смотрел с любопытством и улыбался. Чем-то он смахивал на Денни Де Вито. Такая же приятная и немного вредная улыбка. Поцеловал руку Елине. Еще раз улыбнулся. Дама любезно кивнула.

— А это мой внук и наследник титула, баронет Санчо и мой воспитанник Гантей Фуру.

— Прошу, барон. В этом доме всегда рады вам. Покои готовы, я понимаю, что вы устали с дороги, так что ужин я распорядилась подать вам в комнату. Все разговоры и приветствия — завтра. Ваша прелестная жена скоро уснет стоя.

Огромные лестницы, светящиеся шары на перилах, камень, довольно прохладно — это первые впечатления от замка. Их покои оказались где-то на третьем этаже. Мальчиков повели дальше, к ним приставили пожилого лакея.

Анфилада из четырех комнат. Приличных размеров ванная, которую при них слуги наполняли горячей водой. Хлопотливая горничная с мягкими руками помогла Елине раздеться и вымыться. Есть она не стала, слишком хотелось лечь и вытянуться, казалось, что всю комнату слегка пошатывает. Огромных размеров кровать с кучей подушек и одеял и яркий свет камина. Но уснуть ей ничто не помешало.

Проснулась она внезапно, от каких то странных звуков. При свете чортовых досок, которые здесь не имели таких задвижек, как у неё дома, она увидела, что барон устраивается в кресле.

— Глен, почему ты не ложишься?

— Елина, но здесь только одна кровать.

— Ты собираешься меня изнасиловать?

— Что за... Нет, конечно... Если хочешь, я уйду с креслом в другую комнату. Просто там не топили камин и я подумал...

— Глен, если не собираешься насиловать, то может быть ты просто ляжешь и будешь

нормально спать?

— Я не хотел тебя тревожить, Еля.

— Меня гораздо больше тревожит то, что ты нормально не отдохнешь. Здесь куча подушек и одеял, мы спокойно могли бы уложить сюда еще Гантея, Санчо и Чука с Геком и, при этом, никто никому не мешал бы. Так что ложись и не придумывай сложностей.

— Я всё время забываю, какая ты необыкновенная.

— Спокойной ночи, Глен.

Разбудил Елину муж. Он был уже чисто выбрит и одет.

— Еля, мне очень жаль, но пора просыпаться, девочка моя. Скоро завтрак, опаздывать неудобно.

Как тебе спалось?

— Замечательно. Глен, мне нужно учиться ездить верхом. Иначе я так и буду путешествовать ничего не видя.

— Как скажешь, можем выбрать тебе коня в столице.

Горничная уже нетерпеливо переминалась. Глен вышел и Елина занялась утренним туалетом. Умылась, выбрала платье побогаче из того, что было. То самое, из зеленого бархата, который ей подарили на Сонный день Вара и Морна. Когда шила, очень жалела, что нет люрекса. Лучшее сочетание с густо-зеленым бархатом дало бы золото. Но, пришлось вышить сочным желтым цветом, тоже не плохо. Из украшений выбрала фарфоровые серьги в форме листиков плюща. Они повторяли рисунок вышивки. Ну и хватит, пожалуй. Понятно дело, с местными дамами ей не соперничать, но и выглядеть нищенкой нельзя.

Спор с горничной возник по поводу прически. Она привела помощницу и собиралась плести косы.

Нет, не косы, а много мелких косичек. И с их помощью выкладывать сложную прическу.

— Как тебя зовут?

— Тина, госпожа.

— Тина, мне не нужны такие сложности на голове.

— Но, госпожа, сейчас все так носят. Госпожа Фоль часто бывает в столице, она говорит, сама королева носит такую.

— Я не королева, мне можно и попроще.

Волосы были одной из самых красивых черт Елины. Плести кучу косичек и прятать такое богатство просто глупо. Обычно она плела просто не слишком тугую косу, и выглядела эта коса так, как будто художник-мультипликатор решил нарисовать русскую красавицу. За счет своеобразной, мелко-волнистой, структуры волос толщина косы казалась просто нереальной. Но для баронессы, пожалуй, такая будет простовата. Наверное, стоит заказать или сделать красивую сетку для волос. С её помощью можно быстро укладывать пышную прическу. А пока Елине расчесали волосы, собрали в хвост и сплели в одну косу. Косу, с помощью шпилек закрепили на голове как корону. Ну что ж, вполне даже хорошо. Если платье и не самое модное, то по цене ткани видно, что девушка не из простых. Пока достаточно и этого.

За дверь нетерпеливо переминался барон. Опираясь на его руку Елина прошла длинный коридор и остановилась у дверей. Дверь распахивал лакей, а кто-то слева и сзади, она уже не увидела, кто именно, громко и торжественно прокричал:

— Барон и баронесса Каргер!

Мама дорогая! Сперва Елине показалось, что в зале человек сто, не меньше. Потом она поняла, что это именно кажется. Всего за длинным столом, на возвышении, сидело около десяти человек. А вот за двумя нижними столами, стоящими параллельно друг другу и перпендикулярно столу на возвышении, сидело еще человек сорок. Все вместе сооружение напоминало букву "П", у которой приподняли верхнюю перекладину. Снующие с блюдами

слуги и создавали суматоху, от которой казалось, что народу в зале, минимум, вдвое больше.

Сидящие за верхним столом были одеты настолько ярко, что зарябило в глазах. Все одежды были сочных, ярких тонов. За нижними столами царили пастельные оттенки. Гостей усадили рядом с хозяевами. По правую руку герцога сидела герцогиня, за ней — Елина. По левую руку посадили барона.

Слуги стали подавать еду на верхний стол.

Пресветлая герцогиня Лива ела с большим аппетитом. На завтрак подавали с десяток блюд, на столе были хлеб, маленькие пирожки с различными начинками, вазы с фруктами, обычная овсяная каша, кувшины с молоком и с вином для мужчин. А так же мед, сливки и три сорта варенья. Слуги подходили со спины и предлагали разное — паштеты нескольких сортов, блюдо из вареных яиц размятых с каким то соусом, тонкие длинные колбаски.

Елина положила себе кашу и полила ее вареньем. Ого, похоже — клубничное. Ей было интересно все, поэтому она старалась незаметно оглядывать зал. На нижних столах выбор был скромнее. Туда не подносили паштеты и колбасу, там не было фруктов, варенья и вина. Но хлеб, сливки и мед были в изобилии.

Справа от неё сидел молодой мужчина. Среднего роста, крепкий. Ел с аппетитом и не обращал особого внимания ни на что. Он был так похож на герцога, что Елина сразу поняла, что это сын. А раз сидит со стороны матери значит — младший. Хорошо, что у нее приличная память и объяснения барона она запоминает легко. Чувствовала она себя неловко. Глен сидел далеко, герцогиня разговаривала с мужем и, поев, Елина просто не знала, чем себя занять.

Наконец трапеза подошла к концу. Первым встал герцог и подал руку жене.

После начали вставать люди за нижними столами. Мужчины ушли, а дам герцогиня пригласила в гостиную.

Большая комната с маленькими окнами. Два камина — для тепла. Герцогиня представила свою невестку, виконтессу Фоль, миловидную полноватую блондинку с кучей мелких косичек, выложенных в сложную прическу. Посетовала, что нет старшего сына с женой — они в другом городе. Представила пять женщин, все, примерно, ее возраста, как фрейлин и, особенно выделила одну — госпожу Клеру, отметив, что она помогает управлять замком и горничными и является старшей экономкой, и, если вам, милая баронесса, что-то нужно — смела обращайтесь!

Сидели в жестких резных креслицах из темного полированного дерева, красивых, но не слишком удобных. На каждой двух дам стоял маленький, уже накрытый чайный столик. На большом столе лежало несколько вариантов различного рукоделия. Очевидно, так дамы скрашивали досуг.

К Елине подседа виконтесса Фоль. Её заинтересовали серьги Елины. Пообещав позже показать ей еще несколько изделий Елина завязала беседу. Впрочем, можно было бы и не завязывать — достаточно было просто кивать. Госпожа Фоль вернулась из столицы меньше седмицы назад и жаждала поделится своим мнением о модных прическах, новых фасонах и новых любовницах — только тсссс! — младшего принца. Очевидно, остальные слушательницы уже знали эти новости. А тут — свежие уши, дама из провинции. Просто невозможно было упустить такой шанс.

Для Елины это была прекрасная школа. Это совсем не то, что слушать ироничные и строгие рассказы барона. Масса деталей, обычаев и светских ритуалов, моды и ткани, сплетни и новости хлынули на неё потоком. Вообще, госпожа Фоль оказалась милой и не

надменной. Младшая невестка, без претензий на власть в доме. У них с мужем ещё не было детей, герцог выделил им небольшой город, но они предпочитали жить с родителями, оставив город на старого мэра. Свекровь её любила и баловала, свекр дарил подарки и, втихаря от всех, подкидывал денег на наряды, муж обожал, так что совсем незачем хоронить себя в глуши провинциального городка. Здесь, в герцогстве, и гости часто бывают, и из столицы доходят новости и сплетни. Да и самой можно туда прокатится и обновить гардероб.

Через час Елина чувствовала, что голова просто трещит от избытка информации. Глен пришел за ней очень вовремя.

Герцог выделил для гостей удобную открытую кожаную коляску и двух лакеев в сопровождение.

Грод порадовал изобилием лавок и магазинов.

Санчо и Гантей получили по десять серебрушек каждый и капитана Леграна в сопровождение. Елина подумала, что стоит сделать молодому человеку подарок — он тратил на мальчишек почти все личное время.

— Глен, я думаю, стоит купить подарок капитану Леграну.

— Обязательно. Зайдем в оружейную лавку и выберем хорошую шпагу или кинжал. Оружие лишним не бывает.

— Глен, а что ты собираешься одеть на бал?

— Понятия не имею, что-нибудь, что найдется.

— Нет, дорогой муж, так дело не пойдет!

— Елина, я, действительно не представляю, что нужно. Иногда я покупал одежду у мастеров, белье и рубахи мне шили дома, но, пожалуй, ты права. Нужно купить что-то новое. Раньше меня на балы собирал камердинер, а последние три года мне было не до балов. Я и раньше не посещал их, если мог.

— Глен, я тут подумала... Это мой первый выход. Я должна выглядеть так, что бы ни кто не посмел придирается к происхождению и манерам. Что бы просто в голову не пришло это сделать. Если ты согласишься, я хотела бы парный костюм. У мужа и жены — из одинаковой ткани. И для тебя — не кожаный колет, а что то вроде гусарского ментика. Или колет, но тогда парчовый. И рубашку с жабо. Да. К твоему лицу это будет отлично.

— Елина, эта та проблема, которую ты вольна решать, как угодно.

Елина рассмеялась.

— Тогда, потом не жалуйся, дорогой муж!

Ткань Елина выбирала очень долго и придиричиво. Для того платья, которое она задумала нужна была особая фактура. Плотная, даже жесткая. Идеальное решение — парча. Она хотела пышную юбку, но не хотела вносить в этот мир кринолины и корсеты. Значит нужен особый крой.

Несколько часов по магазинам утомили даже ее. Так и не определилась с тканью, зато купили очень удачны подарок Леграну — красивый кинжал из стали, похожей на дамасскую, строгий и благородный.

Обедали все отдельно, общими были завтраки и ужины, поэтому супруги спокойно и с удовольствием поели в своей комнате.

— Глен, я хотела бы посмотреть украшения. Возможно, отталкиваться стоит не от ткани, а от украшений.

Барон принес ей приличных размеров шкатулку. Ну, примерно такого она и ожидала. Неаккуратное гранение, тяжелые грубоватые вещи. Кольца, серьги, диадема. Несколько ниток жемчуга. Вот жемчуг очень хорош, но это не то, что ей нужно для бала. Основной тип огранки камней — кабошоны. Совсем не то, что она хотела. И тогда она решилась.

— Глен, а мне обязательно одевать фамильные украшения?

— Еля, ты можешь не одевать вообще ничего или одеть всё сразу. Мы можем купить новые, но, боюсь, до бала не успеть. Сейчас все ювелиры и портные уже работают и

завалены заказами. Но совсем без украшений ты пойти не можешь.

— Нет, покупать почти ничего не придется, а те детали, которые мне нужны, сможет сделать даже ученик.

Она достала из дорожного сундука одну из плетеных Варой коробок. Там лежали наборы украшений, купленных у мастера Мики. Она только патинировала их. В далекие девяностые, когда она штамповала заколки в технике канзаши, муж в свободное время подрабатывал изготовлением бижутерии, он патинировал металл с помощью серы и щелочи и получал очень красивый густо черный цвет, потом вставлял подходящие стекляшки и относил все оптовикам. Это тоже помогало выжить. Точного рецепта она не помнила, но зола и купленная сера дали ей возможность поэкспериментировать и подобрать состав. Все очень просто, нагреть нужное количество ингредиентов в воде и опустить туда оправу. Через несколько минут она будет яркой, бархатно-черной и однотонной, с ровным цветом.

— Посмотри сюда.

— Очень необычно и дорого смотрится. Что это за металл?

— Это чернёная медь.

— Я видел медь, у нее зеленый оттенок или темно серый. Самый темный — серо-коричневый. Это какой то новый способ?

— Да. Он не сложный, если тебе интересно — я потом покажу. Но я так и не вставила сюда камни.

— Ну, если хочешь, можно распустить одно из жемчужных ожерелий.

— Нет, я хочу платье из серебряной парчи с черной бархатной отделкой и вот такие украшения, только вместо камней я хочу вставить серебро. Обычное полированное серебро. Его ведь могут отшлифовать до зеркального блеска?

— Металл вместо камней? Еля, ты сведешь с ума всех модниц при дворе. Это, практически, потрясение устоев! — барон смеялся и думал о том, что совершенно непонятно, кто больше выигрывает от этого брака. Ему казалось — что именно он сам. Столько необычного и интересного знала и умела эта девушка. Не говоря уж о том, что она не только умна и красива. Храбрость, порядочность и доброта, деловая хватка и беззащитность. Необыкновенная — это самое точно определение!

Вечерний ужин был почти повторением завтрака, только блюд было существенно больше, присутствовал маленький ансамбль из трех музыкантов. Молодой юноша пел, а два мужчины постарше играли на струнных, очень похожих по звучанию на гитары, но с чуть более глухим звуком, просто несколько непривычной формы. И все было совершенно замечательно, пока не встал герцог и не произнес тост.

— Этот бокал я хочу поднять за прелестную жену барона Каргера, леди Елину Каргер, которая голыми руками убила сварга!

Герцог выпил в полной тишине, а потом поднялся такой гул голосов, где слились недоверие, восхищение и сомнение, что Елине захотелось спрятаться под стол. Герцогиня потребовала рассказ. Барону просто некуда было деваться. Специально ли хозяин замка сделал из неё звезду вечера, или это вышло случайно, но ей пришлось без конца улыбаться, кивать, благодарить и говорить-говорить-говорить...

Когда барон увел ее в спальню — ей уже казалось, что она отработала неделю без выходных шахтером.

Еще два дня в герцогстве Елина выдержала с большим трудом. У неё без конца пытались узнать подробности схватки, ее спрашивали, на неё пялились совершенно бесцеремонно и фрейлины герцогини, и придворные герцога и, даже, слуги. Сплетня ушла в город и, когда она попробовала еще раз пройтись по магазинам, назойливое внимание так быстро надоело, что она вернулась в замок всего через час. Они с бароном только и успели забрать подарок для капитана. Оставляли его, что бы сделать гравировку на рукояти.

Наконец- то этот ужас подходил к концу. Завтра с утра — в дорогу.

Неделя до столицы протекала ровно и спокойно. Погода благоволила путникам, обеденных привалов не делали — перекусывали в седлах, зато ранняя остановка и спокойный тихий ужин.

Очень смущало отношение лейтенанта Фиша — он старался услужить Елине, ловил её взгляд и, кажется, проявлял мужской интерес. Это нервировало и злило. Последние два вечера она даже вечером не выходила из домика. Слава Единому, завтра к вечеру они уже будут в столице.

Дом барона стоял ближе к окраине города. Это был квартал небольших уважаемых домов, которые хозяева навещали время от времени, когда появлялись дела в столице. Небольшие дома в два-три этажа, двор с конюшней и маленький сад за домом. Почти стандартная планировка участка, как объяснил барон. Постоянно в доме проживали экономка с мужем, садовник, две горничные, конюх и кухарка. Все слуги старые и надёжные, работают на семью много лет.

Слуги встречали на крыльце. Отдав приказ позаботится о вещах, барон представил Елине слуг.

Главная в доме — фру Крюгге — сухопарая, высокая женщина. Она ведет хозяйство, закупает продукты, следит за домом и выдает оплату. Её муж, фром Крюгге помогает. На нем доставка продуктов, сохранность оружия и вещей, мелкий ремонт дома. Кухарка, вдова фру Ларт — пожилая солидная дама, в белоснежном переднике. Лута и Цира, горничные, тоже не молоденькие, похожие между собой, как Бобчинский и Добчинский, полноватые, подвижные, болтливые, но уютные.

К приезду барона все было готово. Гонец прискакал еще вчера.

Комната была велика и не слишком красива. Но все было вычищено, камин горел. Из мебели — небольшой обеденный стол со стульями, несколько резных кресел из странного красноватого дерева, гобелены на стене — достаточно старые, нужен или ремонт или замена. В торцах комнаты — две двери.

Одна ведет в спальню барона, вторая — её.

— Елина, думаю, через час ужин будет готов. Цира поможет вам.

— А мальчики?

— А мальчиков разместили на первом этаже, там большая детская комната. Не волнуйся, завтра с утра придут их гувернер и учителя. Пока я был в отъезде, мой хороший друг обещал набрать людей. Я познакомлюсь, оценю их рекомендации и решу, брать или нет.

Её личная комната-спальня. Камин, большая кровать, зеркало в резной раме — большое, в полный рост — роскошь какая! Шторы, чистые, но ветхие. Дверь. Кладовка или нет?

Скорее — гардеробная. На стене — крючки — вешать одежду, несколько сундуков, длинная полка у самого пола — очевидно, для обуви. Еще одна дверь — ванная комната, за ширмой — туалет. Ванная из дерева, застелена простынью. Ладно, жить можно, а пока — нужно переодеться и умыться.

На ужин подали мясо в разных видах, очень вкусный сыр, свежий мёд и тёплый хлеб. Елина вообще заметила, что овощи здесь не в чести. Надо бы поговорить с кухаркой. Им здесь жить ещё месяца два, не меньше. Да и супчик не помешает. А то большую часть еды готовят на сковородке или открытом огне на вертеле. Вкусная, конечно, но не слишком здоровая пища.

Горничную Елина отпустила.

— Иди, Цира, я сама поухаживаю за мужем.

— Глен, ты любишь овощи?

— Ты хочешь овощей, дорогая? Нужно сказать кухарке.

— Нет, сейчас ничего не нужно. Но, питаться одним мясом не слишком полезно.

Подагра — болезнь аристократов. И появляется она именно из-за несбалансированной диеты.

— По-даг-ра? Никогда не слышал о такой болезни.

— Ну, думаю, у вас ее называют по-другому. Она появляется, обычно, в возрасте, опухают и болят суставы, через несколько дней приступ проходит, отек спадает, потом все может повториться.

— Возможно, ты имеешь в виду болезнь, которую называют "шишки Зура"?

— Возможно. При подагре они появляются достаточно быстро.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, как её вылечить?

— Глен, она не лечится до конца, но сильно облегчить ее течение вполне можно.

Кстати, кто такой Зур? Ты уже упоминал его раньше.

— Зур это темное божество шику, отец всех болезней. Но ты не отвлекай меня. Расскажи, что ты про неё знаешь?

— Эта болезнь, большей частью, от неправильного питания. Нельзя есть один белок. Мясо во время приступов нужно исключить полностью, только овощи и крупы. В остальное время мясное можно, но в ограниченном количестве. В той жизни подагра была у моего мужа.

— И вот это спасет от болей?

— Полностью — нет, но сильно облегчит приступы и сделает их реже. Почему ты спрашиваешь? У тебя же нет такого.

— Нет. Но мой старый друг, проректор Академи, сильно страдает от приступов.

— Я расскажу тебе, всё, что знаю. Но ты должен сослаться на кого-то другого.

— Конечно, Еля. Я скажу, что узнал о способе лечения, когда жил с Санчо в империи.

С утра прибыли учителя. Глен беседовал с ними сам. Одобрил гувернера и трех из них. Осталось еще найти учителя танцев для мальчиков и Елины. Горничную для неё посоветовала фру Ларт — у неё нашлась шустрая племянница-сирота, которая собиралась заработать себе приданное. Девушку звали

Люта. Пухленькая милашка и хохотушка изо всех сил старалась произвести впечатление серьезной и опытной служанки. Именно такая, по её мнению, нужна была баронессе.

Спихнув на девушку разбор своих сундуков Елина уговорила барона проехать по магазинам. Ткань нужна была срочно, не так уж много времени осталось до бала. И туфли. И заказать вставки в украшения. И решить, какую прическу делать. И поменять старые рассыпающиеся гобелены и легкий ремонт... Помоги, Единый!

Заказали вставки, нашли то, что Елине нужно было для ремонта комнат. Предполагалось, что через год, когда мальчикам придет пора поступать, они будут жить в этом доме. Так что облагородить его нужно было однозначно. Заказали несколько печей по чертежу Елины. Барон оценил, как долго печи в доме Морны держали тепло — никакого сравнения с камином. Ткань, по закону максимального свинства, нашлась в последнем магазине, куда у них хватило сил доехать. Подумав, Елина забрала весь рулон. Не дай Единый, кто то еще купит себе такое же. Стоила ткань как крыло от самолёта, но фактура и цвет были максимально те, которые ей хотелось. Портнихи махали руками на её просьбы, но, наконец, в одном из ателье попроще Елина сговорила с фру Таль. Оценив лоскут с образцами мережки она отпустила с баронессой свою дочь. По договору, девушка должна была жить на полном обеспечении и получать по четыре серебрушки в месяц. Шить под наблюдением Елины то, что она раскроит и как она скажет. После бала этот фасон можно будет использовать в ателье. Посадив в коляску Галу, Елина несколько смутила барона. Но от замечаний он воздержался. Домой вернулись только к вечеру, голодные и уставшие.

— Дорогая, пожалуй, я бы предпочел поучаствовать еще в какой-нибудь битве. Или убить на дуэли какого-нибудь слишком активного поклонника вашей красоты.

— Терпите, Глен, — засмеялась Елина — женатым мужчинам неизбежно приходится посещать портних. Но я обещаю, что не буду мучать вас слишком часто. Тем более, что у меня теперь есть Люта. А поклонников пока нет.

— Будут, Елина, обязательно. Ты слишком необычна и интересна, чтобы затеряться в толпе.

— Давай ужинать, Глен и спать. Сил нет, как устала.

Утром начался форменный дурдом. Пришли наниматься рабочие. Это Елина спихнула на Глена.

Раскроила платье и усадила Галу шить. Осмотрела большую комнату для приёма гостей на первом и решила начать с неё.

Ломали камин. Один из двух решили оставить — для красоты и живого огня. Вынесли всю мебель в другие комнаты. Часть стен она решила закрыть простым серым шёлком. Ну, не совсем простым. Вышивать такие полотнища — слишком долго, яркий цветной шелк стоит столько, что проще дом продать, чем такой на стены использовать. Но и скучный серый цвет можно облагородить. Есть такая штука — аппликация. Пришивать — это нужно пару швей не на один день посадить. Но где сейчас, перед этим балом, найти свободных?

Пришлось вспоминать детство. Когда-то, много-много лет назад её научили интересной и простой шпуже. Так можно было отремонтировать одежду не оставляя швов на виду или шпопки.

Елина взяла кусок грубой кожи, вырезала из него лепестки и листья крупного фантазийного цветка, и посадила Люту обводить по этим лекалам и вырезать из цветного шелка. Лепестки были розовые, светло сиреневые и густо-фиолетовые. Зелень выбрала чуть приглушенную. Оставив Люту работать побежала в зал, посмотреть, что делают рабочие. Вернулась к Глену и попросила нанять еще несколько человек.

Разложила на столе плотную ровную подстилку, сверху будущую обивочную ткань. Наметила на ней места, где будут цветы. Побежала на кухню, велела раздуть утюг и принесла в мисочке три яичных белка. Кистью, аккуратно, не втирая, чтобы не промочить шелк, смазывала лепесток, укладывала на место и сразу проглаживала горячим утюгом. Оторвать его теперь не сможет даже кот.

Жаль, что Васо остался дома. Очень не хватает его уютного мурчания. Елина вздохнула. Ну, зато Морне не так тоскливо будет. К вечеру будущие обои были готовы. В комнате мальчиков она решила сделать другую аппликацию, надо подумать, что именно. Можно, например, стилизованное море и кораблик. Себе можно бабочек, из разной ткани. Надо ещё что-то придумать для Глена.

Завтра уже начнутся занятия танцами. И в дороге она начала учить язык шикю. Пожалуй, не стоит бросать. А сейчас стоит пойти и посмотреть, как там дела у Галы.

К ужину Елина выползла совсем без сил.

Дела множились не оставляя свободного времени.

Утро. Умывание, завтрак, час-полтора отнимает кухня. Елина учит фру Ларт готовить. Не сказать, что почтенная фру в восторге. В начале она даже пробовала протестовать. Но Елина жестко предупредила, что или еда будет соответствовать требованиям или почтенной фру дадут самые лучшие рекомендации.

Почтенная фру рванула к фру Крюгге. Фру Крюгге пошла с вопросом к барону. Барон собрал в фойе всех, не исключая учителей мальчиков и временных рабочих. Он был сух и немногословен.

— Баронесса в праве решать, что и как нужно делать. Всех несогласных я попрошу получить расчет и покинуть дом.

Повернулся и ушел. Бунт был подавлен в зародыше.

Со временем почтенная вдова смирилась и даже стала проявлять заинтересованность. Окончательно её добила зефир и идея торта. Пирожные — да, делали, и она умеет, а вот огромный торт, с украшениями, в два яруса... Нет, такого она не слышала. Самым сложным для нее, как ни странно, оказалось умение сварить бульон правильно. Ну, никак она не хотела смириться с тем, что нужен обязательно очень слабый огонь. Но, как только ей поменяли открытый камин на печь-плиту — быстро приспособилась. И даже стала гордиться умением сделать бульон для супа "чистым, как слеза". Идея овощных салатов не вызвала сопротивления, а овощные рагу — только удивляли. Это же для простых людей пища. Ну, не её дело судить. Хочется барону есть как крестьянину — да и пусть. Барские капризы.

Видя старание поварихи Елина сделала для нее плащ с "искусственным мехом". Челночек для плетения сетей она выпросила у Вары. Было удивление, были слезы — "совсем как барыня я" и удовольствие от необычной одежды. Теперь фру Ларт в сопровождении фром Крюгге отправлялась за закупками в новом плаще и с задранным носом. Такого не было ни у одной подруги. На рынке, у своих поставщиков она тоже вызвала любопытство мужчин и тихую зависть женщин.

Пожалуй, для такой хозяйки стоит и расстараться.

Потом Елина обходила все ремонтируемые места. Смотрела, что и где идет не так и что нужно исправить.

Следом был урок танцев. Мальчики танцевали друг с другом, в пару с Елиной вставал барон.

Последние дни он стал слегка прихрамывать, и это сильно тревожило Елину. Пожалуй, стоит взять в пару учителя, а Глен пусть передохнет.

Следом полтора-два часа занятий языком.

Всё же повезло с дворцовым этикетом. Не было таких сложностей, как, например, при французском дворе. Даже реверанса не существовало. Но, безусловно, были еще какие-то тонкости, которые она сможет узнать только на месте. Ничего, справится.

Потом обед, за стол садились семьей, плюс гувернер мальчиков, обедневший, точнее, разорившийся безземельный дворянин, лер Терос. Средних лет, полноватый и немного напыщенный. Зато — старательный. Он не спускал шалопаям ни одного, самого мелкого нарушения этикета, режима или занятий с учителями.

Днем мальчики ходили в частную школу верховой езды. Это было дорого, но

необходимо, особенно Гантею. Его успехи радовали. Парень не гений, конечно, но любознательный и старательный.

А у Елины начинался швейный урок. Примерки, поправки, примерка костюма на Глена. Он все сносил терпеливо.

Сама она делала шелковые обои для комнат, придумывала рисунки и клеила белком. Мальчиков решено было расселить по разным комнатам. У них будут разные занятия, пусть будет место уединения. Но пришлось заняться отделкой еще нескольких спален — для гостей.

Готовый зал произвел на Глена неизгладимое впечатление. Обоями он восторгался как ребенок. Такого он не видел даже в королевском дворце, хотя там были комнаты, полностью увешанные гобеленами, но это всегда были как бы отдельные картины. А здесь — целая стена с одинаковым рисунком. Это смотрелось восхитительно. Да и его спальню Елина переделала полностью, начиная от прекрасной печи, кончая кроватью с балдахинном.

Доставили из Кроуна выделанную шкуру сварга и письмо от герцога. Герцог просил выслать ему несколько комплектов фарфоровых украшений. Те безделушки, что Елина подарила госпоже Фоль вызывают некоторую ревность у старшей невестки и самой герцогини. Стоит успокоить дам подарками, во избежании ссор. Покрывало "Морина", преподнесенное герцогине, вызвало множество разговоров и, даже, некоторую зависть соседей.

К барону пришли наниматься охранники. Те, что служили у него раньше, до опалы. Барон взял не раздумывая и смог, наконец, отпустить королевскую охрану. Баронет Фиш действовал на нервы уже и ему. Капитан Легран был отпущен с сожалением, особенно грустили мальчики. Барон и Елина преподнесли ему кинжал с надписью " За спасение баронессы Каргер". Оказывается, это было почти как орден и барон, как рейв, имел право так награждать. Легран поблагодарил, но взял с Елины обещание подарить ему танец.

Хороший парень — думала Елина — честный, порядочный, терпеливый. И не сноб. Что то у неё последнее время снобизм вызывал всё больше отвращения.

Вечера проходили относительно спокойно. Пару раз присылали письма от соседей, приглашали в гости и желали зайти сами, но барон вежливо отказывал, ссылаясь на ремонт.

Фру Ларт похвасталась, что про накидку с мехом спрашивала даже сама виконтесса Соми.

Рабочих тоже несколько раз расспрашивали кучера и лакеи из соседних домов.

Семья явно вызывала любопытство окружающих.

До бала осталась неделя. Елину слегка лихорадило. Всё, совершенно всё готово, начиная от платья и костюма барона и заканчивая туфельками и украшениями. Она уже несколько раз отрепетировала прическу с Лютой. У той оказались весьма ловкие ручки. И всё равно ей было страшновато.

Ремонт почти закончился, горничным стало полегче и можно больше не нанимать приходящих помощниц, которые ежедневно вывозили всю строительную грязь.

Стол в доме барона был достаточно разнообразен, фру Ларт обсуждала с баронессой меню и прекрасно тушила овощи. Санчо пробовал капризничать, но лер Терос быстро прекратил это. Гувернер оказался достаточно умным человеком, что бы стать авторитетом для воспитанников. Он вообще тихо радовался, что так повезло с местом. Относятся уважительно, никто не морщится на его бедность и не равняет со слугами. Оплата выдается еженедельно и вызывает радость и надежду, что когда мальчики вырастут, он сможет на сэкономленные деньги купить себе домик и открыть школу для юнцов. А уж костюм, сшитый ему домашней портнихой баронессы — просто шикарен. Белье ежедневно чистое, комната теплая и уютная. А стол — необычный, да. Но, все свежее, вкусно и даже эти странные овощные сборки, пожалуй стоят внимания.

Через несколько дней Санчо и сам с удовольствием ел свежие салаты, а Елина не пожалела времени и рассказала баронету о всех проблемах, которые могут появиться без баланса в питании. Санчо впечатлился. Он видел, с каким вниманием прислушивается к мнению Елины барон, причем — по любым вопросам. А мнение барона было для него важнее всего на свете. Ну, а Гантею к овощам было не привыкать.

— Елина, ты часто нервничаешь. Что-то случилось?

— Нет, я просто боюсь бала.

— Думаю, тебе совершенно нечего опасаться. Ты прекрасно танцуешь, я видел твое платье — ты будешь восхитительна.

— Глен, а принято делать подарки в таких случаях?

— Да, дорогая. Не все подарки принц посмотрит, только некоторые, остальные будут сложены и часть уйдет в казну, часть передарят. Наш подарок принц будет смотреть. Это большая честь. Но у меня хранится старинный меч работы мастера Лоя, на который давно облизывался его высочество. Он собирает коллекцию старинного оружия и будет рад такому сюрпризу.

— А что будут дарить другие?

— О, самые разные вещи. Оружие, дорогие ткани, редкие вина из Шику, Сарандана и Гальского королевства. Возможно — часы, сейчас это модно. Чеканные кубки из золота. Женщины будут дарить гобелены и вышивки. Женщина может подарить только то, что сделала сама, ну, или с небольшой помощью портнихи и горничной.

— Дискриминация какая! Но наш подарок не будет выбиваться из ряда остальных?

— Пожалуй — нет.

— Хорошо. Кстати, привезли деньги от торговца, ну, от того, кому мы сдали фарфор на продажу. Куда вы обычно убираете их?

— В моей комнате есть сейф, оставь себе на расходы, остальное лучше убрать.

— Да. Он готов подписать документы на то, что бы быть нашим единственным

продавцом и предлагает процент даже больше, чем прежний. Как ты думаешь?

— Очень положительно. Нам придется существенно тратиться на мальчиков. Жизнь в городе дорогое удовольствие, так же как и оплата обучения. Кроме того, Гантею стоит продолжать уроки верховой езды.

— А Санчо?

— Ну, он держится значительно лучше, и, Елина — это дорого. Я, если честно, даже не знаю, в каком состоянии сейчас дела в Гарде. Это мой город, рядом с которым и находится поместье. Еще там есть несколько деревень. Управляющий, фром Бюве, должен за ними присматривать. А вот за город я беспокоюсь. Мэр, рейв Лун, служит очень давно, но он стар. Справляется ли он?

— Глен, у нас хватит денег. По приезду в поместье я собираюсь набрать в твоём городке или что там у тебя? Деревня? Да, так вот, я собираюсь набрать учеников, и посадить мальчиков мастерами. Пусть они научат. И потом им можно не беспокоиться об оплате и дальнейшей жизни. Секрет мастики знаю я, Гантей и Морна. Если тебе интересно — потом покажу. Но готовить мастику я смогу практически в любых потребных количествах. Пусть покупают. А часть я буду складывать на корабль для Гантея. А ты сможешь доходы с баронства откладывать для Санчо. Деньги лишними не будут.

— Ты потрясающе практична, дорогая. И так же странно безразлична к деньгам.

— Деньги сами по себе не стоят даже глотка воздуха. Без воздуха я умру сразу, а без денег — нет. Я успею их заработать. Но просто бессмысленно копить мне скучно.

— Еля, у меня есть одно предложение, но тут, пожалуй, решать тебе.

— Любопытно.

— Ты можешь преподнести принцу отдельный подарок. Так иногда делают — женщины дарят что то, что сделали сами.

— Ты имеешь в виду "Морину"?

— Нет, Еля — барон улыбнулся.

— О, но зачем принцу фарфоровые украшения?

— Нет, дорогая, не украшения.

— Я не понимаю. — Елина растерялась

— А ты подумай — барон явно веселился. — Я просто уверен, что это произведет фурор на балу.

Все утро Елина ничего не могла делать — любая работа валилась из рук. Вечером — бал. Уже сегодня. Прямо сегодня вечером, спаси Единый! У неё тряслись руки. Она представляла, как заходя в зал она спотыкается и падает...

— Госпожа, барон просил вас зайти к нему.

В комнате Глена было тихо и спокойно, потрескивал огонь в печи, на столе дымился чайник и лежали любимые пирожные Елины.

— Садись, дорогая. Я думаю, нам стоит поговорить. А пока — барон достал потертую шкатулку с вишневым ликером и налил рюмку. — Выпей это как лекарство.

Елина послушно глотнула и не почувствовала вкуса.

— Елина, пойми, дорогая. Даже если случится самое-самое страшно, и ты наделаешь глупостей — тебе не грозит ровным счетом ни-че-го. Ты — личная гостья короля. Понимаешь? пусть даже что-то пойдет не так — мы уедем в поместье и забудем всё как дурной сон. Но я точно знаю, что ты станешь звездой этого бала. Поверь мне. Всё же, мне приходилось бывать на таких сборищах не раз. Там танцы, легкие закуски, флирт и толпа бездельников. Они бесятся со скуки и обожают все необычное и оригинальное. Я просто не могу себе представить женщину необычнее тебя. Ты будешь в центре внимания и они все начнут тебе подражать. Твоей прическе, платью, украшениям. Ты можешь весь вечер молчать и улыбаться и все равно они будут чувствовать, что — проиграли. Тебе не нужно стараться сразить их, ты, такая как есть и так чудо. Так что будь добра, выпей со мной чаю.

Нельзя сказать, что это полностью успокоило Елину, но трясучка прошла, а после чашки крепкого чая и пары булочек она почувствовала себя значительно лучше.

— Спасибо, Глен. Всё же мне было страшно.

— А сейчас?

— А пожалуй — не очень! Мне любопытно, но не страшно. Сейчас полдень, мне пора принимать ванну, сушить волосы. И потом я хочу немного отдохнуть.

— Ну вот и всё, солнце моё. Иди, отдыхай и помни — ты просто чудо!

Ванна была готова, мягкие руки Люты промыли волосы. Елина так расслабилась, что даже немного подремала в ванной. Люта свила из влажных волос слабую косу, что бы не торчали во все стороны, когда высохнут и погасила в спальне свет.

Проснувшись Елина в прекрасном настроении. Напевая: "Хоть поверьте, хоть проверьте, но вчера приснилось мне..." — она уселась у зеркала и отдалась ловким рукам Люты.

Быть красивой — трудоёмкое занятие.

Елина смотрела на себя в зеркало. Отстраненно, как на постороннего человека.

Аккуратно подщипаны брови, четкая форма очень ей к лицу. Краситься она не стала — и брови и ресницы достаточно тёмные, а местной косметике она не слишком доверяла. Матовая золотистая кожа. Загар сильно побледнел за последние два месяца. Волосы уложены в пышную причёску, совсем не так, как здесь носят. Чем-то напоминает знаменитую "Бабетту". При её волосах даже начес не нужен, глупо этим не пользоваться. Крошечная диадема в форме короны по центру причёски. Там, где на "Бабетте", обычно, был бантик.

Платье — серебристая парча без рисунка. Совсем без рисунка, но вся искрит и играет. Плотный корсаж строго по телу, немного открытые плечи и пышная юбка в пол. Без рюшей,

воланов и отделки. Интересен сам крой юбки — она заложена широкими свободными клиньями-складками, расширяющимися к низу. Нет ни кринолина, ни кучи нижних юбок, ни фижм. Форма держится только благодаря крою и плотности ткани.

По изящным ключицам вьется ожерелье. Чёрное. Черный цвет — показатель статуса. А вместо камней вставлены серебряные полированные капли. Они зеркально отражают всё вокруг, переливаются при малейшем движении. Парные браслеты на тонких запястьях. Серьги пришлось одеть гвоздики. Просто серебряные капли в черном металле. Не хотелось избытка украшений. Мэру надо знать.

Так странно чувствовать себя маленькой принцессой. Нет, она и раньше знала, что ей досталась вполне симпатичная внешность. Но знать и видеть — разное. Неограниченный бриллиант — тоже бриллиант, но его красоту сложно угадать.

В дверь постучали. Люта метнулась и впустила барона.

Глен подошел и встал рядом, так они и отразились вдвоем в огромном овальном зеркале с резной рамой — как прекрасная пара на старинном портрете.

Елина постаралась на славу. Костюм Глена — черные узкие кожаные брюки, высокие сапоги, колет из такой же ткани, как и её платье, но с черной бархатной отделкой. Белоснежная романтичная рубашка с элегантными кружевными манжетами и жабо заколото изящной черной прямоугольной брошью с таким же рисунком и вставками, как и в её парюре. Простая шпага в кожаных черных ножнах отделанных серебром — на перевязи.

Глен поцеловал ей руку.

— Теперь ты видишь, дорогая, что тебе совсем нечего бояться?

— Да.

Он накинул ей на плечи длинную меховую пелерину — вечера уже были холодные и протянул руку.

— Прошу вас, баронесса, карета ждет.

Карета действительно ждала — карета с королевскими гербами на дверках. Черная с золотом. Красивое сочетание. Охрана оставалась дома, их сопровождали только капитан отряда и два солдата — везли подарки.

Королевский дворец светился — весь нижний этаж был окрашен снаружи. Четыре высокие башни по краям трех или четырех этажного здания, на первом — окна в пол, музыка звучит внутри. Перед ними вереница карет. Длинная очередь движется небольшими рывками. Карета останавливается у ковровой дорожки, ловкие лакеи помогают выбраться всем гостям, карета отъезжает. Рывок — очередь сместилась. Гостей провожают в огромное фойе лакеи в форме. Достаточно быстро подошёл их черед.

Внутри горел огонь в каминах, сновали горничные в униформе, слуги приезжих стояли вдоль одной из стен у входа в бальный зал — держали в руках свертки, шкатулки и тюки. Подарки на день совершеннолетия. Одна стена полностью зеркальная, но к ней не протолкнутся — там всё оккупировали дамы и девушки.

Громогласный голос мажордома

— Барон и баронесса Каргер!

Не торопясь, опираясь на руку мужа, мелкими шагами, как репетировала...

Со стороны казалось — девушка плывет.

Сзади идут охранники, на вытянутых руках — сверток с мечом и что-то большое, упакованное в густо-бордовый шелк.

По длинной ковровой дорожке до сдвоенного трона в конце. Это — король и королева. Они оба в черном с золотом. Не старые, лет по сорок, не больше, королеве так и не больше тридцати. Ну, конечно больше, но Елина так и не отвыкла от примерки к земному возрасту.

Правую руку к сердцу и синхронный поклон от мужа и жены их величествам. Второй поклон — такой же синхронный — в сторону стоящего у трона юноши. Это — принц, прекрасный, как ему и положено. Черный с алыми вставками костюм, крепкая фигура, высокий рост, шатен с волосами собранными в косу или хвостик.

Страха Елина не испытывала. Скорее — некое легкое оцепенение. Казалось, что все гости и их Величества где-то там, за стеклом. А здесь — только она и Глен, стоящий на пол шага сзади неё. Это его крепкая рука удерживает Елину в реальности. Длинный-длинный стол, на котором уже лежат какие-то подношения, всё яркое, цветное, поблескивает камнями, тонет в густых складках упаковочного шёлка.

— Ваше величество, позвольте преподнести его высочеству подарки от меня и баронессы?

Глен дождался кивка и охранники синхронно положили на стол длинный меч в отрезе бирюзового шелка и огромный бордовый сверток.

Глен развернул меч. Принц улыбнулся, слегка наклонил голову.

— Спасибо, барон. Вы знали, чем меня порадовать и я благодарен.

Второй подарок Елина должна развернуть сама. Ничего страшного — дома все репетировали.

Она выдернула из ткани три скрепляющие булавки и шёлк схлынул вниз, оставив густой мех мерцать под светом горящих панелей.

Король слегка нахмурился и принц выглядел растерянным.

— Глен, ты же знаешь правила! Зачем это нарушение? — говорил король очень приглушенно, так, что бы слышали только те, кто стоит непосредственно у трона.

В зале моментально затих гул голосов. Не всем было понятно, в чем заминка, но всем было любопытно, о чем говорит его величество.

— Ваше королевское величество, я не понимаю, в чем нарушение? — барон был серьёзен и непроницаем.

— Подарок женщины должен быть сделан ей самой. Ну, Глен, вышила бы баронесса носовой платок или там подушку. Ты же знаешь наших блюстителей — будет скандал и от меня будут ждать порицания в твой адрес.

— О, ваше королевское величество, но этого зверя баронесса убила сама. Конечно, ей помогли выделывать шкуру...

Глаза короля округлились, а принц, в нарушение всех правил этикета сбежал со ступеней и подошел к столу с подарками.

— Барон, это шкура сварга!

— Да, ваше высочество, совершенно верно — это шкура сварга. — Глаза барона искрились смехом.

— И вы утверждаете...

— Ваше высочество, свидетелем этого был капитан Легран. Думаю, вы его прекрасно знаете. Да и баронет Фиш может это подтвердить.

Наконец всё высочайшее семейство перестало глазеть на шкуру и уставилось на Елину.

Красавец принц поцеловал ей руку и заглядывая в глаза произнес:

— Баронесса, я восхищен вами!

Открывал танцы его высочество принц Рэйм в паре с очаровательной баронессой Каргер.

Первые па они делали в гордом одиночестве, в центре зала, потом начали присоединятся другие пары.

Танец не был сложным, никаких особых телодвижений, поклоны, движения рук чем то напоминающие детские "ладушки", следующие танцоры пристраивались за ними и образовывали что-то вроде детского "ручейка". Все дамы по одну сторону, все кавалеры — лицом к ним. Через несколько па происходила смена партнеров. Это не слишком способствовало беседе, так что все просто обменивались улыбками.

Все дамы без исключения, блистали в ярких туалетах отделанных канзаши. Елина про себя улыбнулась. Судя по всему дела у фру Калерии шли прекрасно. Ну, не зря она сразу же решила перевезти своих мастериц из Варуса в столицу. Цветы канзаши были на поясах, на подоле, ожерельями по горловине, даже на мужчинах встречались такие броши на поясе. С ума сойти.

Ничего особенно трудного в местных плясках Елина не находила, ну, и слава Единому. А вот после танца партнер не вёл сразу же даму на место. Этикетом ему было отпущено примерно пять-десять минут на лёгкую беседу и флирт. И уж тут его высочество не упустил своего.

— Баронесса, вы не назовете мне своё имя?

Ну, как-то сложно возражать принцу.

— Меня зовут Елина, ваше высочество.

— Нет-нет, драгоценная, зовите меня просто Рейм. Такая потрясающая девушка, как вы, имеет право на некоторые вольности.

— Это приказ, ваше высочество?

— Конечно нет, Елина, это моя нижайшая просьба.

А вот не на ту нарвался. Елина прекрасно оценила этого красавца. Явно не знает отказа от местных дам-с... Такому дай палец — откусит руку. Нет, она его даже не осуждала, молод, очень красив, принц. Понятно, что на шею ему вешаются пачками. Но ей то эти радости совсем не нужны. Ну что же, ваше высочество. Поиграем...

— Я вынуждена вам ответить — нет.

Принц был явно растерян. Ну, понятно, к отказам он не привык.

— Но почему, Елина? Такая привилегия дается не всем.

— Ваше высочество, а мне и не нужна такая привилегия. Посудите сами, вопреки протоколу вы пригласили на первый выход не одну из девушек высшего общества, а заезжую баронессу. Да меня растерзают уже только за это. И разговоры, пачкающие имя моего мужа мне не нужны. Мы слишком долго беседуем, ваше высочество. Пожалуйста, отведите меня на место.

— Пожалуй, барону повезло даже больше, чем я думал в начале.

Приятный парень. Понял, что она не настроена на флирт и не настаивает.

Барон стоял в окружении небольшой толпы. Старые знакомые, и дамы и кавалеры, наперебой пытались выяснить, где и кто шил им бальные костюмы. Барон улыбался и отшучивался, что этой семейной тайной владеет только баронесса.

Принц усадил Елину в маленькое кресло, снял с подноса проходящего лакея бокал с вином и тарелку с крошечными пирожными. Бокал вручил Елине, тарелочку — какому-то уляпанному объемными цветами кавалеру и, подхватив барона под руку увел его к окну, на противоположную сторону зала.

Елина струсила — ласковые взгляды голодных акул — вот что ей почудилось. С десяток дам и кавалеров стояли вокруг. Соседние с ней кресла были свободны. Рядом с ней присела молодая, очень красивая дама в алом платье с черными цветами, оглядела ее, как огородник сорняк, улыбнулась и представилась:

— Графиня Люви.

Здесь этикет вполне допускал такие вольности. Но знакомиться могли только те, чей статус выше с нижестоящими и никогда — наоборот. А дама была необычайно хороша. Не как Елина, совсем другой типаж.

— Баронесса Каргер. — Елина улыбнулась и приготовилась быть милой и любезной.

— Очаровательное платье, милочка.

Ах ты ж, язва... Ну, будет тебе сейчас — "милочка"

— Рада, что вам нравится, дорогуша... — повернувшись спиной к нахалке Елина пальчиком поманила щеголя с тарелкой поближе к себе.

Не торопясь съела пирожное, запила глотком вина. Не поворачиваясь лицом к графине раскрыла черный кружевной веер и обмахнулась. Графине нужно узнать, где сшито платье — вот пусть она и подстраивается. Хотя сидеть полу-боком в кресле было не слишком удобно. Но ничего, ради хорошей цели можно и потерпеть. Принц с бароном о чем то разговаривали у окна. Далековато, случись что — Глен может и не успеть. Рядом останавливаются еще мужчины. Вот разговор прервал юноша, которого отправил король. Принц выслушал, досадливо кивнул и пошел приглашать на танец какую-то красавицу. Барон шел к ней.

— Дорогая, надеюсь ты не скучала?

— О нет, здесь такие вкусные пирожные, ты же знаешь, как я люблю сладкое.

У графини лопнуло терпение.

— Бароон, о чем это вы так долго беседовали с принцем? — голос был глубок и игрив. — Вы не хотите пригласить меня на танец? Здесь так тоскливо и совершенно не с кем танцевать. — она кокетливо улыбнулась.

Кавалеры вокруг нее загомонили с наигранным возмущением.

— Мне жаль, прекрасная мадам Люви, но первый танец я буду танцевать с женой.

На щеках графини вспыхнули пятна — она явно не привыкла к отказам.

Еще один выход на танцпол. Елина выдохнула. Как хорошо, что рядом с ней Глен, спокойный и надежный как скала.

— Баронесса, я рад вас видеть! Вы совершенно восхитительны сегодня!

— Виконт Легран! Я тоже вам рада.

— Вы обещали мне танец. Господин барон, вы позволите?

Глен улыбнулся и кивнул.

Сложно сказать почудилось Елине или нет, но что то было личное, затаенное в дежурных комплиментах Леграна. Хотя он вел себя более, чем достойно. Никаких намёков и попыток дотронуться.

После танца, поцеловал руку и сразу проводил к мужу.

Еще один танец с красавцем который насмешил Елину. Он бросал на нее "пламенные"

взгляды, смешно шевеля бровями при этом. Он явно считал себя совершенно неотразимым сердцеедом. Виконт какой то там... Имя Елина не запомнила.

Следующий — граф, солиден, грузен, величествен. даже не понятно, зачем пригласил танцевать. Молчал, сопел, сразу отвел к Глену.

— Елина, хочешь вина?

— Глен, а нельзя просто воды?

— Сейчас принесу, дорогая! Передохни, я быстро.

Компания во главе с графиней Люви вернулась и устроилась на соседних креслах. Разговор велся достаточно громко, явно с расчетом на то, что Елина услышит. Говорили все разом, но ведущая партия была за графиней.

Елина сидела к ним спиной, но голоса уже узнавала.

— Говорят, что он подобрал ее в какой-то дикой деревне, она дочка нищего. Папаша был так беден, что не смотря на дворянство у них даже не было прислуги! И, ну вы же понимаете, естественно, она не получила никакого образования! У нее отвратительные манеры! Какой моветон! — Это Люви.

— Ну, ее туалет и ее танец с принцем говорят об обратном. — Это кто-то из мужчин.

— Фу, баронет, что за дурновкусие? Ей просто повезло найти хорошую портниху, не более! — подруга Люви, маркиза, имени Елина не помнила.

— Вы, Лиззет, должны обратить внимание на её украшения. Я бы не стал обвинять бедняжку в том, что она простовата. Все же вкус у неё не отнять. — А вот это — дама у которой мелкие косички были собраны в два забавных рожка, как у декоративного чертика. Очевидно, не всё так гладко в компании прекрасной графини. Эти слова — явно шпилька от соперницы.

— А её прическа? Нет, вы видели этот пучок волос на макушке? У моей горничной и тс более модная! — Это снова Люви. — Я думаю, при её серой внешности большая удача выйти даже за такого старика, как барон! Бедная девочка, мне ее жалко!

"Да что б ты, гадюка, собственным ядом подавилась!" — подумала Елина. Нужно встать и дать отпор, сейчас она так и сделает. Подождет минутку, пока схлынет спазм в горле и встанет.

— Представляете, его величество так благоволит барону, что даже закрыл глаза на вопиющее незнание ею правил приличия! Вы видели ее подарок принцу? Это же просто наглость! Это непристойно! — А это приятель баронета, мелкий хлыщ в бантах. У него даже на шпаге был цветок канзаши.

— Ну, маркиз Лизо, я не вижу в этом ничего непристойного. Но я могу вам открыть тайну, почему его величество не увидел в подарке дурного. — Спаси Единый, это же Легран! Неужели он тоже...

— Всё дело в том, что шкуру этого сварга баронесса Каргер добыла сама. Когда спасала жизнь лейтенанта Фиша. Кстати, Лизо, а сколько шкур сварга добыли вы? Он, знаете ли, довольно опасный хищник.

Ответом Леграну была гробовая тишина.

— Простите, дамы и господа, я вынужден откланяться. Честь имею!

Виконт Легран подошел к Елине и довольно громко спросил:

— Баронесса, не подарите ли вы мне танец? Оставлять скучать самую привлекательную женщину на балу — ужасно легкомысленно со стороны барона! Я просто обязан воспользоваться таким удачным моментом. — и улыбнулся, протягивая руку.

Он вел её в середину бального зала.

— Спасибо вам, виконт.

— Полно, госпожа баронесса. Расстраиваться из-за стаи голодных криссов — это верх легкомыслия.

Глен уже ждал её со стаканом воды, но его опередил лейтенант Фиш, выпросив танец на правах знакомого. Отказать Елина не сумела.

— Баронесса, я счастлив вас видеть. И это не преувеличение.

— Я рада, что вы поправились, господин лейтенант.

— К чему такие формальности? Зовите меня Джем.

— Не стоит давать поводы к сплетням. Отведите меня к мужу.

— Елина, вы же понимаете, что я не последний идиот. Я вижу, что ваш брак — фиктивный. Более того, я жалею, что на месте барона не оказался я. Он стар и он болен. Подумайте об этом.

Вот если человек в чем-то моральный урод, то, как правило, он во всем такой!

— Господин лейтенант, проводите меня к мужу — голос Елины стал ледяным.

— Елина, не горячитесь! Я готов ждать сколько вам нужно! Только позвольте видеться с вами и разговаривать. Я богат и холост, я принадлежу к одному из старейших родов королевства. Я не урод, в конце концов!

— Вы понимаете слово — "нет" — господин лейтенант?

— Баронесса, я похищаю вас у вашего кавалера! Как виновник торжества я имею право на маленькую прихоть!

— Ваше высочество! — баронет встал по стойке "смирно".

— Вы свободны, лейтенант, я сам провожу даму!

— Ваше высочество, я устала и не хочу танцевать. — Елина уже откровенно злилась. Совсем не так она представляла себе бал.

— Госпожа Каргер, мне показалось, что вам неприятен разговор?

— Пожалуй — да.

— Тогда подарите мне еще один танец и мы пройдем к королеве. Её величество просила пригласить вас.

— Присаживайтесь, баронесса.

— Благодарю, ваше величество.

Королева сделала легкий жест рукой и все придворные отошли на приличное расстояние.

— Вы первый раз на балу?

— Да, ваше величество, и хочу сказать — бал просто великолепен.

Королева рассмеялась.

— Милая баронесса, вы думаете, я не знаю, как грызут и кусают молодых и красивых эти злобные криссы? Но я рада, что у вас нашлись защитники. И капитан Легран и лейтенант Фиш — достойные войны. Они не дадут женщину в обиду. Но я хотела поговорить с вами не об этом. Скажите, баронесса, где вы заказывали украшения.

Уууупс...

Надо что-то отвечать. Елина мялась, чем вызвала подозрения королевы.

— Вы хотите сохранить имя мастера в тайне? Ну что ж, не могу вас неволить...

— Ваше величество, простите меня.

— В чём дело, баронесса?

— Эти украшения недостойны вас. Это простая медь.

Королева смеялась до слез.

— Баронесса, вы неподражаемы и восхитительны! Весь зал до последнего лакея обсуждает ваш туалет, прическу и "редкостные драгоценности"!

— Мне просто показалось, что такие украшения больше пойдут к этому платью, чем золото.

— Баронесса, у меня к вам личная просьба, надеюсь, вы мне не откажете.

— Всё, что в моих силах, ваше величество!

— Кто-то ещё знает об этой маленько тайне?

— Мой муж. Больше я никому не говорила.

— А вставки? Что за интересные блестящие камни?

— Это полированное серебро. Они кажутся яркими просто потому, что оправы черная.

— Вы не могли бы заказать и мне такой комплект? И сохранять этот прелестный секрет и дальше?

— Простите, ваше величество, вы будете его носить?

— Обязательно! И пусть все дамы обзавидуются. Главное — никому не говорите.

У королевы явно было прекрасное настроение.

— Я постараюсь сделать это как можно быстрее.

— И, если вам не жаль, баронесса, адрес вашей портнихи.

— Тут немного сложнее, ваше величество. Это платье я придумала сама. Но если вы пришлете ко мне в дом вашу портниху — я охотно научу её.

— Я буду помнить вашу любезность, баронесса. Через два дня я пришлю мастерицу. Вы можете идти.

Елина поклонилась и отошла. Сил не было от слова "совсем". Но к ней уже спешил Глен.

— Домой?

— Да!

Это был долгий и трудный бал.

С утра Глен не вышел к завтраку. Проследив, чтобы мальчишки плотно перекусили перед занятиями Елина велела подать чай и булочки в их общую гостиную и отправилась к мужу.

Вообще то, за мальчишками можно было и не следить — аппетит у обоих был прекрасный. С тех пор, как они стали заниматься в школе верховой езды и ходить на уроки танцев накормить их досыта было почти нереально. Они готовы были жевать всегда и везде. "Растут, скоро они из угловатых подростков станут очень симпатичными юношами. Хотя, пубертатный возраст предполагает некоторые сложности. Пожалуй, стоит обсудить это с Гленом. Впереди у мальчишек первые любви и прочие стрессы." — Елина улыбалась собственным мыслям.

В их гостинной Глена не было. В кабинете — тоже. Немного поколебавшись, Елина постучала в дверь его спальни. Открыл Отто — новый камердинер Глена, толковый и расторопный юноша.

— Господин барон занят, просили не мешать — и закрыл дверь у нее перед носом.

Елина растерялась. Никогда Глен не жалел тратить на неё время, всегда был доступен для любых разговоров. И потом, это же спальня, а не кабинет, где он мог читать или заниматься бумагами, ну, всем тем, чем мужчины занимаются обычно. Немного походила по гостиной, села, выпила чашку чая. Булочки есть не стала — они были для голодного Глена, а она и так прекрасно поела. Омлет с помидорами — более, чем сытный завтрак. Нужно будет сделать небольшой подарок поварихе — она замечательно готовит.

— Что же делать-то?

Она никак не могла решиться — то ли оттолкнуть слугу и пройти, то ли ждать новостей тут. Может быть ему плохо? Может быть у него как раз приступ болезни? Эта мысль сильно взволновала. Надо немедленно узнать, просто постучать и отодвинуть Отто. В конце концов она леди и хозяйка дома. Он не посмеет сопротивляться. Она встала, решительно подошла к дверям спальни и подняла руку... Но в последний момент не стала стучать.

— Я веду себя как истеричная девочка. Если у Глена приступ — это его право закрыться. Нельзя насильно облагодетельствовать человека. Нужно просто подождать, когда приступ кончится и поговорить с ним. В конце концов показывать свои слабости любят не все, не стоит ломиться в дверь — нужно ждать. Я не врач, я не смогу моментально снять приступ боли или вылечить. Значит буду ждать. Когда ему станет легче — я просто поговорю. Если это болезнь — то приступ не первый и не последний.

Помоги, Единый, если ты существуешь.

День прошел отвратительно, Елина все путала и, отдав приказ, тут же забывала, что и кому сказала. Плакала втихаря у себя в спальне, но к обеду вышла с совершенно обычным лицом — помогла холодная вода и огуречный компересс на веки — мальчишки ни о чем не догадались. Ну, у них слишком плотно расписан день, им некогда думать о всяких странностях. А вот прислуга что-то подозревает. Все ходят тихие, кидаются выполнять любое её поручение и стараются заглянуть в глаза. Ну, да, в отсутствии Глена — она главная в доме. Это нужно учесть и взять себя в руки. Но ожидать новостей из запертой комнаты было очень тяжело. Отто выходил их комнаты несколько раз. Ни с кем не разговаривал, на вопросы не отвечал, потебовал заварить какую-то смесь трав, второй раз унес в комнату кувшин чистой кипяченой воды — по приказу Елины в кухне всегда стоял запас и пить

позволялось только такую. И еще унес поднос еды. Кормили прислугу почти так же, как и господ, но вот жареный с баккой брюк Глен не любил. Елине же брюк больше всего напоминал по вкусу грибы и она заказывала его к столу достаточно часто. Но это значит, что еду Отто брал для себя.

Утром её разбудил стук в дверь. Спала она отвратительно, просыпалась несколько раз, засыпала и снова падала в какую-то тяжелую темную мусть.

— Елина, дорогая, ты проспичь завтрак.

Глен! Елина подскочила на кровати и зазвонила в колокольчик — ну где же Люта? Что она так медлит?

Собралась она в рекордные сроки.

Завтрак протекал как обычно. Немного хвастались успехами мальчишки — Чук и Гек учили команду — "взять". Занудным голосом поправлял Гантея лер Торос. Его замечания были как всегда — скучны, но справедливы. Все же отличный он гувернер. Этим шалопаем такой педант и нужен. Стоит добавить леру зарплату.

Барон с аппетитом ел, выпил утреннюю кафу. Всё как всегда. Может, был чуть бледнее, чем обычно. А моежет и показалось. Никаких явных следов болезни Елина не видела.

— Глен, у меня накопились вопросы по хозяйству, мы сможем поговорить?

— Конечно, дорогая. Приходи в кабинет после завтрака, мы решим все эти мелочи — барон улыбнулся Елине и у неё немного отлегло от сердца.

— Глен, я приказала принести чай.

— Я с удовольствием выпью с тобой чаю, дорогая.

Подождали, пока Люта накроет столик. К этому времени в кабинете барона появилось очень удобное место для бесед. Недалеко от печки, два мягких кресла набитых конским волосом. Елина вспомнила о таком виде набивки и решила попробовать. Глен обожал своё. Мягкая спинка, мягкое, но упругое сидение, даже подлокотники — мягкие и широкие. Очень уютно. И совершенно потрясающий чайный столик. Черный как смоль, лаково блестящий. Очень дорого смотрится. Елина добавила в обычный лак сажу, а когда добилась нужного цвета — приказала покрыть столик еще двумя слоями простого лака — что бы не пачкал. Получилось и в самом деле красиво. Белый фарфоровый сервиз из империи смотрелся потрясающе роскошно на черном фоне.

— Глен, что это было?

— Болезнь, Елина. Я не собирался тебя пугать, прости. Нужно было поговорить раньше.

— Почему Отто не пустил меня в комнату?

— Потому, что ты ни чем не сможешь помочь, но будешь мучаться глядя на чужую боль. Ты, хоть и кажешься рассудительной и строгой, на самом деле очень сострадательный и мягкий человек. Ты будешь чувствовать эту боль, как свою. Кроме того, во время приступа я принимаю обезбаливающее.

Оно немного помогает, но сильно мутит сознание. Его действие около десяти-двенадцати часов, в это время я не совсем в себе. Зачем тебе видеть это? Отто прекрасно справляется и я запрещаю тебе заходить, когда я болен.

— Я ни чем не могу помочь? Совсем?

— Нет, дорогая.

— Ты обещал познакомить меня с врачом, забыла, как его зовут.

— Вир Сайрус. Если тебе интересно, я приглашу его завтра к обеду.

— Лучше к ужину.

— Почему?

— С утра придет портниха её величества, я буду занята с ней весь день.

— Хорошо, дорогая. Скажи мне, Еля, ты хочешь остаться здесь, бывать при дворе или у тебя другие планы?

— Глен, мы же собирались посетить твоё поместье и жить там! Что-то изменилось?

— Я подумал, что если бы ты захотела — то мы могли бы остаться и здесь. Ты имела успех при дворе, ты сможешь посещать дворец и возвращаться в свете. Грай прислал мне вчера записку, я прочитал её сегодня утром. Королева в восторге от тебя. Если ты захочешь — мы легко получим приглашение на маленькие ужины и прочие развлечения семьи. Даже его высочество отзывался о тебе уважительно, а это, поверь мне, большая редкость. Юноша не по возрасту циничен. Подума, ты можешь блистать в любых нарядах и завести модных молодых и интересных подруг и поклонников. Для женщин всё это так важно.

— Нет уж, благодарю, господин барон за столь лестное предложение, но позвольте скромной баронессе удалиться в своё поместье. — Елина засмеялась. — Глен, ну неужели ты думаешь, что стать частью такого змеинного клубка и делать гадости графине Люви, заметь — взаимные гадости! — это такое уж большое счастье? Я думаю, нам стоит закончить дела в столице и побыстрее уехать. Бал раз в год — это даже забавно, но каждый день — упаси, Единый!

— Я смотрю на тебя и жалею, что Люцилла так и не родила мне дочь.

Следующие дни прошли в сплошной суматохе.

С утра прибыла фру Вёрн, маленькая, элегантная, сухопарая дама в возрасте. Пожалуй, ей уже было за сто, хотя больше тридцати по земным меркам и не дать. Но взгляд — внимательный. Фру сопровождали две помощницы, расторопные, услужливые, молодые. Держалась фру Вёрн несколько надменно, ей явно было сложно представить, что есть что-то, что она не знает о моде. Нет, безусловно, она внимательно выслушала все охи и причитания фрейлин королевы о "потрясающем, чудесном и необыкновенном" платье какой-то там провинциальной баронессы. Но она шила королеве уже больше сорока лет и прекрасно знала, как придворные могут раздуть какую-нибудь модную глупость.

— Могу я попросить вас, госпожа баронесса, одеть платье? Мне хотелось бы понять, что вызвало интерес её величества.

— Присядьте, фру Вёрн, пока я переодеваюсь вы успеете выпить чаю или кафы.

— Благодарю.

Цира суетилась, накрывая на стол. Ну-ка, сама портниха самой королевы, любопытно-то как — страсть просто! Лута, вторая горничная, тоже старалась помочь — притащила с кухни столько вкусняшек к чаю, что спокойно хватило бы не для трех хрупких женщин, а на половину футбольной команды. Елина улыбалась и не возражала. Пускай! Не так много у горничных развлечений, для них такие визиты — почти как сериал для пенсионерки — маленькое приключение. Наконец фру с помощницами была уютно устроена и Елина пошла переодеваться.

Подарок для королевы она уже приготовила. Так как серебряные вставки она заказала сразу во все украшения, то быстро собрала полную парюру для её величества.

Диадема, фероньерка, парные браслеты, броши — две, разной формы, но в одном стиле, два комплекта сережек — гвоздики и шандельеры, четыре разной формы перстня, два ожерелья и шпильки. Она поговорила с Гленом и собрала три разных комплекта украшений из фарфора. Всё вместе она упаковала в красивую большую шкатулку, за которой Глен лично съездил в магазин и вложила туда записку.

"Ваше Королевское Величество!

В благодарность за чудесный бал нижайше прошу принять от меня на память эти безделушки. Хочу предупредить, что украшения из фарфора такого же качества, как и те, что вам понравились. Партия таких была распродана быстро, но, раз их не было на ваших подданных на балу, то следующую партию я пришлю в город не раньше, чем через три-четыре месяца. Надеюсь, за это время, они успеют доставить вам удовольствие.

С безграничным почтением, преданная Вам баронесса Каргер". Прилила записку сургучем и в первый раз оттиснула свою личную печать.

Ну вот, если даже кто-то рискнет сунуть нос в записку, он ничего не поймет. А вот королева будет осведомлена о том, что "фарфор" — не драгоценность, а бижутерия. И уж ей самой решать, носить такое или нет. А если она будет носить, в чем Елина и не сомневалась, то на следующую партию она прилично взвинтит цены. Реклама — двигатель торговли. Шкатулку она собиралась передать с помощью портнихи.

Фру Вёрн крутила Елину как куклу.

— Госпожа баронесса, как вы рассчитывали залом складки?

Уууупс...

Вот как можно объяснить, что такое число "пи" и почему на него нужно умножать объем талии?

— Фру Вёрн, если вы не против, я прикажу принести отрез простой ткани и объясню вам на практике. Когда я только пробовала сшить платье первый раз, я испортила несколько больших отрезков — я ошибалась в размерах. Но потом, опытным путём, я нашла идеальную формулу.

Ткань принесли, Елина поставила на табурет одну из помощниц фру и на ней начала показывать, что стоит измерять, как складывать ткань при раскрое, почему объем талии нужно умножить именно на три целых, четырнадцать сотых. Нужно отдать фру Вёрн должное. Она быстро схватывала и в её голосе так же быстро появилось почтение к баронессе. Елина подарила ей небольшой фарфоровый гарнитур, выслушала уважительную благодарность и они расстались довольные друг другом.

К ужину пришел вир Сайрус.

По имени почему-то Елина представляла себе высокого и крупного господина, но вир Сайрус был мал ростом, худ и очень стар. Если барон был сухощав, но крепок телом, то вир Сайрус был ужасно тощ и его руки заметно дрожали. При ходьбе он опирался на трость. С ним пришел крепкий молодой парень, вир представил его как своего праправнука, вира Дино.

— Один из всей семьи и есть умничка. Остальным-то только глупости да развлечения подавай.

— Дед, прекрати.

— Ну вот, зачем быть стариком, если даже поворчать всласть нельзя?

Смотреть на них было приятно — видно, с какой любовью и заботой внук относится к прапрадеду.

— Вы, баронессочка, мне налейте молока и будет, это вон пусть Дино ест, у него, как у всех молодых аппетит завидный. А мне ужинать слишком тяжело уже. И не хочется ничего.

Вир Дино и правда отличался прекрасным аппетитом, на него приятно было смотреть — ел с мальчишками на перегонки. Они почувствовали конкурента, переглядывались, хихикали и дружно молотили всё, что стоит на столе.

После ужина барон сманил вира Сайруса на стопочку вишневого ликёра.

— Вот помнишь, паршивец, мои слабости! — вир расплылся в беззубой улыбке. — Ну, пойдём, пойдём, тряхнем стариной! Я, может, разгуляюсь так и две осилю! А вы, баронессочка, не обращайте внимания на мою непочтительность — я этого паршивца самолично на свет принял с помощью Единого. И все его болячки детские лечил, и синяки, и царапины... А вы вон Дино заберите, и что там хотели спросить — он вам все и расскажет.

Поддерживаемый бароном вир Сайрус ушел к нему в кабинет.

Молодой человек стал серьезен и, даже, слегка насупился.

Елина выставила вон мальчишек и, предложив виру Дино чай и сладости, приступила с вопросами.

Разговор мало её утешил. Очевидно, для медицины этого уровня вир Дино был светилом, но никакой панацеи от болезни он не знал. Порекомендовал сбор для припарок — они, якобы, замедляют рост опухоли. И все тот же наркотик, фури, который уже принимал барон. Всё. Убедило её прислушаться к мнению вира то, что он посоветовал барону вести самую обычную жизнь, на сколько хватит сил.

— Если посадить больного в кресло на колёсиках, и не позволять нагружать ногу, то, возможно! возможно, госпожа баронесса, развитие опухоли замедлится. Но опыт подсказывает, что тогда ослабнут другие органы, понизятся жизненные силы в организме, и смерть может наступить гораздо быстрее. На деятельных натур такое принуждение к неподвижности действует губительно. Очень не рекомендую.

Это было горько. Всё же, где то в глубине души, Елина надеялась на чудо. Ну, может есть какая то старая забытая магия или дорогое и недоступное супер-лекарство? Она бы смогла заработать сколько угодно. Но — нет. Придётся жить с тем, что есть.

Прощаясь, виры оба приглашали обращаться в случае нужды без стеснения.

Следующая неделя была просто создана Единым, что бы сниться в кошмарах.

После завтрака семью барона навестили соседи — маркиз и маркиза ШенО. Глен поморщился но приказал принять — Соседи, дорогая. Сама понимаешь, лучше не ссорится.

Весьма восторженная и несколько бесцеремонная дама. Оказывается, она тоже была на балу и в полном восторге от платья баронессы. Елина с большим трудом отделалась от вопросов о портном — пришлось сослаться на пожелание королевы. Мол, не советую являться в таком ко двору, пусть её высочество сама решит, с кем делиться секретом. Обои привели маркизу в такой восторг, что если бы не практичность Елины, можно было бы и упустить удачный момент.

— Дорогая баронесса, но как? Как крепятся эти дивные цветы? Я не вижу швов, ваша портниха — волшебница?

— Милая маркиза, секрет крепления не знает ни одна портниха. Но в имении барона будут делать такие обои.

— О-бо-и? Забавное название. А это можно стирать? А какие рисунки у вас могут предложить?

— Стирать можно сколько угодно, рисунок не пострадает. Альбом с рисунками находится в поместье, но я обязательно пришлю вам образцы.

Пожалуй, стоит завести каталог и, даже, подумать о собственной мастерской. Нужен человек в городе, который будет приносить альбом, снимать размеры и обговаривать рисунки. Забирать аванс и следить за качеством обтяжки. И где такого взять? Показывать свои "драгоценности" Елина отказалась наотрез. Каждый, взяв их в руки и поцарапав поймет, что это. Да, здесь пока не умеют так патинировать медь, но только потому, что никто не додумался. Стоит поставить задачу — быстренько займутся экспериментами. Оно ей надо? Нет. Глен посмеивался над энтузиазмом и вопросами гостей. Маркиз и маркиза ушли слегка расстроенные. Утешало маркизу только то, что у нее будет, обязательно будет такая же роскошная гостинная.

Немного подумав над всеми новшествами и оценив перспективы Елина села писать письмо Морне. Рассказала про бал, короля и прочее, что обязательно ей понравится. Про Гантея и его успехи. Второе она написала для Куберта. Очень подробная инструкция получения черной глянцевой мебели.

Какое именно масло нужно сжигать, почему нужен обязательно новый медный котелок, как получить чистую сажу, сколько и как разводить с лаком и прочие детали. Семья есть семья, пусть покоряют новые рынки.

Письма барон обещал отправить с королевской почной и поручением лично мэру Варуса — передать в руки Куберту.

Привезли заказанные печи для поместья. Елина смотрела с ужасом — две телеги, не меньше, понадобятся в дорогу только для них. Но это — тепло, это — важно.

Поехала по магазинам и на базар для простых, скупил огромное количество простого шелка. На базаре оказалось существенно дешевле, ну, оно и понятно. Приказала доставить к себе. Обойное производство потребует всё, что она сможет утащить.

Пригласила в гости купца, которому сдавала фарфор.

Фром Крипп был польщен. Купца в гости к баронессе? Неслыханно! Обязательно,

госпожа баронесса, обязательно!

Закупились специями для поместья и, по совету барона — медной посудой. Глиняную делают и у него, вполне приличную. Можно будет заказать какую угодно. Аккуратно, стараясь не показывать интерес, скупила, сколько смогла, крахмал. Это — основа.

Деньги летели, как осенние листья в ветреный день, а ей еще корабль покупать. Да и так, запас всегда нужен.

Приняла на "чашку чая" еще трех соседей. Это, пожалуй, были самые утомительные и не самые приятные моменты. Всем хотелось узнать о новинках. Все были недовольны скрытностью баронессы. Чтобы окончательно не испортить отношения, Елина каждому из них пообещала, что её "любезные соседи" первыми смогут получить новые обои для гостинных и обязательно с хорошей скидкой. Вынужденная рекламная акция, спишем на это.

Поводила фрома Криппа по дому, показала обои и предложила работать на неё за проценты. Почтенный Крипп впал в шок. Это ж какие деньги! Надо же, баронесса, а в торговле разбирается, всё так по умному разложила, и ещё и долю приличную предлагает. А рабочих он найдет, даже не сомневайтесь, пресветлая госпожа. Заодно пришлось объяснять, как правильно натягивать ткань, что бы нигде не морщило. Слушал внимательно. Явно не хотел погубить халтурой такое многообещающее дело.

— Сам за всем буду досматривать, пресветлая госпожа, даже не сумлевайтесь! Спуску никому не дам!

Елина подумала и выговорила для рабочих приличные зарплаты. А то кто его знает...

Договорились встретится в конторе поверенного, которого порекомендовал барон. Как муж, он тоже должен был присутствовать и дать разрешение.

Барон искал для мальчиков учителя верховой езды. Отверг уже двоих. Елина не встревала — тут он явно лучше разбирается.

В поместье ехали мальчики, барон и она. Люта, как её личная горничная, Отто — камердинер барона, лер Торос, как гувернёр. Двое из проходящих учителей ехать отказались, но всего будет четверо. Охрана. Они поедут верхом и могут спать на улице, под пологом, как солдаты. Остальным нужны удобные места. Выспросив у Глена все про маршрут и время в пути Елина занялась делом.

Набросала план ночевок так, что бы им было, где поужинать и спать. Обсудила с мужем. Барон выслал человека из охраны верхом проехать и заказать места на всех.

Елина спроектировала внутреннюю переделку домика. Кровати убрали. Сделали удобные кресла с наклонными спинками. Набивка — конский волос. Дорого, да, но в дороге придется провести не меньше пяти дней. Подушки и простые дорожные пледы, вроде тех одеял, которые раньше делала Морна, с шерстью — на улице уже совсем прохладно. Еду стоило сколько возможно взять с собой и докупать в пути. Напитки — обязательно. Желательно везти горячие — значит, узкогорлые кувшины с плотными пробками и куча оберток на них, что бы не остывали. Термосов здесь нет, но пара одеял во много слоёв способна сохранить питьё горячим. Нанять телеги — это она свалила на Глена. Везти придется много, не стоит забывать про личные вещи учителей, горничной и её. Получался целый обоз.

— Елина, ты не хочешь выпить со мной вечером чаю?

— Обязательно, Глен. Мы и правда давно не сидели вместе.

— Ты пытаешься объять необъятное, дорога девочка. Я думаю, стоит нанять тебе помощника или помощницу. У тебя не остается времени на семью, это не совсем правильно. Я не упрекаю тебя, сохрани Единый. Но мне кажется — ты устала.

— Знаешь, давай поговорим вечером. Хорошо?

— Я закажу фру Ларт пирожные с орехами.

Елина благодарно улыбнулась и засела за начало альбома с рисунками обоев. Гостиную маркизы Шено она решила отделать до отъезда — останется, как реклама, да и почтенный фром Крипп сможет присмотреться к работе под её надзором. Заодно и мастеров, которые обтягивали шёлком ее дом можно будет пристроить к делу. У них есть хоть какой то опыт.

Альбом она решила делать в двух экземплярах. Один будет в поместье, один у фром Криппа. На каждом листе — номер. Пожалуй, для скорости получения заказов стоит завести голубиную почту. Бумажку с номером и размерами заказа будет отправлять ей купец, а она будет отправлять голубей в клетках обратно с товаром.

Похоже, в поместье придется организовать что-то вроде службы доставки. Десять дней дорога туда-обратно, пять дней отдых дома, и снова в дорогу. Так она обеспечит бесперебойную доставку обоев фром Криппу. Скорость — тоже важно, но в цену нужно вбить и стоимость доставки. А соседям, ну, что бы не совсем бесплатно досталось — пока поставит просто две цены материала. В конце концов обои — это роскошь, это дорого и не для каждого. Остальным это выйдет существенно дороже. Нужно предупредить счастливиц, что бы не хвастались дешевой ценой.

И стоит попросить Глена найти голубятника и птиц. В Гарде может и не быть нужного. Вообще, нужно поговорить с Гленом про замок и местные промыслы. Как то прямо неловко — баронесса, а даже не знает, что там делается.

— Садись, солнышко, чай уже заваривается, Люту я отпустил.

— Слава Единому, день закончился. Но знаешь, Глен, ты почти ничего не рассказывал про свои владения. Чем там живут? Чем зарабатывают? Там же нет моря?

— Елина, ты мало того, что забросила уроки языка шикю, так еще и не интересуешься географией.

Елина видела, что барон подшучивает над ней и не сердится. Но что поделать, ей хотелось перепробовать все возможности. Ей ужасно нравилось смотреть на законченную комнату и радоваться красоте. Видеть, как будет развиваться производство обоев, участвовать во всем этом, делать украшения и менять моду. Менять окружающий мир к лучшему. Она всегда была прикладником, даже в той жизни. Создание новых вещей, красота в быту её просто очаровывали. А сейчас у неё столько новых возможностей всё попробовать. Именно это она и пыталась объяснить Глену.

— Я понял, дорогая. Но я и не отговариваю тебя от твоих занятий. Просто стоит продолжать и уроки. Знания не бывают лишними, ты, как никто, должна это понимать. Не страшно, если ты иногда увлекаешься чем то одним, в ущерб урокам, просто не отказывайся от них совсем.

— Конечно нет, Глен. Более того, я тебе уже говорила — я хотела бы брать ещё и уроки

верховой езды.

— Да, учителя я нашел. Он будет заниматься и с мальчиками и с тобой.

— А ещё нам понадобится голубиная почта. Для скорости.

— Это не сложно, при доме есть голубятня и найдется кому ухаживать за птицами.

— Расскажи мне про баронство.

— Всего шесть деревень, населения, когда я отправился в изгнание было человек по триста-четыреста в каждой. Одна из них — называется Шерстовка, там делают шерстяные одеяла, плащи, просто войлоки. В остальных есть сады, есть немного пахотных земель, две реки, крестьянам разрешено ловить рыбу. Такое не все хозяева разрешают, но я никогда не возражал. Есть небольшие стада у каждой деревни. Есть неплохой лес. Разрешен сбор хвороста. Лес охраняют два лесничих. В Гарде почти полторы тысячи населения. Мастера, ремесленники. Делают хорошую глиняную посуду, как и везде есть кузнецы, есть две стекольные мастерские. Там делают зеркала. Продают, конечно в столице. Это — дорогое удовольствие. Портнихи, как и в каждом городе, мебельщики.

— Глен, а какая то специализация у баронства есть? Ну, что то такое, что делаете вы одни. На что живут бароны?

— Еля, как и везде, барон или граф, любой владетельный сеньор живет на собираемые налоги. Вся земля принадлежит мне. Люди платят за право жить на ней и торговать.

— Понятно. Я вышла замуж за матёрого феодала! — Елина рассмеялась.

Пришлось объяснять мужу, кто такой феодал. Но Глен так и не понял её веселья.

— Это нормальное положение вещей, Елина.

— Я и не спорю. Просто понимаешь, все эти люди зависят от тебя. От одного человека. Хорошо, что ты не жаден и умен. Разрешаешь им рыбу там ловить, хворост брать и прочее. А ведь мог бы запретить?

— Ну, мог бы, но я же не идиот, люди начнут умирать зимой от холода. У нас климат суровее, чем ты привыкла. Они начнут болеть, голодать и раззоряться, не смогут платить налоги.

— А ведь где-то обязательно есть идиоты, которые не думают, так как ты. Делают пакости, обижают и притесняют крестьян, заводят бесправных наложниц.

— Еля, но так устроен весь мир. Ты можешь предложить что то другое?

— Избави меня Единый от социальных экспериментов в таком масштабе.

— Ты хочешь сказать, что у вас пробовали?

— Да. И это кончилось большой грязью, Глен. Там я родилась при одном строе, а умерла уже при другом.

Пришлось рассказывать о революции и крахе СССР.

Глен долго молчал.

— А что ты собираешься сделать в баронстве?

— Ну, революцию я точно не стану устраивать. А вот завести несколько производств и снизить налоги на крестьян — стоит попробовать. Как ты думаешь? Не нужно переворачивать мир с ног на голову, но пусть у них будут печи получше, еда посытнее. Может быть — в каждой деревне небольшая школа. Хотя бы самое простое. Ты же видишь Гантея каждый день. Ещё год назад он вытирал нос рукавом и не умел считать и писать. Пусть у людей будет шанс. А уж как они сами воспользуются — там будет видно.

— Пока я не вижу ничего опасного в твоих желаниях. Но обещай, что мы будем обсуждать заранее все идеи.

Глен, мы так и делаем и я не собираюсь отказываться от этого и в дальнейшем. Но знаешь, я действительно сегодня устала. Расскажи мне лучше о Шику. Ты же жил в империи почти год. Мне интересно.

Задержаться в городе пришлось почти на десять дней. И виной тому стал ответный подарок маркиза Шено. Он подарил прелестной баронессе часы. Это была весьма сложная конструкция размером с небольшой кухонный пенал. С двумя гирями.

В принципе, Елина знала, что часы с гирями потом заменят на часы с пружинами. Именно это она и сказала Глену во время очередных вечерних посиделок. И барон пропал. Он долго выпытывал у Елины подробности, но что она могла ему рассказать? Что в юности ей попала на глаза книжка для детей про историю часов. И она помнит оттуда пару фактов. Что на смену гирям придет пружина и часы можно будет делать очень маленькие, и что потом мода на них дойдет до того, что их будут носить в прическе. А у нее в молодости было модное кольцо с часам. На этом, в общем-то, её познания и заканчивались. Барон велел отложить отъезд еще на некоторое время и днями где то пропадал. Приходил к вечеру, таинственно улыбался и сразу шел спать.

Наконец он вернулся днём, прямо к обеду и заявил, что нужно ещё одно местов домике. Свободные места были. Даже два.

Вечером Елина отправилась на чай в кабинет мужа. Глен был явно доволен своим маленьким секретом. Таинственно улыбался, делал вид, что не понимает намеков Елины. В конце концов не выдержал её атаки и сдался.

— Я нашел мастера, молодого мастера по часам. Их очень не много — часы страшно дорогая вещь, поэтому не так просто найти мастера согласного на переезд. Они знают себе цену. Я надеялся сманить ученика деньгами. Есть ведь такие, кто уже разбирается не хуже мастера, но не имеет средств на свою мастерскую. Но тут ученик, уже почти отучившийся, разругался с учителем и тот его выгнал. Мне повезло. Я хочу попробовать сделать такие часы. Мне всегда это было интересно, но всегда не хватало времени на такие занятия. Но дома у меня есть трое часов, надеюсь, за ними внимательно следят и они исправны. А мы с юным Люке будем думать, куда и как вставить пружину и добиться маленького размера. Можешь назначать отъезд на завтра, он придет утром.

Грузить телеги начали еще до задержки, поэтому утром понадобилось не так много времени на сборы. Фру Ларт, всю ночь простоявшая у плиты чтобы наготовить еды с собой, стояла на крыльце и утирала слезы. Фарфоровая брошь с алой розой была тому виной. Все слуги получили маленькие подарки и все немного грустили. Конечно, когда господа в отъезде, жить на много спокойнее. Да. Но и скучнее. Наконец последний кувшин с фруктовым чаем был надежно завернут, все расселись в кресла и повозка тронулась. Следом тянулись телеги. Доставка обойдется в очень приличную сумму. Елину радовало только то, что в пяти днях от Гарда, ещё дальше от столицы, по словам барона проходил шёлковый путь. Там можно будет закупить хоть целый обоз, дешевле, чем даже на рынке города. Да, ей обязательно нужен будет помощник. Хотя бы, что бы ездить за такими покупками. Ну, возможно на месте она найдет нужного человека.

Ехать было достаточно легко. За дорогами следили. Кроме того, несколько дней назад начались первые, легкие еще заморозки. Так что откладывать дальше поездку — чистое безумие. Пусть все одеты тепло, есть горячий чай и пледы в домике, но по восемь часов в седле, а то и больше — совсем не легко.

Домик быутеплен, топилась печка, и было два свободных места — что бы всадники

могли греться по очереди. Глен предлагал ей купить карету, дескать неудобно ехать со слугами, не по статусу. Но Елина решила, что карету она купит когда изобретут рессоры. Если подумать, то может стоит озадачить этим вопросом Глена? Устройства она не знает, ясно дело, но там же, вроде бы, тоже пружины? Ладно, это все потом.

Каждый сорок-пятьдесят минут в домике менялись два пассажира. Рядом с креслом Елины был крошечный столик. Люта наливала озябшим чай и кормила бутербродами. Первые гости были слегка расслаблены и просто получали удовольствие, последние, кто залезал в домик ближе к концу дневного пути, были изрядно замерзшие. Ну вот, а Глен ещё возражал против переделки дома. Да они бы тогда переморозили в телегах всех учителей.

Хотя, пассажиры явно стеснялись её. Ехали молча. Всё же баронесса, кто его знает, что там у неё на уме. Отто, кстати, к расстройству Люты, предпочел ехать верхом. Ну, зато ему достался самый большой кусок мяса на бутерброде. Благо, нарезку фру Ларт обеспечила в достаточном количестве. Ближе к обеду Елина велела раздать бутерброды и всем учителям. Явно им было неловко есть руками, но ничего, переживут, точно лучше, чем морозится на ветру. Учитель истории и географии фром Шали совсем старенький. Да и математик вряд ли выдержит путь на коне. Ничего. Пять дней можно потерпеть.

Самым неприятным оказались ночевки в трактирах. Еда была приготовлена не слишком хорошо, белье было такое, что Елина побрезговала ложиться, благо, предусмотрела ситуацию и взяла запас с собой для всей семьи. Не хватало ещё на грязном валяться. А ткань потом постирают и пустят на обои. Ничего с ней за одну стирку не произойдет.

От мяса, жирного и не всегда хорошо прожаренного она старалась отказываться. Как и от каш — брезговала. Выручали фрукты и запас хлеба с сыром, взятые из дома.

"Плохой из меня путешественник" — думала она. И была совершенно счастлива, когда на пятый день к вечеру показался город. Замок барона стоял чуть в стороне, на невысоком холме. Три мощных каменных башни соединенные между собой стеной и двор между ними. Жилые помещения были расположены вдоль одной из крепостных стен. Двухэтажное, очень длинное строение соединяло между собой две башни. Вдоль остальных стояли разные служебные помещения. Конюшня, длинный дом-казарма для отряда барона, кузница или какая то похожая мастерская. Еще какие то небольшие домики. Центр двора был свободен, вымощен камнем и достаточно чист. Ворота в стене были открыты. Встречали их всполошенные слуги, эконоом фром Бюве и мэр — рейв Лун. Старенький уже. Очевидно, скоро Глену придется менять его. Ему, поди-ка, трудно всё под контролем держать. Ну, это и без неё разберутся.

Мэра барон отправил домой.

— Как я рад, что вы вернулись, барон. Столько проблем накопилось, а я ведь уже не тот, что раньше. Очень, очень рад что вы вернулись. И молодой баронет какой красавец вырос!

— Утром увидимся, дорогой рейв Лун и все обсудим. Но я тоже очень рад видеть вас!

А вот женская прислуга Елину не порадовала. Комнаты натоплены, да, но по углам пыль, у нее в комнате даже паутину сквозняком раздувает в углу. Стёкла в окнах, как и везде впрочем, в один слой. На внутренней стороне конденсат, на подоконнике лужицы. Ну, это все поправимо. Возможно, просто не хватает рук рабочих. Барона очень долго не было, могли лишних и уволить. Хотя, о их приезде знали давным давно, ещё два месяца назад из столицы Глен письмо отправлял. Могли бы хоть паутину обмести. В конце концов, в городском доме он не был ровно столько же, но там все было чисто и видно, что за домом следят. Ладно, всё — завтра. Сейчас ванну, ужин и спать.

Но — нет. Ванны не было. Никто не озаботился нагреть воды. Горничная, достаточно неряшливо выглядевшая, по требованию Елины принесла кувшин горячей воды. Ну, как горячей — не ледяной, так скажем.

— Как тебя зовут?

— Шура, госпожа.

Надо же, как забавно — Шура с ударением на "А".

— Вы знали, что придет барон с женой, почему не нагрели воды?

— Дак никто не приказывал, госпожа.

Елина вдохнула, выдохнула... Но она слишком устала и замерзла, завтра она начнет разбираться с проблемами. Люта помогла ей обтереться влажной тряпкой и Елина одела теплое платье, накинула шерстяную шаль и спустилась к ужину.

Мальчики были растеряны. Всё же к хорошему привыкаешь быстро, а тут нет воды горячей, сквозняки везде, прислуга вовсе не торопится помочь. Комнаты для учителей не готовы оказались. Там только начали топить. Они пожилые люди и устали. Глен хмурился.

Елина положила руку ему на плечо.

— Спокойнее, дорогой. Нужно отдохнуть, завтра начнем решать проблемы.

Ужин был терпим, но с трудом. Почти все блюда холодные. Елина начала закипать.

— Фром Бюве, почему еда холодная?

— Так баронесса, ждали мы вас раньше, вот и остыла.

— А погреть было нельзя?

— Так кухарка приготовила и уже спит.

— Кухарка такая большая барыня, что её нельзя потревожить ради удобства барона первый раз за три года?

— Баронесса, госпожа Фай работает в замке очень много лет, я не могу ей приказывать.

— Бюве — вмешался барон — завтра утром с полным отчетом ко мне. — Дорогая, не переживай. Я разберусь.

Ужин прошел в полном молчании.

Перед завтраком Елина спустилась на кухню. Пожилая женщина хлопотала у плиты.

— Как вас зовут, фру?

— Так тётушка Фай, меня зовут, милая. А вы, никак, хозяйка новая? Давно пора было Глену не мотаться, где ни попадая, а делами заняться. Очень рада я, что будет в доме хозяйка. Сейчас завтрак доделаю, милая, уже скоро.

— Тётушка Фай, а можно я тут с вами посижу? У меня холодно еще в комнате, а здесь печка так славно греет.

— Посиди, милая, посиди. Ко мне сейчас мало кто заходит. Как Бюве новую повариху завел, так все тама и кормятся. Тебя как зовут то, детка?

— Елина.

— Ты, милая, не серчай на меня. Стара я уже тута топтаться, да и ушла бы, да некуда. Ну и опять же, всё присмотрю хоть как-то за домом.

Каша, между тем, подгорала, но повариха явно не замечала, пока приличная порция не плеснула в огонь. Задымило и завоняло.

Елина вскочила и сдвинула котелок с кашей с огня.

— Ох тыж, спаси Единый! Ах, я старая перечница, ничего милая уже не могу толком.

— Тётушка Фай, а почему ж вы не увольняетесь? Или вам идти некуда? Я вижу, что вам уже тяжело работать.

— Дак ведь сгорел дом-то. Пожар ведь был, дом то и сгорел, пол села тогда пострадало. Дак я все деньги то скопленные отдала сыну, а сама то тут пока. Хозяин приехал, дак расчет даст. Дом то сынок отстроит скоро, а я еще бы коровку купила и овечек. А хлыщ-то этот того гляди обманет. Скажет хозяину, что я не работала и заберет все.

— Тётушка Фай, а сколько вам должен господин Бюве?

— Дак за три с лишним года, милая. Как сказали, что барона долго не дождемся, мол под короля отдали земли-то все, дак он и не платит. Всё говорит:

— Вернется хозяин — с него и требуй, а у меня нету денег-то лишних.

За всё время разговора на кухню никто не заглянул. Ни горничные, ни работники. Ну, не может же быть, что бы даже конюха на службе не было?

Елина посмотрела на кашу и попросила отвести её в погреб.

— Дак пойдём, милая, пойдём. Вот это хорошо, вот это ты молодец — сразу все и посмотришь.

— Тётушка Фай, а где горничные и остальные все?

— Дак в башне отдельно готовят они. Повариха-то новая сама кормит. А Том, конюх-то старый, дак уволился с пол года назад. Сказал — надоело ждать. Хлыщ-то, слыш-ка, и ему денег не платил. Да и на кормежку скудно совсем давал. Так и ушли все. Кто год проработал, кто два продержался. А все сейчас новые, сюда и не ходят.

В погребе было грустно. Висел початый окорок, корзина с двумя десятками яиц. Масла нет, молока нет, половинка глечика сметаны, лук-морковь кончаются, баки пол мешка, на такую толпу — раз, ну два приготовить. А ведь впереди зима.

— Тётушка Фай, а крупы есть?

— Дак как не быть-то, есть конечно

Крупы тоже было небогато.

Кормить людей всё равно надо.

— Тётушка, вы помогите мне, я сама хочу вкусненькое мужу приготовить. Можно?

— Готовь милая, а я подам что надо, или почищу или ещё что...

Так, в котелок воды и рис — варится. Гарнир будет.

Елина нарезала окорок на мелкие кубиками, тётушка Фай начистила лук. Лук Елина покрошила, кинула к окороку, в глубокую миску, туда же полтора десятка яиц, муки, соли и приправ, какие нашла. Добавила всю сметану. Перемешала, лизнула каплю, досолила и добавила еще немного муки. Густота должна быть как на оладьи, ну, примерно. Благо масло растительное было. Достала большую сковородку и, шустро орудуя, принялась жарить ленивые котлеты.

Пока жарила — ещё немного поболтала с кухаркой.

Оказывается вчера Бюве сказал, что никто и не приедет. Вот она спать и пошла. А утром-то встала рано, по привычке — а во дворе солдаты. Дак побежала кашу варить на завтрак.

Дома Елина такие ленивые котлеты делала со свининой или курицей, ну, здесь уж что получится. Получилось огромное блюдо лепешек. Закрывает крышкой и придвинула поближе к огню — чтобы не остыли. Крупа доварилась. Попросила тётушку Фай поставить воды на чай и пошла за помощью — одной всё не унести.

В столовой у не накрытого стола толпились растерянные учителя и мальчишки. Глен зашел в противоположную дверь одновременно с ней. Бюве держался в стороне от всех.

— Бюве, где завтрак? — Барон явно злился.

— Господин барон, я сейчас спрошу у фру Фай.

— А не стоит беспокоиться, господин Бюве. Завтрак сейчас будет, а вот мне интересно, что ели на завтрак вы? Вот что вам сегодня готовила личная повариха?

— Госпожа баронесса, вы говорите загадками. В замке только фру Фай имеет доступ к продуктам и готовит тоже она.

Было совершенно не понятно, считает ли Бюве её молоденькой идиоткой или здесь что то другое?

Замок в отвратном состоянии, прислугу практически выгнали без денег, ну не может же он все грехи свалить на старую повариху. Или она действительно идиотка, а тётушка Фай величайшая актриса в этом мире?

— Хорошо, господин Бюве. Пригласите сюда горничную, пусть она накроет на стол. Или это тоже должна делать фру Фай?

— Да-да, конечно, госпожа баронесса, сей минут...

Бюве выскользнул в дверь.

— Глен, он не сможет сбежать?

— Вчера вечером я приказал выставить караул и закрыть ворота. Вообще-то войн очень давно нет. Обычно ворота на ночь не запирают — нет смысла, караульных достаточно. Но мне не нравится то, что я вижу.

Пришла сонная горничная. Елина отправила её на кухню и приказала принести еду. Бюве вернулся еще с одной горничной, гораздо моложе и симпатичнее. Она шустро стала доставать из буфета посуду и накрывать стол, была ласкова и улыбчива, стреляла глазками.

Из за стола барон встал подобревший.

— Тётушка Фай по-прежнему прекрасно готовит. Жаль, что она не успела напечь блинчиков. Ну, надеюсь, к чаю в кабинет будут булочки. Пойдемте, Бюве. Елинька, будь

добра, распорядись подать чай в кабинет.

— Так господин барон, книги-то все у переплетчика. Поистрепались обложки, так я и отдал. У нас тут, знаете, без вас-то, типографию поставили. И там отменные переплётчики есть. Но вы не сомневайтесь — сегодня к вечеру уже готовы будут, мастер мне твердо обещал. Сам и принесет, и я сразу же к вам с отчетом. Даже не волнуйтесь, так все и будет. А вот к вам рейв Лун просился с утра. Непременно хотел повидать и отчитаться. Уже подъехал, мне доложили. Позвольте его в кабинетик к вам пригласить? Негоже старичка ждать-то заставлять.

— Зовите, и подайте в кабинет горячее.

— Всенепременно, сейчас же распоряжусь лично! Обязательно принесут, сей же минут.

— Елина, может ты пройдешь и составишь нам компанию?

— А вот и правильно, молодая хозяйюшка что бы сама во все вникала. Очень, господин барон, верное решение-то!

— Бюве, вы слышали, что я просил подать в кабинет?

— Уже бегу, сей секунд. Сам лично подам.

Рейв Лун уже семенил нетвёрдой походкой к барону. Его сопровождали два охранника, каждый нёс тяжелый мешок. Прошли в кабинет, там горел камин, было тепло и сухо. Солдаты с трудом взгромоздили мешки на стол и, синхронно поклонившись, удалились.

— Что-то, господин барон, больно вам не терпится! Подняли спозаранку. Ну, я рад, так рад, что вернулись. Деньги-то копятся, сумма-то громадная.

В кабинет с подносом в руках ловко скользнул фром Бюве. На подносе стоял исходящий паром кувшин и три роскошных серебряных кубка. Поставив на стол поднос, Бюве ловко разлил напиток по кубкам и, с поклоном, придвинул барону и мэру, а третий отнес Елине, сидевшей чуть в стороне, на маленькой скамеечке. Улыбнулся ей и подал прямо в руки.

— Пока горячий — он очень вкусный!

И так же тихо исчез за дверью. Рейв Лун смешно поводит над бокалом носом — Ах, какая красота, давно я такой богатый глинтвейн не пил. По запаху, господин барон — прямо как ваша матушка драгоценная готовила. Не иначе тетушка Фай рецепт вспомнила! Ну, не стану отказываться, редко такое перепадает! Ваше здоровье! — и с удовольствием отхлебнул из бокала.

Барон смотрел на мэра с улыбкой: — А вот всегда вы были лакомкой, рейв Лун!

Елина тоже понюхала — пахло травами, мёдом, вишней. Потрясающе. Но тут явно изрядная доля спиртного. Она решительно отставила бокал. Ладно бы вечером, но не с утра же, столько дел ещё впереди.

— А денежки вот они все и есть. За все три года и два месяца. За третий месяц еще не все собрано, так я и не стал везти.

— Что за деньги?

— Ну, как же, как же... — мэр заволновался. — Его величество сам лично отписать изволил, что бы доходы все оставались в мэрии, в сейфе, под охраной. До вашего возвращения. Тут вот всё и есть до медяшки, что собрано. Скоро внучёк подойдет, он книги принесет. Там всё расписано, сколько собрано, сколько выдано фрому Бюве на зарплату для слуг, на еду, на ремонт замка. Ну, немного я потратил на дорогу — отремонтировать-то нужно, но всё записано, и расписки подрядчиков приложены. И ещё от вашего имени велел

погорельцам скот закупить и по золотому на семью. Ну, как всегда делали, если беда случается. И батюшка ваш, пусть Единый будет добр к нему, и вы так же всегда делали. Помните, как три дома в Вершках сгорели? Сами вы и распорядились. Вот так и я так же... И сумму положенную не превысил. А остальное — всё тут, всё, до медяшечки. Сами посчитать извольте. А книгу сейчас принесут.

Барон развязал один из мешков. Там были маленькие мешочки разного цвета.

— Вот которые желтоватые — там по двадцать золотых. А которые серые — там по двадцать серебрушек. Ну, что бы значит, считать удобнее. Вот и считайте.

— Пейте вино, рейв Лун, пока горячее, успеем еще насчитаться. Более того, думаю и считать нет необходимости. Всегда вы были точны и аккуратны. Даже не представляю, как я без вас обойдусь теперь. Вы ведь отставку будете просить?

— Так и есть, господин барон, так и есть... Тяжело уже, дело хлопотное, сами изволите знать. Но Таша я готовил на совесть, он уже не мальчишка, набегался-наигрался, и, по чести то сказать, я последние два года больше для проформы. Так, видимость одна, ну и печать у меня. А управлялся всем он. Ежели надумаете взять — не прогадаете.

— Тут и думать нечего, дорогой мой рейв. Ваша рекомендация — лучшая порука.

Они болтали с большим удовольствием. Рейв Лун пустился в воспоминания о том, как тут все без барона было. Рассказывал про пожар, что урожай в этом году хороший, даже очень. Что появилось новое ремесло у женщин. Носки теперь не валяют, а вяжут из шерсти. Очень наблюдать интересно.

Барон слушал с улыбкой. Видно было, что такое благополучие его радует, что он наконец-то дома, среди родных стен, что расслабился.

Минут через сорок такой уютной болтовни в дверь постучали.

— Входите — крикнул барон.

Вошел крепкий мужчина, среднего роста, внимательные цепкие глаза. Подмышкой — два огромных тома.

Разложили на столе, Елина подошла, ей было любопытно.

Обычные бухгалтерские книги. Одна — приход, другая — расход. Баланс сведен. Разница на столе. Ну, тут пусть Глен сам решает. Хочет — пусть пересчитывает. Она не полезет.

— Скажите пожалуйста, рейв Лун, а какие ещё в городе есть мастера? Ну, вот барон говорил про стеклянные мастерские, гончарные, ателье есть, вязать стали, типография тут появилась, а еще что?

— Единый с вами, баронесса. Откуда бы тут типографии взяться? Книги дело дорогое, такие покупатели в столице, там типографии и ставят. Говорят их уже четыре на окраине есть. Для стекла то у нас сырье хорошее, а книги не все ли равно где делать? Вот их поближе к покупателю и изготавливают.

Елина и барон переглянулись.

— Нет типографии? — Барон вопросительно смотрел на рейва Таша.

— Нет, господин барон. И не было никогда.

Барон стукнул ладонью по столу.

— Да что здесь творится-то? Елина, будь добра, кликни горничную, пусть она сбегает. Да, пусть сбегает. Немедленно его сюда!

Но послать горничную за Бюве не успели. Мэр Лун начал хвататься за горло и скрести по нему тонкими старческими пальцами. Таш схватил кубок и попытался его напоить,

придерживая за голову. Но было поздно — рейв Лун умер.

Агония не была длительной. Рейв Таш стоял неудобно согнувшись и держал деда за руку. Барон и Елина переглянулись. Оба думали одно и то же.

— Я к мальчикам — Елина рванула к выходу, но барон крепкой рукой ухватил её за руку.

— Стой! Не одна! — он подошёл к окну, распахнул настеж и громко, с переливом свистнул.

Через минуту в коридоре раздался топот. Вбежали капитан охраны рейв Пирр и с ним два солдата. Имен их Елина ещё не знала.

— Где Бюве?

— Господин барон, утром он отправил в дом мэра двух солдат и коляску. Написал записку — сказал, что вы велели пригласить мэра. Я не возражал, попыток выйти он не делал. Солдат просил для охраны денег. Как не отправить. Больше я не видел его.

— Выйти не пытался?

— Никак нет!

— Рейв Пирр, а у старых ходов есть охрана?

— Да, я на всякий случай поставил.

— Рейв, похоже Бюве отравил мэра. Проверьте охрану.

— Есть, госоподин барон!

— Елина, бери солдат и иди к мальчикам. Никуда не выходить из их комнаты.

Елина бежала по замку, солдаты дружно топали за ней. В нескольких шагах от двери она остановилась, попыталась отдышаться.

— Господи, господи, если ты есть, помоги! Ну дети же ещё — мысли метались.

Но в классной комнате все было спокойно. Дремали у дверей Чук и Гек. Мальчики с тоскливыми лицами сидели за учебными столами, а перед ними, выставив пузико вперед, прохаживался фром Сатор и нудным голосом вещал:

— Таким образом, юные господа, мы видим, что в этом случае глагол несовершенного вида...

— Прошу прощения, фром Сатор. Я вынуждена прервать урок.

— Мальчики, что вы сегодня ели и пили кроме завтрака? Лакомства? Воду? Вино? Пирожки?

Растерянные мальчишки отрицательно качали головой.

— Елина, да что случилось? Мы сразу после завтрака заниматься сели. Уже урок кончается — Гантей кивнул на песочные часы, где уже ссыпались последние крохи. — Мы ничего не ели больше, хотя я бы и не отказался.

— Да и я бы тоже поел — вторил баронет. — Какой-то завтрак не сытный был.

— Цыц! — Елина выдохнула. Возможно, всё обойдется.

— фром Сатор, вам предлагали еду после завтрака?

— Госпожа баронесса, я придерживаюсь чёткого режима питания и не принимаю пищу в перерывах. Это отрицательным образом сказы...

— Достаточно!

— А что случилось? — Гантей смотрел с любопытством.

— Да, что случилось-то? — вторил Санчо.

— Сейчас вы все, фром Сатор, вас тоже касается! Вы все продолжите урок! не сходя с места и не задавая вопросов.

Она невежливо ткнула пальцем в одного из солдат — Звать как?

— Барум, госпожа баронесса.

— Барум, вы остаетесь внутри класса. Дверь запереть. Открывать только мне или барону. Ясно?

— Так точно!

Она посмотрела на второго солдата

— Дак Трифо я, госпожа баронесса.

— Трифо, вы идёте со мной.

Елина пошла в жилую часть, к учителям. Все были в своих комнатах. Кто готовился к занятиям, кто читал, кто валялся. Собрав всех в одну комнату она притащила туда же часового мастера — совсем подросток еще, мало ли, пусть на глазах будет.

— Господа, в замке возникли проблемы. Ни на какие вопросы я отвечать не буду, но, для вашей безопасности, приказываю! Вы все сидите на глазах друг у друга, отлучаться запрещаю. В туалет выходите по двое и никак иначе. Не пытайтесь хитрить — я все подробно узнаю потом. Ничего не есть и не пить! Это — приказ! Ни у кого никакой еды не брать. Дверь закрыть, слуг не впускать. Никого! Даже слабых и беззащитных горничных. Всем понятно? С вами останется Трифо. Он — главный! Слушать его во всем! За неподчинение — уволю немедленно без денег.

— Трифо, вы всё слышали и поняли?

— Так точно!

— Думаю, лучше закрыть дверь изнутри. Главное — не есть и не пить! Это не на долго, потерпите.

— Госпожа баронесса!

Это красавчик, который обучает верховой езде, как его там? Барн, точно, рейв Барн.

— Слушаю, вас, рейв.

— Возьмите меня для охраны. Я некоторое время служил в гвардейском отряде. Вам не стоит ходить одной.

Елина заколебалась. Она ничего о нём не знает. С другой стороны, ну не мировой же заговор. Просто одна жадная тварь сошла с ума, может и не одна, но Барн приехал с ними, вряд ли за ночь он стал убийцей.

— Благодарю, рейв Барн. Следуйте за мной.

Елина решила зайти в кухню и проведать тетушку Фай.

Тетушка Фай возилась с тестом. Подумав, Елина приказала ей бросать и идти за ней.

— А случилось что, деточка?

— Это приказ барона, тётушка Фай.

— Ну дак и ладно, Глен то уже взрослый, знает, что делает.

Сдали тётушку под надзор Трифо. Кажется, один из учителей не сильно доволен обществом кухарки. Ничего, переживёт.

— Рейв Барн, мы идем в кабинет барона.

— Как скажете, госпожа баронесса.

По пути заглянула в спальни. Велела Люте и Отто идти к учителям. Отправила с ними Барна. Отведет и вернётся.

У кабинета стояли солдаты и Елину не пропустили. Настаивать она не стала. Просто стояла, ждала. Вскоре вернулся Глен. С ним — еще солдаты.

— Всё в порядке, дорогой. Мальчики на уроке. С ними собаки и солдат. Второй — в комнате с учителями. Есть и пить я запретила, но нам скоро очень понадобится вода. Как ты думаешь, из колодца во дворе пить можно?

Вернулся рейв Барн.

— Ты молодец, Елинька. Все входы перекрыты, я проверил, если этот крысук не умеет летать, то он — в замке. Я не знаю, стоит ли рисковать и пить здесь воду. Не представляю масштабов его безумия.

— Глен, тогда имеет смысл мне съездить на рынок и привезти продуктов и воды. Кто знает, как долго все это будет. Где-то же он прячется.

— Еля, мы подняли ещё и ночную смену. Сейчас замок обыскивают. Его найдут, не волнуйся.

— Глен, а тайные ходы есть?

— Ну, дорогая, замку больше тысячи лет, как не быть. Но все, которые мне известны — под наблюдением.

— Рейв Барн, не окажете услугу?

— Любую, господин барон!

— Конюха нет, но есть коляска, которой пользовались слуги. Нужно съездить в город и закупить продуктов и воды.

— Воды?

— Да, рейв. В замке отравитель.

— Спаси Единый! Я сделаю всё, что нужно, рейв.

— Еля, подожди минутку.

Барон зашел в кабинет и вынес ей несколько мешочков с серебром.

— Еда, купи бочку и наполни водой из городского фонтана, немного вина — после ночной смены солдатам можно будет сделать горячее питьё. Люди устали в дороге, так и здесь...

— Я поняла, дорогой, не волнуйся. Где фром Таш?

— Он с солдатами. Не волнуйся за него, он крепкий человек. Тетушка Фай поможет тебе, возьми ее с собой.

— Глен, я отвела ее в комнату учителей. Она слишком старенькая, не стоит её дергать.

— Хорошо, Еля. Решай сама.

Рейв Барн заложил коляску и сел за кучера. На рынке они провели больше двух часов, хотя Елина и торопилась.

К их возвращению в замок ничего не изменилось.

В одной из башен была оборудована кухня, там Глен запер всю новую прислугу — потом разберемся, кто и что, учителя в одной комнате, мальчики в другой. Ещё по одному солдату у комнат Глен поставил снаружи. Ну, оно и лучше. Живее все будут.

В замке было несколько дворовых собак. По просьбе Елины Барн заманил одну из них, крупную серую дворнягу в кухню. Её покормили и дали воды из колодца. Как ни противно, но проверить нужно. Оставили в кухне, посадив на привязь, что бы не сбежала.

Ташу барон предлагал отправиться домой, но тот отказался. Остался в замке. В одной из комнат лежало тело его деда. Завтра похороны.

Елина настрогала кучу бутербродов, потом вторую кучу, Барн помог разнести это по

комнатам. И по несколько кувшинов привезенной воды. И чай — запить еду, и молоко для мальчишек. К вечеру всё пришлось повторить. В перерывах она варила кашу с мясом для солдат. И кашу для прислуги в башне. Там были заперты ещё пять человек. Людям всегда нужна еда, они не железные.

Спасибо Барну — помогал и молчал. К ночи Елина не чувствовала ног под собой.

Собака чувствовала себя прекрасно и была полностью счастлива. Печка, вкусная еда, никто не пинает. Это был лучший день в собачей жизни.

Вечером, накормив людей и проверив караулы собрали совещание.

Присутствовали барон, Елина, фром Таш, капитан Пирр и рейв Барн. Елине он понравился. Не болтлив, исполнительен, не морщил нос, когда пришлось таскать воду и еду, как лакею. Дельный парень.

Первым заговорил Таш. Он весь день, по обычаю, провел возле тела деда. Прощался Утром похороны. Но держался.

— Господин барон, за что отравили деда?

— Я могу только предполагать, рейв Таш. Точный ответ дадут книги, если мы их найдем. Но, думаю, что всё очевидно. Бюве проворовался. За эти три года он собирал все зарплаты служащих, присвоил деньги, которые мэр Лун выдал ему для погорельцев. Ремонт в замке, как вы видите, не проводился. Да и горничные не утруждали себя уборкой. Их слишком мало на такой дом и у них были другие заботы. А между тем, мэр ежемесячно выдавал приличную сумму на содержание замка и слуг. Госпожа баронесса говорила с фру Фай, нашей кухаркой. Та утверждает, что ни скота, ни денег крестьянам не отдали. Но главное — Бюве знал о приказе короля оставлять все налоги, кроме королевских, у мэра. Сейф вделан в стену, мэрия охранялась круглосуточно, а деньги копились. Вы знаете точную сумму. Согласитесь, она впечатлит даже богатого человека. Три года семья не тратила деньги. И он понимал, сколь велика сумма. Если бы мы с Елиной выпили глинтвейн, сейчас было бы три трупа и пропали бы деньги со стола. Нам Бюве сказал, что мэр приехал сам, по собственной инициативе, а мэр говорил, что я послал за ним, желая получить отчет. Я просто не обратил внимания на эту неточность. Если бы уточнил и проверил, мэр Лун был бы жив. Но я не пью спиртное уже больше года, так сложилось. А баронесса вообще редко позволяет себе такие шалости. Я расспрашивал прислугу в башне. Прошу заметить, именно — расспрашивал, а не допрашивал. Поэтому ручаться за точность не могу. Думаю, что там может быть и его сообщник или сообщница. Сейчас-то, естественно, все клянутся, что ничего не знали. Но, примерно два года назад, когда уже объявили амнистию и я вернулся с баронетом в королевство, но еще не мог вернуться домой, Бюве нанял несколько человек. Сам он все это время жил вполне по царски — стоит только заглянуть в его комнаты. Новая горничная, да Елина, та самая, что накрывала утром стол, была его любовницей. И еще одна смазливая особа. У них обоих были свои комнаты, своя прислуга. Отдельно для них была нанята кухарка. Он просто ошалел за это время от безнаказанности. Если бы он сбежал до моего приезда, возможно, ему всё бы сошло с рук. Но деньги в вашем сейфе, которые мэр Лун должен был передать мне, свели его с ума. Думаю, всё было именно так.

Помолчали.

— Господин барон, позвольте?

— Говорите, рейв Барн.

— Я так понимаю, что замок старый, есть ходы в стенах.

— Разумеется, но план давно утерян. Все ходы, которые я знаю, под охраной. И снаружи ездят несколько человек — вдруг есть неучтенные норы.

— А я предлагаю медленно и методично простучать стены. Просто простучать. Возможно, где то есть комната без выхода. Такая, чтобы остаться в замке с захватчиками и пакостить по мере возможности. Раньше делали такие, помните, в старых замках находили?

— Да, да, конечно. История Вижского замка... думаю, это хорошая мысль. Надо отправить людей командами по 4 человека. Один держит свет, два простукивают стены и один охраняет.

— Капитан Пирр, сколько мы можем собрать команд?

— Не много, господин барон. Три, может быть четыре. Люди должны отдыхать хотя бы по семь-восемь часов, иначе будут невнимательны.

— Одну могу возглавить я сам. Рейв Барн, поможете?

— Обязательно, господин барон.

— Господин Таш, тогда мне понадобится помощь на кухне, не подскажете, кого можно пригласить из города? Одна я не справлюсь.

— Госпожа баронесса, завтра утром, после похорон, я вернусь в мэрию и пришлю несколько человек вам в помощь.

— Кстати, Глен, мне жаль тебя расстраивать, но пожалуй тебе стоит хоть что-то сказать учителям. Они нервничают, идея ночевать на тюфяках всем вместе их раздражает. Не стоит доводить до скандала.

— Да, дорогая, я обязательно зайду к ним и к мальчикам после этой беседы. Тут ты права. Но на кухне, до поимки Бюве, побудь сама. От греха...

— Разумеется.

Утром хоронили мэра. В городе, на центральной площади, сделали объявление. Горожане, кто хотел, подходили и клали к столбу с прибитым свитком хвойные лапы. Некоторые оборвали домашние цветы. Мэра в городе любили. Прибыли жрецы Единого. Тело мэра, закутанное в самый лучший батист, какой нашли, положили на помост. Елина плакала, баронет тоже не сдержал слёз. Люди стояли у костра и кидали вязанки хвороста — что бы переход к Единому был легче.

Таких похорон, как объяснил барон, достаиваются только преданные люди. Рейв Лун служил в молодости в охране, служил семье всю жизнь и погиб на посту. Да протянет Ему ладонь Единый и встретят его родные.

Через час служба закончилась, все стали расходиться, остались только жрецы, ожидать, пока догорит костер чтобы развеять пепел.

Барон отдал печать мэра и кольцо покойного рейву Ташу. Тот принял со слезами на глазах. Видно, что деда он любил и ему было тяжело. Клятву верности он читал прерывающимся от слёз голосом.

Через два часа в ворота замка постучали. Две крепкие крестьянки, молодая горожаночка и два мужчины. Конюх и лакей. При них была записка с печатью. Новый мэр начал свою работу.

Были организованы четыре поисковых группы. Ходы были старые, местами- завалы, хоть и нельзя сказать, что непроходимые, но приходилось тратить время на укрепление сводов. К замку потянулись телеги с бревнами для крепежа. На четвертый день от похорон мэра нашли комнату и Бюве взяли.

— Глен, что теперь будет с Бюве?

— Допросят и повесят.

— Как Лицу?

— Нет, дорогая. Не как Лицу. Никто не станет с ним церемониться. Елина, ты женщина, не стоит лезть в эту гадость.

— Я просто беспокоюсь, не найдется ли у него защитников и как к этому отнесётся король?

— Елина, на своих землях я — закон и правосудие. Если бы преступник был выше меня статусом, я обязан был бы привлечь королевских служащих. Но Бюве даже не дворянин. Я в своем праве.

Елину передернуло. Неужели и ей когда то придётся отправлять человека на плаху? За убийство этот гад не заслуживал ничего лучшего. Но ведь когда-то она останется одна управлять землями. До совершеннолетия Санчо. Сможет ли? Хватит ли духу?

— Еля, я понимаю, что тебя тревожит, девочка моя. Любая женщина прежде всего — мать, она дарит жизнь, а не отнимает. Никто никогда не осудит тебя, если ты воспользуешься королевским правосудием. Тебе нет нужды возиться с грязью. За это мы платим вполне себе приличные налоги в королевскую казну. Редко, когда женщины занимались судом сами. Хотя во время войны вдов хватало. Были такие, кто судил сам, да, но редко. Для этого во всех крупных и средних городах минимум раз в две недели появляется королевский вестник. Он привозит почту, указы и новости. Достаточно передать такому прошение и приедут и судьи, и палач, если необходимо. А в Кроуне, например, такая служба действует постоянно. Хотя на своих землях герцог справляется прекрасно. Но вот в вассальные города можно вызвать судей из Кроуна. Тебе, случись что, достаточно будет вручить письмо и из герцогского города, к которому принадлежит наше баронство, из Бериза, приедут. Так что не думай о плохом.

— Я постараюсь, Глен. Кстати, мы сможем компенсировать служащим то, что украл Бюве?

— Обязательно. Я не понимаю, почему никто не пошел к мэру с жалобой, но всех, кто работал найдем и оплатим работу. С Бюве в комнате была более, чем приличная сумма. В любом случа, хорошо бы, если бы ты взяла коляску и съездила в село. Ну, то, где был пожар. Дорога уже наезжена, я прикажу поставить полозья и ты успеешь за день. Возможно, там нужна помощь. Крестьяне не должны вымирать от голода и болезней. Можешь взять с собой тётушку Фай.

— Глен, а сколько получала она, пока не стала совсем беспомощной?

— Ну, в те времена, когда я воровал у неё пирожки, которые она оставляла специально для меня на краю стола, она получала полторы серебряных в месяц. Это хорошая, честная зарплата. Только тогда у неё были повара, мужчина, который приносил воду и колол дрова, и посудомойка и почет. Мне даже стыдно перед слугами за то, что я не разглядел Бюве. Он вполне достойно отработал четыре года, все отчеты всегда были в порядке. Я, конечно, не ожидал такого. А тётушка Фай очень сдала. Я с трудом узнал её, когда увидел.

— Глен, никто не молодеет от каторжного труда. Последний конюх из старых служащих ушел пол года, вроде как, назад. А до этого она справлялась со всем сама. Нужно найти всех

старых служащих и вернуть долги.

— Составь список имён, сумм, и мест, куда они перебрались. Мы поручим это комунибудь. Естественно, добавим приличную компенсацию. Кстати, как тебе этот рейв Барн?

— Ну, он очень помог мне. И он старательный. А что?

— Мы говорили с тобой, что нужен помощник. Как думаешь, он справится?

— А уроки езды для мальчиков?

— Это не занимает весь его день, а он очень нуждается в деньгах. Старший брат разорил семью и покончил жизнь самоубийством. У него в городе остались на съемной квартире мать и сестра. Думаю, за возможность создать им удобную жизнь он согласится на многое. Тем более, я знаю, что деньгами ты его не обидишь. Поговорить с ним?

— Это было бы совсем не плохо. Сейчас мне не хватает еще часов в сутках и три-четыре пары рук — улыбнулась Елина.

— Я съездил бы сам, дорогая, я понимаю, что ты устала в дороге и у тебя много дел в замке, но я должен присутствовать при допросах Бюве и остальных. А время, боюсь, не терпит. Денег крестьяне по словам тётушки Фай не получили, а вот рейв Таш утверждает, что к его деду приходил староста с благодарностью за помощь.

Сумма, которую Елина предложила рейву Барну его вполне устроила. К утру были собраны телеги с птицей, зерном, укрытыми сеном овощами. Елина в сопровождении рейва Барна и шести солдат охраны под его началом тронулась в путь.

Стоял легкий морозец, даже тепло укутанную Елину в конце пути стало познабливать. Что же чувствовали солдаты?

Село выглядело отвратительно. На той половине, где был пожар ютились какие-то мелкие кособокие хижины. Остальные дома были покрепче, но над некоторыми даже не вился дымок. То ли не жилые, то ли дров нет. Подъехали к самому большому и крепкому дому. Это ожидаемо оказался дом старосты.

На крыльцо выкатился плотненький улыбчивый мужичок, средних лет, чистенький и аккуратный. Кланялся, улыбался, зазывал в дом.

— Да радость-то какая, пресветлая госпожа! Почет-то какой! Дай вам Единый счастья и долгой жизни, что нас не забываете.

Рейв Барн подал руку и помог Елине выбраться из коляски.

— Как вас зовут, почтенный фром?

— Дак Телеп меня кличут, пресветлая госпожа.

Надо же, совсем как у неё дома. Елина улыбнулась.

— Фром Телеп, пожалуйста, прикажите согреть солдатам чаю и подскажите, в каких домах им можно согреться. Мы не на долго. Только отдадим продукты и всё.

— Да дай вам Единый, за вашу доброту всех благ и ещё сверху, пресветлая госпожа. Сейчас все наилучшим манером обустроим. Продукты можно и туточки сгрузить, во дворе у меня, я уж сам потом раздам, кому нужно, а солдатикам сей же момент чайку взбодрим, а погрется им — дак сейчас прикажу...

— Мирко, эй, Мирко, ты где прячешься то?! Сюда беги!

Вышел тощий подросток в серых нечистых лохмотьях.

— Отведи солдатиков к Палину, к зятю, ну, ты знаешь... Да смотри мне!

Мальчишка вытер нос рукавом и глянул на солдат. Двое и рейв Барн остались с Елиной, четверо пошли с мальчиком.

— Фром Телеп, неужели у мальчика нет одежды? По морозу в одной рубахе?

— Дак он сирота, кормлю из милости, пресветлая госпожа, откуда у него одежа?

Елину передернуло. И сытая морда Телепа перестала казаться умильной и милость его показалась противной.

Чай она пить не рискнула, может и перестраховалась, но уж лучше так. Да и никто не стал. Отогревшись немного в горнице, Елина, не смотря на уговоры фром Телепа решительно двинулась по деревне. От дома к дому. Точнее — от развалин к развалинам. Телеп плелся сзади и уговаривал вернуться в тепло, и сам он самолично сбегает и всех приведет поговорить, зачем же пресветлой госпоже морозиться-то?

Елина шла не обращая внимания на бубнеж.

Стучалась, заходила в кривобокие домишки, расспрашивала.

— Спаси, Единый, но половина деревни точно не доживет до весны. Ах жеж ты скотина такая!

Обратно ехали с двумя пустыми возами. На третьем, связанный, как колбаса лежал и периодически завывал староста. Тот самый, что приходил к мэру Луну и благодарил за помощь. Завтра придется ехать снова.

В его дом она пока переселила четыре семьи, у которых даже не было печей. Ничего, в тесноте, зато в тепле. Еду оставила под командование одной из хозяек, фру Церы, и в помощь ей — двух солдат. Будет готовить и кормить всех, кому требуется. Помощниц сама наберет.

Село было выдоеено под чистую.

Мужика, который поругался еще два года назад с Телепом нашли повешенным у себя дома.

Самоубийство — приговорил Бюве, которому дали знать. Сам он приезжал всегда в сопровождении четырёх-пяти вояк. Вели себя как скоты, насильовали девок, брали, что хотели, а он им и не запрещал, только смеялся. Трех особо упрямых заporоли нагайками у дома старосты, на глазах у всей деревни. В город торговать разрешали ездить только тем, кому Телеп позволял. Раньше-то староста дельный был мужик, но пропал без вести, не стало, да и все. Так вместе с сыном и пропал. Телеп по пьяни проговорился, что утопили их. Но никто ж не видел, где да что. И Бюве Телепа-то сам назначил.

У остальных, кому Телеп ездить не разрешал, скупали все на месте, за такие медяшки, что и на еду не хватит. Сами лавки, говорят в городе открыли и тама продавали, чо с деревни отняли. Налог подняли аж в два раза, за каждый чих платить нужно. Раньше-то бароны не такие были, всегда помогали, ежели чего случалось. Ну, а теперь вот так.

Барон, услышав новости взвился. Запретив Елине выходить пока в город и заперев всех, кого подозревал в причастности к делам Бюве, в подземелье, забрал половину отряда солдат и выехал с проверкой по другим деревням. Елина еле уговорила взять домик — кто знает, что там делается, а людям нужно где то отдыхать.

Вернулся барон через седмицу, мрачный и измученный. В других деревнях было получше, но не сильно. Ну, хоть пожара не было. Из оставшихся пяти деревень только одна может без особых проблем прожить зиму. Староста там, дай ему Единый здоровья, тот еще умник оказался. Сразу подольстился к Бюве, ни в чем не перечил, сам вдовушку веселую приставил к охране. Как приедут, кланялся, поил-кормил до сыта, и жаловался на жизнь, мол и того нет, и сего не выросло. Сам додумался схроны в лесу с едой делать. Молодец, мужик. У него и народ целый почти весь. Ну, еще ему свезло, что деревенька самая дальняя да неудобная оказалась. Барон оставил ему денег — докупить продуктов и золотой — лично ему, за смекалку. Еще одного старосту просто заменил, ну, не виноват мужик, приказали и пошел. Своим не пакостил, где мог — заступался, у самого дочку снасильничали. А что в горд не пускал, так Бюве ему лично запретил, сказал все село вырежет.

Остальных старост повесил прямо на местах.

Рейв Барн говорил — люди в ноги падали и руки целовать пытались.

Глен выбрал новых, обещал продуктов подвезти, но сказал, что если по дурному поделят — с ними так же, как с покойниками будет.

Ближайшие недели рейв Барн был очень занят. Ездил по соседям, торговался, кто что продать может. Собирал обозы в деревни.

Капитан выделил солдат потолковее, кто в крестьянстве понимает. К ним приставил мальчишек городских, кто грамоту понимает. Мэр Таш прислал. Велели им всё выспрашивать и записывать. Сколько семей, сколько в семье народу, какая скотина есть, сколько продуктов. И так на каждую семью. Ну, некоторые пытались, конечно утаить что-то. Что-то, может, и утаили. Боялись люди, это и так понятно. Но в целом из записей стало видно, куда, чего и сколько нужно отправить. Не мало выходило. Разрушить крепкое хозяйство и за пол года можно, а вот восстановить — и дольше и дороже.

Ладно. К середине зимы управились.

Елина тоже не теряла зря времени. Набивали погреба продуктами, ломали и ставили новые печи. В первую очередь — на кухне и в казарме. Работа по охране замка — не самая простая. Постой-ка ночью в мороз. Должны быть люди согреты и накормлены.

Мэр Таш подсказал, у кого можно купить коров, что бы с молочком быть и прочим добром. Народу-то в замке не десяток и не два. Конюшню утепляли, рабочих пригласили из города, своих рук не хватало. Благо, зимой многие охотно пошли подрабатывать. Вырывая по вечерам куски от сна, сидела, делала первые партии обоев. Потом приспособила новую горожаночку. Белки от желтка отделить — дело не хитрое, а девушке, Рине, работа нравилась.

Дело у неё спорилось, можно было уже везти товар в столицу. Нужно было организовывать службу доставки.

Елине не слишком нравилось, как готовит новая повариха, но пока терпимо. Потом посвободнее будет — лично займется обучением. А пока — чисто, сытно, вкусно, но, как обычно — мясо с мясом. Тетушку Фай оставили зимовать при кухне. Не в халупу же к сыну идти. Вот по весне начнут строится — тогда и вернется с деньгами за все три года. И коровку купят и овечек. А пока она сидела днями у печи и иногда ворчала, что не так она делала и не так барон любит. Но в силу её незлобивости серьезных конфликтов не было.

Барон по приезде недрогнувшей рукой повесил и Бюве и одну из его девок. Ту, через которую яд доставали. Вторую просто велел выпороть и выгнал. Из тех, кто с ним разбойничал — повесили только двоих. Ещё четверо сбежали аккуратно за два дня до возвращения барона из столицы. Чувяли, чем пахнет и рисковать не стали. Стоило ожидать появления в лесах банды. Радости мало, но лучше быть готовыми заранее.

Немного подумав барон переговорил с капитаном и отправил на зимовку в каждую из деревень по три человека солдат. Пусть хоть какая защита у крестьян будет. Но всю зиму по дорогам между деревнями будет курсировать разъезд. Из одной в другую. Так надежнее. Пяток солдат и разжалованный пройдоха-капрал. За карточные грехи выгнали из королевской службы. Ну, здесь ему карты негде взять будет, да и капитан пообещал лично к Зуру отправить, ежели чего...

В свободное время барон возился с часовым мастером в закрытой комнате. Заходить туда не разрешалось.

— Там, Елина, детальки крошечные совсем, не дай Единый — потеряются.

Народу в замке поубавилось — больше половины отряда — кто жил в деревне, кто вокруг катался. Из деревень в замок велено было свозить подростков, кто хочет работу получить. Не брать силком, а кто сам хочет, и что бы родители не возражали. Ну и сирот. Здесь им дело найдут, кто на кухню, кто в конюшню, а кто и в ученики к Гантею и Санчо.

Скучать Елине было некогда от слова "совсем". Но она завела железное правило — каждый день занятия шикую — хотя бы час, час-полтора верховой езды с мальчишками под присмотром рейва Барна, и обязательные посиделки вечером с Гленом. Он сильно сдал за зиму. Резче обозначились морщины, выпал еще один зуб, стали, примерно раз в полтора месяца, почти привычными приступы болезни.

А в целом все было не так и плохо. Мальчики и она учились, в деревнях было все спокойно, ни одного нападения. Отправили первый обоз в столицу. Добавились образцы в альбомах. Нельзя же всем одинаковые делать.

Набиралось почти два десятка подростков из деревень.

Переговорив с Гленом Елина устроила маленькую бескровную революцию в одном отдельно взятом замке. Детей отмыли, одели, разделили на мальчиков-девочек. Пришлось срочно ремонтировать четыре спальни и общую комнату. Приставили к ним достаточно строгих дам из городских вдов и начали учить грамоте. Два месяца учили. Учителям математики и родного языка добавили зарплату. А потом Елина лично поговорила с каждым из детей. Отсеялось с уроков более половины. Работа нашлась в конюшне и на кухне. Двух девочек отдали под опеку горничным — пусть учатся, в замке всегда есть, что убирать и мыть. Тех, кто решил учебу продолжать, отдали под руководство Гантея и Санчо. У некоторых лепка фарфора начала получаться почти сразу. У некоторых — нет. Ну, или научатся, или другое дело найдется.

Ближе к весне привезли насос. Обычный ручной насос и немного кривые трубы. Установили над колодцем. Две комнаты на первом этаже рядом с кухней Елина определила под прачечную и ванную. Выделила себе отдельный угол в ванной. Там поставили перегородку и отполировали камень воском. Сделали полочки под травяные сборы, полотенца и прочее. Сама ванна была пока деревянная. Ну, не сказать, что здорово, но мыться можно. Ключ был у Люты, за порядком она там строго следила. Для остальных всегда были чистые полотенца, мыльнянка без ограничений и куча тазов. Топили жарко, не баня, конечно, но помыться с удовольствием можно, воды то сколько хочешь.

Такие же комнаты организовала в той башне, что была ближе — для мужчин. Выделенная комнатка там была для барона и мальчишек. Главное, с чистой водой не было проблем, а вот сливать все пришлось в ров вокруг замка. Весна будет — нужно будет придумать сток из рва, иначе вонища поднимется. Да и вообще спустить его. Смысл то в нем, если мост уже лет семьдесят не поднимали.

Так что зима пролетела просто со скоростью света.

Скоро уже и и день пробуждения Единого.

День пробуждения Единого отпраздновали в Храме торжественно. И подношения были щедры.

Весна начиналась.

Еще зимой Елина вызвала к себе мастеров по стеклу. Долго разговаривали, рассказывала, что знает. А что может знать обычная женщина? Что стекло красят окислами. Что можно добавлять металлы, даже золото, и оно даст цвет. Но что и как на самом деле происходит при варке стекла — вообще не представляла. Мастера секретами делится не спешили. Ну, она и не настаивала. Её дело — подсказать.

Было их пятеро. Два в годах уже, зеркала давно варят и льют. Вносить новшества желанием не горят. Двое были молодые ребята, ровесники. Но один — просто ученик, хоть и опытный уже, а второй — сын мастера, фром Сорм. Он и поживее и любопытнее оказался. Ну и мальчишку с улицы он же подобрал на воспитание. Жена у него что-то все родить не могла, может Единого прогневили. Ну и к делу мальчишку то приставил. Поговорили, Елина сказала, что именно получить хочет. Этот фром Сорм взялся попробовать. Хотя отец, владелец мастерской, не сильно доволен был. Денег она на материал и работу дала. Ну, не слишком много, но и не бесплатно выходило. Зимой она как-то раз заехала, но особо смотреть было не на что. Пробовали, учились. Ну, были сдвиги, но не фонтан.

А весной, после дня Пробуждения, фром Сорм пожаловал к ней с первым результатом. А красиво! Если до ума довести — это и доход в баронство лишний, да и так, для души знать, что один на всё королевство такое умеешь!

Елина заказ сделала по полной. И заплатила щедро, не жалея золотых. Скоро в город ехать, там точно всё распродаст, и на подарки пригодится, и Сорму реклама и слава.

Деньги глупо жалеть, если они постоянно притекают ручейком. И обойный цех приносит ощутимую прибыль, да и с баронства налоги капали. Не солить же их. Потому решила она на большое мотовство.

Замок стоял на небольшом возвышении. Пологий спуск с холма и хорошая такая ложбинка с двумя родничками. Они сливались и получался ручеек. небольшой, перешагнуть легко можно, даже прыгать не нужно. Но вода и камни — всегда красиво. Ложбинка на солнечной стороне от замка, ну вот чего бы сад то не заложить? Прямо в эту ложбинку выходил один из старых ходов. Ломали стену, расширяли выход. Вместо замаскированной норы — красивые кованые ворота на две створки.

Она, конечно, не ландшафтный дизайнер, но она и не на заказчика работает. Сделает, как нравится, а уж переделать можно и потом, если что не так. Ездить ей было некогда, посылала коляску, привозили ей садоводов, кого мэр Таш посоветовал. Беседовала уважительно, чаем поила, спрашивала про растения, какое когда цветет, не глушит ли другие, ну и всякое разное. Делала заказы на рассаду.

люди были разные. Кто-то охотно делился секретами, кто-то жался. Ну, тут она не давила. Нельзя у людей силком секреты выведывать. Так она и познакомилась с фромом Дюше. Почтенный вдовец ста двадцати лет от роду. Один сын, два работника и кухарка. Не гуляка и не буян. Но — фанатик, аж глаза горели, когда разговаривал. Свой участок у него был мал, негде ему развернуться. Не голодала семья, но сына отделять бы пора, пятый десяток парню, а он еще не женатый. А некуда отделять-то. Не нажил фром Дюше золотых. Потому,

как половину дохода тратил на новинки всякие. Что-то приживалось и давало урожай и казалось вот-вот можно будет отложить. Но следующая привозная диковинка себя не оправдывала и всё, что заработано уходило на жизнь. А посадить ему хотелось всё и сразу, хотя часто такие опыты бывали во вред доходу. Елина такой энтузиазм оценила очень высоко. В два золотых в год, комнату с прислугой и едой, и огромный кусок земли для разных опытов. Но сад сажать по ее рисунку. А опыты разны — отдельно, в стороне. Что себя из растений хорошо покажет — тому и будем место в саду искать. Наняли ему для работ трех человек, но будет нужно — ещё наймут. Так и договорились. Очевидно, больше всех радовался сын, так как через месяц женился на кухарке. Это слегка удивило почтенного фрома. Но особо ему было некогда вдаваться в детали женитьбы. Не маленький уже, сын-то, сам разберется. Он честно сходил на свадьбу, подарил молодым всё, что нажил за эти годы — три золотых и окончательно перебрался в замок.

Там, где тоненькие нитки родников сливались, выкопали отводную канавку. Туда и направили оба ручья, а на месте слияния стали рыть яму. Не глубокую, меньше метра глубиной, неправильной формы. В самом широком месте было метра три. Дно хорошо утрамбовали, оштукатурили толстым слоем глины, а сверху такой же толстый слой промытого песка. Совсем мелкое блюдце получилось. Камушки Елина отбирала лично, своими ручками. Их, промытые и очищенные от грязи, привозили прямо к яме. Выложила слой камней и ручей снова пустили на старое место. Озерцо радовало взгляд. Копались вокруг рабочие, перепачканный землей фром Дюше аккуратно высаживал рассаду цветов. Такие тонкие вещи он не мог доверить рабочим, только сам. Вокруг озерца еще нужно будет папоротники посадить, просто для красоты. Тут они были единокорны с Елиной. Не всё нужно для еды выращивать, что-то нужно и для души.

Самой тяжелой работой оказалось доставить каменную глыбу к началу ручейка. Хоть и не далеко нашли, но катками пришлось катить, подкладывая освободившиеся валики вперед. Куча народу и четыре дня работы. Да и коней вымотали. Зато встал камень так, как будто там и стоял всю жизнь. На берегу нужно будет еще скамеечку поставить.

Деревья в саду все молодые. Самые взрослые — вишни и груши трех и четырёхлетки. Их мало, всего десятка полтора, но с ними сад выглядит гораздо солиднее. Тут повезло — решил хозяин переехать в другой город, жениться там собрался и продавал сад. Елина выкупила. Старые деревья там и остались, а что смогли — перевезли. Участок с садом не сильно большой. Ею она подарила фрому Сорму. Пусть ставит дом и мастерскую отдельно. Хочет отец зеркала лить — пусть, дело хорошее и прибыльное, а новому начинанию тоже место нужно.

Мальчишки уже в росте обогнали Елину. Оба. С ума сойти, как бежит время.

Глен с приходом весны оживился. И приступы пореже стали и настроение всё время хорошее было. В деревне активно строились, в остальных сажали-сеяли, жизнь везде кипела.

Вечером, во время очередного чаепития барон положил перед Елиной красивую шкатулку.

— Дорогая, я плохой муж и совсем не балую подарками, но может быть вот это тебе понравится?

В шкатулке лежал бархатный мешочек.

Тяжеленький. Елина развязала и оттуда выпал крупный золотой кулон. Довольно красивый, с чеканкой и крошечными красными рубинчиками по краям.

— Спасибо, Глен, мне очень приятно!

— А открыть подарок ты не хочешь? — Глен улыбался.

— Я открыла — Елина немного растерялась

— Нет, Еля, нужно нажать с боку на самый крупный камешек.

Это был белый эмалевый круг по которому двигались две красные стрелки. Часы! Самые настоящие часы. Красные камушки по краям — это вместо цифр. Потрясающе! Все же у них с мастером Люке получилось!

История с часами заставила Елину надолго задуматься. Крутила мысли разные и так и этак, но все не могла придти к какому-то решению.

— Еля, я вижу, что ты уже несколько дней сама не своя. Что тебя беспокоит, детка?

— Глен, а ты сейчас свободен?

— Ты же знаешь, для тебя я всегда найду время.

— Пойдем в сад, поговорим?

У крошечного озера с проточной водой было не так жарко. Молодые вишни давали легкую ажурную тень. Над клумбами мелькали бабочки. Часть цветов уже распустилась. Особенно благоухали гроздья розовой ликеи — привозного кустарника, с которым фром Дюше носился, как с любимым ребенком. Лаконичная скамейка и небольшой столик. Люта поставила запотевший кувшин холодного лимонада и ушла, на белой вышитой салфетке — бокалы тонкого розового стекла. Хорошо-то как... Посидели, помолчали.

— Глен, понимаешь, я иногда думаю, зачем я здесь?

— Ты здесь, потому, что ты часть моей жизни и моя жена.

— Нет, я не о том. Я о мире. В целом. Понимаешь?

— Не очень. Ты задумалась о смысле жизни?

— Ну, можно и так сказать — Елина заулыбалась. — Но я думаю о том новом, что я храню в секрете. Пусть это просто другое отношение к быту, но все секреты производства я тщательно прячу. Правильно ли это?

иногда мне кажется, что в этом есть что-то не честное. Принести в мир новинку и оставить секрет себе. Этот мир был добр ко мне. Я понимаю, что пафосно звучит, но я думаю, что могла бы попасть не в семью Морны, например, а прислугой к Бюве. Понимаешь? Но нет, у меня есть Морна, и Гантей, и Вара. У меня есть ты и Санчо, и этот замок и много еще чего. А что я дала миру? Я агностик, помнишь, я тебе рассказывала, кто это?

— Да, я помню. Но не очень понимаю, как агностицизм сочетается в тебе с такими размышлениями.

— Да очень просто. Я не знаю, есть ли высшие силы или нет. Но я верю в добро. В мире, в хорошем мире, должно быть некое равновесие дел и поступков. Мир дает тебе, а ты возвращаешь миру. А получается — я принимаю добро этого мира и ничего не даю взамен. Ну, сперва мне просто нужны были деньги, но сейчас-то у меня есть всё, а я по прежнему не даю миру ничего.

— Еля, я не верю, что в твоём мире ты была пожилой женщиной! Просто не верю! — барон откровенно веселился. — Пойми, солнце моё, мир вовсе не нуждается в твоём секрете мастики. Рано или поздно кто-то и сам додумается. Или "страшная" тайна покрывал "Морина" нечаянно всплывет наружу. Это совсем не важно. Ты несешь в этот мир гораздо больше. Тепло для меня и Санчо. Уважение к чужим знаниям и к чужой работе, даже простой. Знаешь, раньше, когда конюх награждал не слишком усердного мальчишку на конюшне затрещиной, я не видел в этом ничего плохого. Заслужил — получи! И это правильно. Но ты ухитрилась перевернуть мои представления о правильном. Ты не понимаешь, ты просто не видишь, как меняются люди в твоём окружении. Они становятся добрей. Терпеливее в чужим промашкам, в их жизни появляется больше радости. Ты

заметила, что горничные часто напевают за работой? Я не видел такого никогда. Горничные — всегда много и тяжело работали. Легче, чем в поле, безусловно, но — трещины на руках от постоянной чистки каминов. Как ты называешь это вещество? Щёлоч? Да, так вот. Никто и никогда не шил для горничных перчатки из кожи. Никого не заботило, что у неё в спальне холодно, что она по пятнадцать-шестнадцать часов на ногах. Это ты поставила их работать по сменам и у них есть и достойный отдых и теплые комнаты и вкусная еда. Странно мне, человеку прошедшему не одну войну и не одну кровь, рассуждать о доброте. Но это чистая правда, детка, ты меняешь этот мир без войны.

Помолчали...

— Ладно, раз я такая душечка — засмеялась Елина, — то скажи, что делать с деньгами? Их становится слишком много.

— А это плохо?

— Мне кажется, это — опасно. Да, может быть я и трусиха, но я не хочу пережить еще одно нападение. И, главное, я совершенно не хочу, что бы охотились на мальчиков.

— Умница, ты у меня просто умница. Я думал об этом, Еля. Теоретически мы можем начать скупать землю и дальше, кто знает, возможно баронство со временем перерастет во что-то более серьезное. Но это если ты хочешь.

— Нет, мне вполне достаточно того, что уже есть. Возможно, когда Санчо вырастет, он захочет управлять не скромным баронством, а чем то большим. Ну, я помогу ему, безусловно. Но самой мне точно не нужны лишние хлопоты. Согласись, Глен, эти шесть деревень — то, что обеспечит нам безбедную жизнь. Но если прикупить еще несколько — придется тратить гораздо больше времени на управление. На налаживание жизни у крестьян, на сбор налогов и отчет. Нет, слишком хлопотно, а, главное — незачем.

— Значит, дорогая, нужно рассредоточить твои интересные штучки по разным местам и людям. Ты уже наигралась с обоями, передай дело комунибудь за процент. Расти свой сад и мальчишек. Когданибудь у тебя будут дети. Просто — живи.

— Рейв Барн, присаживайтесь. Чай, лимонад?

— Бокал лимонада, если можно. Благодарю.

— Рейв Барн, у меня к вам просьба. Немного необычная.

— Слушаю, госпожа бараонесса.

— Вы не могли бы ответить мне на несколько личных вопросов?

— Ну, я не очень понимаю... А что вы хотели узать, госпожа баронесса? При поступлении я дал господину барону все необходимые сведения.

— Расскажите мне, пожалуйста, про вашу маму. Мне не нужны семейные тайны. Самые обычные вещи. Сколько ей лет? Когда она овдовела? Чем занималась до того, как пришлось продать дом? Сколько лет сестре, не собирается ли она замуж. Всё, что вы сочтете возможным рассказать.

— Это немного странный интерес... Ну, в этом нет ничего секретного. Маме стс двадцать четыре года, у нас было небольшое поместье вблизи Карбуло. Вдовой она осталась очень рано, отец погиб в бою. Она вела дом и дела поместья, у нее была небольшая пенсия на детей.

— Как случилось, что ваш брат так небрежно обшелся с матерью.

— Она не его мать. Он старший сын от первого брака отца. Его мать умерла родами. Мама заменила ему родную, но он всегда был слишком охоч до удовольствий, когда ему исполнилось тридцать лет, дом перешел в его владение. Он не выгнал мать, нет, но

существенно усложнил ей жизнь. Он промотал все деньги, которые были собраны для него за то время, что мама управляла поместьем. Он приходил, плакал и клялся, что больше — никогда... Но всё повторялось. За десять лет он совершенно разорил крестьян и поместье просто отобрали за его долги. Всё.

— А сестра?

— Она живёт с мамой, но, возможно, скоро выйдет замуж.

— Скажите, рейв Барн, а ваша мама не думала открыть мастерскую, или ателье или ещё что-то?

— Думала. Но после смерти брата, кроме всего прочего, остались долги. Я почти выплатил их, осталось не так много. Потом я заработаю маме на маленькую мастерскую.

— Замечательно, просто замечательно. Только почему — маленькую? Справится ваша мама с большой?

Пришло письмо от Морны. Она писала, что очень рада была получить весточку. Вара товар возил в город и привёз ей на радость. Вместе вскрывали и читали. Ну, он не больно здоров читать-та, а больше слушал. Писала, что скучают по Гантею и по ней, сидели ба дома-та, дак оно спокойнее... Оченно волнуясь за вас и письму вашему оченно рада.

Она писала, что здоровье в порядке у неё, что Вара зимой ухитрился промокнуть и простыть, но Единый миловал, выздоровел уже. Что Куберт стал делать мебель прям королевску, красоты неопикуемой, и сделал им такой стол — просто так, в подарок. Что наняла четырех швей, они ей стегают морины, а закладывает слои и режет она сама, продавать Вара возит и разбирают их сразу же. А еще работают у нее две девочки, тоже с деревни, так они делают брошки с ткани, как ты поучала, помнишь, детка? Цену не ломит сильно, берут модницы хорошо, но такие стала делать и фру Шарп, так что неизвестно, как дальше обернется. А в целом, Хвала Единому, всё хорошо дома. И вот ещё бы вас с Гантеем повидать.

Этой же почтой пришло приглашение на весенний бал. Большой лист с вензелями и позолотой, всё написано от руки красивым почерком и заверено малой именной королевской печатью. Прилагалось к листу и письмо от его величества. Он спрашивал о здоровье барона и говорил, что на приглашение можно и наплевать. Нет, безусловно, он написал гораздо вежливее, но барон прочитал именно так. Ответили, что весенний бал пропустят, приедут ближе к осени, определять мальчиков на учебу. Елина приложила к письму записку для его величества, обещающая порадовать её осенью приятным и симпатичным пустячком. На официальное письмо барон выслал не менее официальный ответ с такими же заковырыстыми вензелями и заверенное личной печатью.

С почтовым обозом приехала в город мать рейва Барна. Выглядела дама ровесницей сына, не старше. Одета была согласно модным канонам, с одним скромным цветком казанши на плече, освежающим наряд. Но все вещи были не новые. Видно было, что переживает рейва не лучшие времена в жизни.

Рейву Римину Барн Елина пригласила остановиться в замке.

Держалась дама очень скромно, но с достоинством. Елина поспрашивала слуг — все были довольны вежливым обхождением, ни на кого не кричала, претензий не предъявляла, даже когда Кица, из деревенских девочек, что учёбу не осилили, пролила у неё в комнате чай — не кричала и не ругалась. Наоборот, видя, как девочка испугалась, сказала — Ничего страшного, дорогая, с любым может произойти. И на этом инцидент был забыт.

Пожалуй, вполне достойная дама. Елина пригласила её к себе в кабинет.

— Присаживайтесь, рейва Барн. Лимонад, чай? Или может чашечку кафы?

— Благодарю, госпожа баронесса. Если не сложно — лучше лимонад. Лето в этом году такое жаркое.

— Скажите, рейва Барн, а какую мастерскую вы хотели бы завести?

— Я думала, о швейной, но мне кажется, это не окупится. Слишком велика конкуренция. Возможно я наберу мастериц плетущих кружево. Сейчас оно входит в моду. Но пока еще не решила точно. А сын написал, что есть очень хорошее место. Я могла бы стать просто управляющей.

— Нет-нет, рейва Барн. Не управляющей, нет. Совладелецей. Причем большая часть

будет ваша. Я расскажу и покажу вам весь процесс, мы обговорим детали, я всегда дам вам совет, но я хочу только пятнадцать процентов прибыли и никаких проблем с производством и клиентами. Всем этим вы будете заниматься сами. Ну, если мы придем к соглашению

— Госпожа баронесса, я не смогу внести долю в предприятие, вы это знаете?

— Да. Я дам вам деньги в долг, без процентов. Мы установим разумные сроки выплат. Возможно, я не обещаю, но вполне возможно, к осени у вас будет королевский заказ.

— Это очень выгодное предложение. Очень. Но я не понимаю, в чём ваша выгода.

— Тут всё просто. Секрет рано или поздно узнают. Это не такая уж большая и сложная тайна. И сразу начнут делать такое в столице. Возить отсюда станет совсем не выгодно. Но если вы начнете первая в столице, и если будет королевский заказ — вы на долгие годы останетесь номером один. А мне придется только получать деньги и ничего не делать самой. Я не вижу смысла разрываться между разными производствами. Вот, посмотрите, как вам это нравится?

Елина протянула рейве свои часики.

— Удивительно! Такие крошечные и работают! И у них нет гирь! Это просто потрясающе, госпожа баронесса!

— Вот выпуск таких часов мы будем налаживать здесь. И мне будет совсем не до обой.

— Я, конечно, согласна. Но я даже не представляю, как вы их делаете. Это очень красиво и необычно. Я рассматривала бабочек у себя в комнате. Кажется, что ткань просто срослась.

— Это яичный белок, рейва Барн — Елина улыбнулась. — Мы просто клеим вырезанные из шелка цветы на ткань. Пойдемте в мастерскую, я вам всё покажу.

— Зовите меня просто рейва Римина, нам предстоит много и долго общаться.

— А вы можете обращаться ко мне — рейва Елина, нам действительно придется провести много времени вместе.

В мастерской рейва с любопытством рассматривала заготовки лепестков, ткани, попробовала сама на клочке сделать маленький рисунок. Очень одобрила идею с альбомом и нумерованными образцами. Посоветовала кожаные трафареты не сваливать в кучу, а хранить каждый набор отдельно, но сделать еще свой фирменный знак, пусть совсем маленький, и крепить на обои, на каждый отрез. Ну, ювелиры же делают так? Почему бы и нам не сделать?

Такая мысль Елине понравилась и, одновременно, успокоила ее на счет деловых качеств рейвы. Сама она как-то упустила из виду такую деталь.

Обсуждали размещение мастерской, зарплату и условия труда, закупку тканей и оформление. Иногда спорили, но в меру. Сошлись на следующем варианте.

Магазин обязательно должен быть в самом центре и шикарно оформлен. Денег жалеть не нужно. Елина обещала поставить букеты из фарфора для украшения по себестоимости. Образцы должны регулярно пополняться. Возможно, стоит поискать художника. Или рейва Римина попробует сама. Но, это будет видно. Мастерскую стоит вынести за пределы города. Поискать в трущобах, или каменистую пустошь, или развалины, не суть важно. Важно, что бы земля принадлежала городу — тогда не придется платить налог за ввоз товара. И мастерскую ставить там. Главное, что бы зимой хорошо отапливалось. Рейва уже видела странные печи в доме и, выслушав объяснения Елины, попросила предоставить ей чертежи. Или, может стоит заказать такие печи в Гарде? Надо посчитать, что будет дешевле. При мастерской стоит организовать приличное жилье для работниц и охраны. На охране Елина

настаивала. Ей были памятливы разбои девятилетних и рисковать жизнями мастериц она не хотела. Конечно, здесь такое не принято. Но ведь вот Лица додумалась, рискнула. Если бы не барон — её бы уже и не было. Так что — денег на охрану не жалеть.

Пока, только пока, до момента, как будут готовы мастерские, делать обои здесь. Мастериц нужно набрать ещё, но сразу искать таких, кто согласится поехать в город. Не начинать же там с нуля.

Очень много деталей нуждалось в обсуждении, но главное — она начала свой план по "раскулачиванию" себя.

А у Санчо в городе будет производство часов. Так что баронство будет приносить ему стабильный и приличный доход.

Оставался ещё Гантей. Но тут всё и проще и сложнее. Барон обещал осенью познакомить её с моряками. С купцами, которые успешно ходили морем в Сарандан и Кариду. Всё решится в своё время.

Письма от рейвы Римины приходили с каждой почтой. Здание она на окраине нашла — огромный каменный домина, часть склады, часть — клетки-жильё. Прибыли оно давало не много и купить удалось быстро. Она не стала выгонять местных жителей, напротив, предложила остаться и работу на фабрике. Согласились далеко не все. Часть выбрала другие трущобы и переехала, часть народу работать особо не хотела, промышляли кто чем. Кто на базаре носильщиками, некоторые работали при местных храмах, несколько женщин-вдов с малыми детьми шили на дому. Но тем, кто согласился остаться — она всем обещала жильё по скромной цене и работу. Она писала, что спрос растёт, что под магазин нашелся очень respectable дом, элегантный и не слишком большой, но его не продают. Стоит ли связываться с арендой или ещё поискать? Нашлась девушка художник, из обедневшей дворянской семьи. Рисует интересно и вот тут приложены её работы, не хотите ли взглянуть?. Много чего происходило в столице. Но главное для Елины было не это.

Здесь, в замке, под часовые мастерские отвели пустующую башню. Там шел ремонт. Мастер Лют набирал учеников и привередничал, все ему казались неусидчивыми и не слишком старательными. Ну, тут ему виднее, кто годится, а кто нет, но молодых мальчишек водили к нему постоянно. Пока Елина не предложила ему разделить работу. И на сборку поставить девочек. Фром Лют далеко не сразу принял эту идею, но со временем согласился, что девочки внимательнее и аккуратнее. Детей старались брать не моложе 17 лет. Наконец количество подмастерьев его устроило и фром Лют начал обучение.

Ближе к осени засобирались в Империс. Пришло приглашение от его величества. Так что впереди их ожидал бал. Подарки для королевы Елина упаковывала очень тщательно. Хотелось сделать необычной сюрприз.

Домик с собой брали — для гувернера, для Люты и для прочих. Елина же собиралась большую часть пути проделать верхом. Не зря же рейв Барн занимался с ней и с мальчиками всю зиму и лето. В дорогу она сшила себе интересный костюм, взяв за основу амазонки. Видела она их только в кино, но примерно представляла, что и как. Смотрелось уж точно симпатичнее тех неуклюжих широченных шаровар, в которых катались верхом местные дамы. На цилиндр не стала замахиваться, а сшила себе очаровательную дамскую шляпку с вуалеткой.

Погода стояла отличная, останавливаться в тавернах и трактирах было не обязательно, поэтому дорога прошла прекрасно. Часть пути барон, по настоянию Елины, проделал в домике. Лучше поберечься.

Встречали их с радостью. Фру Крюгге и фру Ларт стояли на крыльце, рядом выстроились все слуги, фру Ларт даже прослезилась. В комнатах было тепло и чисто, согрета вода и на ужин, кроме овощного рагу и прочих замечательных штук — огромное блюдо любимых пирожных Елины, тех самых, маленьких с орехами.

Повидалась с рейвой Риминой, посмотрела магазин и будущий цех, всё одобрила. Рейва оказалась прекрасным управленцем. Цех уже, практически, готов. На той седмице начнет работать, последние заказы Елина привезла с собой. Больше в Гарде обои делать не будут.

Елина осмотрела комнатки для служащих. Восторга они не вызвали, но для проживания сгодятся. Всё же она знала, как выглядят трущобы. А тут — тепло, чисто, туалет сделан на улице и по её настоянию — большая общая мыльня. Нечего грязь разводить. Доставку воды

фирма возьмет на себя, но во дворе здания есть старый колодец. Хорошо бы его вычистить и поставить насос. И ещё Елина посоветовала взять расходы по вывозу мусора. Иначе территория снова превратится в трущобы очень быстро. Пусть сперва прибыль будет поменьше, но зато не будет проблем в дальнейшем. Обратила внимание рейвы Римины на то, что нужно регулярно проводить проверку кухни. Смотреть, чем кормят служащих и следить, что бы мастера не обижали их.

Магазин был прекрасен. Яркий свет, однотонные стены, удобные кресла и столы с альбомами образцов. Пару зеркал и букеты фарфора для украшения Елина привезла с собой. Вариантов рисунков стало на много больше. Девушка-художник оказалась талантливой и неординарной. Рейва Римина обещала их познакомить.

Через три дня курьер доставил приглашение его величества на маленький семейный ужин в конце следующей седмицы.

Елина заметалась. Гардероб у нее был богатый, но что именно одеть — она не знала.

— Еля, пригласи на чашку чая фром Вёрт, уверен, она сможет дать хороший совет. Нам всё равно придется искать "пособника" для твоей шалости. Так почему бы не она?

Барон, как всегда, решал проблемы быстро и точно.

Не можешь сделать сам — найди того, кто умеет. Всё.

Фром Вёрт любезно откликнулась на приглашение к обеду. После еды баронесса увела фром Вёрт в кабинет, попросила закрыть глаза и дать ей руку. Куда-то еще немного провела, совсем не далеко, похоже — в соседнюю комнату. Захлопнула дверь.

— Можно открыть глаза.

— Ааах! Как чудесно!

— Я хочу устроить маленький сюрприз её величеству, вы поможете мне?

— Обязательно! Это так необычно! Так прекрасно!

На ужин во дворец Елина ехала во всеоружии. Очаровательное шифоновое платье цвета сливочного масла в греческом стиле. Такая же легкая накидка. Единственное украшение — широкий пояс под грудью. Он был расшит бронзовыми и золотыми пайетками. Увесистое получилось украшение, но смотрелось очень необычно.

— В нем вы очередной раз вызовете фуррор, госпожа баронесса. Я в этом уверена.

Эту резолюцию вынесла фру Вёрт, и спорить с ней Елина не стала. В благодарность за консультацию коварная фру потребовала адрес ювелира, который сделал украшения на пояс.

— Великий мастер, должно быть! Они все совершенно одинаковые!

— Фру Вёрт, это может сделать любой ювелир. Нужно просто раскатать тонко-тонко листок золота. И потом, стальной формой с острыми краями просто выбить такие блёстки. Ну, как кухарка на кухне режет формочкой печенье. Вы же видели?

— Замечательная идея, госпожа баронесса, просто замечательная. Я закажу такие блёстки на новое платье королевы.

И вот теперь, под руку с бароном Елина входила во дворец. Немного волновалась — получится ли у неё то, что она задумала? Не хотелось бы, что бы какаянибудь накладка сорвала такой замечательный сюрприз.

Не было герольдов и фанфар, лакеев и мажордомов.

Мала гостиная, стол накрыт на двенадцать человек, кроме его величеств присутствуют старший сын и наследник престола, принц Труво с женой, принцессой Тирес, младший сын с невестой, графиней Клермо, барон с баронессой и две юные фрейлины её величества. Для равновесия, в качестве личных друзей принцев, приглашены баронет Шариз и граф Легран. Обстановка за столом неформальная, гости разговаривают, шутят, иногда смеются. Разговор то общий, то разбивается на беседы с соседями.

Легран в траурной синей с черным одежде. Графом он стал три месяца назад.

— Сочувствую вам, ваше сиятельство. Примите наши с баронессой соболезнования.

— Благодарю, господин барон. Но не будем о грустном. Расскажите, как ваши дела и как дела у юного баронета. Я слышал, вы собираетесь отдать его в военную Академию?

— Да, у мальчика явная склонность, тем более, Каргеры всегда начинали жизнь со службы в королевских войсках. Не стоит нарушать традицию.

— Что ж, а я, увы, был вынужден подать в отставку. Через месяц я возвращаюсь домой. Пока я не был наследником, военная карьера казалась мне лучшим способом чего-то достичь в жизни. Но на охоте они погибли рядом, и отец и старший брат, так что мне придется взять ответственность за земли и людей на себя. Надеюсь, карьера баронета сложится лучше.

— Попробуйте это пирожное, госпожа баронесса, оно восхитительно.

— Благодарю, баронет Шариз, но я не хочу сладкого.

— Баронесса, зовите меня Джем, мы так давно знакомы...

— Это не дает вам права на фамильярность, баронет Шариз.

— Я терпелив, госпожа баронесса, но вам не стоит так открыто пренебрегать моим вниманием.

— Вы мне угрожаете?

— Нет, я предупреждаю.

Ну вот как могло случится, что именно он стал её соседом по столу? Просто невезение или он заранее расстарался? И ужин тянется как резиновый.

Наконец король положил салфетку на стол. Все перешли в другую комнату, где были накрыты маленькие столы со сладостями, в графинах искрилось вино разных оттенков от розового до темного бордо и из слуг остались только два лакея.

Фрейлина королевы пригласила баронессу к её величеству.

— Рада видеть вас такой цветущей, баронесса. Фру Вёрт говорила, что меня ждет какое-то удивительное зрелище?

— Ваше величество, мы могли бы посмотреть его прямо сейчас. Если вы не против, то можно пригласить и всех остальных гостей. Думаю, им тоже понравится.

— И где же он?

— В саду, ваше величество.

— В саду? Но сейчас там темно, светится только подъездная аллея к дворцу.

— В темноте его будет только лучше видно!

— Вы интригуете меня, баронесса! — королева разулыбалась в предвкушении чего-то необычного.

Похлопала в ладоши

— Дамы и господа, по приглашению баронессы Каргер мы все идём в сад. Там нас ждёт сюрприз!

Когда лакеи синхронно распахнули высокие створки дверей, гости непроизвольно ахнули — десятки, нет сотни ярких светляков украшали сад, светили с каждого куста и плыли в воздухе под деревьями. И все разных цветов и размеров. Фиолетовые и зелёные, жёлтые и оранжевые, ультрамариновые и алые.

Сперва Елина хотела все елочные шары сделать одного размера, но это не поточное производство, тогда размеры она выбрала нарочито разные. Главное — стекло разного цвета. Они лёгкие, тонкие и будут часто биться, но материала на них идет совсем не много, изготовление не сложное, и ученики фрома Сорма учились выдувать стекло. Не всегда удавалось повторить цвет, это было самое трудное, но, в целом, терпение и упорство Сорама дали замечательный результат. Иногда ученики выдували не шар, а маленький огурец или грушу, но и они смотрелись хорошо. Даже тусклые желтые стекляшки при покрытии голубоватой светящейся краской внутри давали изумительный нежно-зеленый оттенок. Довезти их было не так просто. Несколько штук в дороге все же разбились. Но не так много. Фром Сорм скоро станет очень богатым человеком.

Гости перекликались между деревьями, крутили и толкали шарики, подвешенные на тонких шелковых нитках к нижним ветвям и резвились как дети.

— Госпожа баронесса, вы не устаете меня удивлять!

— Ваше сиятельство, это изобрел мастеровойу нас в Гарде, я только придумала покрыть их изнутри светящейся краской.

— Думаю, это сведет с ума всех модников столицы.

— Хорошо, значит баронство получит больше налогов.

— Ваша практичность, госпожа баронесса, делает вас ещё более восхитительной!

Елина засмеялась.

— Даже не знаю, ваше сиятельство, комплимент это или вы назвали меня жадиной!

— Я бы назвал вас восхитительной, Елина. Простите мою дерзость.

Граф поклонился и отошел.

— Мечтаете выскочить за графа? Зря, он помолвлен с самого детства, Елина и вам точно не достанется.

— Баронет Шариз, избавте меня от вашего общества!

Как не хотелось Елине вернуться домой, но Глен, занятый разговором с королем, освободился только через час. Этот час она провела в саду не отходя от её величества. Выслушивать мерзкие откровения Фиша ей не хотелось.

Приемные экзамены Санчо и Гантей сдали. Начались первые учебные дни. Лер Терос, гувернер мальчиков, давно уже стал в доме своим человеком. Елина всегда прислушивалась к его мнению во всем, что касалось их режима, воспитания и обучения. Именно он настоял, что бы мальчики продолжили занятия в школе верховой езды.

— Поймите правильно, госпожа баронесса, но первый курс и в военной Академии и в Школе Мичманов занимает только первые пол дня. Считается, что впереди ещё много времени на обучение и весь год и в школе и в академии будут давать теорию. Она останется и на следующие курсы, но сидеть целыми днями за учебниками юные господа не смогут. Начнут дурить. На старших курсах будут вводить физическую подготовку, но важно не упустить мальчиков сейчас. Никаких послаблений. Тем более, что оба любят эти занятия.

— Лер Терос, я не собираюсь с вами спорить. Если вы считаете, что так нужно — значит так и сделаем. Главное, когда мы с бароном вернемся домой — не забывайте, что мы ждем от вас писем с каждой почтой.

Но вернуться домой быстро не получилось. Её величество прибыла в дом барона Каргера днём, в сопровождении его высочества ненаследного принца Рейма и малого отряда охраны.

Барона не было дома — утром пришел вызов во дворец.

— Не беспокойтесь, баронесса, я заехала совсем не на долго.

— Я рада вас приветствовать, ваше величество! Ваше высочество!

Елина поклонилась королевской семье, но чувствовала себя несколько растеряно. Что такое могло случится, что королева нанесла визит?

— Баронесса, вы как всегда — очаровательны — принц Рейм поцеловал ей руку и не спешил отпускать.

— А вы как всегда сладкоголосы, ваше величество — Елина засмеялась и забрала руку.

— Рейм, не шали. Когда ты уже повзрослеешь, оболтус? — королева улыбалась и было видно, что она любит сына. Всё же принц был очень красив.

— Могу я предложить вам чай или кафу, ваше величество?

— Да, спасибо. Сегодня на прогулке я немного замерзла.

Переполох на кухне вышел знатный. Если бы не вовремя подсуетившийся лер Терос, чаепитие могло бы кончиться так и не начавшись.

Глядя, как бестолково мечутся горничные и как растеряна фру Крюгге, он прикрикнул на них, прошел на кухню и влил в оторопевшую от новостей фру Ларт приличную рюмку вина. Лично проследил за тем, что ставят на подносы горничным, напомнил добавить зефир и печенье. Отправил фру Крюгге найти лучшую скатерть и через пятнадцать минут в гостинной был накрыт очаровательный перекус с чаем. Парадная скатерть с вышивкой, лучший имперский фарфор и фамильное серебро. Элегантная трехъярусная ваза со сладостями. И обрезанные с любимого домашнего цветка фру Крюгге мелкие розы. С большого горшка удалось набрать вполне симпатичный букетик. Так же он распорядился быстро сварить горячий глинтвейн в самой большой посудине и подать на улицу гвардейцам.

Руки у Циры немного дрожали от волнения, но все обошлось, ни чай не пролила, ни вазочки с вареньем не опрокинула.

Беседовали о погоде, о прошедшем бале, наконец королева заговорила о главном.

— Дорогая баронесса, мне прожужжали все уши о том, что у вас необыкновенная

гостинная. Я вижу, что она и правда очень уютна и хотела заказать вам такие же покрытия на стены для малой гостиной во дворце. К н и г о е д . н е т

— Ваше величество, я с радостью познакомлю вас с рейвой Риминой Барн. Эта дама недавно открыла магазин и там можно выбрать обои по вашему усмотрению. Вовсе не обязательно копировать такой рисунок. В магазине работает молодая и очень талантливая девушка-художник, которая создаст рисунок специально для вас, в нужной вам цветовой гамме. Только назначьте день, и рейва Барн с удовольствием принесет вам все образцы и обсудит ваши пожелания.

— Я даже не слышала про такой магазин.

— Он открылся всего две недели назад, так что слухи просто не дошли до вас.

— Передайте вашей знакомой, баронесса, что завтра после обеда я заеду в магазин. — королева тонко улыбнулась. — Надеюсь, после моего визита о новом заведении узнает больше народа.

— О, ваше величество, это большая честь, я уверена, что рейва Барн сделает всё возможное для вас.

— Передайте вашей кухарке мою благодарность. Мне очень понравились вот эти белые воздушные пирожные. Как они называются?

— Это — зефир, ваше величество.

— Госпожа баронесса, а рецепт ваша кухарка мне даст? Или, выгонит меня с кухни полотенцем? — принц смеялся.

— Похоже, ваше высочество, в вашем детстве бывали подобные происшествия?

— Да, дорогая баронесса, бывали. Он и в детстве был несносным мальчишкой, и, таким и остался. Он так донимал нашу кухарку бесконечными шкодами, что однажды получил таки от нее мокрым полотенцем по спине. Грай сказал, что если, упаси единый, этот мальчишка станет когда нибудь королем, то доведет своих подданных до восстания. В тот раз, помнится, он спрятал в пирожные для малого приема около десятка пчёл. Он всегда не любил семью покойного канцлера, но это был уже перебор.

— Простите моё любопытство, ваше величество, но что ему за это было?

— О, Грай поступил очень мудро — он отправил его работать на загородную пасеку на целый месяц. И вы знаете, больше мы никогда не находили пчел в любимых пирожных канцлера.

Елина веселилась от души.

— Теперь, ваше высочество, в случае вашего дурного поведения, я буду точно знать, что положить в ваши пирожные.

— Боюсь, дорогая баронесса, в этом королевстве не хватит пчёл на такого шалопаю.

Рецепт и подробное описание процесса изготовления зефира Елина обещала прислать королевской кухарке завтра же.

— Лер Терос, я очень благодарна вам за помощь.

— Пустое, госпожа баронесса. Мне было не сложно.

— И всё же примите от меня и барона маленький сувенир.

Эти часы уже имели защитное стекло и цифры на циферблате вместо рубинов по краям корпуса.

Лер Терос носил часы на запястье и смотрел на них не меньше ста раз в день. Мужчины всегда любили дорогие игрушки, и в том мире и в этом.

Фру Крюгге и фру Ларт досталось по две серебряных монеты, горничным по одной. Все

они успели в процессе чаепития тихонечко посмотреть через тонкие дверные шторы на королеву и принца.

Разговорами женская часть дома была обеспечена на ближайшие пол года. А когда Елина предложила фру Ларт лично отвезти рецепт на королевскую кухню и дать пояснения повару, если понадобится, то пришлось налить почтенной даме еще рюмочку сладкого вина.

Барон вернулся из дворца только после обеда, немного сумрачный.

— Глен, что то случилось?

— Нет, дорогая. Но знаешь, я устал от города и, если ты не против, может быть уже вернемся домой?

— Мне нужно еще пару дней, королева хочет заказать в гостиную обои у рейвы Римины.

А потом мы можем ехать.

Вечером, перед отъездом домой, барон пригласил Санчо в кабинет и долго беседовал с ним. Немного меньше по времени занял разговор с Гантеем. После разговора оба мальчишки были сумрачны и молчаливы. Елина не сочла возможным спрашивать их или Глена.

В этот раз особых закупок не было, учителей и мальчишек тоже, поэтому ехали быстро. Дом встретил теплом, чистотой и уютом. А так же хорошими новостями. Собрана первая одинаковая партия часов. Всего три с половиной десятка, но поточный метод изготовления оценили все. Это было намного выгоднее, чем каждые часы собирать отдельно. В этом и была задумка Елины. Такие часы выходили дешевле, потому, что не нужно было рассчитывать размер каждой детальки снова. Пусть и ручная сборка, но достаточно быстро. Основная работа мастера Люта теперь сводилась к тому, что бы добиться максимальной идентичности деталей.

Дома, через два дня после приезда у барона снова был приступ. Второй за месяц.

— Еля, скоро я уйду, детка.

Елина старалась не плакать, но слезы катились по щекам против её воли.

— Я вижу, Глен. Прости, я сейчас.

Она вышла, умылась ледяной водой. Открыла окно и подышала морозным воздухом. Всё она видела и понимала, почему Глен так торопился домой — он не хотел, что бы мальчишки видели его беспомощным и умирающим. Она замечала, как слабеет барон, как становится рассеянее. Казалось, что он уже на половину ушел. Собралась, резко выдохнула и вернулась в кабинет.

— Я люблю тебя, Глен, ты самый близкий мне человек здесь, и мне тяжело думать об этом. Но я не стану тебя уговаривать. Тут решать тебе.

— Я оставил Граю завещание и назначил его исполнителем. Он проследит, что бы у Санчо был хороший опекун. Родовые земли и замок — наследство баронета. И часть часовой мастерской. А вот доля в обойном магазине, доля в стеклянной мастерской и третья часть часовой мастерской — твои. Я надеюсь, некоторое время ты поживешь еще здесь, чтобы передать потом Санчо его наследство, ну, если раньше не выйдешь замуж. Опекун будет, конечно спрашивать отчеты, но пока баланс так красив, а все налоги выплачены во время — вмешиваться не станет. Так не принято. Но я боюсь другого. Не засиживайся здесь слишком долго, как улитка в домике. Мальчишки приедут на каникулы — ты сможешь

съездить с ними в гости к своим, к морю. Бывай хоть иногда на королевских балах. Рано или поздно, детка, ты встретишь свою судьбу. Я хочу, Еля, что бы ты знала — я благодарен Единому за нашу встречу с тобой. Я не смог бы придумать для себя лучшего.

Почти каждый день Елина с ужасом замечала, как слабеет Глен. Как сильно он стал хромать — без палки уже не может ходить. Вот выпали ещё два зуба. Вот стали сыпаться волосы.

— Глен, ты передал эскизы корпуса для часов мастеру Люту?

— Эскизы? — Глен был растерян. — А ты отдавала их мне?

— Да. Но это совсем не важно, дорогой. Возможно, я положила их так, что ты не заметил.

Елина врала и это враньё рвало душу. Вчера они разговаривали об эскизах и обсуждали её рисунки. Глен просто не помнит. Он стал забывать об ежедневных посиделках за чаем. Он тает, как снежок на солнце, он просто тает...

Вечером за ней пришел Отто

— Госпожа баронесса, господин барон просит вас зайти к нему в спальню.

Глен лежал на подушке такой высохший, с совершенно белыми поредевшими волосами...

— Дорогая, мне пора. Ты посидишь со мной? Не бойся, это не долго.

Сложно сказать, как именно Елина перетерпела и спазм в горле и рвущийся из глубин души бабий вой...

Взяв его за похудевшую сухую руку она смотрела, как уходит самый близкий и родной в этом мире человек. Как тихо усыпает и сон немного разглаживает морщины, и так хочется верить, что там ему лучше, чем здесь, что это не конец, а начало его новых жизней. Прими его Единый в свои ладони...

Похороны собрали почти весь город. Столб с прибитым свитком, где перечислялись титулы и награды барона завалили лапником и оборванными домашними цветами. Наверно во всем городе не осталось цветущих растений. Тихо пели жрецы храма. Многие жители плакали. Елина стояла, смотрела на костёр и даже не замечала, как льются сами собой слёзы. Глен ушел. Совсем ушел. Никого ближе у нее не было. А одиночество наваливалось на нее тяжёлой серой тушей...

С королевской почтой она отправила официальное письмо во дворец. Написала письмо мальчикам. Написала письмо леру Теросу. Отдельно — Морне и Варе. Делала еще какие-то совершенно непонятные и нужные дела. Что-то все время забывала. Часто слышала ворчание Люты, что так нельзя и нужно есть. Но аппетита не было.

Случайно вывел её из этой апатии фром Дюше. Он никогда не был слишком церемонен, но в этот раз, кажется, перешел все границы. Он просто схватил её за руку и потащил в сад, там он с возмущением тыкал в ящики с какой то жиденькой зеленью стоящие на телеге и требовал не меньше, чем смертную казнь для поставщика. Крестьянин, который привез их, мялся под напором Дюше и басом выговаривал

— Дак чево погрузили, я тово и привез. А моё дело маленько...

— Да разве это мыслимо в саду высаживать? Ведь в записке написано — голубой палий, а это что? Это что такое, я вас спрашиваю?

— Дак чево погрузили, я тово и привёз...

— Госпожа баронесса! Немедленно решите эту проблему! Разве позволительно так издеваться надо мной! Я служу вам верой и правдой, но каждому терпению положен предел! Я не в силах выносить эти издевательства!

Похоже, этот разговор ходил по кругу уже не первый раз.

Кто знает, что произошло, но как будто лопнуло грязное стекло, отгородившее Елину от мира. Она вздохнула и увидела, что уже весна и скоро зацветут вишни. Что на кустах крима пробивается первая робкая зелень, и воздух в лучах солнца слегка дрожит от теплых влажных испарений. Мир просыпается от зимней спячки. Пожалуй, пора очнуться и ей...

Для утешения фрону Дюше пришлось пообещать выписать из Империс лиловый кольник, цветок, любящий каменистую почву и дающий съедобную ягоду. Очень, очень полезную ягоду, баронесса!! Но очень редкий и дорогой. В королевстве он рос только в теплицах. Раньше Елина считала такие траты неоправданными. Но если фром Дюше хочет — он своё получит! Значит нужно ставить теплицу.

Елина с нетерпением ждала каникул. Письма от лера Тероса она поучала с каждой почтой, лер был на редкость аккуратен и педантичен. Она знала всё об учебе и питании, о росте и занятиях, но разве способны письма заменить живое общение?

Шум во дворе раздался очень серьезный. Все дворовые собаки замка, солидные и раздобревшие за последние годы бесились и рвались с цепей. Елина выглянула в окно. Мальчишки! Наконец то приехали мальчишки!

Восемь солдат охраны, девятый — капрал Зин. Он таки смирился с отсутствием карточных игр и не плохо прижился в замке. Карета с королевскими гербами, откуда солидно спускается лер Терос и какой-то высокий и статный красавец. Его сопровождал невысокий шарикообразный лакей. Вместе они выглядели, пожалуй, забавно. И мальчишки — верхом, в сопровождении громадных черных чудищ. Чук и Гек обещали стать крупными псами, но Елина не ожидала, что — настолько.

— Добро пожаловать в замок... — Елина вопросительно смотрела на незнакомца.

— Маркиз Пико, опекун баронета Каргера, к вашим услугам, госпожа баронесса.

— Я рада вас приветствовать, маркиз Пико. Отто позаботится, что бы вы отдохнули с дороги. Отто, проводи господина маркиза в голубую комнату и позаботься о госте.

— Линка! А правда, что мы поедem к морю? — Гантей никогда не отличался терпением.

— Лер Терос, как доехали?

— С большими удобствами, госпожа баронесса. Господин маркиз умеет путешествовать с комфортом.

Мальчишки выросли. Не слишком сильно, но подросли. У баронета на лице расцветают первые вестники пубертата — юношеские прыщи. Надо будет подобрать ему диету и крем. Гантей стал шире в плечах и немного взрослее. Оба поцеловали ей руку, прямо юные благовоспитанные придворные кавалеры. Но Гантей не выдержал и обнял ее, а мнущегося баронета Елина обняла сама. Слезы у всех на глазах, но все сдержались.

Ужин, почти семейный, если бы не маркиз Пико. Вежливые вопросы о дороге и вежливые ответы маркиза. Завтра будет время для серьезного разговора.

Беседа об учебе и их друзьях, о планах на лето — обязательно путешествовать, о том, что Чук и Гек уже совсем взрослые и всё знают все команды. И даже поймали воришку, который пытался стянуть кошелек Гантея.

— А я как закричу — "Фас" и Гек как прыгнет!!!

— Ага, а я Чука еле сдержал на поводке!

— А что с воришкой?

Мальчишки замялись.

— Ну, Елина, ему есть нечего было...

— Он сирота, Еля...

— Так и что с ним?

— Ну, фру Ларт давно говорила, что ей помощник нужен на кухне.

— Лер Терос?

— Мы обсудили эту проблему с молодыми господами и взяли мальчика в помощники фру Ларт. Я не стал писать вам, потому что письмо пришло бы после того, как мы приехали.

- Возможно, не самое здоровое решение, молодые господа — вмешался маркиз.
- Зато доброе — сказала Елина. — Надеюсь, что оно, это решение, окажется верным.
- Он может обокрасть дом в отсутствии хозяев.
- А может и не сделать этого. Поживем — увидим, господин маркиз.

После ужина маркиз передал Елине большой пакет с письмами.

Утром, после завтрака маркиз попросил собрать в зале всю прислугу и охрану. Первая часть завещания относилась к ним.

Барон оставил небольшие суммы всем обитателям городского дома, по несколько золотых на человека. Не забыл и своего бывшего ординарца. В завещание так же были включены старые слуги, из которых уже никто не работал в замке. В том числе и тётушке Фай достались два золотых. Три получил капитан охраны и по одному солдаты. Пять досталось лер Теросу, что вызвало слезы на глазах у него. Пять — рейву Барну. По три золотых получили Люта и Отто. В целом, не было ничего необычного.

Вторую часть завещания, касавшуюся непосредственно членов семьи и воспитанника маркиз предпочел зачитать в кабинете.

— Я, барон Глен Каргер, стоя в преддверии встречи с Единым, в обеспечение своей семье оставляю:

— Титул барона и поместье с замком — моему внуку, двенадцатому баронету Каргеру, Санчо Каргеру.

— Третью часть доходов от часовой мастерской — Санчо Каргеру, барону.

— Мои шпаги и прочее оружие, каковое имеется в доме — Санчо Каргеру, барону.

Список прилагается.

— Деньги в сумме четырех тысяч золотых, хранящихся в доме в сейфе кабинета — в равных долях барону Санчо Каргеру и баронессе Елине Каргер

— Мой городской дом — моей вдове, баронессе Елине Каргер.

— Третью часть доходов с часовой мастерской — баронессе Елине Каргер.

— Пятнадцать процентов принадлежащих мне с прибыли обойного магазина — баронессе Елине Каргер.

— Всю прибыль от фарфоровых изделий, производящихся в поместье — баронессе Елине Каргер.

— Все украшения, находящиеся в доме и составляющие большую часть фамильных драгоценностей — баронессе Елине Каргер. Исключение составляют:

1. Фамильный перстень Каргеров, который перейдет барону Санчо Каргеру.

2. Парюра женская с сапфирами, общей сложностью 15 предметов, как то — диадема, колье тонкое с тремя камнями, перстень и два малых перстня, колье с 7 крупными камнями и парные браслеты, две броши и шпильки общим числом 5 — барону Санчо Каргеру. Для подарка жене. Выдаче барону подлежит после свадебной церемонии.

3. Кортик торской стали, в парадных ножнах отделанных золотом и пятью рубинами — на память моему воспитаннику Гантею Фуру.

4. Пояс мужской отделанный золотыми пластинами и десятью мелкими рубинами — мэру города Гарда, рейву Ташу.

— Две тысячи золотых монет, хранящихся в гильдии Мореходов у главы гильдии, рейва Торно — моему воспитаннику, Гантею Фуру. Расписка на хранение прилагается.

— Чек на оплату учебы в Школе Мичманов за все три года — Гантею Фуру.

— Далее, дамы и господа, идут подписи свидетелей. Подпись барона заверена личной

печатью его королевского величества.

Все молчали.

— Господа наследники, я, как представитель короны, спрашиваю вас, все ли согласны и нет ли взаимных претензий или возражений?

Все молчали.

Маркиз удивлённо вздернул брови.

— Нет, нет у меня никаких претензий и возражений — хриплым голосом сказала Елина. — Говорить было ей трудно, спазм в горле и наворачиваются слезы.

— Тоже нет, претензий и этих... возражений — Санчо держался. Никаких слез. Он теперь — двенадцатый барон Каргер. Он обязательно будет как дед, такой же умный и такой же мужественный.

Гантей отвернулся к окну и вытер глаза. Соринка, наверное попала. У него пока не хватало словарного запаса, чтобы сформулировать даже для себя, что именно сделал для него барон. Он просто понимал, какой мир и возможности открыли ему уроки барона. А ведь мог бы сейчас торговать рыбой и ничего этого не знать. Стыдно было вспоминать, как сперва он пытался бунтовать против обучения.

Елина подошла и положила руки на плечи мальчиков. Пусть это и не слишком правильно с точки зрения этикета, но они должны понимать, что семья — есть, что они и есть — семья. Даже без барона они есть друг у друга и это — самое важное и самое главное в жизни.

— Госпожа баронесса, я думаю, вам найдется, о чем поговорить с юными господами, но завтра я хотел бы обсудить с вами некоторые детали. Когда вам будет удобно?

— Господин маркиз, думаю — после завтрака.

Вечером, сидя в кабинете, Елина разбирала почту. Соболезнования от городских соседей, соболезнование от их королевских величеств. Отдельная записка принца Рейма с соболезнованиями и предложением помощи. Письмо от рейвы Барн с отчетом и соболезнованиями. К письму приложен приличный мешочек золотых. Письмо от Фиша, с соболезнованиями. Так же баронет Шариз спрашивал разрешения навестить "скорбящую вдову". Всё вполне прилично... Стервятник.

Елина написала отказ в визите ссылаясь на строгий траур.

— Присаживайтесь, господин маркиз. Чай, кафу?

— Благодарю, госпожа баронесса. Чай, пожалуй.

Люта разлила напиток по чашкам, поправила вазу с цветами, подвинула на середину блюдо со сладостями и вышла.

— Дорогая баронесса, его величество просил узнать о ваших дальнейших планах на жизнь. Барон Каргер имел длительную беседу с его величеством и оставил устные распоряжения — вы вправе жить в поместье столько, сколько вам заблагорассудится. У вас есть небольшой городской дом. В зависимости от вашего решения я и буду действовать.

— Что значит действовать, господин маркиз?

— Если вы решите перебраться в столицу, то здесь будет нужен управляющий.

— Господин маркиз, у нас есть рейв Барн. Он прекрасно справляется со своими обязанностями.

— Сударыня, вы позволите совет?

— Да, конечно.

— Вам после смерти барона необходим минимум год строгого траура. Вы не можете жить одна в замке с молодым дворянином, это вызовет нехорошие толки. Вы можете или переехать в столицу или нанять компаньонку.

— Благодарю, господин маркиз, за дельный совет. Было бы замечательно, если бы вы подсказали, кого можно пригласить на эту должность. Мне неловко вас обременять просьбами, но у меня слишком мало знакомых в столице.

— Да, так его величество и думал, что вы решите остаться здесь. Её величество просила вас подумать о кандидатуре рейвы Сарин. Это очень достойная дама овдовела около трех лет назад, ее финансовые обстоятельства не слишком благополучны, но она отличается безупречными манерами и порядочностью. До замужества она несколько лет была фрейлиной королевы, неудачный брак закончил её карьеру. На данный момент ей чуть более ста лет. Я лично знаком с ней, и, вслед за её величеством, рекомендовал бы вам выбрать именно её.

— Замечательно. Я сегодня напишу ей письмо и спрошу, согласится ли она, вы сможете передать ей?

— Безусловно, госпожа баронесса. Раз вы приглашаете компаньонку, то, как я понимаю, вы собираетесь остаться в поместье? Это точно? Вы не передумаете?

— Да, господин маркиз, это — точно.

— Тогда есть такой вопрос. Стоит ли мне назначить сюда эконома или заботы по присмотру за мастерскими вы возьмете на себя? Как вы понимаете, рейва Барна необходимо контролировать.

— Что потребуется от меня, если я соглашусь присматривать?

— Проверка всех его финансовых решений и проверка финансового отчета. Это условие обговаривал ваш покойный муж с королем. Обычно, такой выбор не предоставляется, но в данном случае решение оставлено за вами. Господин барон, похоже, очень доверял вам. Мне вы, раз в пол года, будете отправлять отчет лично. Если вы надумаете сменить место жительства, будьте так любезны, предупредите меня заранее.

— Думаю, я вполне справлюсь. Что я должна делать с прибылью?

— Вы будете брать из неё деньги необходимые на содержание и ремонт замка, оплату слуг и охраны. Я думаю, я не стану возражать против вашего садового увлечения. Это дорогая игрушка, но она, безусловно, поднимает стоимость замка. Оставшиеся деньги не стоит пересылать туда-сюда. У вас надежный сейф и хорошая охрана. Храните их здесь.

— Если я надумаю открыть еще одно производство? Я смогу воспользоваться частью денег?

— Похоже, госпожа баронесса, вам очень дорог молодой баронет. Насколько я понимаю, у вас вполне достаточно средств, что бы не брать его в долю.

— Он — часть моей семьи, господин маркиз.

— Думаю, госпожа баронесса, молодому Каргеру очень повезло. Я бы хотел осмотреть ваши действующие мастерские. Мне придется отчитываться перед королём лично. Раньше я несколько раз бывал по делам в этом замке. То, что я увидел у вас сейчас, тот уют и удобства, что вы привнесли сюда... Да, я даю вам такое разрешение. Думаю, вы ничего не сделаете опрометчиво и барон Каргер вступит во взрослую жизнь гораздо более богатым человеком.

— Тогда, господин маркиз, мне хотелось бы получить у вас консультацию по вопросам патентного права.

— Боюсь, дорогая баронесса, здесь я не слишком компетентен. Но мы с вами сделаем так — вы изложите все ваши вопросы на бумаге, а я, в свою очередь, найду хорошего специалиста, который вам всё разъяснит. Так вам будет удобно?

— Благодарю вас, вполне. Письмо вы можете переслать в поместье. Летом я с молодыми господами собираюсь предпринять небольшое путешествие к родителям фрома Гантея. Потом мы вернемся сюда и остаток лета молодые люди проведут здесь. Заодно юный барон начнет брать у рейва Барна уроки по управлению своими землями. А я займусь оформлением патента.

— Простите моё любопытство, дорогая баронесса, но на что именно вы хотите получить патент? Спаси Единый, я не выпытываю производственных тайн, но мне просто интересно.

— Это будет патент на глиняную посуду.

Брови маркиза поползли вверх.

— Я слабо представляю себе, что в глиняной посуде может таиться что то новое и необычное, что принесет вам доход. Вы уверены?

— Дорогой маркиз Пико — рассмеялась Елина — я понимаю ваше любопытство и обещаю, что как только оформлю патент — вы будете первым пользователем моей задумки. Обещаю, вам — понравится.

Маркиз провел в замке еще четыре дня, тщательно проверил все счета и записи рейва Барна и остался доволен порядком в бумагах. Пообщался с мэром Ташем, посетил стеклодувную мастерскую.

— Я передам его величеству, что все дела у вас ведутся на редкость аккуратно и

прибыльно. Все ваши письма и распоряжения для городского дома я тоже передам. Ждите рейву Сарину примерно через месяц. Прощайте, дорогая баронесса и позвольте сказать вам — ваши часы — просто чудо.

Маркиз любовно посмотрел на запястье с подарком, распрощался с юношами и рейвом Барном. О чем то еще поговорил с лером Теросом и отбыл в прекрасном настроении. Всё же это дело, порученное его вниманию лично королем, обещало быть на много менее хлопотным, чем он опасался.

— Рейв Барн, присаживайтесь. Лимонад?

— Да, госпожа баронесса. — Рейв улыбался.

Когда он от безысходности нанимался учителем, мог ли он думать, что найдет такое замечательное место. Хозяйка даже помнит его вкусы и никогда не позволяет себе подчеркнуть разницу в их положении. Жаль старого барона, замечательный был мужик. Ну, по крайней мере он сделает всё возможное, что бы семья не сталкивалась больше с типами вроде Бюве.

— Рейв Барн, я думаю, наше хозяйство слишком разрослось.

— Вы боитесь, что я не справлюсь?

— Нет-нет, что вы! Я очень довольна вашей работой, но думаю, что нужно найти хозяйственную пожилую даму и переложить на нее работы по дому. У вас и так более, чем достаточно забот. И еще заниматься прислугой и следить за закупкой продуктов и прочими мелочами — слишком обременительно. Нам нужна экономка. И, прошу вас, не волнуйтесь, ваша зарплата останется прежней. Пожалуй, я даже немного подниму её. Без вас мы бы не справились так со всеми проблемами. Так что этот подарок — вам.

Очередные часы украсили запястье Барна. Красавец слегка замялся.

— Госпожа баронесса, у меня есть на примете дама, отвечающая всем вашим требованиям. Ну, почти всем.

— Почти? Что не так с вашей дамой?

— Она не слишком пожилая.

— Расскажите мне о ней, пожалуйста.

— Рейва Мира Клив проживает в Гарде с матерью. Из обедневших дворян, мать имеет маленький доход с двух лавочек. Рейва Клив устроилась на работу гувернанткой в семью купца. У неё на попечении две девочки. Но зарплата очень мала. Пожалуй, это всё.

— Рейв Барн, давайте говорить откровенно. Насколько я понимаю, у вашей кандидатуры нет никакого опыта ведения хозяйства. Есть еще какие то доводы в пользу рейвы Клив?

— Госпожа баронесса, я обещаю, что буду всецело помогать рейве Клив.

— Ага... Я так понимаю, рейв Барн, у вас есть некий личный интерес в том, чтобы именно рейва Клив заняла место домоправительницы?

Рейв Барн совершенно замечательно краснел, пыхтел и мялся.

— Ну, госпожа баронесса, понимаете, она очень серьёзная и старательная девушка.

— И, наверное, очень красивая? Её мама переедет вместе с ней?

— Понимаете, они не очень ладят, старшая рейва Клив настаивает на браке с одним господином...

Елина засмеялась и не стала больше его мучать.

— Хорошо, рейв Барн. За это время вы показали себя прекрасно, так что набор прислуги находится в полном вашем ведении. Вы можете предложить рейве зарплату в один золотой в

месяц, ну, и как обычно — жильё, стол и одежду.

— Благодарю вас, госпожа баронесса. Вы очень много сделали для меня.

— Я надеюсь, что ваша служба в этом замке не прервется с появлением у вас жены?

— Госпожа баронесса, вряд ли я где-то найду условия равные вашим. И деньги ещё не всё. Ваше отношение к наемным работникам и к прислуге для меня — самое ценное, что есть в этой службе. Храни вас Единый.

Отпуск — самое прекрасное время. Никаких дел и забот. Елина подошла к идее путешествия очень ответственно. Когда прибудет компаньонка вряд ли она сможет позволить себе такие скачки на перегонки с мальчишками, ночевки в палатке и еду с костра. Охрану она взяла, без этого — никак, но они все люди привычные, их скоростью не испугаешь и ночевкой в палатке не удивишь. Рейв Пирр возглавлял отряд лично, оставив замок на помощника.

Елина еще в дома проследила, что бы палатки были пропитаны водоотталкивающим составом очень тщательно, палатки — удобнее, чем полог. Никаких телег, никаких карет, колясок и домиков. Три свободных коня, несущие на себе груз палаток и еду на небольшой отряд. Немного сменной одежды. По дороге закупали свежие продукты. В городах не останавливались — зачем нужны грязноватые трактиры.

Мальчиков Елина ставила рядом с собой и учила готовить каждый вечер — кто знает, что и когда пригодится в этой жизни. Солдаты, в первый вечер смотревшие на неё с подозрением и боявшиеся остаться голодными — что там эта барыня сможет? — благостно вздыхали перед каждым ужином и напоминали голодных умильных котов у глечика сметаны. Вот ведь удивительно, ну никто же не морит голодом, на кухне в замке прекрасно готовят и кормят досыта. Или это от свежего воздуха у них такой аппетит? Хотя, Елина и сама ела с удовольствием. С костра вся еда — вкуснее.

Когда впереди показалось Приморское — Гантей пришпорил коня и рванул вперед.

Елина спешила уже под радостные причитания Морны.

— Да моя ж ты девонька, дак кака красавица стала и барыня. Радость ты моя, как жа я скучала-та!

Глаза у всех были на мокром месте, порцию объятий и причитаний получил и Санчо.

Всё же как хорошо дома!

— Вот они, красавцы мои, смотри!

В маленьком загончике под навесом топтались толстопопые младенцы. Хотя, не такие уж и младенцы — уже год мальчишкам. Пухленькие, хорошенькие — глаз не отвести. Мир и Том. Молчаливые и серьезные. Елина взяла Мира на руки — непередаваемый детский запах, молоко, чистое детское тельце, и что-то медовое и луговое, явно выкупан в травяном отваре. Увесистый-то какой! Она уже забыла, какими милыми бывают дети в этом возрасте.

Вара немного поправился, он теперь не просто так, а — лавочник, у него в городе еще и одеялами торгуют. Теперь — только из чистой шерсти, лучшие в городе! Вот так вот!

Гана и Крей совсем не изменились, а вот Морна — прямо цветет. И платье на ней яркое, хоть и не ждала гостей, и волосы подобраны в сетку с бусинками. немного поправилась и сильно похорошела. Ничем не напоминала ту серую тетку в унылых и несвежих тряпках.

Встречу Гантея и Васо стоит описать отдельно. Васо влез ему на плечи и терся об щеки так, что румянец не сходил еще долго, ходил хвостом за ним всё время пребывания и даже снисходительно играл с листиками, которые Гантей привязывал на нитку. Весь отпуск Гантей проходил с тяжелым меховым воротником на шее. Это был уже очень солидный крупный кот со слегка порванным ухом. Предводительство в стае собратьев далось ему не просто так.

Морна распустила на месяц мастериц и мальчикам досталась их старая комната. Кровать барона, ту, что с пологом отдали Елине. Ну, не выселять же Гану и Крея. Тем более, что дом Ганы они сдавали.

Много разговаривали, вспоминая барона Морна плакала.

— Золотой мужик-та был, чо уж тама, прости Единый дурищу, что не хотела свадьбы-та вашей. Но ведь как жалко-та его...

Но потом смотрела на вымахавшего Гантея — совсем уже взрослый-та какой! — слушала его несколько хвастливые рассказы о школе, о преподавателях и снова смахивала слезу — умиления. Подкармливала худощавого Санчо разными деревенскими лакомствами — и сливочек, сливочек-та на пирог полей, совсем уж тебя заучили тама!

Елина в охотку возилась с близнецами — так странно, похожи как две капли воды, а характеры — совершенно разные. Том молчаливее, упрямее. Мир — ласковый обнимака.

Вара возил ребят на рыбалку, купались по жаре в маленьком заливе чуть дальше за деревней, помогали таскать дрова, хоть особой нужды и не было, катались на конях под присмотром рейва Пирра. Каждый вечер обязательно после ужина долго чаёвничали.

Месяц пролетел так быстро...

На дорожку Морна всплакнула. Но всё же гордость за Гантея пересилила — Учись тама хорошо, Елю слушайся и сЕмью не позорь — напутствовала она. Нацеловала всех ещё раз, погладила по голове и обняла Санчо — жалела очень, осиротел ведь мальчик-та.

— Ты уж Елинька, его балуй иногда, так ведь жалко, совсем ещё ребенок-та — шептала на ухо на прощание.

— И пиши мне про все, чо тама у вас случается-та, да как учатся мальчики — про всё и пиши. Очень я без вас скучаю!

Обратная дорога пролетела так же быстро. Сперва мальчишки немного грустили, но юности не свойственно долго киснуть. Так что через пару дней они снова гоняли на перегонки с рейвом Пирром или Елиной, дежурили вечером у костра и пол ночи хихикали в палатке.

В замке их встречали слуги, рейв Барн и очаровательная хрупкая блондинка, которую он представил хозяйке:

— Госпожа баронесса, это наша новая экономка, рейва Клив.

Девушка улыбнулась и поклонилась

Ну, на первый взгляд — милая и приятная особа. Посмотрим, как будет справляться. Вряд ли Барн за месяц смог ее всему научить, но, с другой стороны — видели очи, шо куповалы... Он взял, ему и мучаться.

Скажем честно, рейв Барн не выглядел измученным. Напротив, благородный рейв цвел и улыбался. Пару дней Елина позволила себе отдохнуть. Просто сидела в саду с книгами, ничем особым не занимась.

Приехала рейва Сарин. Среднего роста, элегантная, немного сухопарая. Дорогу дама перенесла плохо и Елина поручила её заботам Люты. Предложив рейве отдохнуть, сколько ей потребуется. Разместили её в комнатах для гостей с кремовыми обоями. Люта сказала, что рейва всем довольна. Пусть отдыхает, у них еще бедет время познакомиться.

По договоренности Елины с рейвом Барном он брал теперь в свои поездки по деревням обоих мальчиков и даже, специально для них, выехал в очередной рейд пораньше. Пусть оба учатся. Вряд ли они будут в восторге от того, что придется заниматься еще и бумагами, но в этой жизни чем больше умеешь — тем лучше. Управление землями — не такая простая

наука, как кажется. Оставшееся от каникул время они посвятят основам ведения большого хозяйства. Лучше узнают, что и как в деревне происходит. Гантею то, понятно дело, будет немного проще. Но одно дело жить в деревне и знать такой образ изнутри, а совсем другое — знать как управлять этим, как собирать налоги, как следить, что бы крестьяне не голодали и не мерзли, но и не воровали, допустим, лес. Возможно, баронет решит организовать для деревенских детей школы. Она не станет возражать. Нужно пробовать, нужно смотреть, как отнесутся местные к этому.

А уж следующим летом можно будет отдать их на выучку мэру Ташу. Тоже может пригодится. Да и людям полезно посмотреть на молодого хозяина. Пусть видят, что он заботится о них.

Рейва Сарина вышла к завтраку только на третий день. Держалась чуть отчужденно. Познакомилась за завтраком с мальчиками и лером Теросом. Приветливо кивнула рейву Барну и краснеющей рейве Клив. После завтрака Елина предложила побеседовать в кабинете за чашечкой чая или кафы.

Рейва выбрала кафу.

— Рейва Сарина, я хотела бы обговорить с вами вопросы вашего проживания и оплаты. Обычно, для служащих условия такие — жильё, питание, одежда и некоторая сумма денег. Но сейчас я в затруднении. У меня никогда не было компаньонки, я не представляю, сколько должна составлять ваша зарплата и в чём именно состоят ваши обязанности.

— Госпожа баронесса, если мы с вами сработаемся, то мне придется жить здесь до вашего замужества, сопровождать вас в поездках, в походах в магазины и в гости. Молодой даме неловко выходит из дома одной. Если будет нужда, я смогу помочь вам в распоряжениях по дому. Но тут, честно говоря, я сомневаюсь, что вы нуждаетесь в помощи. За три дня я убедилась, что дом содержится отлично, кухня превосходна и прислуга воспитанна и любезна. Если у вас будут гости — я буду помогать вам принимать их. Компаньонка может оказывать услуги секретаря. В общем-то это — всё. Но если мы поладим, я окажу вам любую нужную помощь. Зарплата компаньонки в столице колеблется от половины золотого до пяти золотых в месяц. Зависит от нагрузки, обязанностей, возложенных на компаньонку. Чем моложе и родовитее подопечная — тем выше зарплата, как правило. С юными девушками труднее ладить, с ними приходится выезжать в свет и следить за поведением. Цен в провинции я не знаю, но думаю, что они несколько ниже. И одежда, как правило, не предоставляется. Это всё, что я могу сказать.

— Не думаю, что во время траура у меня будет избыток гостей. Одежду мы предоставляем всем служащим, не думаю, что вы откажетесь от некоторого обновления гардероба. У меня приличные швеи, а раскрою я часто занимаюсь сама. Ну, на первое время, если я предложу вам три золотых — сочтете ли вы это достаточным?

— Более чем.

— Тогда, если вы не против, я покажу вам дом и сад. И еще, в эти дни о вас, в основном, заботилась Люта. Это моя горничная, так что вам предстоит найти себе горничную по вкусу. Думаю, любая из девушек будет счастлива такому карьерному росту. А горничную для уборки мы всегда сможем нанять в городе.

— Пару раз мне приносила чай молодая девушка, кажется, ее зовут Кица. Если возможно, то думаю это хорошая кандидатура.

— Прекрасно, я распоряжусь и она будет приставлена лично к вам.

Елина водила рейву Сарину по дому и недоумевала, чем она займет эту даму. Ну, ладно, положена ей компаньонка, но ведь не может же она всё время тратить на развлечение этой дамы. В конце концов рейва не гостья, а служащая. Но никаких гостей Елина не ожидала и визиты наносить не собиралась. Секретарь ей не нужен, пока, во всяком случае. Непонятно, чем себя целый день будет занимать почтенная рейва.

Страхи оказались напрасны. Рейва Сарина с удовольствием гуляла в саду, непонятным образом добившись внимания фрома Дюше. Он настолько расположился к рейве, что разрешил ей посещать свою драгоценную теплицу даже без его сопровождения. Во время

завтраков-обедов рейва поддерживала непринужденную беседу с лером Теросом, иногда немного выговаривала мальчикам за слишком шумное поведение, но делала это столь деликатно, что не вызывала у них раздражения. Днем она часто сидела с книгой или вышиванием, она оказалась незаурядной вышивальщицей. Иногда заходила к швеям и обсуждала с ними разные детали своего туалета. Несколько раз сопровождала Елину в поездках в магазины, в мастерскую, где делали глиняную посуду и к фромму Сорму, где Елина заказала несколько ваз из тонкого цветного стекла.

дела, кстати, у Сорма шли великолепно. Заказами он был завален так, что думал не поставить ли еще одну мастерскую. Иначе очередь на шары и вазы грозила растянуться на месяцы. Тем более, что каждые две недели, с приходом королевской почты, очередь только росла.

Днем Елина частенько проводила время на кухне. Пришли заказанные ей глиняные банки и она усердно обучала повариху и сама занималась консервацией. Всё же зимой приятно будет открыть банку салата или компота. Да и мальчикам в городе такие запасы не помешают.

Как-то незаметно рейва Сарина влилась в жизнь семьи. Изредка, по вечерам, когда все собирались в малой гостиной, она рассказывала истории из жизни королевского двора. Маленькие, ироничные и поучительные. Нельзя сказать, что она стала жизненно необходима, но и отторжения не вызывала. Даже Чук и Гек относились к ней вполне добродушно и позволяли иногда себе подойти к рейве, спихнуть мордой книгу или вышивание с её коленей и подставить лобастую голову под её маленькие ручки. Рейва охотно почесывала нужные места, а однажды Елина поймала ее на том, что во время чаепития дама ловко "уронила" пару пирожных аккуратно под нос и одному псу и второму.

Лето кончилось слишком быстро и мальчики с лером Теросом под охраной капитана Пирра отправились в столицу. Елина обещала им прислать фрукты в сиропе и салаты, как только закончится сезон заготовок.

Консервных крышек не существовало, но Елина решила эту проблему довольно простым способом. Глиняные обливные горшки, которые она заказала в мастерской, имели по краю горлышка глубокую бороздку. Ровно в эту бороздку входил довольно высокий край крышки. Все консервы тушились и варились прямо в горшках. А для стерильности она заливала в бороздку кипящий воск. Конечно, возить такие консервы было бы не очень удобно, но делать их дома — почему бы и нет? Поразмыслив, она решила не брать патент на горшки такой формы. Денег ей и так хватало, ни к чему лишние разговоры. Но решила, как и обещала, вместе с грузом для мальчиков послать некоторое количество на пробу маркизу Пико и, через него, несколько фруктовых ассорти отправить к столу королевы. Если их величества заинтересуются таким способом сохранения продуктов, то пусть сами решают, нужен ли патент или отправить изобретение в народ.

Отметили день Сонный день посещением храма, Елина постояла под заунывное пение и попросила у Единого прощения за все грехи. Вспомнила, как отмечали такой день с Морной, тогда еще почти здоровым бароном и немного поплакала. Но это были скорее слезы принятия, а не горечи.

Через два дня пришла королевская почта.

Набор писем и новостей был стандартный. Письмо от лера Тероса и записки мальчиков, письмо от рейвы Барн с отчетом и деньгами. Два почти одинаковых письма от городских соседей, со слезной просьбой помочь побыстрее продвинутся в очереди на стеклянные звезды, так называли в столице крашенные шарики. И письмо от некой маркизы Креп, с предложением знакомства.

Елина несколько озадачилась. Подумав, с этой проблемой она решила обратиться за советом к рейве Сарине.

Рейва перечитала письмо и посоветовала отправить приглашение.

— Дорогая баронесса, вам уже нет нужды соблюдать строгий траур, и, мне кажется, пора обзаводиться знакомыми. Маркизы Креп — ваши ближайшие соседи, их замок в двух днях пути. Вполне возможно, в лице маркизы вы обретете приятную собеседницу и подругу. Вы очень молоды, и слишком погружены в дела. Так можно застрять на кухне на всю жизнь. Пройдет время, молодой баронет женится и приведет сюда супругу. Кто знает, как сложатся ваши отношения с ней. Всегда полезно иметь какие то варианты. Помочь вам составить письмо?

Ответ был написан и отправлен с гонцом. Елина приглашала супругов Креп посетить её замок. С гонцом был получен ответ, что супруги придут с визитом к концу следующей седмицы.

Елина лично проверила покои, отведенные паре, но похоже рейва Клив вполне справлялась с обязанностями. Комнаты были вымыты, протоплены, стоял небольшой букет цветов из теплицы и графины с легким вином и водой, постель взбита и всё просто отлично. Подумав, что стоит сделать рейве маленький подарок Елина занялась собой. Гостей она не принимала очень давно, так что всякие хлопоты по этому поводу были, пожалуй, даже приятны.

Пара прибыла ближе к вечеру. Елине стало плохо. Такой гадости она не ожидала.

— У вас чудесный замок, баронесса! Позвольте вам представиться — маркиз Креп. — Он ловко поклонился и чуть выдвинул вперед молодую блондинистую пышечку. Сам маркиз был невысок ростом, пухловат и миловиден, как херувим-переросток.

— Моя жена, маркиза Фелиция Креп. — поклон и улыбка от дамы.

— Мой кузен, баронет Шариз — глядя Елине в глаза ей улыбался и кланялся Джем Фиш.

— Рада видеть вас в своем замке. Надеюсь, вам будет у меня достаточно удобно. Позвольте представить вам мою компаньонку, рейву Сарину. Отто проводит вас в ваши комнаты. А вас, баронет Шариз, я попрошу выпить с нами чашку кафы с дороги, пока вам приготовят покои.

Как Елина радовалась, что у неё есть рейва Сарина. Ей больше не казался ненужным и бессмысленным расход на компаньонку — оставив баронета пить кофе с рейвой она ушла, сославшись на необходимость лично присмотреть за подготовкой достойной гостя комнаты. Покои для него она выбрала максимально удаленные от своих.

К обеду гости вышли отдохнувшие и посвежевшие.

Поддерживать беседу оказалось не так и сложно. Маркиза Фелиция была веселой добродушной болтушкой. Маркиз Креп налегал на еду и довольно жмурился. Когда же

подали десерт — консервированные фрукты со взбитыми сливками на тонкой бисквитной подушке — он вообще выпал из разговора, всецело занятый лакомством. Зато маркиза не столько ела, сколько любопытничала. Её интересовало всё — где именно сделаны такие покрытия на стены и как готовят такую сочную буженину, кто шил ваше очаровательное платье, госпожа баронесса и как вы сохраняете фрукты в сиропе так долго? Где учится юный баронет и помолвлен ли он? Хорошо ли уродились в этом году вишни и можно ли будет позднее посмотреть теплицу? В её вопросе не было злых подковырок или завуалированных попыток оскорбить. Она ничем не напоминала светских дам, вполне милая деревенская простушка. И такая беседа доставляла бы Елине удовольствие, она с радостью делилась бы с маркизой рецептами и идеями если бы не навязчивые попытки баронета Шариз свести беседу к светским комплиментам.

Елину давным-давно перестала восхищать мужская красота баронета, переносить его навязчивость было все труднее. Дай Единый здоровья рейве Сарине, она несколько раз переводила беседу с баронетом на обычный светский уровень. А вот маркиза Фелиция, кажется, была очень довольна интересом родственника к Елине. Возможно, идея породниться таким образом с молодой баронессой, да еще и ближайшей родовой соседкой казалась ей замечательной.

Вечер тянулся и тянулся, уже были съедены десерты, выпит через некоторое время чай со сладостями. Мужчины распили на двоих бутылку крепкого бренди, дамам было предложено что-то вроде слабой фруктовой наливки с богатым вкусом — рецепт от рейвы Сарины.

Наконец маркиз поблагодарил за вечер и сказал, что устал в дороге. Елина была рада возможности улизнуть с посиделок сославшись на обязанности хозяйки. Проводив супругов до их комнат она решила не возвращаться в гостиную. Люта помогла ей раздеться, расчесала волосы, сплела слабую косу. Она зайдет и передаст рейве Сарине извинения и сошлется на то, что у Елины разболелась голова. Пусть рейва принесет её извинения гостю. Через некоторое время она услышала в коридоре шаги. Рейва и баронет разошлись по комнатам. С облегчением вздохнув она уснула.

Тяжесть навалилась внезапно, она даже не успела закричать. Чужая рука шарилась по телу, стараясь задрать сорочку, вторая прочно зажимала рот. Человек был силен и не слишком обращал внимание на слабые трепыхания и попытки спихнуть или, хотя бы, оцарапать его. Не так и долго длилась борьба. Елина вцепилась ногтями в руку зажимающую рот и потянула со всей силы. За те доли секунды, что рот был свободен крикнуть толком она не успела. Дыханье было сильно сбито и крик не получился, скорее — невразумительное мычание. Этот ублюдок вдавил ей губы в рот, её же губы... Она даже не могла кусаться. Пришла странная мысль, что со сваргом он делал то же самое. Но она не сварг, она не справится. Паника все нарастала.

И вдруг все кончилось, на лицо пролилась вода и тело сверху обмякло...

В тусклом свете ночника Елина увидела аккуратно одетую и причесанную рейву Сарину, которая держала в руках тяжелую стеклянную вазу. Ветки краснолиста валялись у ее ног, а рейва, совершенно невозмутимо сказала:

— Думаю, нам лучше удалить эту пададь из комнаты.

Что бы не поднимать суматохи за рейвом Пирром Елина пошла сама. Рейва Сарина, дай ей Единый здоровья и счастья, связывала бесчувственному телу руки поясом от халата Елины. Умело связывала, надо сказать, предварительно намочив скользкий шелк и невинно

ПОЯСНИВ:

— Это, дорогая баронесса, что бы он не вырвался. На такой случай лучше носить халаты из шерсти.

Маркиза отнесли в его комнату, рану на голове Елина осмотрела — ничего серьезного. С удовольствием вырезав приличный клочок роскошных волос она промыла её, смазала мёдом и наложила повязку-шапочку.

За дверь маркиза остался дежурить солдат, у дверей Елины Пирр выставил караул. Прошли в кабинет.

Елина откупорила бутылку вишневого ликера и налила себе и рейве Сарине по хорошей порции. Её всё ещё потряхивало от отвращения. Рейв Пирр от спиртного отказался.

— Что теперь с ним делать? Как вы думаете, рейва Сарина?

— У вас, дорогая баронесса, есть два выхода. Вы можете приказать бросить его в темницу и просить помощи королевского правосудия. Думаю, мы сумеем доказать, что было покушение на честь дамы. Для него это обернется крупным штрафом в вашу пользу и изгнанием примерно на три-пять лет. Но, могут присудить и брак.

— В каком смысле — брак?

— Вас отдадут за него замуж, чтобы не страдала ваша репутация. Так иногда делают, а срок траура, который прикрывал вас от брака уже закончился. Их величества редко настаивают на браке в таких случаях, но я бы не стала исключать совсем такую возможность. Есть второй вариант, мы можем оставить все как есть, сообщив завтра маркизам Креп что наш гость напился и упал с лестницы, например.

— Рейв Пирр, что вы скажете?

— У меня возник вопрос, госпожа баронесса. Почему ваша дверь была не заперта? Это могут расценить как приглашение.

— Кстати, надо посмотреть, что там с дверью. Я совершенно точно помню, что крючок на дверь я накинула, когда проводила Люту из комнаты. Как тогда он попал ко мне?

Взяли настольную лампу, вышли из кабинета к спальне Елины. Рейв Пирр внимательно осмотрел крючок, абсолютно целый. Потом осветил дверной косяк.

— Вот, госпожа баронесса, смотрите. Он просто сунул нож или кинжал в щель между дверью и косяком. Скорее, все же — нож. Щель слишком тонкая для кинжала. Даже тут осталась пара небольших свежих царапин на дереве. Думаю, надежнее будет поменять простой крючок на засов.

Нужно было что-то решать. Елина металась. С одной стороны, прекрасно было бы избавиться от этой дряни на ближайшие пять лет. С другой стороны мысль, что он может отовратиться и заявить, что она сама его пригласила... Он был на малом семейном королевском ужине, как личный друг одного из принцев... Она даже не представляет, какого именно. Возможно он друг наследника, возможно принца Рейма? Её запросто могут отдать замуж за этого уроды... Так рисковать она не могла.

— Рейв Пирр, я хотела бы спросить у вас совета. Что бы вы сделали на моем месте?

— Госпожа, я не стал бы рисковать. Мы слишком мало знаем о нём. Это же его вы спасли от сварга? Если уж вы совсем не желаете брака — то стоит отнести в его комнату пустую бутылку из под хорошего вина и бокал. Пусть завтра маркиза ухаживает за страдальцем и увидит это. Ну перебрал уважаемый баронет и упал на лестнице. Бывает... Но я воспользовался бы услугами капрала. Может же свободный вояка с деньгами прогуляться по столице и навестить старых друзей? А заодно узнать, что и как с этим маркизом. Семейство

Шариз старинное и пользуется уважением короля. Он — наследник рода.

— Рейва Сарина, ваше мнение?

— Думаю, рейв Пирр прав во многом. Риск, определенно, есть. Но в любом случае, мы перестаем выходить в город без серьёзной охраны. Не пара солдат для солидности, а полноценное сопровождение. И закрываем на ночь ворота. Пожалуй, мы длительное время проявляли беспечность. Вы, госпожа баронесса, на брачном рынке — очень лакомый кусочек. Стекольная мастерская, фарфоровые украшения, прибыль от часов и обойной мастерской — и не замужем? Думаю, что баронет не последний. Конечно, не каждый будет вести себя как скотина, но попытки будут обязательно.

На том и порешили. Но была еще одна вещь, которая беспокоила Елину. Баронет знал, что она — крестьянка. Знал и король. Но если король будет молчать в память о друге, то этот мерзавец вполне способен ей нагадить. А становится просто горожанкой — сильно упасть в статусе. Например охрана горожанке не положена. Нет, она может, конечно, нанять пару телохранителей. Горожанка может нанять телохранителей в дорогу. Но содержать постоянно отряд охраны — не по чину. Да и вообще, проблем станет невообразимо больше. Проблемы с мастерскими и прочим. Надавить на незащищенную горожанку и отжать часть бизнеса — охотников много найдется. Статус — её защита от хамов, от жлобов, от многого...

Утро было наполнено вздохами и ахами маркизы.

Баронет бледный и молчаливый лежал в постели под присмотром горничной, слуги болтали, что гость так сильно упал с лестницы, что чуть не помер.

— Не стоило господину баронету пить столько — с сочувствием говорила Елина. — Да ещё и смешивать бренди и вино. Конечно, мне ничего не жалко для гостей, но вам, баронет, я прикажу больше не ставить вино в комнату. Кто бы мог подумать, что вы так неосторожны в употреблении спиртного.

Капрал Зим после долгого и шумного скандала с рейвом Пирром был с позором изгнан из замка за сон на посту. С собой капрал увозил приличную сумму в золоте на пьянки и гулянки с гвардейцами.

Гости пробыли в замке еще неделю, пока доктор не разрешил баронету вставать. Всё это время Елина, как заботливая хозяйка, дважды в день навещала баронета в сопровождении рейвы Сарины. Горничных меняли два раза в день, но в одиночестве баронета не оставляли даже ночью.

— Как можно, дорогой баронет? Как можно? А если вам станет плохо?

Через неделю баронету подегчало. Елина думала, что все же у него было легкое сотрясение. За это она с благодарностью вручила рейве Сарине более чем приличную сумму и очаровательные дамские часики.

Синяки под глазами почти сошли, голова уже не так кружилась и баронет, не поднимая глаз, простился с любезной хозяйкой.

Маркиза, вволю за это время наговорившаяся и узнавшая, все, что её интересовало в хозяйстве баронессы, простилась, приглашая обязательно посетить их замок. Маркиз увозил с собой с десятков рецептов, большая часть которых была десертами. Он вообще считал, что им очень повезло с такой замечательной соседкой.

Капрал Зим прибыл в город, остановился в хорошей таверне и приказав на вечер накрыть стол человек на десят отправился собирать друзей. И обязательно стоит пригласить Томпа. Вот уж Единый знает откуда, но всегда он в курсе всех новостей и сплетен. И тихоню

Чико стоит пригласить. Вояка он никудышный, прямо скажем, но работает писарем в нужном месте. А что мундир на нем сидит, как на козе аксельбанты, так это совсем и не важно.

После хорошей дружеской попойки голова трещала. Нет, оно, конечно весело и все такое... Но поотвык он за время службы в замке. Как-то вот уже и интереса такого нет. Более того, когда красавчик Куси предложил перекинуться в картишки — отказался. Ну его, от греха... Да и соблазна как то особого не было. Всё же сейчас служба, не в пример предыдущей. И кормят отлично, и относятся уважительно. А уж платят — так и вообще всем на зависть. Все же не мальчишка уже, шестьдесят с лишним годочков настучало. Пора бы уже думать, где осесть, да и семья не кажется такой уж обузой. женился бы тогда на соседке — сейчас бы сын уже старше баронета был. А баронет парень замечательный. Капрал не знал слова — "человечный", но это было именно то, что он думал.

Узнать кое-что нужное он смог. Но кроме этого узнал и кучу других городских новостей. Пожалуй, стоит отправить Пирру письмо, а самому пожить здесь еще недельку и кое-что уточнить. Не только про семейство Шариз. Вдруг и остальные сведения пригодятся?

Елина думала. Она думала всё время, что тратила на хозяйство, все свободное время и время отдыха. Крутила варианты в голове и не могла остановиться. Ну, вот не аналитик она ни разу... Пожалуй, стоит посоветоваться с рейвой Саринной. Дама явно гораздо лучше, чем Елина разбиралась в серьёзных вопросах.

— Рейва Сарина, что мне делать?

— Вы получили письмо от капрала?

— Да. Он остался еще на неделю в столице. А в письме пишет, что баронство Шарии последнее время несёт серьёзные убытки. Оно находится на северо-западе королевства и основной доход у них — торговые суда. Так вот из шести торговых кораблей они потеряли четыре. Конечно, в море все может быть, но год — достаточный срок, что бы хоть кто то из команды вернулся домой. Баронет пробовал ухаживать за мной и раньше, но тогда у меня был муж. Ещё капрал выяснил, что Джем Фиш служил при наследнике короны. Я с ним почти не знакома.

— Сейчас у вас нет мужа, а женитьба на богатой невесте для баронета весьма желательна. Баронет может обратиться к королю с просьбой. И эту просьбу могут удовлетворить. Госпожа баронесса, а почему бы вам не выйти замуж? Не обязательно за Джем Фиша. Но я уверена, что найти вам достойного мужа не так и сложно.

— Рейва Сарина, пожалуй, вам стоит узнать про меня еще одну вещь — я не дворянка. Баронесса я только по мужу.

— Интересно. Пожалуй, это немного опасно — в плане детей. Если вы решитесь выйти замуж за человека без титула — ваши дети не будут дворянами.

— Дорогая рейва, я, пока, вообще не хочу выходить замуж. Я считаю, что для замужества необходима хотя бы взаимная симпатия.

— Госпожа баронесса, сидя в замке, практически взаперти, вы никогда не найдете себе человека по сердцу. Я не говорю, что это совсем уж невозможно. Но замок вдали от торговых путей, вы не видите людей вашего уровня. Сколько лет вы собираетесь отсиживаться здесь? Позвольте совет?

— Да, конечно, и буду вам благодарна.

— Что вы знаете о личном дворянстве?

— Ничего...

— За особые заслуги перед государством их величество награждает таким титулом. Он, титул, может быть наследным или ненаследным. Но, в любом случае, это должен быть весомый вклад в расширение земель королевства, в торговлю или науку. Очень весомый. За всю историю королевства женщины получали такой титул только дважды. Вы не слышали о них? За выведение породы пауков. Знаменитая Куна Флит. Эта порода до сих пор используется для производства шелка. Она получила наследственное дворянство. Только вот детей у неё не было. И Илонга Гур, она была полукровка, отез из королевства, а мать из империи Шику. Она додумалась смешивать вытяжку из пещерного лишайника с отваром голубого кицу. И у нас появился свет — раньше пользовались свечами. Понимаете?

— Не очень...

— Баронесса, вы можете купить этот титул. Не просто за деньги, такое не продается. Но вот если, например, вы отдадите под патронаж государства вашу долю в часовой мастерской

— Думаю, это будет достойный повод. Естественно, сперва вам стоит поговорить с её величеством. Я слышала, что королева благоволит вам.

— Но мне принадлежит только тридцать процентов с прибыли мастерской.

— Я думаю, вам стоит обсудить это всё ещё и с опекуном баронета. Маркиз Пико весьма сведущ во всяких дворцовых интригах, возможно, он даст вам и более разумный совет, чем я. Государство может существенно расширить мастерские. Таких часов не делают ни в одной стране. Во всяком случае, я не слышала, что бы делали. Кстати, на двоих с баронетом у вас шестьдесят процентов, я правильно информирована?

— Да.

— Значит вы с баронетом вправе решать судьбу мастерской. Если вы отдадите эту идею государству, то баронет станет совладельцем вместе с государством. Это гораздо надежнее, чем, уж простите меня, иметь в компаньонах вас. Кстати, а кому принадлежат остальные сорок процентов?

— Десять принадлежат мастеру Люту, а тридцать поделено по одному-два процента между работниками.

— Какая необычная система! Никогда не слышала, что бы работникам давали процент. Ну, в любом случае, казначейство ведет дела честно. Никто не станет пятнать имя и слово короля. За такое можно и на плаху.

— Вы думаете, нам нужно ехать в столицу?

— Да, дорогая баронесса. Даже если вы не встретите там никого себе по душе, зато можно посоветоваться с её величеством и, хотя бы предварительно, решить вопрос с личным дворянством. А личное наследное дворянство вообще снимет с вас массу проблем. Это будет значить, что вы в праве купить себе земли и строить замок или дворец. Это стабильность и хорошие надежды на будущее для ваших детей.

— Благодарю вас, рейва Сарина. Ваши советы воистинну драгоценны для меня.

Ещё несколько дней Елина обдумывала слова рейвы. Доходов ей хватает более чем, она не тратит на жизнь даже двадцатой части. Имеет ли смысл просто копить деньги, или, всё же, обезопасить себя на все времена? В общем то, здесь и думать не о чем. В конце концов, она не планировала провести всю жизнь в одиночестве. Ей двадцать два года, еще несколько лет и она захочет детей. А о благополучии детей всегда лучше думать заранее. даже в той жизни она никогда не была сторонником теории о зайке и лужайке. Надо собираться и ехать в столицу. К тому же в ней сидел гаденький страх перед баронетом. Этот подонок способен на многое, так он хоть будет у неё на глазах. А кто знает, что случится, если он начнет интриговать за спиной? Пожалуй, не стоит, как страусу, прятать голову в песок.

Выехать сразу не получилось. Почтенная рейва Сарина категорически отказалась ехать верхом. Ну, раз уж всё равно заказывать карету, то возможно, мастер Лют тоже захочет себе дворянство? Он очень молод, у него вся жизнь впереди. А дворянство — это статус. Это важно.

— Мастер Лют, я собираюсь, после совета с опекуном барона Каргера, отдать свою долю королевству. Как вы к этому отнесетесь?

— Это очень почетно и доходно, сотрудничать с королевской казной, но не делаете ли вы ошибки? Наше с бароном изобретение — это очень, очень большие деньги. И чем дальше, тем больше.

— Мастер, я хочу предложить вам сделку. У меня есть идея, я хочу, что бы вы ее воплотили. Тогда, я думаю, стоит побеспокоиться и о дворянстве для вас.

— Госпожа баронесса! Вы думаете, это возможно? Даже не отдавая мою долю от часового производства?

— Да, думаю, мы с вами справимся, мастер. Возможно, дворянство будет не наследное, тут уж как повезет с переговорами. Но в любом случае такой бонус в начале жизненного пути — это хорошо. Я считаю, нам стоит обязательно подумать об этом. И обязательно — попробовать. В любом случае, вы ничего не потеряете. Не получится с дворянством — вы просто станете очень-очень богатым человеком. Получится — вы будете очень богатым дворянином.

Подготовительные работы заняли еще почти два месяца. Ну, может оно и к лучшему. Весной в дороге заодно и испытаем все. Но, придется опять брать с собой разъездной домик. Мало ли что...

Карета с рессорами вышла на славу. Елина не пожалела денег на оформление. Кроме обычного стекла в дверки вставили крошечные цветные стеклышки, внутри зеркала, мех и бархат. Подушки набиты конским волосом, откидной столик, на диванах можно полежать и даже спать. А главное — удалось встроить маленькую печку. В салоне кареты будет тепло даже в мороз. И ехать в ней было не в пример удобнее. Не было такой тряски, когда каждый камушек попой чувствуешь. Пожалуй, получится выбить дворянство и для мастера Люта. С сохранением у него его доли от часового производства.

Собирались основательно. Скорее всего в городе придется провести не один месяц. Поэтому путешествовали опять обозом. Кроме кареты, где ехали Елина и компаньонка, был домик с прислугой. Были телеги с товарами и консервами.

Елина точно не знала, когда приедет, поэтому в городской дом они нагрянули внезапно. Может оно и к лучшему. Доверяй, но проверяй!

К счастью, все было в полном порядке. Даже помощник поварихи был откормлен, доволен жизнью и ничего не украл. Забавный мальчишка. Рыжий, аж огненный, конопатый и очень деловитый. Ну, и слава Единому!

Мальчишки были просто счастливы. Забыв о правилах приличия хватали её за руки и тащили в разные стороны — каждому хотелось немедленно, прямо сию секунду, рассказать ей последние новости и показать всякие важные секреты. Чук и Гек носились кругами и так гулко лаяли, что пришел лакей от соседей — узнать, всё ли в порядке. Лер Терос пытался на ходу выяснить, не случилось ли плохого, что приехали без предупреждения, прислуга

носились, как угорелая, хотя, в целом, дом содержался в отличном порядке везде было чисто и комнаты протоплены.

Рейва Сарина была довольна дорогой. Это важно. Если она сможет рекомендовать королеве самой опробовать карету на рессорах — это дополнительный плюс.

Елина доступа в королевский дворец не имела, а вот рейва, на правах бывшей фрейлины, вполне могла написать письмо её величеству. Решили, что пару дней отдохнут с дороги, а потом рейва Сарина напишет.

Через три дня пришёл ответ от её величества. Елину и её компаньонку приглашали к королеве на чашку утренней кафы.

— Отлично, дорогая баронесса. Это значит, что мы будем единственными гостями. Будет возможность для беседы. Пока что нам не нужны лишние уши.

В подарок королеве Елина выбрала крошечные часики из золота с сапфирами. И к ним — чеканный золотой ремешок. Его заказывали отдельно ювелиру в Гарде. Прелесть ремешка была в том, что после изготовления пластин над ними поколдовал мастер Лют. И ремешок стал регулируемым. Можно было легко и просто убрать два или четыре деления браслета.

Беседа с королевой прошла отлично. Её величество обещала своё покровительство, но, безусловно, придется ещё общаться и с королем, и с министром финансов, и с казначеем... Это всё впереди. Но был момент, от которого у Елины забилося сердце.

На выходе из дворца она встретила идущего на королевскую аудиенцию графа Леграна. Он как будто стал старше. Возмужал. Стал крепче телом. Молодой мужчина, а не юноша. Они не виделись с королевского ужина. Так и осталась некая недосказанность, когда он позволил себе назвать ее по имени и тут же извинился за свою вольность... Но тогда у него не было вот этой тонкой морщинки.

— Госпожа баронесса, счастлив вас видеть!

Граф поцеловал ей руку и не отпускал. И забирать ей не хотелось. А пауза затягивалась...

Благо, рейва Сарина, как и всегда, отслеживала ситуацию. Эта молодежь — ну совсем дети несмышленные... Разве можно давать местным криссам такой повод для сплетен? Дети, просто дети...

— Простите, господин граф, мы спешим. Но, если вы зайдете к нам на чашку чая, допустим, завтра вечером, около шести, мы с удовольствием обменяемся с вами новостями.

— Дорогая рейва Сарина — граф вышел из ступора и снова превратился в галантного кавалера — дорогая рейва, я счастлив принять ваше предложение. Но уввы, я уже не — граф. Ко мне стоит обращаться так же, как и в момент знакомства с вами, госпожа баронесса — виконт Легран.

— Но что случилось? — заволновалась Елина.

— Завтра, дорогая, завтра вы всё узнаете. — Рейва Сарина неумолимо тянула Елину к ожидавшей их карете.

— Рейва Сарина, почему завтра, а не сегодня?

— Потому, дорогая баронесса, что так приличнее. Рядом с нами поднимался по ступенькам маркиз Купар, такой пожилой полный господин. Обратили внимание?

— Да нет, как-то не заметила.

— А зря, дорогая. Очень достойный человек и очень порядочный. А вот сопровождавший его дворцовый лакей — наверняка, как и многие слуги, состоит на дополнительном жаловании у кого-то из дворцовых же сплетников. Пожалуй, я погорячилась. Нужно было назначит встречу на той седмице.

— Рейва Сарина!

— Да-да, дорогая баронесса, демонстрировать свою радость столь публично — дать сплетникам повод утопить вас в грязи. Хотите? Вы — богатая молодая вдова. Как только поймут — на сколько богатая — за вами будут наблюдать ещё пристальней. Копаться в чужом грязном белье — любимое светское занятие. О, разумеется, внешне все будет очень благопристойно. Но шепотки за спиной и гнусные ухмылки местных ловеласов в лицо — это совсем не то, что нам нужно. Кроме того, вы обещали сразу по приезду домой отправить карету её величеству, для прогулки. Поэтому на запятках сидит гвардеец. Мужчины, милая моя девочка, тоже совсем не дураки посплетничать.

— Фу, какая гадость...

— Поймите, госпожа баронесса, я не просто так получаю своё жалование. Вы, конечно, можете уволить меня и взять другую даму, поговорчивее. Таких, кстати, при дворе вполне достаточно. Пара лишних золотых к зарплате, которые не разорят вас и будут вполне приятны ей, решат любые проблемы. Вот только кончиться такая "свобода" может весьма печально. Вам нужен наследный титул, а не сплетни вокруг вас... Они, разумеется, будут. Это — дворец, но вот о чём именно будут сплетничать — краёне важно для вас.

— Знаете, рейва Сарина, пожалуй, я лучше добавлю пару золотых к зарплате вам. Думаю, надо было сделать это давно.

— Благодарю, госпожа баронесса. И поверьте, меня не так радуют деньги, хотя это и приятное дополнение, как ваш ум. Мы все делаем ошибки, главное — во время остановиться.

Вечер после ужина Елина и рейва Сарина посвятили разбору записей капрала. Писал он много и бессистемно, просто куча листов бумаги с наборами разнообразных сведений и сплетен. Рейва опасалась, что какая то важная информация прошла мимо. Они уже читали эти записки, но вдруг что-то пропустили? Елине было откровенно скучно. Она почти не знала, о ком пишет капрал. Бесконечные сведения типа "женился, родился наследник, умер, разорился, дрались на дуэли, заработал" и прочее.

— Я знала! Я так и знала, что мы с вами что-то да пропустили!

Рейва подала Елине одну из записок с каракулями капрала. Елина перечитала: " Рейв такой-то женился на маркизе этакой, семья таких то судится из-за наследства с такой-то..." и прочее в том же духе. Она вопросительно подняла глаза на компаньонку.

— Маркиз Клайм Сули женился на на маркизе Корбе Бушан.

— И что это значит?

— Маркиза Бушан дочь министра финансов, дорогая, герцога Бушана.

— Все равно не понимаю...

— А вот маркиз Клайм Сули Шариз — двоюродный брат баронета Шариза. На сколько мне известно, у них достаточно дружеские отношения.

— У меня будут сложности с министром финансов? Я правильно поняла?

— Он честен с королем. Он не сделает ничего во вред государству и казне. Но вы то не король. Так что очень советую, внимательно слушать все его предложения. Когда объединяются два клана — это всегда взаимные уступки и помощь. Для своих. Будьте очень внимательны во время переговоров, госпожа баронесса.

— Рейва Сарина, прошу вас, давайте сделаем наше общение менее формальным. Для вас я — Елина.

— Хорошо, можете звать меня по имени. Но очень советую, неформальное обращение — только в кругу близких. Пока, во всяком случае. Договорились?

— Спасибо вам за ваши советы и заботу. Я очень вам благодарна, Сарина.

В дверь постучала Люта.

— Госпожа баронесса, прибыл королевский гвардеец, с письмом для вас. И пригнали карету. И гвардеец ждет ответа.

Королева писала, что благодарна за замечательную прогулку в карете. Второе письмо было из королевской канцелярии. Баронессу Елину Каргер приглашали на аудиенцию к его величеству завтра в два часа пополудни.

— То есть, вы со мной не пойдёте?

— Нет, Елина, приглашение только для вас. Я провожу вас во дворец и останусь ждать в карете. Не волнуйтесь, дорогая. Я верю, что всё у вас получится.

Началось...

С самого утра, сразу после завтрака, дамы отправились к маркизу Пико.

В его согласии Елина не сомневалась, но обговорить это, всё же, было нужно. Зря она так расслабилась после приезда в город. Стоило навестить маркиза и посоветоваться на следующий день по приезду.

Как и ожидалось, маркиз не возражал, чтобы доля Елины перешла государству. Более того...

— Дорогая баронесса, признаюсь, мне станет гораздо спокойнее на душе. Все же барона Каргера, увы, уже нет с нами, да согреет его Единый, а вы слишком беззащитны. Мне будет гораздо спокойнее иметь в совладельцах государство. Так что моё разрешение у вас есть. Я только не понимаю, почему вы решили отказаться от своей доли?

Елина несколько растерялась. Маркиз не выглядел дворцовым сплетником, но и объяснять ему всё совершенно не хотелось. Кто знает, как он отнесётся к "простой" крови Елины? Не на столько хорошо она его знает.

— Дорогой маркиз, это я посоветовала баронессе. Я считаю, что незамужней даме неприлично самой заниматься делами. Нет, конечно домашнее хозяйство, или, допустим красивый сад — это прекрасно. Но занимать красивую женщину управлением мастерской — совершенно не правильно. А тут такое дело, сложное, непонятно... Там всякие странные железки... Пусть у мужчин голова болит!

И рейва наивно похлопала глазками...

Маркиз поцеловал руки рейве Сорине. Обе, по очереди. И глядя прямо в глаза, смеясь, заявил:

— Дорогая рейва, если бы я владел каким нибудь симпатичным королевством, я поставил бы вас — королём. И спокойно ушел бы заниматься охотой, балами и играть с придворными в в дори-донг. При этом, я уверен, что это королевство немедленно стало бы самым процветающим. Не хотите говорить — Единый с вами...

— Маркиз, я не хочу говорить, но и врать ВАМ не хочу.

Рейва выделила голосом слово "вам" и улыбнулась.

— Ах, дорогая Сарина, вы знаете, что я вполне счастлив в браке, но если бы не маркиза — я утащил бы вас в храм Единого немедленно! Вы потрясающая женщина!

— А вы, маркиз, все такой же сердцеед!

Передав привет очаровательной маркизе Пико и её красавице дочери рейва Сарина увела Елину.

— У нас еще несколько часов до визита во дворец, Елина, думаю, лучше провести их дома. День у вас сегодня будет тяжелый.

К двум часам Елина была во дворце. Рейва Сарина осталась ожидать её в карете. Встречавший Елину лакей провёл ее не в приёмную, двери которой охраняли два красавца-гвардейца, а мимо, немного дальше и за поворот. Здесь он распахнул самую обычную дверь — немного резьбы и позолоты, но без гербов и кивком предложил Елине пройти.

Приёмная. Почти самая обычная. Высокая конторка, за которой сидит пухловатый молодой человек. Несколько кресел для посетителей, все пустые. Предложив Елине кресло молодой человек, имени которого она так и не успела узнать, прошел в кабинет. Вышел оттуда не скоро, с пачкой бумаг в роскошной кожанной папке и, придерживав дверь, кивнув

головой в направлении кабинета, показал, что её ждут.

Его величество сидел за столом в кресле, самом обычном, не парадном. В кабинете вообще не было ничего парадного. Немного бумаг на столе перед ним — король работал. Застекленные шкафы со свитками и стопками. Набор для письма на столе — перья, чернильница. Достаточно простой, без камней и золота. Теплый ковер на полу с бледными цветами. Елина склонилась в поклоне.

— Садитесь, баронесса.

— Благодарю, ваше величество.

— Её величество обратилась ко мне с просьбой. Я склонен рассмотреть её. Но, покажите, что именно вы предлагаете.

Из элегантного бархатного ридикюля Елина вынула небольшую плоскую коробочку.

— Вот, ваше величество. Это часы. Они, пока, не идеально точны, и их нужно заводить раз в сутки, но больше таких маленьких не делают нигде. Это предмет роскоши, и хотя они не слишком дешевы в производстве, цена на изделие намного больше, чем стоимость работы. Особенно, если делать партиями. Чем больше партия, тем дешевле выходит производство одного экземпляра.

Король с любопытством рассматривал содержимое коробочки. Елина сложила три разных по дизайну, но одинаковых по наполнению корпуса экземпляра и, отдельно, совсем крошечные дамские часики. На всех было защитное стекло и по две стрелки. Одни часы были выложены без корпуса. Так, чтобы видно было работающий механизм.

— Интересно. Думаю, это прилично пополнит казну. Более того, такая тонкая и сложная работа обязательно должна быть под патронажем государства. Я склонен дать вам наследное дворянство. Но, разумеется, вам придется пообщаться и обсудить все с казначеем и финансистом. Думаю, министр финансов выделит для этого дела хорошего специалиста. Завтра, скажем, после обеда, часов в пять, приезжайте сюда с маркизом Пико, он будет представлять интересы юного барона и третьим совладельцем доли.

— Ваше величество, я с благодарностью передам дело под патронаж государства, но третий совладелец, мастер Лют, он не дворянин. Его допустят к вам? И он владеет только десятью процентами. Еще тридцать процентов разделены по одному-два между мастерами.

— Какой странный способ оплаты — отдавать мастерам проценты. Приводите своего мастера, баронесса, его пропустят.

— Ваше величество...

— Что то ещё, баронесса?

— Да, ваше величество. Мастер Лют сделал для моей кареты рессоры. Это такие приспособления, с помощью которых сильно смягчается тряска. Их можно ставить и на грузовые телеги. Часы — хрупкая вещь и не любят тряску. Возможно, это его изобретение так же заслужит небольшого поощрения от вашего величества?

— Тем более, приводите сюда вашего гения. Мне уже даже любопытно на него взглянуть.

Елина поклонилась.

В карете Елину дожидалась рейва Сарина.

— Как всё прошло, дорогая?

Порывшись в ридикюле Сарина вытащила крошечную серебряную фляжку. Совсем малютка, грамм на пятьдесят.

— Вот, дорогая, сделайте глоток, на вас лица нет.

Коньяк. Крепкий, мягкий вкус и богатое послевкусие. Да, самое то, что нужно.

— Пока не знаю. Его величество отнесся благосклонно, но нужен еще визит завтра — мы будем обсуждать вопросы с казначеем и человеком из министерства финансов. Меня и мастера Люта ждут к пяти вечера.

— Сейчас приедем домой, обед и небольшой отдых. Сегодня у вас, Елина, еще визит виконта Леграна. Кстати, в записках капрала я ничего не нашла, почему Легран снова виконт, а не граф, как положено. Ну, капрал не всемогущи не всеведущ. Он и так собрал все сплетни, которые смог. Надеюсь, виконт расскажет об этом сам.

Мальчишки виконту обрадовались. Сидели, пили чай, мальчики хвастались успехами в учебе. И, заодно, поглощали сладости без ограничения — лер Терос на их счастье простыл и отсиживался в комнате с компрессом на груди. Ну, конечно, кое о чём умалчивали, не без того.

Гантей скромно забыл рассказать про злыдня преподавателя шику, который гоняет его и всегда придирается просто так, вот честное слово, просто так! Учишь-учишь, а он — придирается! Санчо не стал рассказывать о подложенных в стол учителя криссах, которых сообразительные ученики предварительно напоили коньяком и сонных засунули в ящик стола. Зато сколько веселья было, когда похмельные зверюшки начали выскакивать из открытого во время урока ящика! Восторг! И маленький опрос в конце урока пришлось перенести. Тоже хорошо. Послушать их, так не дети, а прямо жрецы Единого, скромные и воспитанные.

Чук и Гек вспомнили Леграна сразу. Каждый солидно подал лапу, никаких нежностей, но во время чаепития старались держаться рядом. Вдруг он что-то уронит со стола? Ну, виконт пару раз и ронял.

Наконец мальчишки ушли делать уроки, рейва Сарина незаметно перебралась в угол, в любимое кресло и занялась вышивкой очередной подушки.

— Виконт Легран, теперь вы мне расскажите, что случилось и почему вы не граф?

— Боюсь, это сложно будет объяснить, госпожа баронесса. Но я попробую. Я никогда не был наследником и никогда не был близок с отцом. Все силы и всё время он тратил на старшего брата, а мы с Сором были на втором или даже третьем плане.

— Сор ваш брат?

— Да, госпожа баронесса, мой брат. Мы родились одновременно, но я на несколько минут раньше. Если бы мы были первыми — я был бы наследником. Кто знает, как бы тогда сложились наши отношения? А так — нам нечего было делить и мы стали друзьями. Мы совершенно не похожи внешне. Он светловолосый, пошел в отца. А я — в мамину родню.

Когда я принял титул по праву старшинства, вместе с титулом я принял и обязательство жениться на Эльге Жиро, маркизе Берузо. Договор между семьями был подписан еще до нашего рождения. Наследник рода Легран женится на Эльге. За ней в приданное идут земли пограничные с графством. Я честно пытался наладить с ней отношения. Наверное, она не плохой человек. Но она вызывала у меня только раздражение. Для меня всё в ней было не так. А траур кончался, день бракосочетания становился ближе и ближе. Но я понимал, что испорчу жизнь не только себе, но и ей. Поймите меня, пожалуйста. Договорные браки совсем не редкость. Это усиливает род, объединяет семьи. Но... Я готов был выплатить компенсацию роду Бериз. Но её отец стоял на смерти — или брак, или, совершенно непомерная сумма и огромный кусок земель. Это сказалось бы на всей семье. У меня есть еще и сестра. Так я тоже не мог поступить. Я переговорил с Сором и мы обратились с прошением к королю. Месяц назад была свадьба графа Леграна из рода Кальбек и маркизы Жиро из рода Берузо. А я даже не знаю, что теперь делать. Сор подарил мне небольшой кусок земли, там есть старый замок, почти заброшенный и четыре маленькие деревни. Этот кусок земли лежит так неудобно, что им толком и не занимались. На службу я возвращаться не буду, скорее всего, поеду в свою глухомань. Замок и земли нуждаются в управлении,

сейчас на доходы с моих земель трудно прожить. Брат снабдил меня деньгами, я буду восстанавливать хозяйство. Да и сам я за время службы скопил немного денег.

— Вы скоро уедете, виконт? — сердце билось часто-часто... С того момента, как на королевском ужине Фиш сказал, что у Леграна есть невеста, Елина запрещала себе даже думать о нём. Она ценила его надёжность, его порядочность. Она знала, что нравится ему — любая женщина всегда знает, есть ли та самая, пресловутая искра... Она помнила, как он добил сварга и как он спас её на балу от местных акул. Но думать себе о нём она запрещала. Всегда. Слишком неожиданной была сейчас эта новость, что Рауль свободен.

— Да, госпожа баронесса. Я скоро уеду. Но перед отъездом я хочу обратиться с прошением к его величеству. Я хочу получить его разрешение на брак с вами. Но только в том случае, если вы сами согласитесь на этот брак. Что вы мне скажете, Елина?

— Дорогой виконт — неожиданно вмешалась рейва Сарина. — Дорогой виконт, возможно, не стоит требовать ответ немедленно?

Признаться, и Елина и Рауль просто забыли, что в комнате с ними есть еще кто-то.

Их обоих несколько смутило, что беседу, достаточно личную, слышала рейва. С другой стороны, рейва была так деликатна, что дала им возможность побеседовать. Да и они не позволили себе ничего лишнего... Но легкая неловкость все равно появилась.

— Я думаю, виконт, вам стоит подать прошение на разрешение о браке. Но пообещайте, что вы не будете торопиться. Разрешение — еще не брак. Баронесса Каргер лакомый кусочек для всевозможных альфонсов. И согласие короля на брак с вами уберезет её от неприятностей. А у вас, доргие мои, будет время получше познакомиться и узнать друг друга.

— Рейва Сарина, я благодарен вам за ваш совет. И, в любом другом, случае я непременно воспользовался бы им. Но я люблю баронессу с первого дня, как увидел её. Я готов вызвать на дуэль, рейва Сарина, любого, на кого вы укажете, считая, что он мешает счастью госпожи баронессы. Даже если мне она ответит — нет. Но её ответ я хочу сейчас!

— Называйте меня Елиной, Рауль...

— Это — да?

— Это — да!

— Думаю, сейчас самое время выпить по чашке чая. Пока ты провожала виконта, я попросила Люту накрыть стол. Будешь?

— Да, от чая я не откажусь. Сегодня был довольно сложный день.

— Но ты со всем справилась. Ты молодец, девочка.

— Сарина, почему ты пыталась отговорить Рауля?

— Ну, если бы попытка отговорить его всё же удалась — я бы тебе посоветовала очень серьёзно подумать, стоит ли затевать этот брак. Я не так уж хорошо знаю виконта. Когда я была фрейлиной, он был ребенком и еще не служил. Мы сталкивались несколько раз при дворе, когда я уже была замужем. Однажды он очень выручил меня на балу и я относилась к нему с симпатией. Но близко знакомы мы не были. Ты стала мне дорога, Елина. Я боюсь за тебя. Брак — это не всегда просто. Надеюсь, у вас всё сложится. Спокойной ночи, девочка.

— Спокойно, Сарина.

Дни неслись какой-то безумной чехардой. Визиты во дворец сменялись затишьем, потом снова требовалось присутствие Елины. Иногда удавалось выбрать время и они втроём гуляли в королевском саду. Сарина деликатно отставала от молодых людей на несколько шагов. Рауль и Елина много говорили, обсуждали будущее, иногда молчали, старались выбирать безлюдные аллеи. А вокруг бушевала весна, деревья стояли в цвету, в саду возобновили работу фонтаны, тихо раскачивались от легкого ветерка "стеклянные звёзды". С того вечера, как Елина устроила сюрприз королеве, их количество только возросло.

— Завтра тебе опять во дворец?

— Да, завтра подпишем документы и думаю, на этом — всё. Я буду свободна и получу свою грамоту. Скоро каникулы у мальчиков. Мы поедем в Приморское, к Морне. Ты поедешь с нами?

— Конечно, но расскажи мне, чем кончились ваши переговоры? Я не самый опытный хозяин, честно скажу. Пора начинать учиться.

— Моя доля переходит государству. Совладельцами останутся Санчо, у него тридцать процентов, и мастер Лют — у него десять. Он получает дворянство, пока ненаследное. Доли крестьян, точнее, тех учеников, что обучал Лют, государство выкупит. Дело в том, что мастерские собираются переводить в столицу, и государство будет вкладывать деньги в развитие и расширение. А ученики... Многие из них почти дети, не всем есть даже двадцать лет. У них нет денег на расширение дела. Они получают очень солидные откупные. Ну, и кроме того, при увеличении производства они неизбежно становятся мастерами — у них будут свои ученики. Это значит питание и проживание за счет государства и, плюс к этому, очень солидная зарплата. Я настояла, чтобы зарплату обозначили в документах в процентах. С ростом предприятия у них и зарплата будет расти. Так что всё уже решено.

— Мне даже странно, но похоже, что ты гораздо лучшая хозяйка, чем я — хозяин. Я буду учиться и разберусь со всеми проблемами, но, Еля, очень надеюсь, что ты поможешь мне советами.

— Конечно. Поверь, ничего страшного во владении замком нет. Мы со всем справимся.

Была одна вещь, которая мучала Елину. Она не знала, как рассказать Раулю о своем попаданстве. И стоит ли вообще? Всё же там, в той жизни, она была старухой. Не будет ли ему неприятно? Как вообще он отнесётся к такому? Не сочтёт ли её сумасшедшей? Не

сказать, что эти размышления занимали все ее мысли, но...

Сегодня последний визит во дворец — подписать документы и — свобода! Можно собираться в поездку с мальчиками. Сарина, разумеется, едет с ними. Придется брать разъездной домик, у Морны просто не найти место для такого количества людей.

— Госпожа баронесса, его величество ожидает вас! Входите.

В этот раз встреча была в парадной приёмной. Его величество, казначей, граф Шалон, крепкий ещё и энергичный мужчина, и, вместо близорукого рейва Кроуса, старшего служащего министерства финансов присутствовал лично герцог Бушан. Ну, это вполне объяснимо. Документы готовят офисные работники, а подписывает начальство. Но что-то мешало Елине чувствовать себя свободно. Герцога Бушана она видела и раньше, но мельком. И его неподвижный, какой-то рыбий взгляд, сильно действовал ей на нервы.

"Ну что он так рассматривает меня? Я же, в конце концов, не алмазное кольцо, что бы так на меня глазеть! А ещё герцог! А манеры как у деревенского оборота!"

С ней вместе пришли мастер Лют и маркиз Пико, как опекун барона Санчо Каргера.

Секретарь зачитал документы. Елина слушала очень внимательно. Все суммы, все сроки и нюансы были обговорены заранее. Все уточнения внесены.

Первой свою подпись на всех экземплярах поставил мастер Лют, затем маркиз Пико, она, следом документ поднесли графу Шалону, потом герцогу Бушану и последний, как бы заверяя все их подписи — расписался его величество и заверил документы своей личной печатью. Все экземпляры взял секретарь и на каждом поставил государственную печать.

Король лично передал ей наградную грамоту — пергамент, королевские печати, очень солидный свиток.

Почти такой же свиток получил в руки мастер Лют. Даже ненаследное дворянство в его юном возрасте — большое достижение.

Казалось бы всё, но тут герцог Бушан обратился к королю.

— Ваше величество, не кажется ли вам, что негоже такой молодой даме самой управлять фарфоровой мастерской, обойным магазином и прочим? Я думаю, что в наших силах, в благодарность за услуги короне, подобрать баронессе хорошего мужа. Думаю, мой племянник, баронет Шариз — достойная кандидатура. Шаризы — старинная и уважаемая семья, достаточно богатая и Джем вполне сможет взять на себя заботы об имуществе баронессы.

Было видно, что король слегка растерялся. Ему явно было неприятно отказывать герцогу.

— Герцог, я уже получил прошение о браке с баронессой от виконта Леграна.

— Но вы, ваше величество, еще не ответили на него?

— Нет, еще нет.

— В таком случае, я сегодня же пришлю вам прошение от имени баронета. Я думаю, это гораздо более выгодная партия для баронессы. Виконт, как мы все знаем, отказался от наследства и права первородства. А баронет, со временем, станет полноправным бароном. Кроме того, сомневаюсь, что финансово брак с виконтом выгоден баронессе. Мы, ваше величество, должны думать об укреплении дворянства.

Елина видела, что король колеблется. Спаси Единый, но если он сейчас пообещает отдать её замуж за Фиша... Он же не откажется потом от своих слов. Что же делать?

— Ваше величество, вы позволите?

— Говорите, баронесса.

— Я понимаю заботу герцога Бушана и благодарна ему, но я слышала, что семейство Шариз из шести кораблей потеряло четыре. И о четырех пропавших кораблях вестей нет больше года. Море опасно. Мне бы не хотелось, чтобы мои доходы шли на восстановление семейного дела баронов Шариз. Какой мне смысл выходить за мужчину, которого я спасала от сварга? Он не умеет защитить даже себя. Ваше величество, я покорнейше прошу вас удовлетворить просьбу виконта Леграна. Виконт не склонен глупо рисковать жизнью и сможет позаботиться обо мне. Кроме того, брат выделил ему старый замок Бокей и приличную сумму денег на восстановление окрестных деревень. Земля мне гораздо ближе, чем море.

Герцог не сводил с Елины рыбьего взгляда. Его величество явно был в затруднении.

— Ступайте, баронесса. Мы подумаем и сообщим вам свое решение через три дня.

Слава Единому, в карете ждала Сарина.

— Сарина, Бушан просил моей руки для своего племянника.

— Сиди в карете и никуда не уходи.

Рейва Сарина вышла из кареты, о чем то говорила с лакеем на дворцовой лестнице.

Прошла во дворец.

Елина ждала. Долго. Или так казалось...

Наконец рейва вернулась.

— Я отправила записку королеве с просьбой повидаться. Осталось только молить Единого, чтобы она не отложила встречу на седмицу. Я написала, что у моей подопечной проблемы. Возможно, она найдет время на беседу. Поехали домой, мы сделали что могли.

— Сарина, я не выйду замуж за Фиша. Он мне противен настолько, что я предпочту работать при храме. До тридцати лет долго, но я выдержу.

— Не горячись. Возможно, всё еще обойдется.

Вечером королевский гвардеец принес приглашение от её величества на утреннюю кафу.

— Сарина, что я должна сказать королеве? Ты же лучше её знаешь.

— Чистую правду, Еля. Не стоит врать.

Разговор с королевой оставил у Елины двойственное впечатление. С одной стороны её внимательно выслушали. Рейва Сарина подтвердила её слова. С другой — никаких обещаний королева не давала. Просто сказала:

— Ступайте, дамы, я посмотрю, что можно сделать. И сегодня вечером приходите к малому ужину. Приглашения вам пришлют.

Ну на кой черт мне этот ужин? — металась Елина. — С другой стороны — это возможность поговорить с королём. Ну, если выдастся удобный случай. А если нет?

— Елина, возьми себя в руки. Ты молода, но не глупа. От твоих метаний ничего не изменится. Лучше пойди и постарайся отдохнуть. Вечером, возможно, будет совсем не просто.

Вечером и в самом деле было не просто. На ужине присутствовал Джем Фиш. Легран не пригласили. Вроде бы всё логично — он не служит больше при дворе. Знать бы ещё, кто

пригласил Фиша. Может, король всё уже решил? За столом Фиш сидел наискосок от неё. Слава Единому, ей не нужно было разговаривать с ним. После ужина сидели в гостиной, играли в настольные игры, пили вино и ликёры. Елина нервничала. Сарина неотлучно была рядом. Дождалась — Фиш закончил партию в дори-донг и уступил место за столом фрейлине. Елина спинным мозгом чувствовала — сейчас он подойдет.

— Баронесса, позвольте вашу ручку. Я так давно не видел вас, а вы всё хорошеете и хорошеете...

Он смотрел на неё с улыбкой победителя. Он точно знал, что никогда она не выйдет из воли короля. Ну, детка, ты проиграла — смирись!

Даже кролик загнанный в угол будет кусаться. А Елина вовсе не была кроликом. Она не задумывала этот демарш заранее. Так получилось. Но когда она начала говорить, она уже точно знала — случись что, она пойдет до конца.

— Баронет, хотите, я расскажу вам ваше будущее?

— Баронесса? Откуда вы знаете будущее баронета? — его величество подошел незаметно.

Сарина сжала её руку, предупреждая не горячиться.

— Ваше величество, если баронет просто напрашивается на него, то оно обязательно произойдет, это будущее.

— Ну, дорогая леди, расскажите нам. Даже мне стало интересно.

— Я баронесса Елина Каргер, именем Единого клянусь, что в случае, если мне будет угрожать брак с баронетом Шаризом, отдам всё своё имущество храму Единого и останусь там до тридцати лет.

— Смело, баронесса... Весьма смело! — но это ваша судьба и ваш выбор, а не баронета. — Король нахмурился.

— А дальше, ваше величество, я выйду из храма. И сделаю себе состояние. Большое. И разорю семью Шариз. Даже если мне для этого понадобится еще лет двадцать. У меня достаточно времени. На каждый их корабль я куплю два своих. И буду привозить товары дешевле. Но, в отличии от меня, у семейства Шариз морская торговля — основной источник дохода. Я интересовалась этим. У них слишком бедные земли. А у меня основной доход будет другой. Я уже сделала себе состояние один раз, я сделаю его снова. Так что ни меня, ни мои деньги баронет не получит. Никак.

Король нахмурился. Эта девчонка говорила не слишком приятные вещи. И не смешные. Сделает она состояние себе или нет, это только Единому известно. Но он обещал Глену позаботится о ней, а то, что она собирается сделать — как-то мало похоже на заботу. И ведь виноватым в глазах всех будет он. Чем же ей так Фиш не угодил-то? На него вешались дамы с такой интенсивностью, что это красавчик иногда не помнил, с кем провел ночь. Сплетен по дворцу гуляет достаточно. Но и публично противиться королевской воле... Что-то здесь явно не то. Пожалуй, стоит обсудить это с женой.

— Баронесса, а вы не боитесь спорить с королем?

— А я не спорю с королём, ваше величество. Я не нарушу ни один королевский закон. Любая девица знатного рода имеет право дожить до совершеннолетия работая в храме. Я буду не первая и не последняя.

— Так то девица знатного рода, мадам, а то — крестьянка — Шариз ухмыльнулся. — Я то прекрасно знаю, в какой дыре вы жили до того, как охмурили барона Каргера.

— Баронет, замолчите. Моей волей за заслуги перед государством баронесса Елина

Каргер получила наследное дворянство.

И вот тут Елина сочла нужным упасть в обморок.

Ехали домой молча. Наконец Сарина вздохнула и сказала:

— У меня была мысль, огреть тебя вазой по голове. Слава Единому, что ты догадалась упасть в обморок.

Нельзя дергать сварга за усы. Кстати, думаю, что её величество тоже поняла, что ты в сознании. Актриса из тебя не очень...

— А король?

— Король — мужчина. Всякие дамские хитрости и тонкости он не слишком привык замечать. А ты ещё от злости и побледнела. Он поверил. Но ты очень рисковала. Ставить королю условие — это безумие.

— Сарина, я не условие ставила. Я обозначила границы. Понимаешь, я не могу заставить короля, но могу убедить. При том раскладе, который я описала, Фишу не достанется ничего.

— Если вдруг... Ты действительно уйдешь на восемь лет служить при храме?

— Конечно.

— Не думала, что ты так влюблена в Рауля.

— Влюблена, Сарина, но не так. Наши отношения только начались, хотя внимание я на него обратила сразу же, еще когда он улыбался, глядя на свинью.

— На что глядя?

— На свинью.

Елина засмеялась. Это были приятные воспоминания, а легкий разговор снимал напряжение. Ну, не пить же каждый раз коньяк. С такой жизнью и не заметишь, как сопьешься.

— Расскажешь?

— Да там нечего рассказывать особенно, но, когда я выходила замуж за Глена, моя мачеха, она замечательная, но она — крестьянка. Так вот, она принесла в храм Единого в дар огромную свинью. Её везли к храму связаной и на отдельной телеге. По меркам Морны это показатель "богатой" свадьбы. Это было смешно... Я помню, как улыбался Рауль глядя на бедную хрюшку. Представляешь? Свадьба барона и свинья! Фиш так брезгливо морщился. А Рауль — улыбался.

Ничто так не помогает от плохого настроения, как хороший здоровый смех до слез.

— Невероятно! — Сарина хихикала и никак не могла остановиться. — А как к свинью воспринял барон?

— Глен был мудрым человеком и ему нравилась Морина, он относился к ней с уважением. Он сделал вид, что все идет как надо. Хотя, наверное, ему это было не очень легко. Свинья возмущалась и визжала!

И они обе опять покатались со смеху.

Ожидать решения бездействуя было очень сложно. Елина пыталась придумывать себе занятия.

Поговорила с Санчо о его будущем. Там всё было ожидаемо — военная служба при дворе, в королевской гвардии. Возможно, что ему повезет и он попадет в курьерский полк. Не хотелось бы стоять декоративным болванчиком на охране покоев. Если нет, то попросится на границу с Саранданом. Там всегда есть какие-то стычки и есть, чему учиться.

В восторге от этих планов Елина не была. Военные действия, пусть даже и не считаются войной — всегда опасно и непредсказуемо. Но разговоры с бароном давно убедили её, что каждый должен прожить свою жизнь. Нельзя держать мужчину у юбки вечно. В конце концов это их решение, Санчо и барона. Повспоминали деда. Санчо рассказал забавную историю о том, как его перевозили через границу в костюме крестьянской девчонки.

— Представляешь, Елина, и тут этот чертов парик с меня просто свалился. Если бы солдаты оглянулись — нас бы сразу схватили...

Взялась проверять шiku у Гантея, и, с удивлением выяснила, что он знает язык лучше, чем она. Его представление о будущем было — море.

— Знаешь, Еля, даже если не хватит денег купить корабль, всё равно я пойду в море. После Академии меня могут взять вторым помощником на судно.

— Хватит, не переживай. Просто я считаю, что первые несколько рейсов тебе стоит послужить вторым помощником капитана. Просто набраться опыта. Учеба и жизнь, всё же, немного разное. Или мы сможем нанять тебе опытного помощника. Давай так, ближе к окончанию Академии ты сам решишь. Впереди ещё много лет учебы.

Подумала было испечь торт, но была решительно выпровожена с кухни возмущенной фру Ларт, которая сказала:

— Глупости какие, я ведь не вчера к плите-то встала, уж пара десятков рецептов у меня есть. Вот выбирайте, какой хотите, я и сготовлю. Мало ли, что я раньше не умела, дак это когда было-то? Сколько лет назад? А сейчас идите-ка, баронесса с кухни, сама я тут разберусь.

Елина даже немного рассердилась. Но потом придумала, чем занять время. И, заодно уж, утереть фру Ларт нос. А нечего гонять баронесс с кухни. Может у неё барский каприз!

Она засела за чертеж мясорубки. Стоит подумать, что с ней делать. Заняться производством или изготовить несколько штук и забыть? Можно было бы колбасную организовать. Здесь делали аналог колбас, но набивать кишки приходилось порубленным вручную мясом. Ближе всего это было к вареной ветчине. Возится с колбасной? Опять искать управляющего? Рекламу как-то делать? Может просто взять патент и наладить выпуск? И сдавать мясорубки в аренду. А что? И хлопот меньше будет. Ага, только сперва придется убедить трактирщиков, что им нужно арендовать мясорубки. Ладно, это можно и потом решить, а пока стоит просто сделать одну на пробу. На своей-то кухне такая штука не помешает.

Утро началось с визита маркиза Пико.

Елина велела подать чай в гостиную и, отправив Сарину любезничать с маркизом пошла переодеться. Перед этим она играла с Чуком и Геком и эти обормоты ухитрились порвать платье на самом видном месте.

Когда она вошла в гостиную, то сразу поняла, что маркиз привез не самые радужные новости. Чай стоял нетронутый. Они что-то бурно обсуждали с Сариной, но стоило ей войти — замолчали. Неужели король решил её выдать за Фиша?

— Присядь, Елина. Вот, возьми чай и...

— Сарина, господин маркиз, не нужно ходить кругами. Что случилось?

Сарина и маркиз переглянулись.

— Елина, понимаешь...

— Что случилось?!

— Баронет Фиш ранен, виконт Легран взят под стражу. У него легкая рана, ничего

серьезного. А вот Фишу повезло меньше.

— Как это случилось?

— Дуэль, баронесса. И король очень сердит.

— Что можно сделать для виконта?

— Боюсь, дорогая баронесса, ничего. Он под арестом, в одной из гостевых комнат дворца, к нему не пройти. Но хорошо уже то, что не в дворцовой тюрьме. Мне жаль, что я принес вам плохие вести.

— Нет-нет, маркиз, я очень благодарна вам. Мы могли бы и вообще ничего не узнать.

День Елина и Сарина провели в разъездах и попытках хоть что-то узнать. Были во дворце, но записку королеве передать не получилось. Незнакомый дежурный и новые лакеи просто отказались брать, посоветовав отнести прошение в канцелярию. Там принимают все документы и просьбы. Они там сами решат, передавать записку или нет. Съездили к нескольким знакомым Сарины. Куча сплетен, но точно никто ничего не знал.

Вечером за ней приехали. Личный секретарь короля, тот самый полноватый юноша из приемной.

— Маркиз Дево — представился он. — Король желает побеседовать с вами, мадам.

В придворное платье Елина переделалась с рекордной скоростью. Сарина помогла заправить волосы в сетку с жемчугом — возится с прической совсем некогда.

— Госпожа баронесса, оденьте это — маркиз протянул ей простой шелковый плащ с капюшоном. — И накиньте, пожалуйста, капюшон.

Карета без гербов подъехала не к парадному входу, а к какому-то боковому. Долго шли длинными коридорами. Мимо ходили слуги, но все старательно делали вид, что не видят маркиза и его спутницу.

Мысли у Елины были не самые радужные. Зачем такая скрытность? Что такое произошло, что нужно её прятать от людей?

— Садитесь, баронесса. — Сам король не сидел, а ходил по кабинету с кубком вина.

Елина села. Пауза затягивалась. Елине уже стало казаться, что король забыл про неё.

— Скажите, баронесса, что было у вас с баронетом Фишем? Он был гостем в вашем замке? Он ваш любовник?

— Нет, ваше величество. В гостях у меня были маркиз и маркиза Креп. Они были приглашены. Джем Фиш приехал с ними, но без приглашения, как родственник маркиза. Ночью он попытался изнасиловать меня, но рейва Сарина оглушила его вазой.

— Мне всегда нравилась Сарина. Из всех фрейлин, пожалуй, самая разумная. Баронет утверждал, что посетил вас по приглашению, что ваша связь тянется давно. Говорил он завуалированно, но поняли его именно так. Легран стал зачинщиком ссоры. Официально дуэли еще не запрещены... Пожалуй, это удобный случай наложить запрет. Что мне делать с вами, баронесса? Стоит выпустить Леграна и он побежит добивать Шариза.

— Пусть баронет приведет хоть одно доказательство нашей связи. Ваше величество, невозможна связь с женщиной без некоторых знаний. Где у меня на теле родинки или шрамы, какие цветы и драгоценности я люблю, пусть предъявит хоть одну мою записку. Я не говорю — свидетеля, человека можно подкупить. Но что это за связь, которая длится не один год и при этом нет даже записки?

— Вы уверены, баронесса, что не пойдете замуж за Шариза? Это было бы вполне удобно, герцог Бушан был бы доволен.

— Благодарю за предложение, ваше величество, но служба при храме кажется мне

гораздо соблазнительнее, чем этот брак.

— Я обещал Глену позаботится о вас. Он был редким человеком, честно служил короне много лет... Он был моим другом. Даже канцлер и тот не устоял перед интригами Сарандана. Мне очень не хватает Глена, очень... Возле трона всегда мало честных людей... Скажите, баронесса, а откуда у крестьянской девочки такие знания? Мастика эта ваша, обои... Да и говорят крестьянки несколько иначе.

— Ваше величество, если вы знаете о приключениях барона, то должны знать и то, что он подрабатывал учителем. Он лично учил меня писать и читать. А мастика — я однажды случайно высыпала слишком много крахмала и получила густую массу, почти такую, как мастика. Это был вишневый кисель, ваше высочество. Очень красивый цвет — и я попробовала лепить. Ну, первый раз ничего не получилось, но я добавляла разные вещества и появилась мастика. Всё просто.

— Ах, ну да... Он говорил что то такое...

— Ваше величество, прошу вас, не принуждайте меня к браку с баронетом.

— Единый с вами, баронесса. Я что, так похож на приспешников Тёмного, не к ночи будь помянут? Мне очень не хочется верить вам... Очень...

— Почему, ваше величество? Я говорю чистую правду, которую, к тому же, можно легко проверить.

— Вот поэтому и не хочется. Ваша правда, баронесса, говорит о том, что умный мальчик Джем Фиш, который рос у меня на глазах, дружит с наследным принцем Труво и является любимым племянником герцога Бушана — вырос редкостным подонком. У власти, баронесса, не бывает людей с абсолютно чистыми руками, но всему есть границы. Я могу закрыть глаза на мелкие грехи, но не на такую жадность и гниль. Сегодня он собрался поживится за счет молоденькой женщины, обобрав и оговорив её, а завтра полезет в казну или начнет приторговывать государственными тайнами. Браки на деньгах не редкость, да... Но добровольные. Одна сторона — имя и древность рода, вторая — деньги. Но принуждать к браку клеветой — как то уж совсем мерзко. Здесь, во дворце, много соблазнов...

Король по прежнему расхаживал по кабинету. Сегодня он казался значительно старше. Елина сидела молча и ждала решения.

— Скажите, баронесса. Глен говорил, что без него, без хозяйского догляда, проворовался управляющий. И что вы лично ездили по деревням и отвозили продукты и составляли списки, организовали помощь и никто не голодал?

— Да, ваше величество. А потом наш новый управляющий ездил уже сам. Я только занималась снабжением обозов.

Король как-то грустно покивал головой...

— Пойдемте, баронесса...

Шли пустыми коридорами, довольно долго. Елина ничего не спрашивала. Надеяться она боялась... Ну, даже если отведут в храм, прослужит там восемь лет, что уж теперь... И действительно, пришли в маленький дворцовый храм. Их ждали.

Три жреца, королева и Легран. Выглядел он не лучшим образом. Неряшливая щетина, мятый костюм. Его величество махнул жрецам рукой:

— Начинайте.

Пели жрецы, горели свечи, теплая рука Рауля поддерживала Елину. Кольца подарила им королева. Два золотых перстня с гравировкой — пчела на золотом фоне. Она и король расписались, как свидетели. Его величество приложил личную печать.

— Это свадебный подарок, от меня и его величества. Возьмите, граф Легран. Это ваш новый герб.

— Ваше величество! Но...

— Возьмите. Это документы на ваши новые земли. К вашему замку Берис присоединяются земли вымершего рода Сидо. Те, что за рекой. Я не отдам их на растерзание семиюродным племянникам. Там, вместе с вашим виконтством, достаточно места, что бы появилось новое графство. Надеюсь, вы, как глава рода, озаботитесь появлением наследников. Достойных наследников, граф. Вам графиня, я желаю счастья. Всё, что я мог сделать для Глена — я сделал, да согреть его Единый в своих ладонях.

Много лет спустя

После завтрака все разбежались по делам, одна Елина не стала торопиться. Маленький ежедневный ритуал. В семье знали, что ей после завтрака нужно немного одиночества.

По лестнице Елина вышла в комнату на самом верхнем этаже одной из башен. Когда они только приехали и обустроивали замок, именно здесь она решила сделать себе рабочий кабинет. Комната была не самая удобная и не самая большая, но отсюда открывался потрясающе красивый вид. Особенно, когда прорубили второе окно, на противоположной стороне от первого. Поставили двойное остекление. Выгнали холод и сырость из старых стен.

День за днем она наблюдала, как растёт и меняется городок за окнами. Над планом города они работали вдвоем с Раулем и много спорили. То, что получилось в результате, согревало ей душу. Кроме того, сегодня она ждала в гости мальчиков. Вчера прискакал гонец. Их она тоже увидит первая.

Площадь за воротами замка была немного наклонной и Елина сделала ее террасами. Всю площадь обрамляли цветущие сейчас плодовые деревья. Большая часть уже дает урожай по осени. Это общий городской праздник — день урожая. В этот день люди идут за фруктами с большими корзинами, семьями, с детьми, часто выводят стариков. Нет, не работать, а просто посидеть с другими стариками на солнышке. Ставились легкие раскладные столики, скамейки. Выносилось угощение с графской кухни. Это был большой праздник и графские повара с помощниками работали как каторжные всю ночь, что бы утром выставить на столы сотни вкуснейших пирогов. И обязательно часть из них с яблоками и грушами. И то и другое теперь не редкость на зимних столах горожан. Елина долго выбирала деревья, от которого будет прививать свои дички. Но, надо сказать, выбрала удачно. Плоды прекрасно хранились в погребах почти всю зиму.

С мощеной площади выходила широкая дорога, такая широкая, что разъезжались, не мешая друг другу, две кареты. Она так же засажена по краям плодовыми деревьями. Вела дорога в другой конец города и упиралась в большой рынок. Большую часть года пользовались только третьей частью рынка, но будет осень и приедут затовариваться купцы. Шерсть и скот. Почти десять лет ушло на создание овец, которые давали тонкую белоснежную шерсть. Их, овец, не так и много — вокруг смешанные земли. И под пастбища отделена только часть графских земель. Поэтому шерсть продают-покупают только с аукциона. Она уже прославилась, как лучшая в королевстве. А тонкорунная овца стоит дороже коровы.

Разноплановое хозяйство гораздо надежнее. Графство полностью обеспечивает себя мясом, шерстью, молоком, мёдом и фруктами, овощами и хлебом, рыбой. Завозят в город

шелк и сахар, разные диковинки из других стран. Стекланные изделия из графства неизменно пользуются хорошим спросом. За ними тоже приезжают издалека. Часто по реке подходят суда и грузят ящики со стеклом. Это на продажу в другие страны. У самого графа уже четыре корабля. Елина не производит у себя стекланные звезды. Как ни странно, эта безделушка по прежнему пользуется большим спросом и баронство Каргер получает со звезд отличную прибыль. Но в графстве выдувают прекрасные бокалы цветного стекла. И вазы. И Сарандан, и империя Шику покупают не торгуясь.

Все торговцы знают, что графиня собирает редкие интересные растения и книги. А еще из графства везут разные интересные вещи. Спрос на мясорубки не утихает до сих пор, хотя их выпуск — первое, что наладил граф Легран из рода Карсо. Карсо на древнем наречии означает — пчела. И герб графа украшен золотой пчелой. Золотой и черный цвета пчелы говорят о том, что графу благоволит королевская семья.

Второе окно башни выходило в сад и сверху Елине виден был сказочной красоты цветущий ковер. Там все хорошо. Под неусыпным вниманием фрома Кири каждая травинка растет на нужном месте.

Она вернулась к первому окну. Во дворе замка шел бой. "Сверкали" деревянные шпаги и раздавались громкие крики:

— Сдавайся, ужасный дракон! Я тебя все равно победю! Побегу!

Елина улыбнулась — мальчишки... Старший, тот, который "ужасный дракон" — Мар, уже подросток, пятнадцать лет, Лер Терос очень доволен его успехами. Виконт хорошо говорит на трех языках. Немного грустно, но в этом году он отправится в Военную Академию. Это — его решение. Кажется, мальчик пойдет в спецслужбы. Не слишком Елину радовало такое решение, но у него несомненно, аналитический склад ума и обостренное чувство справедливости. Возможно, посмотрев немного на внутреннюю работу спецслужб он откажется от идеи разведки и станет просто аналитиком при штабе. Дети растут слишком быстро. А "рыцарь", воюющий с ужасным драконом — Глен, ему почти пять лет. Большой любитель возится в саду и наблюдать за пчелами. Даст Единый — будет у нас свой Мичурин.

Прежняя жизнь иногда казалась Елине просто сном и вспоминалась с немного печальной улыбкой. Но особенно-то предаваться печали было некогда. Шестилетняя Ирэн, слабость и любовь Рауля — не давала скучать никому. На той седмице она собралась идти на войну с Саранданом и сбежала от няньки и Сарины. Начиталась сказок про боевые подвиги барона Каргера. Этими книгами её снабжал Санчо. Вышел уже третий том "Военные истории", сборник, где были записаны воспоминания ветеранов Саранданской битвы и очередная посылка от барона привела к печальным последствиям. Нашли беглянку только поздно ночью. Сарина чуть с ума не сошла во время поиска и лично отшлёпала свою воспитанницу, наплевав на все правила приличия. Елина пообещала добавить. Даже отец, который до этого спускал Иришке все шкоды не поддержал её в этот раз. С горя, что "её никто не понимает и не любит", виконтесса решила заняться кузнечным ремеслом. Да, виконтесса-кузнец — это звучит сильно! Елина не стала возражать, понимая, что на долго любви к мясорубкам девочка не выдержит. Но может стоит попробовать обучить её ювелирному мастерству? Кто знает, что пригодится в жизни, а рисует она очень хорошо.

Во дворе, под окнами шум — приехали! Елина сбежала по лестнице. Как они выросли, её дорогие мальчишки!

— Капитан Гант Фуру к вашим услугам, графиня!

— Барон Санчо Каргер, лейтенант курьерской службы его величества прибыл в ваше распоряжение!

Слезы счастья и смех, теплые объятия родных и визг обрадовавшихся детей, Ирэна виснет на шее Санчо, а Сарина гладит Чука и Гека, они уже стареют, но всё так же требуют любви и вкусняшек.

Торжественный обед торжественно провалился. Говорили все и обо всем сразу. Гант только вернулся из первого самостоятельного плавания. Он, конечно, ходил несколько раз вторым помощником, но теперь то он был капитаном. На своем собственном судне. И рейс в Сарандан оставил незабываемые впечатления. Обсуждали перспективы по службе Санчо, дети наперебой рассказывали про свои приключения и хвастались успехами. О побеге на несуществующую, слава Единому, войну пока все промолчали. Будет еще время виконтессе Ирэне получить дополнительные выговоры от обожаемых дядей.

Гант привез письмо от Морны — близнецы с отличием закончили сельскоую школу. Осенью поедут учиться в город. И Морна очень хочет девочку, может в эту беременность Единый и даст дочку.

Сидели за столом так долго, что слуги накрыли ужин прямо при них. А разговоры все не кончались... Наконец старый замок начал затихать...

— Иногда я думаю, Рауль, что если бы не ряд случайностей, моя жизнь могла бы сложиться совсем по другому. Я не узнала бы Глена и Санчо, сидела бы в своем Приморском и лепила бы безделушки из фарфора.

— Знаешь, солнце моё, ты не права. Все наши встречи в руках Единого, но ты не сидела бы под крылом Морины в любом случае. Ты слишком деятельная натура.

— Да, но мы могли бы не встретиться с тобой...

— Нет, не могли. Рано или поздно мы нашли бы друг друга. Это то, во что я свято верю. Нельзя пройти мимо своей души. Скажи мне это снова. Я знаю, что слышал много раз, не слышать это — всегда счастье.

— Я люблю тебя, Рауль.

— Это значит — да?

— Это значит — да!

Больше книг на сайте - Knigoed.net